

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ИММАНУИЛА КАНТА

HONORIS CAUSA

Сборник научных статей,
посвященный 70-летию профессора
Виктора Владимировича Сергеева

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

Ответственный редактор
И. О. Дементьев

Рецензенты

А. Б. Давидсон, д-р ист. наук, проф., академик РАН,
президент Ассоциации британских исследований, директор Центра африканских
исследований (Институт всеобщей истории РАН, Москва);
Ю. В. Кривошеев, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического
регионоведения (Санкт Петербургский государственный университет);
Л. Штайндорфф, д-р истории, проф.,
зав. кафедрой истории Восточной и Юго-Восточной Европы
(Университет им. Христиана Альбрехта, Киль, Германия)

Н 77 Honoris causa : сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора
Виктора Владимировича Сергеева / сост. и отв. ред. И. О. Дементьев ; Балтий-
ский федеральный ун-т им. И. Канта. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 336 с.
ISBN 978-5-4469-0868-4

Сборник научных статей — подарок коллег и учеников доктору исторических наук, профессору БФУ им. И. Канта Виктору Владимировичу Сергееву. Статьи российских и зарубежных ученых посвящены широкому спектру сюжетов, близких научным интересам юбиляра — известного исследователя истории Великобритании, международных отношений, Восточной Пруссии и Калининградской области, специалиста по историографии.

Адресован всем, кто интересуется современным состоянием исторической науки, различными проблемами всеобщей и отечественной истории.

УДК 930.9(08)
ББК 63.1

ISBN 978-5-4469-0868-4

9 785446 908684

© БФУ им. И. Канта, 2016

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА СЕРГЕЕВА

Этот сборник издан в честь известного российского историка — профессора, доктора исторических наук Виктора Владимировича Сергеева. Окончив в 1970 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета, он посвятил свою трудовую жизнь науке и образованию. В 1973 г. состоялась защита кандидатской диссертации, в 1988 г. — докторской; в 1982 г. В. В. Сергеев стал доцентом, в 1991-м — профессором. Придя на работу в Калининградский государственный университет в 1978 г., он в течение многих лет руководил кафедрой всеобщей (зарубежной) истории, в 1987—1994 гг. был деканом исторического факультета, а в 2012—2016 гг. заведовал объединенной кафедрой истории в Институте гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

С именем Виктора Владимировича неразрывно связана история развития высшего исторического образования в Калининграде. Будучи выпускником ленинградской исторической школы, он привнес лучшие традиции советской гуманитарной науки в жизнь университета самой западной российской области. Перемены периода Перестройки, ревизия прошлого в 1990-х гг., становление исторического образования в контексте реформы высшей школы начала XXI века — в своей работе на фоне этих процессов В. В. Сергеев старался и старается сочетать уважение к достижениям предшественников и открытость новациям.

Один из любимых учеников выдающегося ученого Кирилла Борисовича Виноградова, Виктор Владимирович состоялся как признанный российский специалист по британской истории. Уделяя большое внимание прошлому региона, ставшего для него второй родиной, В. В. Сергеев постоянно публикует материалы по истории Восточной Пруссии и Калининградской области. В сфере его профессиональных интересов входят также проблемы военной истории, международных отношений, межкультурного диалога, историографии всеобщей и региональной истории... За десятилетия преподавания в университете Виктор Владимирович воспитал многих специалистов, которые сегодня плодотворно работают в высшей и средней школе, музеях, архивах и средствах массовой информации, органах управления образованием и культурой. Результаты научного творчества В. В. Сергеева — публикации, список которых приводится в конце настоящего издания. В их числе — монография по проблеме роли Англии в объединении Германии, и сегодня востребованная специалистами по истории международных отношений.

Своим многолетним добросовестным трудом Виктор Владимирович Сергеев показывает пример уважительного отношения к коллегам по цеху, бережного обращения с историческими фактами, творческого подхода к решению научных проблем, заботы о передаче лучших традиций российских исторической науки следующим поколениям.

Авторы сборника, выпускаемого в родном городе юбиляра, представили в своих статьях широкий спектр сюжетов, близких научным интересам профессора В. В. Сергеева, по истории Великобритании (I), Нового и Новейшего времени (II), международных отношений (III), Восточной Пруссии и Калининградской области (IV), а также историографии и методологии истории (V).

Коллеги и ученики поздравляют Виктора Владимировича Сергеева с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

Раздел I
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В XVIII—XXI ВЕКАХ

el

Новации в парламентской практике Британии XVIII столетия

Проанализирована роль новаций в истории британского парламента на протяжении «долгого» XVIII в. Особое внимание уделено процессам, происходившим в обществе: зарождению требования радикальной реформы парламента и публикации парламентских материалов.

Ключевые слова: британский парламента, XVIII в., новации, публикация парламентских материалов.

В последние десятилетия XX в. наблюдалось существенное изменение в проблематике отечественных исследований, в том числе в изучении широкого круга проблем колониальной, интеллектуальной, отчасти также политической истории Британии. Однако парламента, борьба партий и другие сюжеты государственно-политической истории на протяжении всего XVIII столетия все еще остаются вне поля зрения российских историков. Эти темы и по сей день подробно освещены лишь в двух трудах: дореволюционной «Истории Великобритании» М. М. Ковалевского [5] и советской работе К. Н. Татариновой «Очерки по истории Англии 1640—1815 гг.» [7].

В «Очерках истории Англии» представлена негативная оценка правления «аристократии и финансовой олигархии», блок которых совершил переворот, вошедший в историю под названием «Славная революция». Дальнейшее развитие государственно-политической сферы было предопределено содержанием этого «реакционного» блока. Для М. М. Ковалевского XVIII в. — это время, когда в Британии шло развитие парламентской практики и старое здание наполнялось новым содержанием, а именно — принципами парламентаризма. Подобные оценки присущи зарубежной либеральной и консервативной историографии. Неизбежно встает вопрос, какие тенденции характеризуют историю парламента в XVIII столетии: консервация или развитие? В какой мере эта история стала предтечей развития парламентаризма в последующем веке?

В силу особенностей протекавших в государственно-политической сфере процессов далее пойдет речь о так называемом долгом XVIII в. Его хронологическими границами стали Славная революция 1688—1689 гг. и окончание наполеоновских войн в 1815 г. Поскольку не представляется возможным охватить все события политической истории означенного периода в небольшой статье, уместно рассмотреть лишь наиболее значимые проявления новаций.

Славная революция 1688—1689 гг. стала важным государственно-политическим событием. Основываясь на хронологии, ее можно охарактеризовать как дворцовый переворот, когда Вильгельм Оранский, племянник и одновременно зять правившего Якова II, прибыл в Англию во главе войска. Король с семьей бежал во Францию, а парламента вынес компромиссное решение о передаче престола законной наследнице, которой он считал дочь Якова Марию, и ее супругу. Однако вмешательство парламента в вопрос о престолонаследии (главным образом, выработанный им же Билль о правах) обозначило черты нового

государственного устройства Англии. В Билле, являвшемся, по сути, актом конституционного характера, разграничены законодательная и исполнительная ветви власти. Первая переходила в ведение парламента, сохранявшего при этом функции высшего судебного органа королевства.

Между тем Билль о правах не внес новаций в парламентскую практику, а традиции сохранили свое значение. Структура, ритуалы и процедуры функционирования парламента остались неизменными: открытие и закрытие сессий, активное и пассивное избирательное право, механизм законотворческой деятельности, права и привилегии депутатского корпуса и т.д.

Мария и Вильгельм согласились придерживаться условий парламента и подписались под Биллем о правах. Следует отметить, что прерогативы монарха как главы исполнительной власти оставались весьма широкими, поэтому дальнейшее развитие новой системы зависело от его личности, от степени его готовности придерживаться положений Билля о правах.

Занявший британский престол Вильгельм III Оранский одновременно сохранил за собой пост верховного главнокомандующего Соединенных провинций, вынужденных защищаться от притязаний Франции. Ситуация на континенте обусловила характер правления и политическую линию монарха, его заинтересованность в поступлении средств на ведение войны в Европе и диалоге с парламентом в самой Британии. Правление Вильгельма III отмечено регулярностью сессий: они проходили ежегодно. Ход военных действий влиял на ритм работы парламента: сессии начинаются поздней осенью или ранней зимой, завершаются ранней весной, что утвердилось в последующие десятилетия. Среди наиболее важных новаций следует отметить заложенную Вильгельмом практику посланий к парламенту при открытии и закрытии сессий. Поначалу в них содержался обзор хода военных действий, впоследствии добавились характеристика ситуации в Британии и круга предполагаемых законопроектов, а также формирование первого однопартийного кабинета (что исключало раздоры в исполнительной власти¹) и, наконец, определение порядка престолонаследия, утвержденного парламентом. Таким образом, в первые годы после осуществления Славной революции в силу субъективных обстоятельств произошло закрепление и дальнейшее развитие нового государственно-политического режима — конституционной монархии, обозначились черты парламентаризма².

Однако в дальнейшем, в годы правления Анны и Георга I, парламент изменил ценз пассивного избирательного права, который теперь предусматривал обязательное владение землей для кандидатов, и увеличил срок полномочий нижней палаты с трех до семи лет. Именно эти законы, серьезно ограничив доступ среднего класса во власть, закрепили верховенство аристократии. Архаичное избирательное право, подкуп, коррупция и патронаж, длительное пребывание вигов у власти создали условия для усиления зависимости нижней палаты от верхней, привилегированной палаты. Тем не менее найденные в личных ар-

¹ Впоследствии в кризисной обстановке формировался коалиционный кабинет из представителей различных партийных группировок. Подробнее см.: [4].

² Парламентаризм предполагает не просто разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в государстве, но и формирование сложной системы их взаимодействия и взаимовлияния.

хивах документы [11] позволили исследовать взаимоотношения палат и установить, что эта зависимость была не столь велика, как считалось прежде. Но однородный социальный состав обеих палат привел к тому, что к середине века парламента превратился, по словам современников, в дворянский клуб, или, по словам исследователей, в корпорацию аристократии, сквайров и джентри.

Между тем элементы парламентаризма получили дальнейшее развитие в функционировании неконституционного органа исполнительной власти — кабинета министров. Лишь к концу века, когда во власть пришел У. Питт-младший, депутатский корпус и общество признали авторитет первого министра. С самого начала в своей деятельности он должен был опираться на значительную группировку сторонников. Именно они обеспечивали поддержку его инициативам. Однако наличие политических сторонников в нижней палате обуславливалось, с одной стороны, давлением на избирателя (что облегчало упомянутое выше архаичное избирательное право), с другой — поддержкой монарха. Тем самым элементы парламентаризма нивелировались.

В правление Георга I были заложены новые традиции: король из-за незнания английского языка перестал посещать заседания кабинета. Это означало незначительное сокращение прерогатив монарха и усиление кабинета, на протяжении столетия постепенно шла выработка принципов политической ответственности как кабинета в целом, так и отдельных министров.

Но влияние монарха на решения кабинета и деятельность парламента по традиции сохранялись. Если Георг I и Георг II в большей мере доверяли министрам, то годы правления Георга III продемонстрировали широкие возможности давления короля как на парламента, так и на кабинет министров.

Георг III стал первым представителем Ганноверского дома, который родился на британской земле и знал английский язык. С раннего детства он жил в атмосфере вражды окружения его отца с вигами, а взойдя на трон, мечтал покончить со злом, которое принесло их правление: коррупцией, патронажем, воровством и т.д. Его стремление быть «хорошим» правителем проявилось в заключении династического брака вопреки личной склонности, в скромном быту королевского дворца. А главное — в желании находиться в курсе дел, которое он проявлял в повседневном внимании к ходу и результатам выборов, расстановке сил в парламенте, прениям и прохождению законов. Он был инициатором преследования Дж. Уилкса, начала и продолжения войны с американскими колонистами, что вынуждало кабинет и общины действовать в соответствии с его волей. Открыто выступил против Ост-Индского билля Ч. Дж. Фокса [2, с. 133—165; 6].

Тем не менее к концу столетия парламента превратился в центр политической жизни. К причинам этого следует отнести прежде всего болезнь Георга III, которая привела к усилению кабинета и сокращению влияния двора; изменение имиджа монархии [12], усложнение ведения государственных дел и т.д.

Таким образом, в истории британского парламента на протяжении всего XVIII в. наблюдается развитие и закрепление различных, противоречивых тенденций, которые не позволяют однозначно трактовать эту историю ни как неизменно позитивное движение, ни как консервацию аристократического правления и сохранение роли традиций.

Развитие парламентской практики, усиление реализации новаций, а также формирование принципов парламентаризма не представляются столь

однозначными, какими их видел М. М. Ковалевский. Исследователь определил вектор развития, но его темпы и конечные результаты в политических реалиях XVIII в. выглядели туманно. Вместе с тем нельзя отрицать, что серьезными тормозящими факторами оставались политическое и социально-экономическое влияние крупного землевладения и значимость традиций в политической и повседневной жизни. При этом следует подчеркнуть, что новации отнюдь не всегда носили позитивный характер, как, например, изменение ценза пассивного избирательного права или удлинение сроков полномочий парламента.

Дальнейшее государственно-политическое развитие обусловило существенные, если не определяющие, опосредованно взаимосвязанные факторы, истоки которых находились вне стен парламента.

Первый фактор — требование изменения системы представительства. О необходимости преобразования архаичного избирательного права заговорили еще в XVII в. А уже в следующем столетии этот вопрос неоднократно поднимался в стенах парламента. Однако речь шла о частичных переменах, будь то ликвидация наиболее мелких избирательных округов или сокращение сроков полномочий парламента (см., напр.: [13, р. 322—325; 3, с. 285—286]). Но и эти предложения неизменно отвергал депутатский корпус. Кардинальное решение проблемы сформулировала радикальная мысль и поддержало радикальное движение.

Второй фактор — это усиление внимания со стороны общества к деятельности и решениям парламента, которое привело к утверждению публичности прений.

Интерес к новостям был обусловлен рядом причин. Среди них наиболее весомую роль играли участие Британии в войнах на европейском континенте, расширение заморских владений, возрастание торговых и финансовых операций, деловой активности. Однако ход обсуждения законопроектов и вотирования налогов был скрыт от избирателей и общества. Хотя велся журнал заседаний обеих палат, порой возникала возможность для отдельных персон посещать заседания, публикация законов осуществлялась после окончания сессии. На протяжении сессии краткая информация о прениях сообщалась с разрешения спикера. Несоблюдение запретов пресекалось властями, издателей ждали судебное преследование, высокие штрафы и тюремное заключение.

Но уже в правление Вильгельма III зародилась, а к середине XVIII в. утвердилась практика публикации произнесенных речей ораторами в форме памфлетов. Парламентарии шли на этот шаг из стремления продемонстрировать свою позицию перед избирателями, заявить о собственном взгляде по какому-либо спорному вопросу, просто обнародовать удачно составленную речь.

С 1731 г. Эдуард Кейв приступил к изданию ежемесячного «Журнала джентльмена» (*The Gentleman's Magazine*), который был предназначен издателем для освещения новостей и размещения комментариев на любую тему. Если сначала публиковалась информация лишь об открытии или закрытии сессии, то с 1732 г. появились более подробные сведения о парламентских дебатах, носившие завуалированный характер. Стремясь избежать наказания за обнародование прений, Кейв озаглавил эти материалы, как «Ведение дел в нижнем зале Общества Робин Гуда» и «Прения сената Лилипутии», а фамилии ораторов обозначались несколькими буквами. Эти уловки могли обмануть лишь неосведомленного читателя, но позволяли обойти ограничения.

Среди первых «корреспондентов» непродолжительное время был будущий литератор Сэмюэль Джонсон. Его отчеты не всегда воспроизводили произнесенные речи точно и полностью. Скорее, он описывал то, что ораторы хотели, по его мнению, или могли бы сказать [10, vol. 1, p. ix]. Избранная издателем стратегия освещения широкого круга вопросов, а также парламентских прений способствовала большой популярности журнала. К середине XVIII в. явственно обозначилась, а затем и заметно возросла потребность общества в информации о действиях властей. По словам Дж. Стокдейла, подготовившего издание всех парламентских публикаций Джонсона, «люди, которые выбрали своих представителей в парламент и высказали им свои требования, имели право знать, что они говорят (в палате. — М. А.)» [10, vol. 1, p. ix].

Однако власти следили за прессой и жестко преследовали за нарушение запретов. Наиболее известным случаем наказания «преступника» стало «дело» Джона Уилкса. Будучи членом парламента, в 1762 г. он основал при поддержке оппозиционных вигов газету «Северный британец» (*North Briton*). В 45-м номере Уилкс подверг критике кабинет за подготовленную министрами тронную речь короля. Георг III расценил выпад журналиста как критику своей персоны и повелел арестовать редактора издания и автора статьи. Несмотря на личную неприкосновенность, Уилкса отправили в тюрьму, а номер газеты конфисковали. Действия властей вызвали возмущение в обществе и спровоцировали движение в поддержку журналиста под лозунгом «Уилкс и свобода» (см. подробнее: [13, р. 10—18]). Только в конце шестидесятых годов Уилкс был оправдан, а в 1774 г. избран лорд-мэром столицы и вновь стал членом парламента.

Ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях парламента и прессы, переломил политический кризис. Он был связан с обсуждением в нижней палате вопроса о Фолклендских островах в 1770 г. Эти острова считались владением Испании, но испанцы не основались на этой территории. В 1764 г. на одном из них британцы создали поселение. В феврале 1770 г. испанские корабли вынудили их покинуть остров. В конце осени в Лондоне разразилась политическая буря. Некоторые оппозиционные политики утверждали, что подорваны национальные интересы и престиж страны. Конвенция о мирном урегулировании конфликта стала предметом острого обсуждения в парламенте в январе 1771 г. Виги попытались воспользоваться шансом для смещения главы кабинета лорда Норта. В этих целях они привлекли прессу, вызвав своим шагом гнев правящей элиты. Король считал разгоравшийся конфликт удобным поводом для расправы с газетчиками. Однако издатели не являлись на суд парламента, укрывшись в Сити [13, vol. 17, p. 71, 72, 74]. В обществе попытка судебного преследования издателей была воспринята как удар по свободе слова и правам граждан. Появились критические статьи, где обсуждались действия палаты и кабинета министров³. Городские власти Лондона выступили на стороне издателей. И тогда в марте 1771 г. по распоряжению правительства были арестованы лорд-мэр столицы Кросби и олдермен Оливер, что свидетельствовало о поражении власти в конфликте с издателями.

Узники вышли на свободу лишь после окончания сессии парламента. Их встречал весь городской совет и многочисленные жители Лондона, превратившие это

³ Попытка привлечь издателей к ответственности также не увенчалась успехом [13, р. 75—77].

событие в яркую демонстрацию своих чувств. Ее дополнили салют, иллюминация и разбитые окна в домах лордов, наиболее активно выступавших на стороне правительства. Те же действия толпы сопровождали освобождение из тюрьмы Дж. Уилкса до того, а также Ф. Бердета позднее [1, с. 77—96]. Итак, городские жители были осведомлены о позиции наиболее заметных членов обеих палат по всем важным вопросам. И здесь можно высказать весьма обоснованное предположение, что наряду с другими источниками информация население столицы получало сведения от домашних слуг. Они были в курсе жизни хозяев, нередко меняли место работы и вполне могли обсуждать их дела с друзьями и соседями, распространяя сведения о парламентских дискуссиях.

Так, с начала 1770-х гг. право прессы печатать полностью стенограммы прений палат не оспаривалось парламентом, однако и официально не было закреплено законом. И со следующей сессии редакторы лондонских газет начали посылать в парламент своих корреспондентов, которые вели записи дебатов. Расположившихся в галерее Вестминстера журналистов в насмешку прозвали «четвертой властью», так как монарх, палата лордов и палата общин издавна в Англии рассматривались как олицетворение трех ветвей верховной власти королевства (кстати сказать, власть прессы политики признали уже на рубеже 1820—1830-х гг., когда прозвище утратило ироничный смысл). Поздно вечером, а то и ночью материалы поступали в типографии, и утром можно было прочесть о прошедшем накануне заседании. Обычно отчеты содержали ошибки и неточности, так как журналисты не всегда успевали записать выступление оратора, в шуме голосов что-то могли и не расслышать или пропустить. Тем не менее лондонские репортажи перепечатывались провинциальными газетами. По подсчетам исследователей истории прессы Британии, во второй половине XVIII в. за пределами Лондона ежегодно издавалось от 33 до 35 газет, а общий тираж столичных и провинциальных газет превысил 11 млн экземпляров [8, р. 265]. На рубеже 1770—1780-х гг. публикация газет начала приносить ощутимую прибыль издателям. В столице в среднем она колебалась от 1,5 до 2 тыс. фунтов стерлингов, а в восьмидесятые годы достигала 10 тыс. фунтов стерлингов в год. И это было побудительным мотивом для дальнейшего увеличения числа газет. Так, новости распространялись по стране, становились предметом обсуждения в кафе, клубах, домах [2, с. 79—82]⁴. А прибыль издателей стала важным показателем потребности общества в них.

Семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. можно назвать временем журнального бума. Началось издание журналов, специально предназначенных для подробной публикации прений по поводу наиболее значимых законопроектов, при этом кратко они освещались и в журналах неполитического характера вплоть до чисто литературных изданий.

Помимо прессы отчеты о парламентских дискуссиях появились и в книжном формате. В 1742—1743 гг. издавалась «История и ведение дел палаты общин от Реставрации до настоящего времени» в 14 томах [9]. Издатель и составитель Ричард Чандлер подчеркивал, что его труд представляет собой непредвзятый взгляд на партии тори и вигов, характеристику речей избранников в контексте их реаль-

⁴ И только 24 мая 1803 г. парламент принял решение, что двери галереи палаты будут открыты каждый день и журналисты смогут занимать там обычные места, которыми они до того пользовались не на всех заседаниях с 1770-х гг. [2, с. 89].

ной деятельности. Такой объективный подход, по его мнению, позволял избирателю сформировать верное суждение о сегодняшнем дне сквозь призму прошлого.

Поначалу в виде дополнения к газете «Политикэл Реджистер» У. Коббета выходил выпуск парламентских дебатов (1802), которые издатель дополнил «Парламентской историей Англии с 1066 г.». Находясь на грани разорения, Коббет передал права на издание дебатов и истории Т. Хэнсарду в 1812 г. Последний довольно быстро превратил его в доходное предприятие.

Исследование новаций в истории британского парламента XVIII в. невозможно без оценки роли прессы в освещении его деятельности. Между тем именно пресса нанесла ощутимый удар по его клубной закрытости, хотя по социальному составу парламент оставался своего рода корпорацией. Желание общества знать о прениях, так четко обозначившееся с 1770—1780-х гг., дополнилось стремлением оказать существенное влияние на законотворческий процесс уже весной 1815 г., когда в срочном порядке принимались новые хлебные законы. Горожане благодаря информации газет смогли оперативно, хотя и безрезультатно, выступить против этого шага, направив в нижнюю палату петиции, под которыми стояли десятки тысяч подписей. Но опосредованное влияние на деятельность нижней палаты граждане королевства смогли оказывать лишь после существенного расширения их избирательных прав и становления викторианской партийной системы.

Таким образом, наметившиеся в XVIII в. элементы принципов парламентаризма смогли получить дальнейшее развитие по мере усиления вовлечения в политику избирателя и общества в целом. Распространение идей радикальной парламентской реформы и публикация отчетов о парламентских дебатах сыграли роль одного из своеобразных катализаторов в этом процессе.

Список источников и литературы

1. *Айзенштат М.П.* Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007.
2. *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750—1850 гг. М., 2009.
3. *Айзенштат М.П.* История как компонент парламентской полемики (вторая половина XVIII в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013.
4. *Из истории европейского парламентаризма.* Великобритания. М., 1995.
5. *Ковалевский М.М.* История Великобритании. СПб., 1911.
6. *Семенов С.Б.* Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.
7. *Татарнинова К.Н.* Очерки по истории Англии 1640—1815 гг. М., 1958.
8. *Barker H.* Newspapers: Politics and English Society. L., 1999.
9. *Chandler R.* The History and the Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Times. L., 1842—1843. Vol. 1—14.
10. *Johnson S.* Debates parliament. L., 1787. Vol. 1, 2.
11. *Peers, politics, and power: the House of Lords, 1603—1911.* L., 1986.
12. *Smith H.* Georgian monarchy: Politics and culture. 1714—1760. Cambridge, 2006.
13. *The Parliamentary history of England.* L., 1813. Vol. 17.

Об авторе

Марина Павловна Айзенштат — д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН (Москва).

Джон Картерет и внешняя политика Великобритании в 1742—1744 годах

Рассмотрены важнейшие направления британской внешней политики в первой половине XVIII в., определены ее особенности в данный период. Отмечены некоторые пробелы в историографии, связанные с определением роли и места руководителя британской внешней политики в 1742—1744 гг. Дж. Картерета. Дан краткий обзор его политической и дипломатической карьеры, отмечены взгляды на внешнюю политику Великобритании и обозначены его основные дипломатические шаги и меры. Сделан вывод о сложности международной и британской внутривластной ситуации, о причинах его скорого ухода в отставку.

Ключевые слова: Великобритания, война за австрийское наследство, Дж. Картерет.

Первая половина XVIII в. занимала особое место в истории внешней политики Великобритании¹. Это было время, когда еще не выработался какой-то конкретный внешнеполитический курс, а вопрос о внешнеполитических приоритетах для британских элит оставался открытым.

Существовало три основных точки зрения на то, какие интересы должны быть ведущими для определения английской внешней политики. Первая акцентировала внимание на колониальных интересах и проблемах. Вторая, характерная для всей британской истории, — политика сохранения «равновесия сил» на континенте. Наконец, третий взгляд на внешнеполитический курс страны, важность которого была очевидна в первой половине XVIII в., представлял собой вопрос о защите и поддержке личных интересов монарха, связанных с его владениями на континенте — Ганноверским курфюршеством. Этот внешнеполитический вопрос возник в Великобритании в 1714 г. в связи с восхождением на британский престол новой династии — Ганноверской. Среди английских министров было несколько фигур, пытавшихся решить его.

Одним из самых ярких и значимых среди этих политиков был Джон Картерет (1690—1763). Хотя главной своей задачей Картерет видел борьбу с Францией [12, р. 124], в годы, когда он направлял внешнюю политику страны, его положение в политических кругах Англии было таким, что опереться он мог практически только на монарха. Это обусловило некоторый крен во взглядах Картерета: борясь с Францией, он прилагал значительные усилия для обеспечения безопасности Ганновера. Несмотря на то что он был политиком, определявшим внешнеполитический курс Великобритании в течение двух лет, когда атмосфера на международной арене была весьма напряженной из-за войны за австрийское наследство, большого внимания в исторической литературе ему не уделили. В британской историографии ему посвящена всего одна биография, написанная Арчибалдом Бэлентайном [6] в конце XIX в. Отечественная историография вообще упоминает его лишь при рассмотрении общих вопросов, так

¹ Далее термины «Великобритания» и «Англия» употребляются в одном и том же значении.

или иначе связанных с деятельностью Картерета. Между тем его внешнеполитическая деятельность представляет несомненную важность для определения сути внешней политики Великобритании в середине XVIII в.

Картерет родился в 1690 г., а уже в 1711 г. занял место в палате лордов, где поддерживал виггов, возглавляемых на тот момент графом Стэнхопом. С 1719 г. началась его дипломатическая карьера — он был назначен послом в Швецию. Для Англии того периода отношения со Швецией были чрезвычайно важны и в то же время сложны: в 1717 г. Англию втянули в войну с северным королевством амбиции Георга I, стремившегося расширить владения Ганновера. Но ближе к развязке конфликта, окончательно завершившегося миром 9 ноября 1719 г., английским государственным деятелям стало очевидно, что излишнее ослабление Швеции грозит чрезмерным усилением России на Балтике. Поэтому Картерету пришлось вести переговоры со Швецией с целью заключить договор против России, что и было им сделано с успехом. По договору Англия обязалась помочь Швеции флотом в войне против России, а Швеция в свою очередь признавала Ганноверскую династию законной [4, р. 106—118]. Впрочем, последовавший вскоре мир между Россией и Швецией не дал осуществиться условиям этого соглашения.

В целом шведская проблема разрешилась как для короля, так и для Англии успешно. Картерет приобрел большие знания в области международных отношений в Северной Европе и германских землях, а также получил политические дивиденды, став в 1721 г. государственным секретарем Южного департамента.

Говоря о внешней политике Великобритании и политиках, осуществлявших её, необходимо также дать краткую характеристику британских внешнеполитических ведомств, само устройство которых было весьма запутанным. Для Великобритании первой половины XVIII в. характерно отсутствие единого внешнеполитического ведомства. Во второй половине XVII в. были созданы Северный и Южный департаменты. Эти ведомства занимались и внутренними и внешними проблемами, и сфера их деятельности разделялась географически: Северный департамент занимался делами Англии, Шотландии (за исключением периода с 1707 по 1746 г.) и отношениями со Священной Римской империей, Соединенными провинциями, Скандинавскими странами и Россией. Южный департамент регулировал дела Уэльса, Ирландии, американских колоний (до 1768 г.) и занимался отношениями с Францией, Швейцарией, итальянскими и иберийскими государствами и Турцией [10, р. 357]. Причем формирование внешнеполитического курса страны могло находиться в руках любого из двух государственных секретарей или даже другого члена правительства (как это было с Р. Уолполом). В определенный промежуток времени ключевая роль в определении внешней политики страны была у того политика, который располагал в тот момент поддержкой или монарха, или правительства, или большинства в парламенте. Или же всех вместе.

В то время когда Картерет получил пост государственного секретаря Южного департамента, большое влияние на политическую жизнь Великобритании стал оказывать Роберт Уолпол, которого формально можно считать первым английским премьер-министром. Уолпол смог в политической борьбе обойти графа Стэнхопа, давшего в свое время Картерету старт в политике. Естественно, Уолполу не были нужны сторонники его противника на высших государственных постах, и Картерет был вынужден оставить пост государственного секретаря в 1724 г.

До 1742 г. Картерет находился в оппозиции. Он выступал с критикой внешней политики Уолпола, оказываясь в одном ряду с такими яркими фигурами, как У. Питт-старший и герцог Ньюкасл. Внешнеполитический курс Уолпола, строившийся на попытках отстраняться от вооруженного противостояния в Европе, оппозиционеры называли «унижающим гордость нации» [5, р. 5]. Картерет раскритиковал склонность вигов (в лице Уолпола) «не обращать внимания на беспорядки и беды на континенте, не заниматься поиском врагов нашего собственного острова, но лишь заниматься торговлей и жить в свое удовольствие, а вместо того, чтобы лицом к лицу встречать опасность за рубежом, спать спокойным сном, пока нас не разбудит набат на наших собственных берегах» [1, с. 61]. Эта критика была несколько несправедливой. Уолпол пытался погасить конфликт на континенте, который возник из-за очевидной слабости Австрии, даже теоретически не способной смягчить для Англии последствия возможной войны. Но поскольку с 1740 г. конфликт разгорался все сильнее, вмешательство в дела на континенте, в первую очередь в германских землях и Австрии, было для Великобритании необходимо. В 1741 г. герцог Ньюкасл заявил: «[Священная Римская] империя может рассматриваться как оплот Великобритании, который, будучи повергнутым, оставит нас голыми и беззащитными» [14, р. 174].

Картерет же был активным сторонником вмешательства в европейские дела. Кроме того, он был одним из тех политиков, которые разделяли интерес монарха к его владениям на континенте. Дипломатический опыт Картерета определил его повышенное внимание к делам на севере континента, а близкие отношения с монархом, даже некоторая зависимость от него (Картерет не смог добиться большого влияния в парламенте и правительстве), предопределили благосклонность последнего к проблемам Ганновера. Именно особое отношение монарха, которое отмечали современники [9, р. 581, 583], позволило Картерету занять важный пост государственного секретаря Северного департамента и обойти своих политических соперников, таких как герцог Ньюкасл и У. Полтни (один из видных представителей вигов, ставший после Р. Уолпола премьер-министром на два дня).

В феврале 1742 г. Р. Уолпол ушел в отставку, а премьер-министром стал С. Комптон, граф Уилмингтон. Картерет занял пост государственного секретаря Северного департамента, фактически сосредоточив в своих руках внешнюю политику Великобритании. Более того, благодаря близости к королю и посредственности Комптона, Картерет смог оказывать гораздо большее влияние на политику Великобритании, практически распоряжаясь премьер-министром, как марионеткой [7, р. 29].

А положение Англии к тому времени было достаточно сложным. Шедшая с 1739 г. колониальная война с Испанией, получившая название «войны из-за уха Дженкинса», развивалась не очень удачно. Австрия, выступавшая главной опорой Англии в борьбе против поползновений Франции в Европе, находилась на грани краха, терпя поражения от Пруссии, Франции и Баварии.

Формально Ганновер, о котором так волновались король и Картерет, был в безопасности. Английский король настолько опасался за свои земли в Германии, что в сентябре 1741 г. заключил с Францией договор, предполагавший нейтралитет для Ганновера в обмен на голос Георга как ганноверского курфюрста на выборах императора Священной Римской империи в пользу кандидата из Баварии. Но перспектива падения Австрии, перехода императорской коро-

ны в руки французской марионетки, а также господства самой Франции на континенте делали безопасность Ганновера, как и Англии, довольно призрачной.

Поэтому Картерет твердо взял курс на скорейшее вступление в войну на стороне Австрии против Франции. Необходимо было провести ряд неотложных мер. Во-первых, увеличить финансовую поддержку Австрии и других союзников на континенте. Во-вторых, расколоть антиавстрийский лагерь любыми возможными способами, будь то финансовое вливание, жертвование какими-то владениями союзников или угроза применения вооруженной силы. И в-третьих, принять непосредственное участие самой Англии в боях на континенте.

Еще до вступления Великобритании в войну за австрийское наследство она внесла значительный вклад в борьбу с Францией. В апреле 1741 г. парламент проголосовал за оказание помощи Марии Терезии в размере 300 тыс. фунтов стерлингов и 10 тыс. солдат [13, р. 225]. Став государственным секретарем, Картерет провел через парламент еще одно голосование об оказании помощи Марии Терезии, на этот раз в размере почти полумиллиона фунтов стерлингов [8, р. 269]. Он сильно настаивал на поддержке Австрии, считая, что если последняя будет терпеть поражения от Пруссии, то она в конце концов «бросится Франции в руки» [12, р. 132] — к стороне, способной ее защитить. Этого, по мнению Картерета, нельзя допустить ни в коем случае, так как потом не на кого будет опираться в борьбе с Францией. Тем более нечего будет и думать о безопасности Ганновера.

В том же году английская дипломатия сконцентрировалась на проблеме мира Австрии с Пруссией. Пруссия, которую до войны за наследство не принимали всерьез, показала себя в качестве сильного и опасного противника. Таким образом, ее выход из войны был жизненно необходим для Австрии. Для Картерета вопрос о Пруссии был еще более значителен. Она, в отличие от Франции, граничила непосредственно с Ганновером, а значит, представляла из себя куда большую угрозу для его безопасности, чем какая-либо другая крупная европейская страна. Стоит отметить, что осознание важности этой проблемы и несомненное влияние монарха на вопросы внешней политики Великобритании обусловили мир Англии с Пруссией не только при Картерете, но и в течение всей войны за австрийское наследство. Чтобы миру между Англией (а если быть точнее, Георгом II как главой англо-ганноверской унии, носившей личный характер) и Пруссией ничего не угрожало, необходимо было снизить напряжение между Пруссией и ключевым союзником Англии — Австрией.

Поскольку к середине 1742 г. Фридрих II добился всего, чего хотел от конфликта с Австрией, он охотно пошел на контакт с Англией и с Австрией. Мария Терезия, несмотря на все нежелание идти на уступки Фридриху II, была вынуждена сделать это. Дело не только в том, что картина, разворачивавшаяся на театрах военных действий, была для Австрии удручающей, но и в том, что пренебрегать советами Англии, оказывавшей значительную финансовую поддержку, было опасно. Поэтому Австрия в июле 1742 г. заключила с Пруссией Бреславский мир, по которому Фридриху была уступлена Силезия и Глац [2, с. 134—143].

Дипломатическая активность Картерета не ограничивалась одной только Пруссией. Большое внимание уделялось расширению круга союзников Англии. Одной из таких мер был договор с Россией от 11 декабря 1742 г., по которому Великобритания и Россия обязались оказывать друг другу военную или финансовую

поддержку в случае нападения на кого-то из них с третьей стороны [3, с. 117—133]. В сентябре 1743 г. к Англии и Австрии, заключив с ними в Вормсе союз и договор о взаимной обороне [15], примкнула Сардиния, которая до того момента являлась союзницей Франции. Картерет считал большим успехом Вормский договор, бывший его детищем. И действительно, Сардиния имела важное стратегическое положение и крупную армию — с ее присоединением к союзникам Австрия должна была прочно укрепить свои позиции в Италии и уделить больше внимания делам в германских землях. Через какое-то время сменила сторону и Саксония. Организованные Картеретом переговоры, акценты в английских внешнеполитических мероприятиях и их результаты в виде заключенных договоров продемонстрировали довольно высокий уровень дипломатического мастерства Картерета. Росло число австрийских союзников. Перспектива краха Марии Терезии и установления гегемонии Франции на континенте становилась все менее вероятной.

Но некоторые меры Картерета были довольно сомнительными. Он хотел расширить число союзников и за счет Баварии, король которой был к тому времени провозглашен императором Священной Римской империи. Это было спорное решение: Бавария была слаба в военном отношении, а цена союза с ней за счет Австрии была слишком высока. В конце концов, план Картерета сорвался. И здесь обнаружилась неустойчивость его положения: поддержка в парламенте была слабой, а критика его действий все нарастала. А в это время главный оппонент Картерета, герцог Ньюкасл, бывший к тому времени государственным секретарем Южного департамента уже 19 лет, все больше укреплял свои позиции.

Сама война проходила для Великобритании не самым лучшим образом. Несмотря на ряд побед английского оружия, например при Деттингеме, сломить сопротивление Франции не получалось. Более того, во второй половине 1744 г. положение на арене боевых действий стало ухудшаться. Союзники терпели поражение за поражением во Фландрии, австрийцы были выдворены из занятой ими ранее южной Германии. Да и на дипломатическом фронте успехи Картерета оказались не такими блестящими. В августе 1744 г. Фридрих II возобновил боевые действия, опасаясь возможного пересмотра Бреславского мира в случае успешного для Австрии исхода войны за австрийское наследство.

Вскоре стало очевидно, что Англия вновь, как и в годы войны за испанское наследство, тратит слишком большие ресурсы, не получая должной отдачи. Оппозиция, сокрушившая ранее Уолпола, обрушилась теперь на Картерета. Ему в вину ставились финансовые проблемы, ухудшение торговли, подчинение интересов Англии Ганноверу. Один из лидеров оппозиции У. Питт заявил: «Сейчас стало очевидно, что это великое, могучее, грозное королевство рассматривается лишь как провинция презренного курфюршества» [11, р. 408]. Оппозиционные парламентарии говорили, что «все делается ради Ганновера, Ганновером — ничего» [6, р. 260]. За свою политику Картерет получил прозвище «министр ганноверских войск» [12, р. 101]. Вероятно, это прозвище было связано с долго обсуждаемым вопросом о взятии на английское содержание войск Ганноверского курфюршества, окончательно решенным отрицательно только после отставки Картерета с поста государственного секретаря [16, р. 63, 66, 67, 73]. Но в отличие от Уолпола Картерету практически не на кого было опереться. Активно участвуя в свержении Уолпола, сам он не обладал большой поддержкой в партии и парламенте. Когда после ухода Уолпола в отставку встал вопрос о том, кто же

будет руководить внешней политикой страны, у Картерета был козырь — поддержка короля. Но со временем, так и не обретя опоры где-то еще и допустив ряд неудач в своей политике, Картерет не мог рассчитывать на Георга II — последний не был абсолютным монархом.

В ноябре Картерет покинул пост государственного секретаря, но, сохранив расположение монарха, стал членом Тайного совета. Руководство внешней политикой перешло в руки герцога Ньюкасла, который, несмотря на критику в адрес Картерета, продолжал использовать некоторые его внешнеполитические меры, например выплату огромных субсидий английским союзникам. Причем зашел он в этой политике так далеко, что ненароком подтолкнул Европу к «дипломатической революции».

Несмотря на довольно короткий срок на посту государственного секретаря, лорд Картерет проявил себя как весьма яркая фигура в английской внешней политике. Находясь на посту государственного секретаря Северного департамента в течение всего двух лет, он наладил активное участие Англии в европейских делах, а когда это было необходимо для безопасности его страны и владений короля, смог обеспечить должную поддержку Австрии, главной опоре Великобритании на континенте, и такие дипломатические условия, которые позволили затем его преемнику с успехом сдерживать экспансию Франции и Пруссии в Европе и сохранить баланс сил на континенте. Его просчеты во многом были обусловлены неудачами на полях сражений, изначально сложной международной ситуацией в Европе 1740-х гг. и недостаточной поддержкой в самой Англии. Будучи хорошим дипломатом, Картерет одновременно оказался не очень умелым политиком, из-за чего так и не смог удержаться у власти, в отличие от многих других государственных деятелей, допускавших куда большие промахи.

Список источников и литературы

1. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
2. Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1.
3. Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 9, 10.
4. *A general collection of treaties of Peace and Commerce, manifestos, declarations of war, and other public papers.* L., 1732. Vol. 4.
5. *An impartial review of the opposition, and the conduct of the late minister since his succession.* L., 1742.
6. Ballantyne A. Lord Carteret: a political biography, 1690—1763. L., 1887.
7. Bigham H.C. The prime ministers of Britain, 1721—1921. L., 1922.
8. Cowie L.W. Hanoverian England 1714—1837. L., 1974.
9. Hervey J. Memoirs of the reign George the Second, from his accession to the death of queen Caroline. L., 1848. Vol. 2.
10. Holmes G., Szechi D. The age of oligarchy. Pre-industrial Britain, 1722—1783. N. Y., 1993.
11. Lecky W.H. A History of England in the Eighteenth Century. L., 1878. Vol. 1.
12. Lucas R. George II and his ministers. L., 1910.
13. Rolt R. An impartial representation of the conduct of the several powers of Europe, engaged in the late general war. L., 1754.
14. Simms B. Three victories and defeat. The rise and fall of the first British empire. N. Y., 2007.

15. *The definitive treaty of peace, union, friendship and mutual defence, between the crowns of Great Britain, Hungary and Sardinia*. L., 1984.

16. *Tory and Whig. The parliamentary papers of Edward Harley; 3rd earl of Oxford, and William Hay. 1716—1753* / ed. by S. Taylor, C Jones. Suffolk, 1998.

Об авторе

Илья Григорьевич Медведев — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), bulbash0.25@mail.ru

А. Хоукинс

Лорд Дерби (1799—1869): политический портрет

Раскрыты основные вехи жизни государственного деятеля Эдварда Дерби, проанализированы спорные моменты историографии. Эссе опирается на материалы фундаментальной двухтомной монографии «Забытый премьер-министр», вышедшей в Оксфорде в 2007—2008 гг. На основе исследования множества личных архивов показана ведущая роль Эдварда Дерби в восстановлении Консервативной партии после раскола 1846 г. и в других достижениях консерваторов на протяжении 1846—1868 гг.

Ключевые слова: Великобритания, XIX в., Бенджамин Дизраэли, историография, консерватизм, Эдвард Дерби.

Эдвард Стэнли, 14-й граф Дерби (1799—1869), был первым британским государственным деятелем, трижды ставшим премьер-министром¹. Он возглавлял правительство в 1852, 1858—1859 и 1866—1868 гг. Дерби руководил Консервативной партией 22 года — с 1846 по 1868 г. Его лидерство в партии остается наиболее продолжительным в современной британской политике. Третье правительство Дерби провело акты о реформе 1867—1868 гг., расширившие парламентский электорат в Соединенном королевстве с 1,364 млн избирателей (20 % от всех взрослых мужчин) до 2,477 млн (33 % от всех взрослых мужчин). При втором правительстве Дерби в 1858 г. евреи получили право становиться депутатами и имущественный ценз на избрание в парламент был отменен.

Уже эти достижения могут свидетельствовать о Дерби как о знаковом и эффективном партийном лидере. Несмотря на это, его место в пантеоне консервативных лидеров остается недооцененным. Его вклад в историю викторианского консерватизма отнесен Робертом Пилем и Бенджамином Дизраэли. При Дерби консерваторы никогда не достигали большинства на всеобщих выборах. Все его кабинеты становились правительствами меньшинства. Его сроки пребывания у власти были краткими. Некоторые историки впоследствии оценивали период

¹ Эдвард Стэнли носил титул лорд Стэнли с 1834 по 1844 г. В 1844—1851 гг. он заседал в палате лордов как лорд Стэнли от местечка Бикерстафф. После смерти отца в 1851 г. стал лордом Дерби. Для удобства далее я буду называть его Дерби.

между триумфами на выборах в 1841 и 1874 гг. как упадок консерватизма и проявление неэффективности².

Будучи молодым человеком, Дерби воспитывался в сугубо вигской семье в обширных владениях Ноусли в Ланкашире. Род Стэнли берет начало в XV в. После Итона и Крайст Чёрч (Оксфорд) он вступил в палату общин как многообещающий и талантливый вигский депутат в 1822 г. Его явный интеллект, самоуверенность, сильные ораторские качества и аристократический статус принесли ему политический успех. В 1827—1828 гг. он некоторое время служил в качестве помощника министра по делам колоний лорда Годрича. В 1829 г. выступал в защиту эмансипации католиков. В возрасте 31 года, в 1830 г., стал министром по делам Ирландии, а в 1833 г. министром по делам колоний в реформистском правительстве лорда Грея. Его политика в Ирландии как известного реформатора совмещала реформу национального начального образования и акт о владениях Ирландской церкви, снижавший расходы на Ирландию и защищавший право собственности и верховенство закона против нарушений в оплате десятины. Ирландский популистский лидер Дэниел О'Коннелл прозвал его «скорпионом Стэнли» [15, р. 220].

В апреле 1833 г. Дерби стал министром по делам колоний в правительстве Грея. Он незамедлительно поддержал законопроект об отмене рабства в британских колониях через палату общин. Личное наблюдение за рабами во время посещения Соединенных Штатов в 1824—1825 гг. укрепило его ненависть к моральному разложению, присущему рабовладению. Но разлад в правительстве в 1834 г. по вопросу секуляризации церковных земель в Ирландии предопределил отставку Дерби из правительства Грея. Дерби видел данную секуляризацию как абсолютное нарушение права собственности. На протяжении 1834—1835 гг. он пытался создать партию, которая бы сблизила умеренных вигов и консерваторов, так называемую «Вагонетку Дерби» (*Derby Dilly*)³. Однако к апрелю 1835 г. «Вагонетка Дерби» исчезла. В 1836—1837 гг. Дерби вошел в Консервативную партию Пилля.

К 35 годам Дерби имел четкие и последовательные политические воззрения: проведение умеренных и целесообразных реформ, отвечавших развитию динамичного общества и охранявших прогресс; сохранение национальных исторических институтов, приспособляющихся к прогрессу, как основы порядка и стабильности; поддержка роли аристократии в продвижении прогрессивных мер; признание верховенства закона и неприкосновенной сущности права собственности; защита государственного положения и нравственного верховенства англиканской церкви; сдерживание популистских протестов и демагогических требований и проведение разумных реформ, отвечающих оправданым чаяниям народа. При своем назначении лордом-ректором Университета Глазго в декабре 1834 г. Дерби заявил аудитории:

Славное предназначение будет у того, кто знает как в это время управлять и направить в нужное русло энергию народа, руководить благочинно правительством этой великой нации: но если он считает себя способным резко сопротивляться ее силе в дальнейшем, то будет смыт лавиной [21, р. 3].

² Например, Дональд Саутгейт, характеризуя данный период истории Консервативной партии как «Черные дни» (*Dog days*), назвал главу «Некомпетентность Дерби». См.: [11, р. 139].

³ Это были уничижительные и быстро распространившиеся в обществе слова О'Коннелла относительно группировки.

Такая декларация политических воззрений получила название «Кредо Ноусли».

Взгляды Дерби отражали его личность. Всегда осознававший свое социальное положение, он никогда не обольщался и был склонен к обидам. Люди, которые не были его родственниками или не разделяли его страсти к скачкам и охоте, встречали в нем отчуждение. От матери он приобрел умеренную евангелическую англиканскую веру, которая подчеркивала обязанности богатых и общественный долг как необходимое условие аристократических привилегий. Будучи молодым человеком, он опубликовал «Христианские притчи» и «Разъяснения чудес нашего Господа». Политическая власть для Дерби была естественной обязанностью, а не призом, за который нужно бороться. Некоторые думали, что ему недоставало политической серьезности. Саркастическое чувство юмора на публике, часто задевавшее других, маскировало его убеждения. Однако его приверженность к политике была искренней и глубоко прочувствованной⁴. Большие усилия скрывались за его презрением к вульгарному выражению личных амбиций. Близкие коллеги признавали его ясность мысли, терпеливость и находчивость, остроумие во время дебатов. Чтобы расслабиться, он переводил французскую, немецкую и итальянскую поэзию. Его перевод «Илиады» Гомера на английский белым стихом был оценен строгим критиком классики Уильямом Гладстоном как выполненный с «очень высоким мастерством» [12, р. 193]. Эти качества признала «Таймс», охарактеризовавшая Дерби как «единственного блестящего наследника британских пэров, произведенного за сто лет» [22, р. 7].

К 1838 г. Дерби стал видным членом консервативной партии Пилия. Его бывшие вигские коллеги, как он заявил, оказались инструментами в руках радикалов. В 1841 г. Пиль назначил его на должность министра по делам колоний, которую он оставил за семь лет до того. Дерби был самым молодым членом кабинета Пилия. В роли колониального министра он сопротивлялся территориальной экспансии британских колоний, настаивая на поддержании международной торговли и коммерческих интересов. Тем не менее решения местных колониальных чиновников и стремления крупных торговцев многократно противоречили установкам Дерби. Была аннексирована индийская провинция Синд, основана Королевская колония Гонконг, республика Наталь присоединена к Капской колонии. В то время он противостоял лорду Джону Расселу по вопросу правительственных действий в Ирландии и столкнулся с лордом Пальмерстоном на внешнеполитическом фронте, одновременно испытывая тяжелейшие приступы подагры в 1843 г.

Колониальные дела беспокоили Пилия после 1841 г. меньше, чем экономика и внутренние социальные перипетии, в отличие от Дерби, который провел изменение тарифа на импорт зерна из Канады в 1843 г. Это способствовало на-

⁴ Как Дерби напомнил Бенджамину Дизраэли в 1849 г.: «Тот, кто посвятил себя парламентскому ремеслу, не может отступить. Я не говорю, конечно, о подавляющем большинстве членов обеих палат, которые действуют в качестве парламентских единиц, давая численное преимущество и ничего больше партии, к которой они принадлежат, но о тех, кого талант, положение или случайность выдвинули на авансцену и дали возможность влиять на своих собратьев... Для них нет пути назад» (письмо Стэнли Дизраэли от 6 января 1849 г., цит. по: [18, р. 127]).

растанию маргинализации Дерби в кабинете Пилия. Такие коллеги, как Джеймс Грэхэм, Генри Голберн и Гладстон, стали более значимыми проводниками политики Пилия. Личные отношения Дерби и аскетичного, нарочито официального Пилия никогда не были теплыми. Их социальные статусы препятствовали близкому общению. Дерби был наследником выдающегося аристократического рода из Ланкашира с обширными земельными владениями и пэрством, восходившим к 1485 г. Пиль же был внуком ланкаширского йомена, его отец сделал состояние на хлопковой текстильной мануфактуре. Патрицианское чувство собственного достоинства держало Дерби в стороне от зачарованного круга восхищенных последователей Пилия. В октябре 1844 г. по собственному желанию Дерби покинул палату общин, чтобы засесть в палате лордов. В верхней палате, как он объяснял, он сможет выполнять значительную работу по широкому кругу правительственных дел и помогать стремительно слабевшему и гложившему герцогу Веллингтону в качестве лидера консерваторов в палате лордов.

Таким образом, Дерби наблюдал из палаты лордов за тяжелым консервативным расколом 1846 г. по вопросу об отмене Хлебных законов⁵. Уже в декабре 1845 г. он подал в отставку из кабинета Пилия по причине решения премьер-министра убрать тариф на ввозимую пшеницу в ответ на начало картофельного голода в Ирландии. Дерби возражал по двум основаниям. Во-первых, он считал полную отмену, в противовес частичному регулированию тарифа на ввозимую пшеницу, крайне неуместной с учетом причин бедствий в Ирландии. Во-вторых, он видел в данной мере нарушение обязательств перед консервативными заднескамеечниками, избранными в 1841 г. на основе поддержки Хлебных законов. Его последние слова коллегам в правительстве были: «Будучи джентльменами, мы не можем так поступить» [16, р. 299].

Дерби был глубоко огорчен намерением Пилия отменить Хлебные законы. С острым сожалением он наблюдал, исполненный страдания, за протестом консервативных заднескамеечников против, как они ее называли, измены Пилия. В мае 1846 г. при помощи оппозиции Пиль провел отмену Хлебных законов. Меньшинство консерваторов, 112 депутата, поддержало премьер-министра при голосовании, более 230 консервативных депутатов отказались последовать за передней скамьей. Тяжелое раздражение раскололо консерваторов. На протяжении кризиса Дерби сохранял надежду на то, что консервативные группы могут быть своевременно объединены. Из своего вигского политического опыта он знал, что сплоченная партийная организация была принципиальной для эффективного функционирования «парламентской формы правления». Внимание партийных лидеров к мнению заднескамеечников было условием поддержания необходимых взаимных отношений, основанных на доверии между ведущими и ведомыми и их уверенности друг в друге. Голоса лояльных заднескамеечников дают правительству власть. Но Дерби против своей воли обнаружил себя в роли защитника интересов партии перед лицом вероломных лидеров. Только продолжительные упрашивания протекционистских пэров в марте 1846 г. склонили Дерби к тому, чтобы не без опаски принять лидерство над

⁵ Дерби перешел в палату лордов, имея титул лорда Стэнли Бикерстаффского — титул, использовавшийся его отцом, чтобы заседать в палате лордов в 1832 г. в годы жизни 12-го графа Дерби.

ними в палате лордов. Вплоть до мая он не подтверждал публично своей роли лидера протекционистов в обеих палатах. Тем временем в палате общин бешеная ярость лорда Джона Бентинка и колкие насмешки Дизраэли дали волю чувствам консерваторов-заднескамеечников.

Во влиятельной трехчасовой речи в палате лордов 25 мая Дерби осудил правительство Пиля за сравнение сельскохозяйственных и мануфактурных интересов, за раздувание необдуманной эгоистической конкуренции — «обоюдности зла», разрывающей общественные связи, и за использование опасной риторики, возбуждающей губительную классовую ненависть в случае, не относящемся к страданиям Ирландии [19, р. 1128—1176]. Тем не менее ораторский триумф обернулся политическим провалом. Отмена Хлебных законов была проведена, и 28 июня консервативные заднескамеечники отомстили: объединившись с вигами и радикалами, они отклонили билль Пиля о подавлении беспорядков в Ирландии; 29 июня Пиль объявил о своей отставке с поста премьер-министра.

Условия, в которых Дерби принял лидерство в Протекционистской партии в 1846 г., были отягощены необычайными трудностями. Глубочайшее чувство недовольства, особенно в палате общин, сохранялось. Более того, многие протекционистские депутаты переняли яростную антикатолическую риторику, отринутую Пилем в 1845 г. и разжигавшую Майнута грант⁶. Надеясь на возможное воссоединение консерваторов, Дерби настаивал на сдержанности и избегании мстительных атак на пилитов. Но подобная стратегия оказалась за пределами возможностей многих из его сторонников-ретроградов.

Главным достижением Дерби в качестве консервативного лидера после 1846 г. было постепенное восстановление способности партии к умеренному и ответственному правлению. Враждебное восприятие партии, лишившейся талантливых пилитов, как сборища фанатиков из лесной глуши постепенно уходило. Дерби дал консерваторам будущее. На всеобщих выборах 1847 г., когда религиозные темы наряду со свободной торговлей были важнейшими, около 250 протекционистских депутатов были вновь избраны в палату общин. Преодолев возражения некоторых, Дерби сохранил название партии как Консервативной, а не Протекционистской. Это изменение было определяющим, обозначив связи с партией 1830-х гг., которая поддерживала умеренные реформы, ассоциировавшиеся с защитой национальных исторических институтов. В то же время Дерби в плотном сотрудничестве с Дж. У. Крокером, редактором «Квотерли Ревью», пытался минимизировать влияние радикалов-протекционистов, сдерживая их гнев по отношению к консервативным депутатам.

Главная трудность в конце 1840-х гг. для Дерби заключалась в отсутствии надежных и эффективных лидеров в палате общин. Вспыльчивый Бентинк, который стремительно выдвинулся в авангард протекционистских рядов в 1846 г., провоцировал враждебность и раскол, а в декабре 1847 г. подал в отставку с поста лидера палаты общин⁷. Молодой лорд Грэнби не справился. Престарелый

⁶ Майнута грант (Maynooth Grant) — ожесточенная дискуссия в викторианском обществе, вызванная решением Р. Пиля в 1845 г. увеличить субсидии правительства католической семинарии в Майноте (графство в Ирландии) с целью улучшения отношений между католиками и протестантами в стране. — *Примеч. пер.*

⁷ Бентинк был членом «Вагонетки Дерби» в 1834—1835 гг.

Джон Харрис находился в постоянном напряжении. В таких обстоятельствах Дерби был вынужден принять талант и амбиции Дизраэли. Отдавая должное ораторскому таланту последнего, Дерби не доверял его холерическому темпераменту, жажде признания и спорным решениям. Сомнения усугублялись недоверием консервативных заднескамеечников к экзотическому прошлому и манерам Дизраэли. Тем не менее в отсутствие альтернатив Дизраэли к 1849 г. де-факто стал лидером в палате общин.

Настороженность Дерби по отношению к Дизраэли также возникла из препятствий, чинимых Дизраэли на пути к воссоединению Консервативной партии. Разрушительные атаки Дизраэли на Пиля в 1846 г. оставались в памяти некоторых пилитов. Несмотря на это, Дерби продолжал держать открытой дверь, через которую пилиты могли бы вернуться в ряды консерваторов. Спустя время это доказало свою эффективность. На протяжении 1840-х и 1850-х гг. более 70 из тех пилитов, которые поддержали отмену Хлебных законов, в конечном счете вернулись к Консервативной партии, возглавляемой Дерби. Намного меньшее число пилитов, в частности Гладстон, в результате присоединилось к Либеральной партии.

С конца 1840-х гг. Дерби также испытывал надежду на возможное слияние консерваторов с умеренными вигами, отчужденными от своих коллег из-за влияния радикалов. В переписке с графом Фицуильямом и лордом Понсонби в 1851 г. он указывал на то, что все они имеют схожее политическое прошлое: раньше их называли «старые виги-конституционалисты». Будучи таковыми, они отличались от таких современных вигов, как Рассел, которые отвергали аристократические земельные интересы ради демагогических городских сил. В начале 1850-х гг. Дерби смотрел на ряды вигов как на источник пополнения и поддержки. Данная стратегия, в отличие от возвращения кающихся пилитов, осталась в значительной степени нереализованной. Формируя свое второе правительство в феврале 1858 г., Дерби приглашал 3-го графа Грея присоединиться к кабинету. Но Грей отказал по причине наличия в палате общин «никудашных лидеров» из числа консерваторов (в частности, Дизраэли) [14, р. 161]. Несмотря на это, 16 вигских и либеральных депутатов голосовали с консервативным правительством в первые часы 1 апреля 1859 г., безуспешно противостоя предложению Рассела, критиковавшего правительственную реформу избирательного права. В «Таймс» Грей опубликовал письмо, описывающее предложение Рассела как чрезмерное и смутное [14, р. 209]. На протяжении 1860—1861 гг. Дерби через посредников находился в тесных отношениях с либеральным премьер-министром Пальмерстоном, поддерживая его в сопротивлении политике его радикальных коллег и министра финансов Гладстона. При формировании третьего правительства в июле 1866 г. Дерби предложил министерский пост лорду Кларендону и либералам-«адуламита» Эдварду Хорсману и Роберту Лоу. Все трое, однако, отказались. В течение 1867 г. либералы были напуганы Гладстоном по причине разногласий по реформе и боялись раскола. Разъединенные либералы и радикалы играли важнейшую роль в последующем успехе консервативного билля об избирательном праве. Тем не менее прочный союз консерваторов с вигами и умеренными либералами, о котором мечтал Дерби, так и не состоялся. Только после 1886 г., когда ирландский гомруль расколол Либеральную партию, произошло сближение консерваторов с либерал-юнионистами, давшее, наконец, форму давно ожидаемой Дерби реорганизации партийной системы.

Данные партийные расчеты сформировали главный замысел Дерби в 1850-х и 1860-х гг. по реорганизации Консервативной партии как способной к ответственному и умеренному правлению. Его первый кабинет, последовавший после всеобщих выборов июля 1852 г., вернувших фритредерское большинство в палату общин, формально отбросил протекционизм как партийный лозунг. Была проведена реформа права, организовано самоуправление в Новой Зеландии, составлены резолюция по вопросу о милиции (которая ранее обусловила изгнание Рассела из кабинета министров), хартия о возобновлении Ост-Индской компании и осуществлена поддержка государственной медицинской системы в Лондоне. Во внешней политике был подписан Лондонский протокол (разрешивший разногласия между Данией и Германскими государствами по вопросу о Шлезвиг-Гольштейне) и восстановлены вследствие дела Эрскина Матера дружеские отношения Великобритании и Австрии⁸. В согласии с Россией и Австрией британская дипломатия предотвратила кризис, в котором Францию подозревали в намерении аннексировать Бельгию. Дерби описывал свою внешнюю политику как «спокойный, выдержанный, взвешенный и примирительный курс поведения не только в действиях, но также и на словах»⁹ [9, р. 893].

При формировании своего второго правительства в феврале 1858 г. Дерби заявил, что в политике, как и во всем другом, нужен постоянный прогресс, чтобы институты адаптировались к меняющимся целям, которым они призваны служить, и отвечали разумным запросам общества [8, р. 41].

Виги и либералы, настаивал Дерби, не обладали монополией на проведение прогрессивных реформ. В течение 1858—1859 гг. он следил за урегулированием кризиса Орсини с Францией (который только привел к отставке Пальмерстона), реформой правительства Индии, последовавшей за восстанием сипаев, реформой ирландской системы мер и весов, законодательством, предоставлявшим католическим капелланам постоянное звание и зарплату в британской армии. Он провел билль, разрешавший евреям становиться депутатами, и законодательство, отменявшее имущественный ценз для избрания в парламент (требование чартистов). Несмотря на протесты своего министра финансов Дизраэли, Дерби увеличил затраты на королевский флот с целью противодействовать французской морской экспансии и наладить строительство металлических паровых броненосцев.

Он также выработал проект парламентской реформы избирательного права в 1859 г., предложив право голоса с единым цензом в 10 фунтов стерлингов домовладельцам на всех избирательных участках, а также введение «заслуженного избирательного права» для окружных избирателей, имевших накопления в банке от 60 фунтов стерлингов, правительственную пенсию, университетскую стипендию, или тех, у кого была профессия, требовавшая квалификации.

⁸ Эрскин Матер (Erskine Mather) был британским подданным, задержанным во Флоренции властями.

⁹ Падение правительства Дерби в декабре 1852 г. привело к неожиданным переговорам с Францией о коммерческом союзе, направленном на взаимное сокращение тарифов. Это ускорило знаменитый союз Кобдена — Шевалье 1860 г. Если бы он был подписан, это был бы значительный политический успех консервативного министерства.

Став премьер-министром в третий раз в июле 1866 г., Дерби отстаивал «надежный и поступательный прогресс, усиление, а не разрушение институтов страны, а также поддержание баланса между различными частями нашей конституционной системы... результаты которой были и остаются прогрессивным развитием в нашем законодательстве в согласии с духом и характером времени» [10, р. 744].

Во время парламентских каникул 1866—1867 гг. Дерби вел коллег по пути предложения парламентской реформы, закреплявшей фиксированное избирательное право для домовладельцев в округах и 15-фунтовое годовое арендное ограничение в графствах. В окончательной скорректированной форме (ограничение в графствах, например, было снижено до 12 фунтов стерлингов) реформа была принята в августе 1867 г., создав более 930 тыс. новых голосов в Англии и Уэльсе и увеличив электорат на 88%. Либеральные оппоненты охарактеризовали это как циничную проворность Дизраэли в присвоении их принципов. Несомненно, между мартом и июлем 1867 г. Дизраэли умело дезинтегрировал либеральную оппозицию. Но реформа 1867 г. — это, в широком смысле, естественное последствие стремления Дерби утвердить консерваторов как партию, заслуживающую доверия страны.

В речи во Фри Трэд Холле в Манчестере в октябре 1867 г. Дерби заявил, что основанное на тарифе аренды жилья избирательное право в округах оказалось надежным критерием городской респектабельности [10, р. 10]. С вознаграждением моральных принципов рабочего посредством наделения его правом выбирать власть усилились взаимное уважение и необходимое доверие, укреплявшие лояльность населения к ее институтам. Были сохранены, утверждал Дерби, «сердечный союз» между рабочими и капиталом, гармония между работодателями, рабочими и наемниками, которым угрожала радикальная агитация и раскольническая либеральная риторика. Это было решение сложнейшего вопроса о парламентской реформе, которое, более того, оказалось за пределами возможностей Либеральной партии и ее претензий на исключительное обладание правом проведения прогрессивных реформ.

Дополнением к проведенной Дерби реабилитации Консервативной партии, как способной к правлению была его политика во время оппозиции, направленная на сдерживание своих сторонников из числа ультратори. Он отстранился, например, от примитивного антикатолицизма таких депутатов, как Чарльз Ньюдигейт. Защита государственной церкви, по его мнению, не была связана с антикатолическим фанатизмом. Антикатолический национальный клуб, в большинстве своем консервативный по составу, он называл «пагубной организацией, чьи экстремистские взгляды не должны поощряться» [4]. Лучше, считал он, избегать поднятия таких опасных тем. Дерби описывал свою оппозиционную стратегию как «мастерское бездействие», «вооруженный нейтралитет» или «убийство с добротой». Так он инструктировал сторонников в апреле 1857 г.: «Разжигание разногласий и зависти между разрозненными элементами правительственного большинства должно быть нашей первоочередной целью; в то время как нам следует тщательно избегать умножения поводов для их голосования в согласии в ответ на предложение, выдвинутые нами» [6].

В свете докладов июня 1860 г. о неминуемом расколе кабинета Пальмерстона Дерби заявил: «Мы должны придерживаться, насколько это возможно, нашей политики obstruction каждого предложения либеральной стороны палаты» [7]. Характерно, что в 1851, 1855 и 1858 гг. именно радикальные предложения спровоцировали отставку вигов и либералов. В 1852 и 1866 гг. это утвердило веру Дерби в глубокий раскол в рядах его оппонентов. Это также дало шансы его надеждам на возможную партийную перестройку.

В марте 1867 г. тяжелая болезнь заставила Дерби фактически передать Дизраэли руководство правительством. В июле Дерби собрался провести проект парламентской реформы консерваторов через палату лордов. Такое напряжение сразу привело к рецидиву подагры и вынудило его вернуться к постельному режиму. В феврале 1868 г. ослабевший Дерби ушел в отставку с поста премьер-министра, и ему наследовал Дизраэли. До своей смерти в Ноусли в октябре 1869 г. Дерби пользовался авторитетом, хотя и продолжал стоять за спиной Дизраэли. В последний раз Дерби выступил в палате лордов в июне 1869 г., высказавшись против законопроекта Гладстона, по которому церковь Ирландии отделялась от государства. Политическая глупость этого закона, заявил он, сопоставима только с моральной несправедливостью. Покидая скамью и проходя мимо лорда Кэйрнса, он коротко заметил: «Мне ничего не остается, как пойти прочь» [13, р. 621].

После смерти Дерби быстро стали рассматривать как талантливое аристократическое украшение прошлой политической эпохи. С проведением реформы 1867 г. «популярная» политика 1870-х гг. стала крайне отличаться от политического мира, знакомого Дерби. Уолтер Бейджхот заметил во введении к своему изданию английской конституции 1872 г.: «Изменение с 1865 г. является изменением не в одной точке, но в тысяче пунктов; это не изменение отдельных деталей, оно носит всепроникающий характер» [1, р. 194—195]. Дерби был последним из тех, кого Бейджхот назвал «дореформенными»¹⁰ государственными деятелями, удерживавшими власть.

Способности и темперамент Дерби как представителя прошлого поколения не совпадали с теми качествами, которые требовались от партийного руководства начиная с 1870-х гг. Традиционно считается, что, будучи пэром в палате лордов, он не участвовал в общественных внепарламентских выступлениях или агитации. Он обладал, как отмечал его старший сын, «сильной неприязнью к тому, что они (политики. — А. Х.) стали объектом общественного любопытства» [17, р. 48]. Помимо Вестминстера и Сент-Джеймского дворца он бывал при дворе, посещал сельскохозяйственные выставки, музейные вернисажи и банкеты Консервативной партии, которые были для Дерби площадкой для выступлений перед местными сообществами. Избирательную кампанию Гладстона в Юго-Западном Ланкашире в ноябре 1868 г., во время которой он провел шесть выступлений под открытым небом в течение более трех дней, Дерби охарактеризовал как «вздор и бахвальство» [5]. Тем не менее к 1870-м и 1880-м гг. общественные кампании рассматривались как необходимое и эффективное представление руководства партии. После обращения Гладстона к 25-тысячной аудитории в Гринвиче в 1871 г. Бейджхот писал: «Это

будет одна из самых важных оценок способности премьер-министра оказать прямое влияние на массы» [2, р. 268]. Дерби оставался по существу вестминстерским политиком. Несмотря на возросшую роль политической журналистики в 1850-х гг., он прикладывал мало усилий к приручению прессы. Возможно, незадолго до его смерти, когда консерваторы подняли вопрос о подписке на приобретение «Глобуса» («Globe»), его ответ был резким: «Я не могу скрывать от вас, что, на мой взгляд, даже в политическом смысле нет более неудовлетворительного способа траты денег, чем покупка второсортной газеты» [3]. Он никогда не признавал растущую власть прессы. Это презрение вызвало обратную реакцию журналистов, что дало дополнительный толчок забвению Дерби потомками.

С 1870-х гг. политики — выходцы из среднего класса, такие как Гладстон и Дизраэли, стали общественными знаменитостями, олицетворявшими колоссальный разрыв между либералами и консерваторами. Сверстники, как лорд Хартингтон и лорд Солсбери, и сыновья пэров, как лорд Рэндольф Черчилль, с 1870-х гг. обращались к публике с целью заручиться поддержкой населения. Политические партии создали централизованные национальные организации для вовлечения масс. Профессиональные партийные агенты стали деятельными в избирательных округах, заменив клерков-любителей, работавших на временной основе. Введение голосования бюллетенями на парламентских выборах в 1872 г. покончило с открытым объявлением голосов. Стороны в парламенте стали более структурированными и дисциплинированными при голосовании. Принятие законодательства рассматривалось как основная цель парламента. В результате суверенитет парламента, бывший определяющим в понятии «парламентское правительство», распространенном с 1830-х по 1860-е гг., постепенно был вытеснен понятием избирательного суверенитета. Концепция «избирательного мандата» была признана в 1880 г. Всеобщие выборы, а не динамика палаты общин формировали правительства и отправляли их в отставку. Это был политический мир, далекий от того, в котором обитал Дерби. Такой, к которому он, несомненно, относился бы с патрицианским презрением.

Дерби не вдохновлял последующие поколения консерваторов. Не было написано многотомной «посмертной» биографии, такой, как, например, жизнеописание Дизраэли У. Ф. Монипенни и Дж. Е. Бакла. Наследие и афоризмы Дизраэли охотно использовались более поздними консерваторами: впервые это сделал лорд Рэндольф Черчилль при создании «торийской демократии». В 1924 г. Стэнли Болдуин ввел термин «консерватизм единой нации» в партийный лексикон¹¹. На протяжении XX в. историки доводили до блеска память о Пиле. Несмотря на двукратное «отречение» Пилы от своей партии (по вопросам католической эмансипации в 1829 г. и отмены Хлебных законов в 1846 г.), он стал для Нормана Гэша «основателем современного консерватизма». С 1970-х гг. существует крайне сомнительная характеристика лорда Солсбери, данная некоторыми историками и политиками, которая полна либеральных трюизмов и прогрессивных добродетелей; это идеалисти-

¹⁰ Речь идет об избирательной реформе 1832 г. — *Примеч. пер.*

¹¹ Дизраэли никогда не использовал термин «консерватизм единой нации», но, конечно, писал в романе «Сибил» 1844 г. об Англии, разделенной на «две нации», которые не знают ничего друг о друге, о социальной бездне, которую нужно преодолеть.

ческий образ подлинно едкого консервативного ума¹². Однако наследие Дерби не вдохновило его последователей.

Историография средневикторианского консерватизма в целом написана через призму восприятия Дизраэли — взглядом из Хьюэндина, нежели из Ноусли Холла. С такой точки зрения гений Дизраэли был подавлен грузом апатии и безразличия Дерби. Только после смерти Дерби алхимия риторики Дизраэли смогла превратить обычный металл социальных реформ в золото партийного триумфа и преобразовать непопулярную в прошлом монету империализма в мощное патриотическое чувство национальной идеи. Это скрыло масштабы критической зависимости часто ненадежного руководства Дизраэли палатой общин от одобрения Дерби. Это также затмило интеллект и преданность партии, составлявшие основу руководства Дерби консервативной политикой с 1846 по 1868 г.

Оценка достижений Дерби как лидера консерваторов, вышедшая из дизраэлианского мифа, позволяет понять критический и трудный период в истории партии. Под его руководством консерваторы никогда не имели большинства в палате общин. Все три его кабинета были правительствами меньшинства. Будучи пэром, руководившим партией из палаты лордов, он не обращался к внепарламентской аудитории, с которой говорили Пальмерстон и Гладстон в 1850-х гг. К политической прессе он относился с презрением. В 1846 г. Дерби нерешительно согласился возглавить обескровленную и приверженную политике протекционизма партию меньшинства, что проявило его политическую ответственность. Тем не менее он олицетворял аристократический консерватизм, обладая врожденной настороженностью по отношению к рьяному джингоизму, а также верой в то, что страна желает идти по пути поступательного прогресса.

Главным достижением Дерби была постепенная реабилитация консерваторов как партии, способной создать умеренное и ответственное правительство. Он постепенно изменил репутацию партии — ее видели теперь не как олицетворение разъяренного, атавистического, сельского протеста, а как надежного хранителя разумного прогресса. Это позволило партии выжить. В данном аспекте его раннее вигское политическое образование, данное ему 12-м графом Дерби (его дедом) и 3-м маркизом Ленсдауном, было ключевым. Намерение сохранить и способность улучшить, считал он, являются отличительными чертами успешного управления государством. Он также сохранил убеждение, что политическая власть в Англии покоится на гармонии взаимного доверия между заднескамеечниками и партийными лидерами в парламенте. Вести партийное мнение, а не указывать или игнорировать было обязательным условием эффективного руководства. В отличие от Пиля или Дизраэли Дерби никогда не относился к своим последователям с презрением. В 1867 г. со свойственной ему дерзостью Дизраэли утверждал, что «обучил» Консервативную партию. Но именно Дерби завещал преемникам партию, готовую к реформизму, и избавил ее от реакционности.

Пер. с английского Г. С. Аракеяна

¹² В 1971 г. историк Морис Коулинг, философ Роджер Скертон и другие сформировали Группу Солсбери. Морис Коулинг был редактором «Консервативных эссе», опубликованных в 1978 г., и «Солсбери ревью», изданного в 1982 г.

Список источников и литературы

1. *Bagehot W.* Introduction to the Second Edition 1872 // *The English Constitution* / ed. P. Smith. Cambridge, 2001.
2. *Bagehot W.* Mr Gladstone and the People // *Bagehot's Historical Essays* / ed. by N. St John-Stevas. L., 1971.
3. *Derby to Colville*, 12 September 1869 // *Liverpool City Archives. Derby Mss 197/2.*
4. *Derby to Disraeli*, 14 November 1853 // *Liverpool City Archives. Derby Mss 182/1.*
5. *Derby to Disraeli*, 22 November 1868 // *The Bodleian Library, Oxford. Hughenden Mss B/XX/S/505.*
6. *Derby to Disraeli*, 24 April 1857 // *The Bodleian Library, Oxford. Hughenden Mss B/XX/S/148.*
7. *Derby to Pakington*, 28 May 1860 // *Liverpool City Archives. Derby Mss 188/2.*
8. *Derby*, 1 March 1858 // *Hansard*, 3rd series. Vol. 149.
9. *Derby*, 27 February 1852 // *Hansard*, 3rd series. Vol. 119.
10. *Derby*, 9 July 1866 // *Hansard*, 3rd series. Vol. 174.
11. *Gash N., Southgate D., Dilks D., Ramsden J.* *The Conservatives: A History from their Origins to 1965.* L., 1977.
12. *Gladstone to the Duchess of Sutherland*, 28 December 1864 // *Morley J. The Life of William Ewart Gladstone.* L., 1903. Vol. 3.
13. *Granville to Queen Victoria*, 22 July 1869. *The Letters of Queen Victoria, Second Series* / ed. by G. E. Buckle. Vol. 1. P. 621.
14. *Hawkins A.* *The Forgotten Prime Minister, the 14 Earl of Derby: Achievement 1851—1869.* Oxford, 2008.
15. *Hawkins A.* *The Forgotten Prime Minister, the 14 Earl of Derby: Ascent 1799—1851.* Oxford, 2007.
16. *Lord Broughton. Recollections of a Long Life by Lord Broughton* / ed. by Lady Dorchester. L., 1909. Vol. 6.
17. *Stanley journal*, 26 February 1851. *Disraeli, Derby and the Conservative Party: The Political Journals of Lord Stanley, 1849—1869* / ed. J. Vincent. Hassocks, 1978.
18. *Monypenny W. F., Buckle G. E.* *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield.* L., 1918. Vol. 3.
19. *Stanley*, 25 May 1846 // *Hansard 3rd Series.* Vol. 86.
20. *The Times.* 1867. 18 Oct.
21. *The Times.* 1834. 22 Dec.
22. *The Times.* 1869. 25 Oct.

Об авторе

Ангус Хоукинс (*Angus Howkins*) — д-р истории, проф., Оксфордский университет (Великобритания); член Кейбл-колледжа (Оксфорд), член Королевского исторического общества, angus.hawkins@conted.ox.ac.uk

«Мастерское бездействие» Эдварда Дерби: фактор Генри Пальмерстона

Оспорено традиционное мнение о неумелой оппозиционной политике Эдварда Дерби в 1846—1868 гг. На основе эго-документов британских консерваторов (дневник Генри Стэнли, автобиография лорда Малмсбери, корреспонденция Бенджамина Дизраэли и др.) описаны условия создания и суть тактики «мастерского бездействия». Определена роль Генри Пальмерстона во внутренней политике Великобритании в 1855—1865 гг. и в успешности тактики «мастерского бездействия», позволившей консерваторам провести реформу избирательного права в 1867 г.

Ключевые слова: Британская империя, викторианская эпоха, Консервативная партия Великобритании, консерватизм, «мастерское бездействие», Эдвард Дерби.

Российские и британские историки традиционно сходятся во мнении относительно «некомпетентности Дерби» в годы его лидерства в Консервативной партии в 1846—1868 гг. [1; 2, с. 84; 5, р. 60; 11, р. 139]. Аргументация при отстаивании данной точки зрения сводится к указыванию на краткосрочность пребывания консерваторов у власти в этот период: на протяжении двадцати двух лет лидерства Дерби ключи от Даунинг-стрит, 10 принадлежали ему всего около пяти лет, в то время как в оппозиции консерваторы провели более 17. Однако более обоснованной представляется другая точка зрения, высказанная О. А. Науменковым: «Фазы откровенной пассивности не были ни признаком деградации партийных структур, ни результатом деятельности ленивого и бездарного руководства, но тщательно рассчитанным, последовательным и по существу агрессивным ответом на весьма тонкую и коварную стратегию Пальмерстона» [3, с. 93]. В британской историографии Эдварду Дерби воздаст должное за продуманную оппозиционную политику признанный специалист в истории викторианской эпохи А. Хоукинс [10, р. 231—311]. Как отмечено О. А. Науменковым, Пальмерстон доминировал в британской политике в 1855—1865 гг., поэтому важно учесть его роль при изучении успеха и целесообразности применения тактики «мастерского бездействия» Дерби в 50—60-х гг. XIX в.

Несмотря на то что принципы подобного поведения оппозиции применялись с первых дней лидерства Дерби в партии, фраза «мастерское бездействие» (*masterly inactivity*) впервые появилась в его письме к лорду Малмсбери от 4 декабря 1860 г.: «Наша политика в этом году, как и в прошлом, должна быть “мастерским бездействием”, это представляется наиболее приемлемым» [7, р. 242]. Под «мастерским бездействием» Дерби подразумевал программу пассивной деятельности фракции консерваторов в палате общин, которая включала в себя неконфликтное поведение по отношению к бывшим однопартийцам-пилитам с целью дальнейшего воссоединения и преодоления раскола 1846 г.; поддержку антиреформистского курса премьер-министра, который полностью устраивал консерваторов; принятие «разумных» нововведений либерального кабинета ради избавления от репутации реакционеров и формирования образа пар-

тии, поддерживающей «прогресс»; стравливание различных идеологических группировок, преследовавших свои цели и входивших в Либеральную партию, чтобы ее расколоть.

Тактика бездействия была обусловлена рядом причин, среди которых — неспособность формирования чисто консервативного правительства с политической программой, востребованной населением, конфликты внутри Либеральной партии и, наконец, позиция и влияние лидера либералов — Генри Пальмерстона.

Безусловно, консерваторы переживали тяжелые времена по причине партийного раскола 1846 г., последовавшей за ним нехватки талантливых кадров и возросшего реформистского движения в обществе. Консервативная партия не могла сформировать долгосрочное правительство, поскольку сильно уступала объединенной Либеральной партии в численности депутатов палаты общин: в 1857 г. — на 100 человек, в 1859-м — на 59, в 1865-м разница составляла 81 человека [6, р. 61]. Меньшинство в парламенте было одной из причин выбора пассивной оппозиционной тактики. Другой причиной стремления к неконфликтной оппозиции было желание Дерби предоставить возможность пилитам вернуться в ряды Консервативной партии. Отдавая должное Дерби, следует отметить, что в течение нескольких лет после партийного раскола 1846 г. в ряды консерваторов вернулись более 70 пилитов.

Следующая причина — разрозненность рядов вновь созданной Либеральной партии, включавшей в себя пилитов (лорд Абердин, Дж. Грэхэм и У. Гладстон), вигов (Дж. Рассел), радикалов-фритредеров (Р. Кобден и Дж. Брайт) и ирландских националистов (Д. О’Коннелл) и возглавляемой бывшим тори ви-контом Генри Пальмерстоном. Эклектичность состава либералов была одной из карт, которую Дерби стремился разыграть. Он призывал сторонников не выступать открыто против либеральных кабинетов, стараясь при этом разжечь разногласия между радикалами, вигами и либералами [3, с. 85; 12, р. 91—92]. Очевидно, не все однопартийцы были согласны с подобной программой действий: Дизраэли стремился к активной оппозиционной деятельности и осуждал главу партии за пассивность, иногда позволяя себе «во всеуслышание жаловаться на партийную апатию» [13, р. 210].

Наряду с указанными причинами представляется верным отметить ключевой субъективный фактор, а именно — роль Г. Пальмерстона. Старый Пэм, как его называли современники, был аристократом до мозга костей, выходцем из партии тори. Смена партии Пальмерстоном была вызвана не стремлением проводить либеральные реформы, а желанием заполучить власть, так как не представлялось возможным обойти Р. Пиля и других консервативных лидеров в гонке за партийное лидерство. Существует ряд ярких оценок сущности воззрений Пальмерстона, среди них заслуживают внимания слова О. А. Науменкова о том, что «он был либералом по привычке, но ярким антиреформистом по духу» [3, с. 84], и точное определение В. В. Сергеевым взглядов политика как «странного либерализма» [4]. Историк справедливо указывает на то, что либерализм Пальмерстона «выполнял лишь роль идеологического прикрытия эгоистической внешней политики английских правящих кругов» [4, с. 13]. Это же утверждение вполне справедливо для внутренней политики лидера либералов.

Едва ли у Дерби были варианты для выбора более жесткой оппозиционной деятельности. Излюбленный козырь британских консерваторов — предостережение об опасности радикальных и революционных нововведений, разрушающих безупречный конституционный строй империи, был выбит из рук Дерби пассивностью самого Пальмерстона, не предпринимавшего попыток какого бы то ни было реформирования, не говоря уже о радикальном.

Интересна *внешняя* схожесть фигур Дерби и Пальмерстона: они оба были наследниками древних британских аристократических родов, страстными поклонниками скачек и охоты, многократно приглашали друг друга на охоту, переписка между ними содержала не только обсуждение политических тем, но и довольно дружеский обмен новостями и неполитическими деталями. Они имели схожее политическое происхождение: хотя консерватор Дерби был в прошлом вигом, а либерал Пальмерстон начинал политическую карьеру в качестве депутата тори, оба они были последователями Дж. Каннинга и входили в реформистское правительство графа Грея 1830—1834 гг. Таким образом, представляется возможным отметить совпадение ранних политических воззрений Дерби и Пальмерстона. Их идеологическую близость признавали и современники: практически вся политическая элита страны была уверена, что Пальмерстон присоединится к формирувавшемуся правительству Дерби 1852 г. [14, р. 90; 10, р. 95]. Пальмерстон же в свою очередь предложил пост Генри Стэнли, старшему сыну Дерби, в кабинете 1855 г. Несколькими годами позднее Дизраэли обещал Пальмерстону место главы партии после отставки нынешнего лидера, а также поддержку «настолько консервативного, насколько Вы пожелаете» проекта готовившейся избирательной реформы [8, р. 370].

Во избежание неточности важно отметить, что схожими взгляды Пальмерстона и Дерби были исключительно по внутривнутриполитическим вопросам, в то время как во внешней политике Дерби следовал изоляционистской и пацифистской концепции, а Пальмерстон, напротив, продвигал идею джингоизма и активного вмешательства в европейские дела.

Став премьер-министром в возрасте 71 года, Пальмерстон не планировал проведение внутривнутриполитических реформ, которых требовали его коллеги-радикалы, и даже осуждал их за стремление продолжить расширение избирательного права [4, с. 9]. Консерваторы не могли не быть удовлетворены подобным положением вещей: либеральное правительство действовало куда более антиреформистски, чем могла бы себе позволить Консервативная партия, находясь у власти. Дерби, в частности, отмечал: «...поскольку Пальмерстон держит игру в своих руках... следует добиваться того, чтобы он вел ее в нашем духе» (цит. по: [3, с. 84—85]). Он призывал сторонников поддерживать премьер-министра в противовес инициативам реформистски настроенных Рассела, Гладстона и Кобдена. Консерваторы открыто заявляли о намерении поддержать премьер-министра в случае, если пилиты и радикалы объединятся против него с целью настоять на проведении парламентской реформы [10, р. 246].

Пассивная внутривнутриполитическая программа второго кабинета Пальмерстона (1859—1865) в значительной степени заморозила политическую жизнь Вестминстера. Это нашло отражение в мемуарах и переписке современников. Дизраэли, например, жаловался на то, что «внешняя общественная жизнь более интересна и активна, чем внутренняя политическая» [9, р. 252]. Пальмерстон

неоднократно отклонял проект реформы избирательного права 1860—1865 гг., что позволило консерваторам провести собственный билль в 1867 г.

Таким образом, вопреки традиционному мнению о «некомпетентности Дерби», выбор тактики «мастерского бездействия» был верным в условиях господства либералов во главе с Пальмерстоном и позволил завершить восстановление партии после раскола 1846 г., отойти от формулирования негативной политической программы, сформировать обновленную политическую программу, известную как теория «консервативного прогресса», и реализовать ее через проведение собственного проекта реформы избирательного права, что и произошло в 1867 г.

Список источников и литературы

1. Аракелян Г.С. «Мог составить реальную конкуренцию Бенджамину Дизраэли»: отечественная историография об Эдварде Дерби // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2014. Вып. 8. С. 112—127.
2. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. 1815—1917. М., 1957.
3. Науменков О.А. Граф Дерби: у истоков теории консервативного прогресса // Викторианцы: столпы британской политики XIX века. Ростов н/Д, 1996. С. 78—95.
4. Сергеев В.В. «Странный либерализм» лорда Пальмерстона // Национализм, консерватизм и либерализм в Новой и Новейшей истории Запада. Калининград, 1996. С. 8—13.
5. Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. L., 1970.
6. *British Electoral Facts 1832—2006* / ed. by C. Ralling and M. Trasher. Bodmon, 2000.
7. *Derby to Malmesbury, 4 December 1860* // Malmesbury, earl of. *Memoirs of an Ex-Minister. An Autobiography*. L., 1885. Vol. 2. P. 241—242.
8. *Disraeli to Palmerston, 25 May 1859* // Benjamin Disraeli Letters: 1860—1864 / ed. by M. S. Millar, A. P. Robson, M.G. Wiebe, E. L. Hawman. Toronto, 2009. Vol. 8. P. 368—370.
9. *Disraeli to Sarah Brydgs Willyams, 7 February 1863* // Ibid. P. 251—252.
10. Hawkins A. *The forgotten Prime Minister: the 14th Earl of Derby: Achievement, 1851—1869*. Oxford, 2008. Vol. 2.
11. Gash N., Southgate D., Dilks D., Ramsden J. *The Conservatives: A History from their Origins to 1965*. L., 1977.
12. *Stanley journal, 20 December 1852* // Disraeli, Derby and the Conservative Party: The Political Journals of Lord Stanley, 1849—1869 / ed. by J. Vincent. Hassocks, 1978. P. 91—92.
13. *Stanley journal, 9 February 1853* // Ibid. P. 96.
14. *Stanley to Disraeli, 19 July 1852*. // Benjamin Disraeli Letters: 1852—1856 / ed. by M. S. Millar, M.G. Wiebe, A. P. Robson. Toronto, 1997. Vol. 6. P. 88—90.

Об авторе

Грач Сережаевич Аракелян — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), Arakelyan.grach@yandex.ru

Образ джентльмена в английской художественной литературе XIX века: опыт исторической типологии

Предпринята попытка систематизировать образы джентльмена в ряде произведений английской художественной литературы XIX в. Выделено несколько типажей джентльменов, выявлена специфика их образов и определена степень соответствия выделенных типов социальным реалиям XIX в.

Ключевые слова: английская художественная литература XIX в., викторианская Англия, джентльмен.

Едва ли найдется книга в английской литературе или персонаж в английской истории, которые не говорили бы что-то о понятии «джентльмен». Все, на что можно надеяться, — это пролить свет на некоторые стороны этого понятия.

Филипп Мэйсон [21, р. 14]

Английская художественная литература является одной из визитных карточек Великобритании, а XIX в. стал периодом бурного развития литературного творчества, большая часть которого приходится на викторианскую эпоху. Специалист по викторианской литературе Дж. Сатерленд отмечает, что за период 1837—1901 гг. в Великобритании вышло в свет около 60 тыс. романов, что составляло одну пятую всех изданных книг за это время [11].

Нельзя недооценивать значимость художественных произведений XIX в. для изучения феномена английского джентльменства и повседневной жизни лиц, обладавших этим статусом. Преобладающим жанром в Англии на протяжении большей части XIX столетия был социальный роман, описывавший наиболее важные проблемы общества. Джентльмены часто выступали действующими лицами произведений, а на страницах викторианских романов встречались противоречивые характеристики их образов.

Цель статьи — проанализировать внутреннюю структуру категории «джентльмен» на основе характеристик, данных в художественной литературе, и реалий Англии XIX в. В основу работы положен методологический подход Ю. М. Лотмана (см., напр.: [7]). Он заключается в сопоставлении деталей произведения с известной исследователю информацией из других источников, что позволяет плодотворно использовать художественную литературу как исторический источник. Было проанализировано двадцать восемь текстов, написанных в 1820—1910-х гг. Для анализа были отобраны произведения авторов, оказывавших значительное влияние на широкие круги английского общества того времени.

Для категории джентльменов XIX в. стал эпохой перемен. Джентльмен первой половины столетия был представителем аристократических кругов, но во второй половине под воздействием внешних процессов — усиления роли буржуазии, развития путей сообщения, ускорившего темпы жизни населения, социальной урбанизации — происходили демократизация и постепенное обуржуазивание образа джентльмена.

В историографии описаны черты образцового поведения, которое регулировалось нормами морали и было положено в основу кодекса джентльмена. Во взаимоотношениях идеалом было ровное, сдержанное обращение [3, с. 172], при общении с женщинами — всегда учтивость и вежливость [23, р. 272]. Одной из главных добродетелей джентльмена считалась честность — она проявлялась, в частности, в установке побеждать по правилам в любых соревнованиях [9, с. 138]. Суровая закладка джентльмена, привитая спортивным воспитанием, позволяла ему стойчески переносить различные телесные неудобства и лишения [3, с. 172]. Это порождало уравновешенность и невозмутимость в любых обстоятельствах.

Для исследования обобщенного художественного образа джентльмена целесообразно использовать комплексный критерий: связь аристократического происхождения и благородного поведения, привитого соответствующим воспитанием и обучением (см., напр.: [15, р. XXXII, XXXV; 8, с. 348; 3, с. 169, 171]).

Применение этого критерия при изучении произведений английских писателей XIX в. помогает установить, что английские джентльмены не описывались авторами как однородная и монолитная социальная группа. Еще на рубеже XVII — XVIII вв., например, Д. Дефо указывал, что джентльмена можно определить как минимум по одному из двух признаков: 1) древняя и знатная родословная и 2) достойное поведение — результат полученного образования [15, р. 3]. Именно последний признак писатель считал ключевым в определении человека как настоящего джентльмена. По такой трактовке и сам Д. Дефо, будучи сыном мясоторговца, имел все основания считаться джентльменом при условии соответствия в своем поведении нормам морали. На основе различных комбинаций указанных признаков выстраивается типология джентльменов, описанных в литературе (табл.).

Признак	Знатное происхождение	Незнатное происхождение
Благородное поведение	I тип Истинный джентльмен Кенелм Чиллингли (Э. Бульвер-Литтон) Шерлок Холмс (А. Конан Дойл)	III тип Настоящий джентльмен (по Дефо) Уильям Доббин (У. Теккерей)
Неподобающее поведение	II тип Циничный аристократ Реджинальд Каф (У. Теккерей) Флэшмэн (Т. Хьюз)	IV тип Фиктивный джентльмен Джозеф Седли (У. Теккерей)

Первый тип джентльмена представляет собой органичное сочетание обоих признаков. Тип «истинного джентльмена» реализован, например, в лице таких персонажей, как Кенелм Чиллинглы у Э. Бульвер-Литтона и Шерлок Холмс у А. Конан Дойла.

Кенелм Чиллинглы, единственный сын баронета, происходит из дворянской среды. Образование он получает в престижной школе, сочетавшей черты *паблик скулз* и государственных школ. Его нравственный склад хорошо описывают слова статьи ирландского писателя Ричарда Стила о совершенном джентльмене, опубликованной в газете «Гардиан» (*The Guardian*) в 1713 г.: «...ему присуще такое достоинство и такое величие, какими только может обладать человек». «Ясный ум, свободный от предубеждений, и обширные познания» (цит. по: [9, с. 139]) — то, что характеризует его интеллектуальное развитие. Образ идеального джентльмена, представленный Э. Бульвер-Литтоном, дополняет типичная черта — навыки бокса, игравшего важную роль в воспитании английской аристократии. «Кенелм восхищал пастора тем, что продолжал свои атлетические занятия и даже сделался знаменит в школе бокса, которую аккуратно посещал, как и подобает лондонскому джентльмену» [2, с. 44], — так оценивает Э. Бульвер-Литтон значимость бокса. Описание поведения джентльмена в обществе имеет точную аналогию с характеристикой русского дворянства у Ю. М. Лотмана: «Длительные тренировки под руководством профессиональных специалистов вырабатывали в воспитанном дворянине умение свободно владеть своим телом, культуру жеста и позы, умение непринужденно чувствовать себя в любой ситуации» [7, с. 127].

Воспитание детей высших кругов в Российской империи отличалось от воспитания детей английской знати в основном тем, что в России оно было во многом индивидуальным и домашним, тогда как в Англии традиционной чертой было привитие духа коллективизма вдали от родных стен. При этом в обеих странах в XIX в. выделяются институты, схожие по своим функциям, — лицеи в России и *паблик скулз* в Англии. Основным их назначением была подготовка политической элиты государства. Другой особенностью было их небольшое число: в России при ближайшем рассмотрении можно было выделить семь значительных лицеев, а в Англии Кларендонская комиссия определила девять элитных школ [6, с. 197]. Идеалом выпускника таких заведений был описанный у Ю. М. Лотмана «воспитанный дворянин». Ряд сходств в воспитательном процессе российской и английской элит дает повод к проведению сравнительного анализа в этой области, обогащающего понимание роли *паблик скулз* в формировании характеров джентльменов данного типа¹. Обратит внимание при этом следует и на большой вклад, внесенный в компаративистику на материале элит России, Англии и Германии британским историком Д. Ливеном [6; 20].

Другим примером «идеального джентльмена» выступает Шерлок Холмс. В рассказе «Случай с переводчиком» встречается указание на его дворянское происхождение [5, с. 171]. Из повести «Этюд в багровых тонах» можно сделать вывод о том, что Холмс по образованию химик [14, chapter 1]. К аристократическим чертам сыщика следует отнести умение фехтовать и владение боксом.

¹ Подобный опыт зафиксирован в статье американского исследователя Р. Уилкинсона, сопоставлявшего образование в *паблик скулз* и в учреждениях императорского Китая [28].

Образу джентльмена, воплощенному в главном герое рассказов А. Конан Дойла, присуща внешняя невозмутимость, отражающая джентльменскую установку на сдержанность в проявлении эмоций. Думается, в дальнейшем массовость этой группы определила в образе джентльмена тесное сочетание аристократизма и образцового поведения, причем как в художественной литературе, так и в представлениях англичан XIX столетия.

Дворяне по происхождению, чья модель поведения не была подчинена моральным императивам, составляют *второй тип*.

Поведение и отношение к окружающему миру джентльменов этой категории было продиктовано сознанием собственного превосходства. Таков Реджинальд Каф, герой «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея. Его модель поведения традиционна для представителей класса аристократии и дворянства. «У него в комнате стояли сапоги с отворотами, в которых он охотился во время каникул. У него были золотые часы с репетицией, и он нюхал табак не хуже самого доктора Порки... Он бывал в опере и судил о достоинствах главных артистов... Он мог за один час вызубрить сорок латинских стихов» [10, с. 69]. Отношение таких джентльменов к окружению пропитано свойственным аристократам цинизмом. Это подтверждается в описании У. Теккереем взаимоотношений Кафа со сверстниками: «Признанный король школы, Каф правил своими подданными и помыкал ими, как непререкаемый владыка. <...> Доббина он особенно презирал и ни разу даже не обратился к нему по-человечески» [10, с. 69].

В эту категорию вписывается и другой персонаж — герой романа Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» Флэшмэн, ученик школы Рагби. Будучи старшеклассником, Флэшмэн с приятелями издевается над младшими школьниками, а с появлением в стенах Рагби Тома Брауна он превращает жизнь новичка в мучения. Впоследствии Том отказывается прислуживать «подлецу Флэшмэну, который ни с кем не разговаривает без того, чтобы не пнуть или не обозвать того» [19, chapter 8].

В данном случае художественный вымысел, рисующий образы спесивых аристократов, оказывается недалек от реалий викторианской эпохи, где обнаруживаются одиозные фигуры наподобие небезызвестного Джона Шолто Дугласа, 8-го (по другим подсчетам 9-го) маркиза Куинсберри. В декабре 1872 г. маркиз стал главным действующим лицом скандала, разгоревшегося в отеле Чаринг-Кросс в Лондоне. Основным источником сведений об этом инциденте стали еженедельные английские газеты «Рейнолдс Уикли Ньюспейпер» (*Reynolds's Weekly Newspaper*) и «Ллойдс Уикли Ньюспейпер» (*Lloyd's Weekly Newspaper*). Намереваясь посетить друга, проживавшего в отеле, маркиз пошел к его номеру путем, указанным обслуживающим персоналом, но не смог найти дорогу. Пощитав, что его ввели в заблуждение намеренно, маркиз накричал на носильщиков, оскорбив их, вследствие чего для урегулирования ситуации в скандал вмешался работавший в отеле детектив Том Тоби (см. подробнее об этом: [13]). «Рейнолдс Уикли Ньюспейпер» передает следующие слова детектива: «...я увидел, что он [маркиз] собирался ударить носильщика и вмешался. Подсудимый поднял руку. Я потребовал, чтобы он покинул здание. Не ответив, он сильно ударил меня по лицу... После этого он выбежал из отеля» [18].

Кейс маркиза Куинсберри представляет джентльмена не как человека, обязательно соответствующего всем мыслимым нормам приличия в обществе,

а напротив, как персону, глубоко убежденную, что знатность и богатство из-бавляют его от необходимости следовать общепринятым правилам. Сложно установить, насколько широкий размах имели такие инциденты, но Э. Милн-Смит пишет об освещавшейся в прессе левого толка череде скандалов с участием аристократов [22, р. 285]. Такие свидетельства являются не менее ценными, чем описания достоинств отдельных личностей, так как позволяют дополнить картину социальной жизни джентльменов в XIX в. разными проявлениями человеческой природы.

Третий тип — это персонажи, которые лишены благородного происхождения, но в поведении руководствуются моральными нормами, присущими джентльменам.

Таким рисует У. Теккерей своего героя Уильяма Доббина, описывая детство, а затем и годы возмужавшего молодого человека. Уильям, носивший в частной школе кличку «Слива», был обязан ей профессии отца — владельца бакалейной лавки. Однако отсутствие знатного происхождения у героя компенсируется благородством природы, что проявляется в его заступничестве в школе за младшего ученика. Природная скромность мешает его личному счастью. Далее по ходу романа Уильям становится офицером британской армии. Военная карьера, как отмечает О. Б. Вайнштейн, наряду с карьерой священнослужителя и государственного деятеля считалась одним из немногих поприщ, соответствовавших джентльменскому достоинству [3, с. 171]. О чертах внешнего облика джентльменов этого типа А. Смит-Палмер пишет: «Все его поведение и манера держаться мужественны и благородны» [24, р. 248].

Воплощением этого типа джентльменов стал «выдающийся викторианец»², реформатор английского школьного образования Томас Арнольд. Его первый биограф, английский священнослужитель Артур Пенрин Стэнли, опубликовал в 1844 г. книгу «Жизнь и корреспонденция Томаса Арнольда», которой в 1918 г. пользовался писатель и литературный критик Литтон Стрэчи для создания биографии директора Рагби. Т. Арнольд вырос в семье таможенного работника, что закрывало ему дорогу в знатное общество, однако обучение в Винчестере, затем оксфордское образование и карьера священнослужителя позволяли считать Т. Арнольда джентльменом. В биографических трудах, посвященных Т. Арнольду, характеристика личных качеств представлена достаточно скромно. Некоторые представления о них можно получить, рассмотрев взгляды «выдающегося викторианца» на образ джентльмена. Самого Т. Арнольда еще в молодости беспокоило отсутствие христианских принципов в литературе, которой он пользовался в годы работы в школе [26, р. 179]. Недостаток нравственных ориентиров у подрастающих поколений джентльменов побуждает Т. Арнольда обратиться к религиозным аспектам воспитания. В одном из своих выступлений перед учениками Рагби директор школы заявляет: «Нет никакой необходимости в том, чтобы в этой школе было триста, сто или пятьдесят учеников, однако нужно, чтобы это была школа христианских джентльменов» [25, р. 101].

² Л. Стрэчи посвятил сочинение «Выдающиеся викторианцы» (1918) [26] четырем значительным фигурам викторианской эпохи — кардиналу Генри Эдварду Мэннингу, общественному деятелю Флоренс Найтингейл, директору школы Рагби Томасу Арнольду и генералу британской армии Чарльзу Гордону.

Отголоски речи Т. Арнольда в дальнейшем встречаются в трактате «Английский джентльмен: его принципы, чувства, манеры, занятия» (1849), изданном спустя семь лет после смерти реформатора английского образования: «Первый принцип... заключается в том, что ни один мужчина не может в полной мере именоваться джентльменом, не будучи верующим» [17, р. 11]. В романе «Кенелм Чиллингсли» родственники главного героя стараются найти для него в качестве наставника человека ученого и светского, но настоящего христианина [2, с. 40].

Выбранный критерий типологии побуждает отнести к джентльменам этого типа, поступающим по справедливости и готовым оказать поддержку, также и тех, кого Дж. Э. Адамс называет «амбициозными джентльменами» (*aspiring gentlemen*) [12, р. 442]. Этих персонажей исследователь обнаруживает в произведениях британского писателя XIX в. Уолтера Пэйтера. Их «амбициозность» выражается в сознательном подражании манерам знати (в данном случае джентльменов первого типа), через которое они приобщаются к обществу уважаемых людей, приобретая определенный статус. Их поведение можно назвать поведенческой стратегией получения места в обществе. Таким образом, наблюдается усложнение типологии даже в рамках отдельного третьего типа, к которому относятся лица, чьи поступки согласуются с императивом морали, и те, кто подражают поведению джентльменов и сами де-факто становятся в результате этого джентльменами.

Четвертый тип не имеет вовсе ничего общего с «истинным джентльменом», однако есть категория персонажей в английской художественной литературе, которые парадоксальным образом также определяются авторами как джентльмены. Ярким примером подобного типа в «Ярмарке тщеславия» выступает Джозеф Седли, сын преуспевающего коммерсанта. Знатным происхождением мистер Седли не обладает, равно как не отвечает и джентльменскому императиву сдержанности в проявлении эмоций. Он «читал газету у камина, когда обе девушки вошли; при их появлении он вскочил с кресла, густо покраснел и чуть ли не до бровей спрятал лицо в косынку» [10, с. 42]. Более того, герой У. Теккерей связан с коммерческой деятельностью, являясь сотрудником Ост-Индской компании. Коммерция же начисто исключалась из диапазона занятий, достойных джентльмена. В категорию таких «джентльменов» у Ч. Диккенса в «Пиквикском клубе» попадают представители театральной профессии: «...мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии (*this gentleman is a member of the same profession*)» [4, с. 43]. Достаточно одиозный образ встречается у Э. Троллопа в романе «Барчестерские башни», где автор называет джентльменами алчных охотников за деньгами женщин: «Элинора еще не научилась видеть в своих деньгах источник опасности, она еще не привыкла считать себя законной дичью, на которую охотятся голодные джентльмены»³. Не менее любопытно причисление воров к числу джентльменов, встречающееся в социальном романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» [16, chapter 9]. Там же человек, способный оскорбить и поднять руку на более слабого, называется джентльменом.

³ В оригинале: «But Eleanor had not yet learnt to look on her money as a source of danger; she had not begun to regard herself as fair game to be hunted down by hungry gentlemen» [27, chapter 42].

Несмотря на присутствие в художественной литературе джентльменов данного типа, в английской действительности XIX в. фактов отнесения к джентльменам лиц, не отличавшихся ни знатным происхождением, ни достойным поведением, по другим источникам обнаружить пока не удалось.

Вероятно, определение подобных людей как джентльменов в еще большей степени свидетельствует о размывании уже в первой половине XIX в. изначально четких сословных границ понятия. Появление коннотаций понятия «джентльмен» в произведениях писателей первой половины XIX столетия обращает внимание на изменения, происходившие в английском обществе уже в начале викторианской эпохи. Анализ художественной литературы и социальных реалий Англии XIX в. показывает, что категория джентльменов, имевшая общее название и на первый взгляд представлявшая монолитную социальную группу, неоднородна. В художественных произведениях образ джентльмена реализован в четырех типах, выделенных с учетом набора присущих каждому типу признаков.

Эти особенности также подтверждают ценность художественной литературы для исторических исследований и, кроме того, открывают перспективу исследования явления джентльменства с привлечением инструментария *истории понятий* — направления в исторической науке, методологические принципы которого были сформулированы немецкими историками (Р. Козеллеком, О. Бруннером, В. Конце) и их британскими коллегами (Дж. Пококом, Кв. Скиннером). Изучение истории понятия «джентльмен» и дальнейшее выявление соответствующих социальных реалий — взаимосвязанные задачи по уточнению нашего понимания одного из самых характерных образов викторианского общества.

Список источников и литературы

1. *Бульвер-Литтон Э.* Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена / пер. В. Хинкиса, А. Кулишер, Н. Рыковой. М., 1988.
2. *Бульвер-Литтон Э.* Кенелм Чиллингги, его приключения и взгляды на жизнь / пер. Е. Ахматовой, Л. Завьяловой. М., 1985.
3. *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2012.
4. *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. А. Кривцовой, Е. Ланна. СПб., 2013.
5. *Дойл А. К.* Малое собрание сочинений / пер. М. Баранович, Л. Боровой, Н. Войтинской и др. СПб., 2012.
6. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000.
7. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983.
8. *Овчинников В.В.* Сакура и дуб. М., 2011.
9. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / пер. К. Душенко. М., 1987.
10. *Теккерей У.* Ярмарка тщеславия: Роман без героя / пер. М. Дьяконова. М., 2013.
11. *A Companion to the Victorian Novel.* URL: http://ezproxy-prd.bodleian.ox.ac.uk:2212/subscriber/uid=959/book?id=g9781405132916_9781405132916 (здесь и далее дата обращения: 23.07.2015).
12. *Adams J.E.* Gentleman, Dandy, Priest: Manliness and Social Authority in Pater's Aestheticism // *English Literary History.* 1992. Vol. 59, № 2. P. 441—466.
13. *Charge of Assault against the Marquis of Queensberry* // *Lloyd's Weekly Newspaper.* 1872. 8 Dec.

14. *Conan Doyle A.* A Study in Scarlet. URL: <http://www.gutenberg.org/files/244/244-h/244-h.htm>
15. *Defoe D.* The Compleat English Gentleman. L., 1890.
16. *Dickens Ch.* Oliver Twist or the Parish Boy's Progress. URL: <http://www.gutenberg.org/files/730/730-h/730-h.htm>
17. *English Gentleman.* The English Gentleman: His Principles, His Feelings, His Manners, His Pursuits. L., 1849.
18. *Fight between a Marquis and a Detective* // *Reynolds's Weekly Newspaper.* 1872. 8 Dec.
19. *Hughes Th.* Tom Brown's Schooldays. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1480/1480-h/1480-h.htm>
20. *Lieven D.C.B.* The Aristocracy in Europe. N. Y., 1992.
21. *Mason P.* The English Gentleman: The Rise and Fall of an Ideal. L., 1993.
22. *Milne-Smith A.* Queensberry's Misrule: Reputation, Celebrity, and the Idea of the Victorian Gentleman // *Canadian Journal of History.* 2013. Vol. 48, № 2. P. 277—306.
23. *Mitchell S.* Daily life in Victorian England. Westport, 2009.
24. *Smythe-Palmer A.* The Ideal of a Gentleman, or a Mirror for Gentlefolks, a Portrayal in Literature from the Earliest Times. L., 1908.
25. *Stanley A.P.* The Life and Correspondence of Thomas Arnold. L., 1844. Vol. 1.
26. *Strachey L.* Eminent Victorians. L., 1932.
27. *Trollope A.* Barchester Towers. URL: <http://www.gutenberg.org/files/3409/3409-h/3409-h.htm>
28. *Wilkinson R.H.* The Gentleman Ideal and the Maintenance of a Political Elite. Two Case Studies: Confucian Education in the Tang, Sung, Ming and Ching Dynasties; and the Late Victorian Public Schools (1870—1914) // *Sociology of Education.* 1963. Vol. 37, № 1. P. 9—26.

Об авторе

Алексей Анатольевич Давиденко — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), adav@list.ru

И. М. Узародов

Редьярд Киплинг: политические взгляды и ирландский вопрос

Рассмотрены политические взгляды выдающегося британского писателя и поэта, лауреата Нобелевской премии в области литературы Р. Киплинга, которые раскрылись в полной мере в связи с проблемой предоставления Ирландии самоуправления. Показано его отношение к ирландской автономии и участие в борьбе против третьего гомруля.

Ключевые слова: гомруль, Ирландия, Киплинг, ковенант, консервативная идеология, Ольстер, Соединенное Королевство, тори.

Накануне Первой мировой войны в центре политической борьбы Соединенного Королевства оказался вопрос о предоставлении Ирландии государственности в виде автономии (гомруля). Ирландская националистическая партия добилась внесения в парламент третьего билля о гомруле, что побудило

консервативные силы Англии и ирландской провинции Ольстер выступить против. В их рядах вместе с многими представителями английской элиты находился и Редьярд Киплинг — популярный писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии в области литературы.

Исследователь творчества Киплинга Э. Шенкс отметил, что невозможно писать о нем и не посвятить значительную часть работы политике. По его мнению, Киплинг представлял собой проповедника, твердо придерживавшегося принципов исповедуемой политической доктрины, что и было движущей силой его деятельности. Хотя он никогда не излагал свои политические идеи в концентрированном виде, они постоянно присутствовали в его произведениях [22, р. 7]. Именно в связи с ирландским вопросом политические взгляды писателя раскрылись в полной мере. Цель статьи — рассмотреть отношение Киплинга к гомрулю, а также его участие в борьбе с ирландской автономией.

Киплинг поселился в Англии в 1902 г., купив загородный дом в графстве Сассекс, где и прожил до конца своих дней. К этому времени у него уже имелись сложившиеся политические взгляды, и современники не случайно называли Киплинга империалистом [1, с. 5]. Он, действительно, воспевал величие империи, рассказывал о повседневной жизни и труде в колониях, о людях этого мира — английских чиновниках, солдатах и офицерах, которые создавали и отстаивали империю за тридевять земель от родных ферм и городов, лежащих под благословенным небом Старой Англии.

Взгляды писателя вполне соответствовали духу эпохи. Ведь к концу XIX в. завершился колониальный раздел мира, и европейские империи закрепили свое господство над другими народами. Но самой большой и могущественной была Британская империя. Неудивительно, что патриотическое творчество Киплинга находило многочисленных поклонников. Конечно, не всем нравился исповедовавшийся им патриотизм. Например, известный писатель и современник Киплинга Г. К. Честертон считал его патриотизм далеко не самым лучшим проявлением чувств по отношению к своей родине и язвительно указывал, что тот любит Англию не потому, что она — Англия, а потому, что она — большая (цит. по: [21, р. 14]).

Но Киплинг на самом деле любил свою страну и поэтому, как указывает Э. Уилсон, выступал против любой расы или нации, если она бросала вызов Британской империи. Он также был против любой организации (вроде Либеральной партии или Фабианского общества) или отдельной личности, если они критиковали имперскую политику. Его отношение к ирландцам, например, соответствовало простому принципу: до тех пор пока они лояльны Англии и служили империи, они хорошие. Как только они начинают выступать против англичан, они становятся «предателями и убийцами» [25, р. 42].

В 1908 г. в рецензии на рассказы Киплинга А. Куприн назвал его самым ярким представителем «той Англии, которая железными руками опоясала весь земной шар и давит его во имя своей славы, богатства и могущества» [2, с. 609].

Киплинг был сторонником авторитаризма, полагая, что тот, кто лучше знает свое дело, имеет моральное право отдавать приказы тому, кто знает меньше. Однако при этом его нельзя отнести к поклонникам диктаторских режимов. Он верил в эффективность правления сильной личности, но при условии соблюдения законности и других ценностей цивилизации. Вероятно, ему больше

соответствует образ технократа, полагающего, что управлять должны не демагоги, а специалисты. Пустые разговоры о свободе, по его мнению, могли привести лишь к катастрофе, в то время как новый век требовал экономической организации компетентными и преимущественно безмолвными профессионалами [22, р. VIII; 9, р. 474].

В литературе распространено мнение, будто Киплинг придерживался взглядов старомодного торизма. Но, по мнению Т. Элиота, Киплинг не был традиционным тори в том смысле, что безоговорочно поддерживал свою партию. У него всегда имелась своя позиция, и он никогда не молчал, а пытался ее донести до других [10, р. 29]. При этом Киплинг поддерживал тарифную реформу и переход к протекционизму, введение пенсий по старости в целях приобретения массовой поддержки консервативной имперской политики [20, р. 121—123].

Особое место в мировоззрении Киплинга занимала доктрина империализма. Ему представлялось, что только цивилизация может освободить душу человека, избавив его от страха голода и болезней, а миссия британцев, по убеждению писателя, как раз заключалась в том, чтобы распространять ее на другие народы. Он верил в Британскую империю в том же смысле, что и Сесиль Родс, полагая ее двигателем прогресса и источником счастья для обычной английской семьи. Именно такой подход он собирался отстаивать, когда вернулся домой [22, р. 96—97, 188—189]. Не всем нравилось такое. Так У. Робсон писал, что империализм Киплинга был «грубым и воинственным», а его высказывания об обязанностях по отношению к подчиненным народам были ничем иным, как «ширмой, чтобы скрыть жадность и эксплуатацию» [21, р. 14].

Следует отметить, что не последнюю роль в политических пристрастиях Киплинга играло его положение в обществе. Он приходился двоюродным братом Ст. Болдуину (одному из лидеров Консервативной партии, премьер-министру в 1920—1930-х гг.), дружил с Э. Бонар Лоу (лидером Консервативной партии с 1911 г., премьер-министром в 1922—1923 гг.), У. М. Эйткеном (первым бароном Бивербруком, влиятельным членом Консервативной партии, министром, издателем), Х. А. Гвином (в 1911—1937 гг. редактировавшим консервативную газету «Морнинг пост»), жил по соседству с семьями лорда Э. Сесилия, лорда А. Милнера и Э. Карсона (адвоката, политика, министра). У писателя сложились достаточно тесные отношения с адмиралом лордом Ч. Бересфордом и многими консервативными политиками, принадлежавшими к верхушке Консервативной партии.

В начале XX в. Киплинг был очень популярен, а его произведения расходились большими тиражами. Спросом пользовались и сборники произведений прошлых лет. Его читали дети, студенты, люди постарше [25, р. 17]. В 1907 г. ему присудили Нобелевскую премию по литературе «за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя» [3]. К этому времени Киплинг написал тринадцать томов рассказов, четыре романа, три книги рассказов для детей, несколько сборников путевых заметок, очерков, газетных статей и сотни стихотворений. В 1907 г. писатель был также удостоен почетных степеней Оксфордского, Кембриджского, Эдинбургского и Даремского университетов, получил награды от университетов Парижа, Страсбурга, Афин и Торонто.

Накануне Первой мировой войны творчество Кипплинга занимало ведущее место на страницах британской прессы. Его произведения выходили как в серьезных, так и в популярных изданиях. В 1913 г. «Журнал образования» провел опрос читателей, чтобы выявить имена наиболее популярных авторов. Результаты показали, что на первом месте находится Кипплинг [20, р. 136]. Эта популярность обуславливала весомость его публикаций, когда он высказывался по политическим вопросам.

Рассказы и стихи Кипплинга были доступны и понятны массам читателей, поскольку он на собственном опыте познал все, о чем писал, и ясно излагал свои идеи. Критики даже называли его обращение к простому человеку вариантом гражданской поэзии. Не случайно рядовые англичане прислушивались к мнению Кипплинга, а его произведения оказывали воздействие даже на тех, кто не был согласен с его политическими взглядами [20, р.138—139].

Он стремился нести читателям идеи имперского национализма, которые должны были объединять, несмотря на классовую или партийную принадлежность. Даже явно не симпатизировавший Кипплингу литературовед У. Робсон отмечал, что тот оказывал «абсолютно гипнотическое воздействие» на своего читателя, и называл его «колдуном» [21, р. 12].

Кипплинг никогда непосредственно не принимал участия в политической деятельности, но он стал ближе к политике после прихода к власти либералов, что находило отражение в его стихах и публичных выступлениях. Писатель предпочитал высказывать свои взгляды на британскую политику только в узком кругу друзей, хотя и поддерживал открыто Консервативную партию. Его стихи все чаще затрагивали события, происходившие в стране, и были по сути дела политическими комментариями к ним. Он писал о грозящей войне с Германией, выступал с критикой своих врагов-либералов, осуждал суфражисток и набиравшее силу забастовочное движение рабочих [9, р. 474—478].

Ирландский вопрос вновь начал приобретать исключительную важность для английской политики в 1909 г., когда развернулась борьба по бюджету правительства на следующий финансовый год. В тот момент и консерваторы, и либералы не подвергали сомнению английское господство в Ирландии, но при этом первые считали необходимым сохранить в неизменном виде англо-ирландскую унию 1801 г., а вторые не возражали против предоставления ирландскому народу ограниченной автономии (гомруля). Последнее подразумевало привлечение фракции ирландских депутатов на сторону правительства.

Особенностью бюджета, представленного палате общин британского парламента канцлером казначейства Д. Ллойд Джорджем, было увеличение расходов на военные и социальные нужды. Дополнительные средства предполагалось получить путем введения новых косвенных налогов, а также увеличения обложения налогами земельной собственности и разнообразных доходов. Предложения министра вызвали ожесточенное сопротивление земельной аристократии и крупных финансистов, составлявших опору консервативной партии. Среди недовольных находился и Кипплинг, опубликовавший стихотворение с резкой критикой либерального правительства [18, р. 533—535]. После долгих споров бюджет поступил в ноябре на утверждение в палату лордов, которая его отвергла. Парламент распустили, и на январь 1910 г. назначили новые всеобщие выборы.

В результате голосования либералы потеряли более ста мест в палате общин и теперь могли проводить законопроекты только при поддержке ирландских депутатов-гомрулеров. Бюджет утвердили, но в повестке дня оказалась проблема ограничения права вето верхней палаты парламента.

Поскольку главные политические партии не смогли достичь компромисса в этом вопросе, в декабре того же года провели новые всеобщие выборы, которые опять выявили примерное равенство между либералами и консерваторами. Либеральное правительство смогло удержаться только благодаря поддержке ирландских националистов в обмен на обещание гомруля. В этой ситуации Кипплинг безоговорочно принял сторону «твердолобых», как называли тех членов палаты лордов, кто был готов бороться до конца [9, р. 475].

Но все же весной 1911 г. палата общин одобрила законопроект о реформе верхней палаты британского парламента. У лордов отобрали право видоизменять или отклонять финансовые билли; все остальные законопроекты считались утвержденными, несмотря на несогласие верхней палаты, при условии их одобрения палатой общин в течение трех последовательных сессий парламента [4, с. 32]. Это означало, что путь к ирландской автономии открыт, а консервативно настроенные пары могли лишь затянуть принятие неуютного им закона на два года.

Так ирландский вопрос превратился в главный вопрос английской политики. Срыв гомруля однозначно приводил к падению либерального правительства, поскольку лишал его поддержки ирландских националистов. Поэтому противодействие ирландской автономии стало стержнем консервативной политики вплоть до начала мировой войны, причем главным обоснованием своих действий для тори было сохранение британской империи — в гомруле видели первый шаг к обретению Ирландией независимости [13, р. 79—80; 20, р. 124].

В условиях начавшейся подготовки к большому сражению по ирландскому вопросу в жизни Консервативной партии произошло важное событие — смена лидера. Выбор пал на не очень еще известного политика Э. Бонар Лоу, идеально подходившего для реализации нового курса тори. Его предки происходили из ирландской провинции Ольстер, где проживало много протестантов, которые после принятия гомруля попадали под власть католиков. С учетом исторически сложившейся неприязни между конфессиями, понятна непримиримая оппозиция гомрулю со стороны ольстерских протестантов и готовность нового лидера консерваторов разыграть «оранжистскую» карту (так называли разжигание религиозного фанатизма ольстерских протестантов).

Кипплинг не принимал активного участия в партийных делах, так как не очень жаловал политиков, да и вообще был невысокого мнения о членах парламента. Однако он приветствовал избрание Бонар Лоу и выразил надежду на то, что при нем партийную организацию обновят и начнут уделять больше внимания вопросам пропаганды, включая сюжеты, связанные с единством империи и юнионизмом [18, р. 568—569].

Интересно, что незадолго до выборов лидера тори в октябре 1911 г. Кипплинг с супругой посетили Ирландию, вернувшись в твердом убеждении, что ольстерцы могут и должны заставить либеральное правительство отказаться от гомруля [9, р. 488—489].

Двадцать шестого января 1912 г., не дожидаясь начала обсуждения билля о гомруле в палате общин, консерваторы перешли к наступательным действиям.

Первое выступление в новом качестве, прошедшее в лондонском Альберт-холле, Бонар Лоу посвятил критике идеи автономии в целом. Помимо этого он обвинил правительство в «продажном сговоре» с лидером ирландских националистов Дж. Редмондом и в «преднамеренном надувательстве избирателей». Главный же смысл речи заключался в том, что протестантское меньшинство в Ирландии получило публичные заверения в полной и безоговорочной поддержке борьбы против гомруля [24, 1912, January 27].

А 9 апреля Бонар Лоу, сопровождаемый 70 членами парламента, выступил уже перед участниками массовой юнионистской демонстрации в пригороде Белфаста Бэлмореле. Он подтвердил намерение тори сопротивляться плану правительства и заверил своих слушателей в том, что его партия рассматривает дело ольстерцев и как свое собственное, и как «дело всей империи». Потом Бонар Лоу и лидер местных юнионистов Э. Карсон взяли за руки, то же сделали слушатели, и все вместе начали скандировать: «Никогда, ни при каких обстоятельствах мы не подчинимся гомрулю» [24, 1912, April 10]. После демонстрации ни у кого не осталось сомнений в том, что главный бой правительству консерваторы собираются дать в вопросе об ирландской автономии.

В тот же день в «Морнинг пост» появилось стихотворение Киплинга «Ольстер 1912», специально подготовленное к этому дню (затем оно вышло отдельными изданиями в Нью-Йорке и Белфасте). В нем выражалась солидарность с жителями Ольстера, осуждалось правительство и говорилось о том, что ольстерцев бросили на произвол судьбы, попросту — «продали» [19, 1912, April 9]. Это стихотворение произвело впечатление на читающую публику, и даже стало предметом обсуждения в палате общин, где один депутат от либералов задал генеральному прокурору Р. Айзаксу вопрос, не будет ли автору таких бунтарских стихов предъявлено обвинение. А другой депутат от фракции ирландских националистов весьма ядовито поинтересовался, можно ли подобные «вирши» вообще назвать стихами [18, p. 574—575].

Одиннадцатого апреля билль о гомруле был, наконец, внесен в палату общин. Множество исключений и оговорок сделали предлагаемую Ирландии автономии сильно ограниченной. Согласно законодательству, из-за негативной позиции палаты лордов утверждение законопроекта затянулось на два года, и реальный исход событий теперь зависел от происходившего вне парламента. А там уже набирала силу юнионистская кампания, направленная на срыв гомруля.

Консервативные газеты начали регулярно публиковать многочисленные письма читателей, выражавших протест против планов правительства. Значительно активизировала свою работу Лига защиты унии. Она больше не ограничивалась сбором информации для парламентариев, а развернула постоянную агитацию против ирландской автономии в избирательных округах [17, p. 199]. Важным элементом протестной кампании стали проводившиеся в разных уголках страны демонстрации и митинги протеста. Причем к уже привычным заявлениям о сопротивлении гомрулю добавились и угрозы использовать любые средства, чтобы отстранить правительство от власти. Историк консервативного направления Р. Блейк охарактеризовал все эти речи как курс на разрушение конвенций, на которых основана парламентарная демократия, и отметил, что они странно звучали в устах представителей партии, которая традиционно выступала за закон и порядок [6, p. 130—131].

В это время в Ольстере нарастала напряженность, уже имелись случаи столкновений католиков и протестантов. Двадцать восьмого сентября объявили днем Ольстера, когда все сторонники унии подпишут торжественный ковенант, как в свое время сделали пресвитериане в Шотландии. Торжественные службы в протестантских церквях и прошедшие во всех населенных пунктах провинции церемонии показали английскому общественному мнению глубину и размах ольстерского движения. Всего под текстом клятвы использовать все необходимые средства против гомруля поставили свои подписи 447 тыс. человек в самом Ольстере и 24 тыс. за его пределами [23, p. 66].

В январе 1913 г. Ольстерский юнионистский совет принял решение создать временное правительство, которому следовало приступить к исполнению обязанностей в день принятия закона об ирландской автономии и управлять делами Ольстера до тех пор, пока провинция не получит свой прежний статус в Соединенном Королевстве [11, p. 82]. А вскоре Совет объявил о создании из разрозненных отрядов добровольцев «Ольстерских волонтерских сил», куда мог вступить любой ольстерец в возрасте от 17 до 65 лет, подписавший ковенант. К концу года добровольческие силы насчитывали около 90 тыс. человек [7, p. 20]. Для волонтеров из Англии начали поступать деньги и оружие. Многие отставные офицеры изъявили желание помочь ольстерцам и поступили на службу в волонтерские силы.

Современники по-разному оценили приготовления ольстерских протестантов к сопротивлению законным властям. Одни считали их мятежниками, другие — борцами за правое дело. И в дальнейшем они получали неоднозначные оценки. Однако самым нестандартной оказалась точка зрения ведущего идеолога Британского союза фашистов (существовал в 1932—1940 гг.) Б. Аллена, который, в частности, писал: «Непосредственно перед войной широкое движение, направленное против парламента и одушевленное чувством симпатии к ольстерским лоялистам, в течение двух лет после своего зарождения приобрело огромные размеры. Это движение... должно было — если бы этому не помешала война — развиться в определенный протест против всей теории и системы демократии в Англии. Ольстерское движение было на деле первым фашистским движением в Европе» (цит. по: [14, p. 292]).

Тем временем на Юге Ирландии стали распространяться опасения, что правительство не устоит перед лицом многочисленных угроз и пойдет на уступки оппозиции. Следствием этого стало создание в конце ноября 1913 г. организации «Ирландские волонтеры» для защиты от ольстерских протестантов конституционного права Ирландии на автономию [12, p. 306]. Возникла угроза вооруженного столкновения жителей Севера и Юга Ирландии.

Что касается Киплинга, то он безоговорочно одобрял кампанию против гомруля в Англии и происходящее в Ольстере, но сам активного участия в событиях до 1914 г. не принимал. К тому же он много путешествовал, подолгу пребывая за границами Соединенного Королевства. Киплинг считал, что поскольку вопрос о гомруле не ставился перед избирателями, то действия правительства были нарушением конституционных основ [18, p. 594—595].

В январе — феврале 1914 г. лорд Милнер и парламентарий Л. Эмери с одобрения Бонар Лоу начали переносить ольстерскую модель сопротивления на английскую почву. Для участия в кампании привлекли Британскую лигу в защиту

Ольстера и Лигу защиты унии, а также заручились поддержкой консервативной прессы, ряда дельцов Сити и ученых [5, р. 440—441; 15, р. 185]. Главным пунктом осуществляемого плана являлось подписание британского ковенанта по типу ольстерского. Призыв к этому появился в печати 3 марта. Газеты сообщали, что кроме самого Милнера среди первых подписавшихся были фельдмаршал Ф. Робертс, герцог Портлендский, адмирал Э. Сеймур, настоятель Кентерберри, известный юрист профессор А. Дэйси, композитор Э. Элгар и Редьярд Киплинг. Поставившие под ковенантом свою подпись давали клятву принять участие или поддержать любую акцию, направленную на то, чтобы не допустить использования вооруженных сил в лишении ольстерцев прав граждан Соединенного Королевства [24, 1914, March 3].

В Англии развернулась кампания по сбору подписей под ковенантом, а ведущие консервативные газеты стали ежедневно помещать списки подписантов, сообщать о работе органов, руководивших сбором подписей. Девятого марта специальный текст ковенанта начали подписывать и женщины [19, 1914, March 9]. По подсчетам, к началу Первой мировой войны британский ковенант подписали около 2 млн человек [8, р. 91].

Деятельность ковенантеров не ограничилась широкой пропагандистской кампанией. Они положили начало созданию денежного фонда для поддержки движения в Ольстере. Документы, помеченные грифом «Совершенно секретно», свидетельствуют, что миллионер У. Астор и Р. Киплинг пожертвовали в фонд по 30 тыс. фунтов стерлингов, лорды Ротшильд и Айви, а также герцог Бедфордский — по 10 тыс. фунтов стерлингов. На месте многих имен стоят прочерки [23, р. 135—136].

Дальнейшее обострение внутривнутриполитического положения в Великобритании связано с отказом офицеров из кавалерийской бригады, размещенной в Кэрра, отправиться в Ольстер и взять под контроль ключевые позиции. Более 60 офицеров, которые симпатизировали ольстерским протестантам, сопроводили свой отказ подчиниться приказу рапортами об отставке.

Гражданское неповиновение жителей Ольстера в свете событий в Кэрра представлялось самым серьезным вызовом законности и порядку. Асквит назвал эти события «концом парламентского правления» и «законченным проявлением анархии»; Черчилль определил их как «преступную заговорщическую деятельность» и «угрозу нации со стороны нескольких несогласных» (цит. по: [20, р. 126]).

Двенадцатого мая премьер-министр официально объявил о предстоящих в скором времени заключительных дебатах по гомрулю и о намерении внести в парламент Дополнительный билль [16, col. 955]. При этом детали нового законопроекта сообщены не были, а его обсуждение предполагалось не ранее середины июня.

Заявление Асквита не удовлетворило юнионистов, и они организовали несколько массовых демонстраций протеста против политики правительства, на которых с речами выступили Карсон, лорд Милнер, Киплинг.

Ощущение приближающейся гражданской войны побудило Киплинга произнести 16 мая 1914 г. одну из своих редких публичных речей перед 10 тыс. юнионистов в городке Танбридж-Уэллс в графстве Кент. В ней он в самых резких выражениях обрушился на лидеров либералов. Он сравнил правительство с «мошенниками-стрипчимами», которые обманым путем получили от своего клиента

неограниченные полномочия и могут распоряжаться его имуществом по своему усмотрению. Он говорил, что министры думают только о деньгах и во имя сохранения своих зарплат в правительстве готовы отдать Ольстер «банде преступников». Речь была опубликована в «Дейли экспресс» и продавалась уличными разносчиками по 1 пенсу под заголовком «Обвинительный акт Редьярда Киплинга правительству» [20, р. 126].

Его соратники оказались в замешательстве после столь бурного выступления, которое к тому же нанесло репутации самого Киплинга в обществе непоправимый ущерб. Несмотря на это, он продолжал участвовать в разных собраниях единомышленников, а его супруга — в женском комитете, который должен был обеспечить помощь беженцам-юнионистам из Ольстера [9, р. 489—491].

На следующий день после речи в Танбридж-Уэллсе «Морнинг пост» напечатала его обращение к Лиге британских ковенантеров под названием «Секретная сделка, заговор против Ольстера». Там, в частности, говорилось, что билль о гомруле разрушил принцип лояльности, которого придерживались поколения британцев, что гомруль означает официальное признание измены, тайных заговоров и восстаний, насилия и убийств. По мнению Киплинга, автономия Ирландии создаст там неприступный бастион, где смогут объединиться все деструктивные силы и выступить против Великобритании [25, р. 62].

А 22 мая «Ковенантер» напечатал его стихотворение «Ковенант», в котором воинственная риторика была переложена на стихи. Гомруль решительно осуждался, а его противники, наоборот, получали поддержку и самую высокую оценку своих моральных качеств. Стихотворение получило широкий отклик и стало важным вкладом в кризис парламентской политики Соединенного Королевства [20, р. 126].

Трудно сказать, чем бы закончился ирландский кризис, если бы не началась Первая мировая война. Ирландские дела, суфражистки, забастовки рабочих — все отошло на второй план. В середине августа объявили о наборе добровольцев в британскую армию, и среди первых, кто откликнулся на призыв, был сын Киплинга Джон [18, р. 605—607].

Из-за слабого зрения его не взяли, но Киплинг договорился через своих друзей, и сына все-таки приняли в полк ирландской гвардии. Однако уже в 1915 г. он погиб, что ввергло Киплинга в глубокую депрессию. Получалось, что из-за своих политических принципов он отправил слабовидящего сына на смерть.

Во время войны Киплинг с женой работали в Красном Кресте, а после войны писатель много путешествовал, в том числе и как член Комиссии по военным захоронениям. Во время одного из таких путешествий по Франции в 1922 г., когда Киплинг находился в местах, где воевал его сын, он познакомится с английским королем Георгом V, с которым впоследствии его связывала большая дружба.

Больше Киплинг не принимал активного участия в политике. А в Ирландии вскоре после окончания Первой мировой войны развернулись драматические события. В январе 1919 г. была провозглашена независимость Ирландии и началась англо-ирландская война, которая завершилась в декабре 1921 г. признанием Ирландского свободного государства в качестве британского доминиона. В то же время шесть графств провинции Ольстер, где в основном проживали протестанты, под названием Северная Ирландия вошли в состав Великобритании.

Все это время Киплинг работал над книгой «Ирландские гвардейцы во время Великой войны», которую завершил в 1923 г. В ней, в частности, рассказывалось и о подразделении, в котором служил его сын. С тех пор к ирландской теме писатель не возвращался.

Таким образом, позиция Киплинга в ирландском вопросе закономерно отражала его политические взгляды и близость к Консервативной партии. Обычно он ограничивался выступлениями в печати со своими политическими стихотворениями и обсуждением злободневных вопросов в кругу друзей и единомышленников. Однако противостояние третьему гомрулю побудило его принять непосредственное участие в событиях и сделало его политические убеждения достоянием широкой общественности. Он искренне полагал, что самоуправление Ирландии будет первым шагом на пути ее выхода из состава империи, а это, в свою очередь, послужит началом крушения последней. Этого Киплинг не мог допустить. Думается, что одной из причин снижения его популярности после войны стали именно политические взгляды, которые пронизывали все его творчество.

Тем не менее с началом Второй мировой войны произведения Киплинга снова понадобились — страна нуждалась в соответствующей идеологии и героях, готовых сражаться за Британию.

Список источников и литературы

1. *Витковский Е.В.* Империя по имени Киплинг // Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы. М., 1998. С. 5—20.
2. *Куприн А.И.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1958. Т. 6.
3. *Лауреаты* Нобелевской премии по литературе. URL: <http://noblit.ru/Kipling> (дата обращения: 10.10.2015).
4. *Лисневский Э.В.* Конституционная реформа в Великобритании 1911 года // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1974. № 1. С. 27—32.
5. *Amery L.S.* My Political Life. L., 1953. Vol. 1.
6. *Blake R.* Unrepentant Tory: The Life and Times of Andrew Bonar Law (1856—1923), Prime Minister of the United Kingdom. N. Y., 1956.
7. *Buckland P.* Irish Unionism. 1885—1922. L., 1973.
8. *Buckland P.* Irish Unionism 2: Ulster Unionism and the Origins of Northern Ireland. 1886—1922. Dublin ; N. Y., 1973.
9. *Carrington Ch.* Rudyard Kipling. His Life and Work. L., 1978.
10. *A Choice of Kipling's Verse.* Made by T.S. Eliot with an Essay on Rudyard Kipling. L., 1941.
11. *Colvin I.* The Life of Lord Carson. L., 1934. Vol. 2.
12. *The Course of Irish History* / ed. T.W. Moody and F.X. Martin. Dublin, 1994.
13. *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. N.Y., 1961.
14. *Drennan J.* Oswald Mosley and British Fascism. L., 1934.
15. *Gollin A.M.* Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. L., 1964.
16. *Hansard, G.B.* Parliamentary Debates. House of Commons. 5th Series (1912—1914). L., 1914. Vol. 62.
17. *Long W.* Memories. L., 1923.
18. *Lycett A.* Rudyard Kipling. L., 2000.
19. *The Morning Post.*

20. *Parry A.* The Poetry of Rudyard Kipling. Rousing the Nation. Buckingham, Philadelphia, 1992.

21. *Robson W.W.* Modern English Literature. L. ; Oxford ; N. Y., 1970.

22. *Shanks E.* Rudyard Kipling. A Study in Literature and Political Ideas. N. Y., 1970.

23. *Stewart A.T.Q.* The Ulster Crisis. L., 1967.

24. *The Times.*

25. *Wilson E.* The Kipling that Nobody Read // Kipling's Mind and Art / ed. A. Rutherford. Edinburgh ; L., 1964. P. 17—62.

Об авторе

Игорь Миронович Узародов — д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Я. А. Голубинов

Церковно-приходские информационные листки как важный источник по истории повседневной жизни Великобритании в 1914—1918 годах

Рассмотрен культурный феномен приходских журналов (parish magazines), возникших в XIX в. и получивших распространение среди многих христианских конфессий на Британских островах. Данные периодические издания ценны как источник не только по церковной истории, но и жизни британского общества, в частности отдельных приходских сообществ, в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: англиканская церковь, Великобритания, исторический источник, Первая мировая война, повседневность, приходские журналы.

Для истории ценны даже самые малые свидетельства человеческой жизни. Вслед за изучением политической и экономической истории государств, а также истории «героев», карлейлевских «способных людей» [3, с. 199—200 и сл.] в историографии XX в. проснулся интерес к людям, членам небольших сельских или городских сообществ, жизнь которых была в общем незаметна на фоне грандиозных событий прошлого века. Так и история Великой войны теперь мыслится не только как история сражений на суше и море или сумма биографий военачальников и государственных деятелей той эпохи, но как переплетение сотен тысяч судеб людей всех социальных статусов из всех участвовавших в войне государств.

Существует довольно много публикаций, которые посвящены самым разным сторонам жизни отдельных стран Европы в годы Великой войны [4]. Внимание исследователей привлекают прежде всего солдаты и офицеры, фронтовая жизнь (и смерть) которых довольно неплохо отражена в различных армейских

и гражданских делопроизводственных документах и нормативно-правовых актах, прессе, дневниках и письмах 1914—1918 гг., а также запечатлена во множестве художественных произведений и мемуарах, созданных во время и после Великой войны [31]. Подобный интерес понятен. Так, именно ветераны-фронтовики стали движущей силой в политических и социальных процессах, происходивших на просторах послевоенной Европы, и определили ее судьбу на десятилетия вперед [1].

Однако не только фронтовики обрели новый жизненный опыт во время тотальной войны. Оставшиеся в тылу люди были вынуждены приспосабливаться к существованию в непростых условиях продовольственного дефицита и роста цен на товары первой необходимости, острой нехватки рабочей силы, наплыва беженцев, а некоторые еще и к угрозе бомбардировок тыловых городов с военных кораблей, цеппелинов и самолетов и т.п. Естественно, местная специфика накладывала свой отпечаток на повседневную жизнь тыла, и нельзя утверждать, что переживание войны, допустим, русским крестьянином было полностью тождественно ее переживанию английским фермером или французским рабочим. Но, по-видимому, существовал некий общий круг житейских проблем, с которыми пришлось столкнуться людям из тыловых регионов стран Антанты и Тройственного союза. Тем полезнее, как мне представляется, будет обращение к повседневной жизни городских и сельских сообществ, больших и маленьких, чтобы проследить общее и различное в переживании войны мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, стариками и молодежью из разных стран.

Данная статья изучает такой культурный феномен, как «приходские журналы» (в статье чаще всего будет использоваться этот буквальный перевод английского словосочетания «parish magazine», поскольку точный русский аналог подобрать трудно), которые возникли в Великобритании в XIX в. и получили большое распространение в приходах как англиканской, так и католической, методистской и других церквей. Некоторые исследования, посвященные именно церковной жизни на Британских островах в 1914—1918 гг., широко используют этот источник [10]. Однако эти очень скромные по своему объему периодические издания, на мой взгляд, могут не только послужить источником по церковной истории, но и существенно расширить представление о жизни британского социума, в частности отдельных приходских сообществ, в годы Великой войны. Некоторые британские историки широко привлекают данные из приходских журналов для исследования, например, вопросов повседневной жизни во время войны [6] или же мемориальных практик после нее [5]. Но эта тема в российской историографии в общем представлена довольно бедно.

Современный британский исследователь Эндрю Хоббс в своем историческом обзоре английской провинциальной прессы, ссылаясь на работу Джейн Платт (с ее диссертацией и монографией, к сожалению, мне не удалось ознакомиться), говорит, что «приходские журналы, такие, какими мы их знаем сегодня, были изобретены в 1859 г. и быстро стали популярными по всей стране “благодаря синдикализации” своего содержания» [7]. Действительно, отдельные англиканские приходы и церкви других деноминаций выпускали свои периодические издания с начала XIX в. Но все изменилось в середине столетия, поскольку в 1859 г. Джон Эрскин-Кларк, викарий из Дерби, позаимствовал практику издания журнала у коммерческих издательств, таких как, например, «Cassell»,

продававших так называемые «частично» напечатанные газеты и журналы, которые могли быть заполнены местным материалом и рекламой [8, р. 32—34]. Эрскин-Кларк решил соединить свой собственный церковный журнал, «Our Harrou Home Union», с блоком страниц, на которых можно было публиковать местные новости, назвав этот первый ежемесячный приходской журнал очень просто — «The Parish Magazine». Это издание быстро стало наиболее популярным религиозным журналом Викторианской эпохи, и к концу 1885 г. суммарный тираж его и аналогичных ему изданий превысил отметку в полмиллиона экземпляров и продолжал увеличиваться. С конца 1860-х гг. подобные издания стали выпускать католические приходы, а также группы конгрегационалистов и баптистов, сделав, таким образом, этот тип издания «парадоксальным смешением общенационального и местного», но, как подчеркивает Хоббс, «без стилистических амбиций» [7].

Российские историки могут, наверное, только пожалеть о том, что нет аналогичного русского источника, который бы так подробно освещал жизнь отдельных приходов столь разных конфессий.

Уже из этой краткой характеристики приходских журналов ясно, что в Великобритании центрами общественной активности были не только места пребывания представителей официальной власти или некие экономические центры, но и церковные приходы (в данном случае рассматривается только англиканство). Священник становился организатором и распорядителем важных мероприятий, поддерживавших целостность и самосознание общины. Как заметил настоятель одного англиканского прихода в Кенте, «хотя наши повседневные заботы и интересы очень разнообразны и очень важны, все же я думаю, что мы все должны ощущать себя единой Церковью и что наша старая приходская церковь — это настоящий центр, где мы можем соединиться все вместе сердцем и разумом в регулярной молитве» [16, 1915, February]. С появлением приходских журналов новости прихода и свои мысли священнослужители могли не только транслировать пастве в форме устных объявлений и проповедей, но доводить до всех посредством печатного текста.

Анализ материалов из архива графства Кент (были изучены дела из нескольких фондов, в которых сохранились приходские журналы, — это фонды, в которых отложились документы приходов и личные бумаги их настоятелей из существовавших в 1914—1918 гг. административно-территориальных единиц графства Кент: приходы Апчёрч (Upchurch) [21], Ньюингтон (Newington) [19], Лэнгтон Грин (Langton Green) [20], Вотерингбери (Wateringbury) [22], Лейбурн (Leybourne) [18], Хит (Hythe) [11], Хантон (Hunton) [17], Берстед (Bearsted) [16] и Барминг (Barming) [15]), а также доступной специальной литературы позволяет выделить несколько характерных особенностей данных изданий и проследить основные сюжеты, отражавшие повседневную жизнь настоятеля и прихожан.

Во-первых, надо отметить, что все приходские журналы (по сути, это были информационные листки небольшого формата, в которых печатный текст мог иногда даже дополняться рукописным), издаваемые приходом, обыкновенно были дополнением к какому-либо крупному общенациональному религиозному изданию, выписываемому из Лондона или другого крупного города. Основное содержание этих журналов составляли назидательные эссе, стихотворения, рассказы на религиозную тематику, а также экскурсии в церковную историю

Великобритании, новости отдельных приходов, отчеты миссионеров и т.п. Так, в номере 116 журнала «Сайн» (Sign) за август 1914 г. были напечатаны заметки о кентских церквях, статья об особенностях некоторых видов богослужений, «маленькая поэма» «Я» («I»), глава из романа с продолжением, очерк о некоей Уэйсайдской трагедии, глава из популярной работы об основах семейной жизни, глава из исторического труда о знаменитых архиепископах Кентерберийских, а также несколько рассказов, эссе, лекций, ответы на вопросы читателей и, конечно, реклама [21].

Журнал явно верстался до начала военных действий. В сентябрьском номере содержание было очень похоже на августовское: не заметно ни малейших следов войны. Однако в октябрьском номере редакторы все же были вынуждены объяснить читателям столь вопиющее несоответствие содержания журнала и реальности:

Журнал — это не газета. Без сомнения, некоторые наши читатели понимают, что большая часть сентябрьского номера “Sign” была уже напечатана — а несколько тысяч копий даже отправлены нашим собратям в церкви за океаны — перед тем, как война началась. И таким образом, сегодня (20 августа) октябрьские страницы покидают наши руки, пока мы все еще стоим на пороге великих потрясений, и все их проявления лежат за пределами нашего видения.

Наши читатели повсюду ищут новости со всего мира. Но приходской журнал предназначен для тех, кто взывает небесного царства. <...> в мирное время нормальное содержание страниц журнала, прямо или косвенно, помогает — как мы надеемся — направлять наши мысли по этому пути. Во времена горькой беды наша функция и цель остаются неизменными. Возможно, те, кто находится в глубокой печали или горе, смогут найти на этих страницах поддержку или утешение, которые на некоторое время уберегут их от того [ужасного], что сегодня может стать ежедневным чтением... (имеются в виду военные сводки и сообщения о погибших. — Я. Г.) [9].

В дальнейшем «Sign» и «Kingdom», а также другие подобные издания стали печатать некоторые сюжеты, непосредственно связанные с войной, но общий тон и основное содержание журналов оставались неизменны. В ходе войны, особенно в 1917 и 1918 гг., некоторые приходы вообще решили прекратить подписку на них, оставив только свои страницы с местными новостями, поскольку это становилось дорогим удовольствием, а «нация должна экономить любым возможным способом» [22, 1917, December].

Но если общенациональные религиозные журналы совершенно осознанно старались не акцентировать свое внимание на военных действиях, то приходской листок не мог уклониться от этого. Слишком сильны были чувства тех, кто остался дома, и слишком остро переживалось всей общиной каждое сообщение о ранении и смерти близких. Естественно, священники не могли не прийти на помощь своей пастве и призывали найти утешение в религии, направляя каждой «обездоленной семье самое сердечное и искреннее соболезнование» [17, 1916, May].

Важная пропагандистская роль приходских журналов хорошо прослеживается в текстах, которые обычно представляли собой выдержки из проповедей. Там были, прежде всего, высокие слова о победе британских вооруженных сил, «где бы они ни находились» [21, 1917, № 1]. Написанные «высоким штилем», с обильным цитированием Библии и духовной литературы, проповеди долж-

ны были воодушевить и поддержать прихожан, а также мотивировать мужчин призывного возраста записываться добровольцами в армию. Редакторы приходских журналов старались внушить мысль о том, что и ушедшие на фронт молодые люди, и их оставшиеся дома родители преподнесли «лучший дар стране». Так, викарий из Берстеда в небольшой заметке прославил «пример патриотизма» некоей супружеской четы Мэннерингз, пять сыновей которой отправились на войну, поскольку «это самая благородная служба, которая только может быть в настоящее время и которая далеко превосходит любой денежный дар» [16, 1915, April]. Такие заметки в приходских журналах, построенные на материалах проповедей, конечно, дают мало сведений о фактах повседневной жизни, но хорошо показывают умонастроение класса священнослужителей, которые в данном случае выступали рупором правительства, хотя, может быть, и делали это неосознанно (этому и посвящено исследование вышеупомянутого Уэйна Риггза [10]).

Подобного рода тексты содержали иногда и подробный пересказ новостей из газет, а также собственные, в отдельных случаях довольно пространные, рассуждения священников о текущем положении дел. Священник простыми словами объяснял прихожанам сложившуюся геополитическую ситуацию. Особенно трудно это было в начале войны. Настоятель прихода из Уотерингбери разразился в августе 1914 г. огромной статьей на несколько страниц, чрезвычайно нехарактерной для такого рода изданий. В ней он последовательно доказывал, что «Англия не хотела войны», что она не могла пойти «на бесчестную сделку с Германией», бросив Францию на произвол судьбы, а также не могла просто забыть о своем обещании относительно вооруженного ответа в случае нарушения нейтралитета Бельгии [22, 1914, September]. И на вопрос «Почему мы не могли держаться подальше» от «раздоров континентальных стран?» священник отвечал, что «мы должны были вмешаться в войну, чтобы» в конечном счете «сохранить нашу свободу, нашу Империю и само наше существование» [22, 1914, September]. Далее священник описывал состояние и успехи британского и германского флотов, а также достижения британской армии во Франции и Бельгии, упомянув, кроме того, и о положении дел на Восточном фронте. В последнем случае он использовал привычный образ русского «парового катка», который при удачном стечении дел может довольно скоро «постучаться в ворота столицы Пруссии» (т.е. в Берлин). Естественно, основное внимание его читателей было приковано к Западному фронту, описанию которого было отведено больше всего места с обязательным подчеркиванием того, как бесчестно, варварски жестоко и бесчеловечно воюют немцы [22, 1914, September].

Но в целом священникам был свойственен, надо отметить, сдержанный оптимизм, который подпитывался, с одной стороны, уверенностью в несомненном превосходстве союзнических армий, а с другой — твердой верой, что в любом случае «не армия или флот или великие генералы и адмиралы принесут нам долгожданный мир», но «только Бог» может сделать это [21, 1917, № 3]. Даже в последний год войны, в январе 1918 г., настоятель прихода в деревне Лэнгтон Грин писал, что «без сомнения, еще предстоят трудные времена, которые даруют всем, друзьям и врагам, заслуженный покой, но мы не должны отчаиваться или слишком воодушевляться; рассвет праведников наступит в божий час, когда мечи будут перекованы на орала» [20, 1918, January].

Конечно, не все священнослужители, издававшие приходские журналы, были столь красноречивы в своих посланиях пастве. Многие просто ограничивались словами поддержки и благословением всех ушедших добровольцами или призванных прихожан. Регулярно публиковались списки призванных в армию, а также погибших или раненых воинов. Внимание священнослужителя к перипетиям военной службы своих прихожан было иногда так велико, что любое их продвижение по службе тут же получало отражение на страницах приходского журнала (этим, например, занимался священник П. Л. Хант из Ньюингтона [19]).

Священник и его помощники извещали о церковных службах в память о тех, кто умер на военной службе. Разумеется, были и призывы к совместной радости в случае известия о том, что кто-то из призванных на фронт прихожан получил ранение, но его жизнь вне опасности. Особую тревогу священники всегда выражали за пленных британцев и призывали всех помочь им, например, денежными переводами или посылками через Красный Крест [22, 1917, December].

Публиковались также письма с фронта, но, как правило, с акцентом на религиозные темы (хотя были иногда, как будет показано ниже, некоторые исключения, привлекавшие внимание властей). Например, авторы посланий тепло благодарили земляков за молитвы или просили напомнить о себе «всем парням из воскресной школы» [21, 1917, № 7]. Гамильтон Дикер, священник из Апчёрча, выражал свою озабоченность по поводу того, что вернувшиеся с войны солдаты могут обнаружить упадок веры у соотечественников и забыть «великие уроки» «жесткой, но эффективной школы войны», и призывал своих прихожан не пропускать походы в церковь [21, 1917, № 7].

Великая война не сильно повлияла на привычные рубрики приходских журналов: объявления о крещениях, свадьбах и отпеваниях. Они мало изменились. Хотя, судя по всему, война смогла отчасти определить выбор имен новорожденных. Так, например, в октябре 1916 г., в разгар битвы под Верденом (Verdun), в приходском журнале деревушки Хантон появилось извещение о крещении новорожденной Флоренс Верден Мэй (Florence Verdun May) [17, 1916, October].

Множество заметок в приходских журналах представляли собой извещения о мероприятиях, в которых участвовало все население городков и деревень. В первую очередь это были государственные и церковные праздники, которые, однако, за годы войны приобрели определенную специфику. Их патриотическая тематика стала более выраженной, а мероприятия с участием молодежи и школьников стали все больше походить на военные парады.

Так, в 1917 г. в приходе Апчёрч традиционный для Англии праздник — Майский день, известный прежде всего выбором самой красивой девушки селения, именуемой майской королевой, и веселыми гуляниями — был совмещен с празднованием Дня Империи (24 мая), который предполагал торжественное чтение «Имперского катехизиса» [13, р. 120ff] и салютование флагу, а также исполнение государственных гимнов стран Антанты, включая даже японский гимн [21, 1917, № 6]. А настоятель прихода в Уотерингбери Ливетт подчеркивал, что на «большом празднике», устроенном в саду у дома священника 22 августа того же года, «наиболее впечатляющим зрелищем» был так называемый «War Work Parade» — шествие групп детей и молодежи, не менее трех человек в каждой, представлявших «некоторые сферы промышленности или общественной деятельности, которые помогают... выиграть войну». Среди групп были девушки, наряженные

«сестрами Красного Креста», несущие носилки с тяжелоранеными, которых изображали скауты. Еще были дети, которые с помощью пони и плуга представляли фермеров, а кроме того, публике были показаны «летчик, продавец флагов и рабочий оборонных заводов», а также «работники военной столовой» [22, 1917, September]. Патриотизм, как отмечалось в другом приходском журнале, действительно «не демонстрировал признаков упадка» [20, 1918, June].

В приходских журналах нашли свое отражение и некоторые социально-политические и экономические изменения, вызванные Великой войной. Как саркастически отметил священник из деревни Лэнгтон Грин, «одним [достался] военный призыв, другим — талоны на еду, а третьим — летнее время», а если война продлится еще дольше, то и женщины, вынужденные заменить своих мужей на заводах, могут получить право голоса [20, 1918, April]. Его коллега из Ньюингтона в феврале 1918 г. горестно писал, что местный приходской «журнал должен разделить судьбу маргарина, чая, масла и всего другого и подняться в цене», и обещал, что сделает все возможное, чтобы как можно дешевле издавать информационный листок [19, 1918, February].

Этот же священник, Хант из Ньюингтона, обратил внимание на значительное сокращение добровольных пожертвований англиканской церкви, связав его со снижением доходов из-за запустения курортов на юге и юго-востоке Англии (Хант привел их в пример, поскольку курортный бизнес был важен для населения Кента). Кроме того, он заметил, что уменьшились набор в воскресные школы и количество членов в приходских сообществах [19, 1918, June]. В целом он был вынужден констатировать, что интерес к церкви (а следовательно, и ее финансы) и религии несколько снизился из-за необходимости приспособиваться к жизни в условиях дефицита продуктов и их подорожания. На страницах приходских журналов к концу 1917 г. действительно появляются упоминания о сокращении рациона питания и возможной угрозе голода [21, 1917, № 11]. В этих условиях, подчеркивал Хант, в церкви-то как раз можно развеять «монотонную рутину повседневных дел», обновить и освежить свой разум и душу.

А преподобный Ливетт, викарий из Уотерингбери, подробно описывал успехи школьной столовой, благодаря которой дети получают за умеренную плату обед. Он признал, что содержание подобной столовой обходится недешево для жителей прихода, но позволяет обеспечить нормальное питание всех учеников местной школы. В принципе, заключил священник, подобный опыт может быть востребован и после окончания войны [22, 1917, July].

Одной из самых важных сторон деятельности священника в приходах как раз была работа с детьми и молодежью. В приходских журналах постоянно упоминаются различные мероприятия, связанные с ними, в которых священник и, по возможности, его супруга принимали самое активное участие (воскресные школы и классы, церковный детский хор, собрания скаутов, спортивные клубы и т.п.). Дети и молодые люди допризывного возраста были постоянными участниками самых разнообразных занятий, которые вошли в жизнь приходов вместе с войной. Например, они собирали деньги, как напрямую, обходя дома, так и продавая различные ненужные вещи (например, старые газеты [22, 1914, December]), готовили продукты и подарки на Рождество или Пасху для солдат на передовой, раненых и пленных, а также занимались разнообразной работой, связанной с военной мобилизацией экономики, и т.п. [21, 1917, № 2].

Многие из этих практик были излишни и в общем бесполезны, как, например, отправка на фронт и в госпитали «подушечек, набитых лавандой» [21, 1917, № 2], но зато позволяли поддерживать среди детей и молодежи нужную степень патриотизма и контролировать их (особенно эффективной в этом случае выступала организация скаутов, которая имела свои отряды практически в каждом приходе [22, 1917, November]). Кроме того, периодически школьники привлекали также на настоящие полевые работы в помощь фермерам.

В приходских журналах чрезвычайно часто встречаются тексты, посвященные местным дискуссиям о возведении памятников в честь погибших на фронтах войны прихожан, а также описание церемоний открытия памятников и их самих. В другой публикации на сходную тематику была высказана мысль, что обсуждение подобных объектов началось примерно за два года до окончания войны [2]. Но скорее всего, разговоры в приходах пошли еще раньше. Так, в Берстедде уже в декабре 1915 г. был объявлен сбор денег на памятник [16, 1915, December]. Недаром ньюингтонский священник Хант отметил в апреле 1918 г. (до конца войны оставалось еще полгода), что «многие приходы уже (выделено мною. — Я. Г.) воздвигли памятники своим храбрым товарищам», которые погибли за страну, и его прихожане «могли бы мудро последовать этим примерам» и специально собраться для обсуждения всех деталей и особенностей будущего монумента [19, 1918, April]. В ходе обсуждения памятников, по-видимому, сталкивались интересы и желания различных жителей прихода, так что священнику иногда приходилось специально подчеркивать, что его инициатива относительно памятника не преследует какую-либо выгоду для прихода, а обсуждение памятника должно быть всеобщим [19, 1918, May].

Необходимо специально отметить, что все мемориальные мероприятия, конечно, приобрели особенный размах уже после войны. Так, в 1918 — начале 1920-х гг. приходские журналы один за другим извещали об открытии военных мемориалов: скульптурных групп, табличек, крестов (обыкновенно каменных, во дворе церкви или на главной площади населенного пункта) и витражей в храме. Священник из Барминга описывал открытие «постоянного расположенного в церкви памятника всем, кто принял участие в Войне. Он имеет вид раскрашенного пергаментного свитка и состоит из трех частей. На центральной нанесены имена всех тех, кто отдал свои жизни за страну, на двух других — всех, кто был на военной службе. Эта работа была выполнена благодаря заботе полковника Э. Уайтхеда... а мисс Уайтхед взяла на себя расходы по созданию рамы» [15, 1920, January]. Священник от лица прихода искренне благодарил их за дар, а также приглашал всех желающих сделать пожертвование для установки дубовой полки перед памятным знаком для возложения цветов. Некоторые приходы, например Хит [14], даже напечатали специальный выпуск приходского журнала или же особую брошюру, в которых подробно был описан порядок церемонии открытия памятника, названы все имена, высеченные или выгравированные на нем, приведены тексты молитв и речей священников, военных и гражданских лиц, которые торжественно открывали мемориал.

Следует, наконец, сказать еще об одной интересной особенности приходских журналов. Иногда они умудрялись привлечь к себе внимание военной цензуры. В одном из дел (НО 139/22) в Национальном архиве Великобритании отложились материалы, связанные с обращениями британского «Бюро пропа-

ганды» к нескольким священникам, издания которых содержали, по мнению работников цензуры, некую недопустимую информацию. Всем священникам было рекомендовано в будущем предварительно испрашивать разрешение государственного ведомства для публикации подобного рода сведений.

В первую очередь это касалось информации о местонахождении и перемещении британских армейских частей и кораблей. Так, в письме чиновника Бюро преподобному У. Армстронгу Бэку из Лемингтона, графство Уорикшир, было указано, что сообщение «сведений, запрещенных для публикации в газетах, не должно допускаться и в других изданиях», и «хотя приходской журнал, скорее всего, и не попадет в руки врага, но [все же следует помнить, что] его источники информации довольно многочисленны и разнообразны» [26].

Внимание цензуры привлек и приходской журнал из Торнтон Хита, графство Суррей, один из номеров которого «содержал серьезные заявления неназванного корреспондента, направленные против некоторых военных частей Его Величества» [24]. Причем негативный эффект заключался, по словам чиновника, не в том, что эти заявления могут прочесть другие прихожане, но в том, что ими может воспользоваться вражеская пропаганда [25]. Крамольные заявления состояли же в описании боя, которое сделал один из прихожан, призванный на фронт и засвидетельствовавший в письме священнику, что английские солдаты кидали гранаты в уже сдавшихся немцев, а потом еще и закололи нескольких пленных штыками [30, 1915, August, № 248]. Как было с раздражением отмечено потом цензором по сходному поводу в послании к архиепископу Йоркскому, «штамп “проверено цензурой”» на письме с фронта «вовсе не означает штамп “разрешено к публикации”» [23].

Также нервировали правительство упоминания о последствиях налетов на Англию немецких цеппелинов и самолетов [28, 1915, September, Vol. XXI; 29, 1915, September], все подобные объявления должны были делаться строго через государственные органы информации и пропаганды [27]. Эти сведения отличались, по мнению чиновников, такой важностью и секретностью, что даже был сделан и разослан специальный циркуляр всем епископам, дабы они контролировали священников и не допускали в дальнейшем утечки информации о немецких налетах, жертвах и разрушениях под угрозой применения наказания в рамках известного «Акта о защите королевства» [12]. Поэтому вполне объяснимо, что викарий Апчерча, упомянув о воздушных атаках немцев в сентябре 1917 г., не написал даже точного названия населенного пункта, подвергшегося бомбардировке, и говорил лишь о «городе, в котором каждый день работает множество людей из прихода» [21, 1917, № 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что в приходских журналах 1914—1918 гг. освещался довольно большой круг проблем. От взгляда приходских священников не ускользнули как повседневные жизненные трудности, с которыми сталкивались прихожане (от роста цен до налетов немецких дирижаблей), так и события на фронтах. Клирики призывали к терпению и неизменно уверяли в неизбежной победе союзников, которая предрешена Богом. Кроме того, листки играли роль своеобразной летописи и фиксировали все крупные события, происходившие в приходе. Также можно отметить, что приходские священники принимали живейшее участие в сооружении памятников в честь выживших и погибших фронтовиков после войны, были инициаторами и исполнителями мемориальных ритуалов и практик.

Представляется очевидным, что церковно-приходские листки являются важным источником по истории повседневной жизни британцев в эпоху Первой мировой войны и существенно расширяют понимание экономических, политических и культурных процессов, происходивших в британском обществе во время Великой войны.

Список источников и литературы

1. *Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917—1923* : сб. ст. / под ред. Р. Герварта и Д. Хорна. М., 2014.
2. Голубинов Я.А. «There so much pain»: особенности увековечения памяти о Великой войне в Великобритании (1914 — 1920-е гг.) // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. ст. / под ред. Г.В. Кретиной, И.О. Дементьева, С.А. Якимова. Калининград, 2013. С. 284—291.
3. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008.
4. Сергеев Е.Ю. Проблемы и перспективы изучения истории Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы. С. 190—200.
5. Donaldson P. Ritual and Remembrance: The Memorialisation of the Great War in East Kent. Newcastle, 2006.
6. Grieves K. Sussex in the First World War. Lewes, 2004.
7. Hobbs A. Towards a history of the English provincial periodical, 1800—2011 / Неопубликованный текст выступления на конференции «Mapping the Magazine 3» в Cardiff University 7 июля 2011 г. URL: http://www.academia.edu/1693691/Towards_a_history_of_the_provincial_magazine_1800-2000 (здесь и далее дата обращения: 03.12.2015).
8. Hobbs A. When the Provincial Press Was the National Press (c. 1836 — c. 1900) // International Journal of Regional and Local Studies. 2009. Vol. 5, №1. P. 16—43.
9. In time of war. A word to Readers of «The Sign» // The Sign. 1914. October. Vol. 10, №118. P. 210.
10. Riggs Wayne M. The ecclesiastical response in Britain to World War I: A study of the church of England, the church of Scotland, and the Roman catholic church. Dissertation. Milwaukee (Wisconsin), 2008. URL: <http://search.proquest.com/docview/304558796>
11. The Kent Archives (TKA) in Maidstone, Kent, UK. H/U13/F6. Hythe Parish Magazine.
12. The National Archives (TNA) in Kew, Surrey, UK. HO 139/22. Letter from Official Press Bureau, Whitehall, S.W., 13th September 1915.
13. Thompson A. The empire strikes back? The impact of imperialism on Britain from the mid-nineteenth century. Harlow, 2005.
14. TKA. H/U13/F6. Брошюра «Hythe War Memorial Dedication Ceremony, 16th July, 1921».
15. TKA. P16/28/22. The Barming Parish Magazine.
16. TKA. P18/28/15. The Parish of Bearsted. Leaflet.
17. TKA. P197/28/17. Hunton Parish Magazine.
18. TKA. P226/7/1. Leybourne Parish Magazine.
19. TKA. P265/28/1/13. Saint Mary's, Newington, Parish Magazine.
20. TKA. P344D/28/1/2. Langton Green Parish Magazine.
21. TKA. P377/28/54. St. Mary, Upchurch, Parish Magazine.
22. TKA. P385/7/3. Wateringbury Parish Magazine.
23. TNA. HO 139/22. Letter to His Grace the Archbishop of York, 18th September 1915.
24. TNA. HO 139/22. Letter to Revd. S. Udney, 4th August 1915.
25. TNA. HO 139/22. Letter to Revd. S. Udney, 7th August 1915.
26. TNA. HO 139/22. Letter to Revd. W. Armstrong Buck, 22nd March 1915.
27. TNA. HO 139/22. Letter to Revd. W. Walker, 25th August 1915.

28. TNA. HO 139/22. Saint Augustine's Church, Parish Magazine, Leytonstone.
29. TNA. HO 139/22. Longfleet Church Parish Magazine.
30. TNA. HO 139/22. Saint Paul's, Parish Magazine, Thornton Heath.
31. Winter J. Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history. Cambridge, 1995.

Об авторе

Ярослав Анатольевич Голубинов — канд. ист. наук, доц. кафедры философии и культурологии, ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, i.golubinov@gmail.com

Ал. А. Громько

Великобритания: новая политическая ситуация

Обоснован тезис о том, что итоги парламентских выборов 2015 г. в Британии подтверждают рост плюральности партийно-политической системы страны, но уже не только в рамках законодательной и исполнительной ветвей власти, но и в динамике отношений между Вестминстером и регионами. Показано, что избрание лидером Лейбористской партии представителя антиистеблишмента свидетельствует об отсутствии единства партии, которая вошла в сложный период переосмысления своих позиций. Затрагивается и наиболее острая тема политической жизни Британии — референдум о ее членстве в ЕС. Дан критический взгляд на внешнюю политику страны, которая приводит к маргинализации роли Лондона в Евросоюзе.

Ключевые слова: Великобритания, деволуция, Европейский союз, Корбин, Кэмерон, Шотландская национальная партия.

Результаты всеобщих выборов в Великобритании в мае 2015 г. имеют серьезные последствия для внутренней и внешней политики страны. В первую очередь это касается продолжения движения по пути противоречивых реформ «государства благосостояния», а также нарастания напряженности в отношениях Лондона и Брюсселя по мере приближения референдума о членстве королевства в ЕС. Британия вновь подтвердила репутацию государства, которое обращает на себя внимание с точки зрения партийно-политических и федеративных процессов (деволуции), а также как «неудобный партнер» Евросоюза. Однако эти неудобства — угроза выхода Британии из состава ЕС — могут иметь и определенную светлую сторону: стать дополнительным стимулом для реформирования этой региональной организации, в котором она так сильно нуждается.

Парламентские выборы преподнесли немало сюрпризов, главный из которых — однозначная победа Консервативной партии. Вновь, как когда-то в 1992 г. (тогда в четвертый раз подряд власть удержали тори, хотя победу прочили лейбористам), критике подверглась работа различных социологических служб страны, практически все прогнозы которых были опрокинуты итогами

голосования. Не только иностранные комментаторы, но и ведущие британские аналитики оказались в растерянности, ведь почти все предсказывали «подвешенный парламент» — неспособность ни одной из партий набрать абсолютное большинство депутатских мандатов, а значит, сформировать вновь ту или иную коалицию либо правительство меньшинства.

С одной стороны, произошел возврат к практике однопартийного правительства, а следовательно, казалось бы, стабилизация политической системы, по крайней мере, в этом сегменте «мажоритарной модели» демократии, присущей Великобритании большую часть второй половины XX в., т.е. некий возврат к «бизнесу как обычно». В пользу этого говорит и то, что, например, Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК), набравшая около 3,9 млн голосов, смогла провести в Палату общин лишь одного депутата, а Шотландская национальная партия (ШНП) — 56, хотя за нее проголосовали только 1,5 млн человек.

С другой стороны, вопреки возвращению к практике однопартийных правительств итоги майских выборов свидетельствуют о дальнейшем росте плюральности партийно-политической системы страны, только уже не в формате правительства, а в динамике отношений между Вестминстером и регионами. В этом на первое по значению место следует поставить изменения, случившиеся с ШНП: в политической истории Великобритании впервые произошел столь резкий скачок количества депутатских мандатов какой-либо партии — не в несколько раз, а на порядок. Другими словами, плюральность региональных партийно-политических систем (в данном случае — шотландской) «прорывается» в Вестминстер.

Результаты выборов стали и личной победой Д. Кэмерона, которому, вероятно, был бы брошен вызов внутри партии в случае ее поражения, например, от Бориса Джонсона, мэра Лондона. Теперь Кэмерон, укрепив свой авторитет, не только сохраняет должность премьер-министра, но в ближайшем будущем гарантирован от попыток внутрипартийной оппозиции оспорить его лидерство. Но только на ближайшее. Почему?

Во-первых, еще до майского голосования Кэмерон заявил о том, что освободит премьерское кресло после следующих всеобщих выборов (должны состояться в 2020 г.). Это значит, что подспудно позиционная борьба за пост лидера тории начнется задолго до их проведения. Учитывая соревновательный характер британской политической системы, Кэмерону вряд ли удастся безболезненно передать «эстафетную палочку» какому-то своему фавориту, например канцлеру казначейства (министру финансов) Джорджу Осборну, даже при благоприятном для правящей партии развитии событий до 2020 г. «Передача власти» Гордону Брауну от Тони Блэра в 2007 г. была исключением, а не правилом. Кроме того, даже при том, что консерваторы на выборах в мае «прыгнули выше головы», их преимущество над другими партиями в Палате общин незначительное. Оно может быть «съедено» в течение 2—3 лет в ходе довыборов в парламент, на которых шансов обычно больше у оппозиционных партий, и в результате «измен» депутатов-перебежчиков из торийской в другие парламентские фракции.

Во-вторых, внутрипартийная дестабилизация может произойти и намного раньше. Так, «подводные камни» евроскептицизма в Консервативной партии превратятся в остро торчащие рифы уже в 2016 г., если Кэмерон не добьется видимых успехов в переговорах с Брюсселем о возврате ряда полномочий,

переданных в предыдущие десятилетия Лондоном наднациональным структурам ЕС. Необходимо учитывать, что большинство депутатов-консерваторов являются не только евроскептиками, но среди них немало «твердолобых», т.е. тех, кто выступает за выход Британии из состава ЕС. В этом они смыкаются с ПНСК. Всем памятна события 1992—1997 гг., когда Консервативная партия оказалась расколотой и в состоянии «гражданской войны» из-за отношения к ЕС. Результатом были многочисленные «восстания заднескамеечников» при голосовании в Палате общин. Нескольким раз правительство Джона Мейджора оказывалось в одном шаге от вотума недоверия.

Пожалуй, главными победителями майских выборов стали даже не консерваторы, а шотландские националисты. ШНП — партия левого, социал-демократического толка, небывало усилила свои позиции. В Шотландии она превратилась в партию-монополиста. В результате процесс деволюции (децентрализации власти в стране) наберет дополнительные обороты.

Выборы привели к краху Партии либеральных демократов (ПЛД), младшего партнера консерваторов в 2010—2015 гг. В принципе, резкое ослабление их позиций ожидалось на фоне повсеместного падения популярности ПЛД среди британцев. Но его масштаб принял беспрецедентный характер. Роль «козла отпущения» для малых партий в составе правящих коалиций — процесс характерный, особенно когда их формируют партии различной политической ориентации. Заключается своего рода «брак по расчету». Малые партии, находящиеся у власти на вторых ролях, редко имеют возможность выторговывать у своего старшего партнера выгодные им законопроекты, как и блокировать его инициативы, противоречащие ожиданиям их собственного электората. Теперь либерал-демократы, сохранив лишь восемь депутатских мандатов, отброшены по уровню своего парламентского представительства к началу 1970-х гг.

Можно сказать с определенностью, что на быстрое возрождение в качестве третьей политической силы в стране им рассчитывать не приходится; в лучшем случае это произойдет к всеобщим выборам 2025 г. Существует и угроза того, что маргинализация ПЛД уже необратима. Такой негативный для нее сценарий вероятен, если Партия шотландских националистов закрепится в этой до недавнего времени традиционной для либерал-демократов политической нише. Как ни парадоксально, но спасением для них может стать то, что для королевства в целом будет непоправимым ударом — отделение Шотландии, а следовательно, уход с его политической арены ШНП. Но и в этом случае у ПЛД в оставшейся части страны может появиться серьезный конкурент за третье место — ПНСК. На сегодня последняя — главный проигравший из-за «несправедливости» мажоритарной системы голосования для общенациональных малых партий, электорат которых территориально не сконцентрирован (в отличие от региональных партий). Однако в случае выхода Шотландии из состава королевства именно ПНСК может превратиться в партию английского национализма и прорвать барьеры мажоритарной системы так, как это сделала ШНП.

Лейбористская партия на майских выборах потерпела провал. Символом этого стало поражение второй по значению фигуры в теневом кабинете — Эда Боллза в собственном избирательном округе. Большую, если не главную роль в таком развитии событий сыграл субъективный фактор, ведь по логике вещей лейбористы должны были не только удержать свои позиции, но и значительно

их улучшить. Как минимум, они претендовали на формирование правительства меньшинства. Однако результаты голосования подтвердили сомнения, касающиеся лидерских качеств и политической харизмы Эда Милибэнда. Случившееся с ним напоминает судьбу лейбористов при другом их лидере — Майкле Футе, избирательная кампания которого в 1983 г. оказалась столь же провальной.

Сколько неожиданным (по крайней мере, на первый взгляд) стал масштаб поражения лейбористов, столь непредсказуемым оказался итог выборов их нового лидера. Вопреки всем первоначальным ожиданиям в сентябре 2015 г. им стал Джереми Корбин, один из немногих представителей «крайне левых» в парламентской фракции. Впервые избрание лидера прошло по новым правилам: теперь лидер лейбористов выбирается не только путем прямого голосования всех рядовых членов, но право голоса имеют все желающие, заплатившие в партийный фонд 3 фунта стерлингов. Корбин не просто победил фаворитов парламентской фракции — Иветт Купер и Энди Бёрнема, но сделал это уже в первом туре.

Одно из правдоподобных объяснений такого неожиданного исхода состоит в том, что в современной Лейбористской партии не существует сильного центра, который мог бы выдвинуть компромиссную для большинства внутрипартийных течений кандидатуру. Оба проигравших Корбину являются не только «лицом» правого крыла партии, но его «блэритской» составляющей. Однако такая ассоциация для большинства рядовых лейбористов, не простивших Тони Блэру вторжения в Ирак, оказалась неприемлемой. В условиях, когда традиционная «коллегия выборщиков» на выборах лидера ушла в прошлое, парламентская фракция лишилась возможности предотвращать избрание «левака». Сложилась ситуация, прямо противоположная долгой практике. Начиная с 1980-х гг. именно умеренные и правые лейбористы боролись за отмену «коллегии выборщиков» в пользу принципа «один человек — один голос» с целью не допустить на пост лидера представителя левого крыла партии. Тем самым они «выводили из игры» две коллегии из трех — партийных активистов, которые в своем большинстве традиционно придерживались левых взглядов, и «аффилированные организации», среди которых решающее слово всегда было за профсоюзами.

Но история партии последних лет, как и политика консерваторов после 2010 г. с сильным неолиберальным уклоном, вновь радикализовала как значительную часть членов партии, так и в целом многих британских избирателей. В пользу Корбина сыграло то же, что зарегистрировали майские выборы, — большое количество разочарованных Партией либеральных демократов, многие из которых теперь могли сделать ставку на лейбориста — представителя «антиистеблишмента». Еще один вероятный источник голосов, сыгравший в пользу Корбина, — результаты всеобщих выборов для ПНСК, которая в последние годы оттянула на себя значительное число лейбористского электората. Хорошие результаты по полученным голосам, но их трансформация в мизерный единственный парламентский мандат могла сподвигнуть часть электората этой гибридной партии обратить свой взгляд на неординарную фигуру левого крыла лейбористов, которая могла бы бросить вызов британскому политическому «мейнстриму».

На обозримую перспективу наиболее чувствительной темой политической повестки дня Британии останется референдум о членстве в ЕС, который не за горами. Это «минное поле», по которому правительству пройти без драматических последствий будет очень не просто. В переговорах с Брюсселем и столицами государств-членов Лондон, судя по всему, будет действовать по трем направлениям. Во-первых, выторговывать себе новые исключения-льготы в случае продвижения Евросоюза по пути «двух скоростей» (углубление интеграции в основном только в еврозоне) для того, чтобы не оказаться на периферии принятия решений в ЕС в целом. Во-вторых, настаивать, чтобы британский парламент получил больше полномочий по рассмотрению и мониторингу законодательного процесса, который происходит на уровне коммунитарного права ЕС (*acquis-communautaire*). В-третьих, как добиться ужесточения в вопросах иммиграционного законодательства и выплат социальных пособий иммигрантам, так и устрожить режим свободы передвижения внутри ЕС.

С этой темой неразрывно связана проблема иммиграции. Несмотря на то что тори ставили в центр повестки дня вопрос о ее сокращении еще с 2010 г., когда пришли к власти, в 2014 г. в Великобританию въехало около 250 тыс. человек — одно из пиковых значений за последние 15 лет. Тем самым правительство расписалось в собственном бессилии бороться с проблемой в тех условиях и на основе тех правил игры, которые задает ЕС. Британия приняла активное участие в новой операции Евросоюза в Средиземном море «Тритон», но резко выступила против предложения председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера о квотах по распределению мигрантов среди всех стран-членов ЕС.

Нельзя не отметить, что в отношении иммиграционной проблемы существует очевидная связь между внешней и внутренней политикой Великобритании. Это стало особенно заметно после присоединения Лондона к американскому вторжению в Ирак в 2003 г. Уместно вспомнить и о том, что Британия вместе с Францией создали во многом «рукотворный кризис» в Ливии, вмешавшись во внутренние дела этой страны.

Российско-британские отношения продолжают по инициативе Лондона пребывать в состоянии комы. Складывается впечатление, что Соединенное Королевство все последние два года соревновалось с США и Канадой в антироссийской риторике из-за событий на Украине и тем самым самоустранилось от процесса урегулирования украинского кризиса. Это вызывает сожаление, ведь когда-то Британия не без оснований претендовала на роль «мостостроителя» в отношениях Кремля с Западом, как и Вашингтона с Брюсселем. Остается ли у этого государства способность к стратегическому мышлению, которое в последнее десятилетие съезжилось до эха внешней политики США, покажет ближайшее будущее. В XXI столетии отсидеться за Ла-Маншем, снисходительно именуя Атлантический океан «озером», уже вряд ли получится.

Об авторе

Алексей Анатольевич Громыко — д-р полит. наук, директор Института Европы РАН (Москва), президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Известная незнакомка: к 90-летию королевы Елизаветы II

Охарактеризованы основные достижения британской королевы Елизаветы II, которая 21 апреля 2016 г. отмечает 90-летний юбилей. Особое внимание уделено ее деятельности в качестве главы Содружества наций и ее роли в консолидации этой организации.

Ключевые слова: Великобритания, Елизавета II, институт монархии, конституционная монархия.

В 2016 г. британской королеве Елизавете II исполняется 90 лет. Пресс-служба Букингемского дворца заранее объявила, что 21 апреля 2016 г. королева отметит юбилей в кругу семьи, а 10—15 июня пройдут официальные праздничные торжества в Лондоне, в которых она примет участие [5].

Королева Елизавета II является самой узнаваемой, популярной и медийной персоной в мире. Но вместе с тем она остается и самой неизвестной личностью. По обычаю ежегодно ведется статистика посещенных ею стран и мероприятий, произнесенных речей и проведенных аудиенций. Но Елизавета II до сих пор остается закрытой для общения — она никогда не дает интервью.

К юбилеям принято подводить итоги, подчеркивая успехи и достижения. В этом случае королева тоже находится в исключительной ситуации. К своему грядущему 90-летию Елизавета II уже установила два своеобразных «рекорда»: в 2012 г. праздновался так называемый «бриллиантовый юбилей» — 60-летие со дня восшествия на престол, а 9 сентября 2015 г. королева преодолела важный рубеж по продолжительности царствования среди английских и британских монархов за всю историю страны, потеснив свою прапрабабушку королеву Викторию, чье правление составило 63 года и 216 дней [8].

Королева Елизавета по числу различных «рекордов» своего правления остается вне досягаемости. Здесь и негласный титул старейшего монарха за всю историю страны, и статус одного из старейших монархов в мире.

Елизавета II является конституционным монархом, теоретически спектр ее прерогатив достаточно широк. Значительную часть времени она посвящает выполнению представительских функций. Под патронатом королевы находится 620 всевозможных организаций, фондов и обществ. Несмотря на преклонный возраст, она ежегодно проводит множество официальных встреч и приемов (в среднем по 400—450). За последние годы их количество стало несколько уменьшаться и все реже королева посещает с визитами разного уровня другие государства, но она по-прежнему активна.

Королева Елизавета II придерживается консерватизма, что объясняется ее происхождением и воспитанием. О чувстве долга королевы достаточно известно, вся ее жизнь подчинена исполнению обязанностей. Однако она имеет ясный взгляд на то, как должна развиваться и видоизменяться современная монархия в связи с происходящими в мире переменами, не теряя при этом своего авторитета и уважения. Британский историк королевской семьи Роберт Хардман характеризует Елизавету II как человека с «невероятным сочетанием противо-

положностей — неизменную и постоянно меняющуюся монархию» [3, с. 5]. За десятилетия правления королевы произошло немало перемен, инициатором которых была она сама. Именно с Елизаветы II начались регулярные визиты правящего монарха в зарубежные страны, она нарушила протокольную традицию, когда правители Великобритании не вступали в разговоры с подданными, если те не были представлены им официально.

Королева является символом нации и в этом плане важны стабильность и традиции, которые прочно связаны с ее именем. Роуэн Уильямс, 104-й архиепископ Кентерберийский, подводя некоторые итоги ее правления накануне «бриллиантового юбилея», отметил: «Она показала, что возможно сохранить стабильность в быстро меняющихся обстоятельствах. И, глядя на нее, люди знали, что паниковать не нужно» (цит. по: [3, с. 18]).

Королева Елизавета II является главой Содружества наций. Следует уточнить, что это направление деятельности особенно ценно для нее. Она считает эту обязанность важной составляющей работы монарха. Само Содружество наций (до 1947 г. — Британское Содружество наций) зародилось в декабре 1931 г., когда был принят так называемый Вестминстерский статут, снявший ограничения суверенитета с доминионов Британской империи. Были сделаны серьезные уступки доминионам в возможности самим издавать законы без последующего утверждения британским парламентом и представлять себя в различных международных организациях. Таким образом, избранный курс должен был укрепить ослабевшее политическое и экономическое влияние метрополии [1, с. 355].

Затем Содружество продолжило меняться после Второй мировой войны под напором начавшегося национально-освободительного движения в Азии, ослабления связей с доминионами, которые требовали равенства. Когда принцесса Елизавета после смерти своего отца короля Георга VI была провозглашена королевой в 1952 г., в состав Содружества наций входило всего семь стран. Тогда на основе голосования стран-участниц Елизавета II была признана его главой. В настоящее время Содружество характеризуется как добровольная ассоциация, в которую входят 53 независимых государства с населением свыше 2 млрд человек [7]. Содружество — особенная организация, так как в ее составе есть и крупнейшие государства мира, например Канада, которая имеет территорию почти 10 млн км², и самые густонаселенные страны, к которым относится Индия, и самая засушливая и наиболее малонаселенная страна — Намибия [4].

К своей роли в качестве главы Содружества Елизавета II относится предельно внимательно. Она лично способствует укреплению связей внутри организации. Содружество весьма сложный механизм, в нем периодически происходят кризисы, что объясняется наличием двухуровневых отношений. С одной стороны, такие развитые страны-члены, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, имеют больше преимуществ перед развивающимися государствами Азии и Африки, вошедшими в состав Содружества много позже и в связи с этим имеющими неравные возможности, на которые наслаивались экономические, религиозные, расовые, культурные противоречия. В таких условиях конфликты неизбежны. Но во главе Содружества находится королева Елизавета II, которая выполняет важную и уникальную роль символа единства этой ассоциации. Благодаря авторитету королевы многие страны-члены продолжают оставаться в организации.

Один из способов укрепления разноплановых связей между Великобританией и странами Содружества — регулярные посещения последних монархом. За время своего царствования королева Елизавета II совершила более 200 визитов именно в страны Содружества, посетила каждое государство (за исключением Камеруна, вступившего в 1995 г., и Руанды, вошедшей в состав организации в 2009 г.), а также совершила много повторных визитов. Одна треть от общего количества всех зарубежных поездок королевы приходится на страны-члены Содружества. Супруг королевы принц Филипп, герцог Эдинбургский, сын Чарльз, принц Уэльский, и другие члены королевской семьи регулярно посещают государство Содружества. Королева поддерживает связь через контакты с Генеральным секретарем организации и его секретариатом, штаб-квартира которого — Мальборо-хаус — находится в Лондоне, а сама Елизавета II систематически проводит встречи с главами стран Содружества в рамках специальных аудиенций. Стоит отметить, что и королева, и члены ее семьи возглавляют в качестве патронов многочисленные организации, благотворительные фонды и общества Содружества, к числу которых, например, относятся Фонд по техническому сотрудничеству, Ассоциация университетов, Федерация игр, Ассоциация искусств, Молодежная программа, Фонд помощи развивающимся странам в борьбе с изменением климата. Тем самым они сближают различные государства и участвуют в развитии сотрудничества.

Раз в два года проводятся саммиты организации, где обсуждаются как общемировые проблемы, так и текущие вопросы, имеющие отношение к Содружеству. Последний такой саммит глав стран Содружества наций состоялся на Мальте 27—29 ноября 2015 г. Обращаясь с приветственной речью к его участникам, королева сказала: «Во время этой встречи Содружество должно продемонстрировать настоящее лидерство, осуществить конкретные шаги на фоне глобальных проблем, существующих в настоящее время. Эти шаги должны опираться на вклад каждого члена организации» [9].

Большое значение Елизавета II придает поддержанию тесных связей с бывшими колониями и доминионами Британской империи. Королева не одобряла ситуации, когда правительство Великобритании предпринимало меры, способствовавшие ослаблению связей с теми или иными странами-членами Содружества. В Британии с 1960-х гг. набирало силу движение сторонников континентальной ориентации в вопросах внешней политики, и когда страна вступила в ЕЭС, то, вполне естественно, произошла ожидаемая перемена в сторону расширения торговых связей с государствами Западной Европы в ущерб торгово-экономическим интересам значительной части стран Содружества. Много позже высшие политические деятели Великобритании оценили возможности британского монарха в лице королевы Елизаветы II в объединении и укреплении Содружества. Что немаловажно для правительства Великобритании, через статус королевы можно доминировать в этом союзе. Тот факт, что некоторые члены организации провозгласили республики, совсем не мешает им признавать Елизавету II главой Содружества, пользоваться преимуществами нахождения в данной ассоциации и теми перспективами, которые открываются им в экономической, технологической, гуманитарной областях [2, с. 109]. Конечно, следует учитывать и финансово-экономический фактор, поскольку Великобритания вносит в общий бюджет Содружества значительные средства.

Существуют опасения, что при будущем преемнике авторитетной Елизаветы II Содружество будет видоизменено и ряд стран выйдут из его состава. Участие королевы в объединении и руководстве этой организацией вызывает одобрение со стороны подданных. Само Содружество много значит для Елизаветы II, и она имеет все основания для гордости, о чем свидетельствует выдержка из речи, которую королева произнесла на Мальте 27 ноября 2015 г. перед началом заседаний 24-го саммита организации: «Дамы и господа, я чувствую себя чрезвычайно гордой от того, чего достигло Содружество, и что все это произошло в моей жизни» [9].

Разговоры об упразднении монархии в Великобритании время от времени поднимаются. Неспokoйно и в отдельных регионах Соединенного Королевства — Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе, которые недовольны своим статусом. За последние десятилетия самая решительная попытка была предпринята, когда Шотландская национальная партия добилась права на проведение референдума о независимости. Шотландцы решали, останутся они в составе королевства или станут независимым государством. Референдум состоялся 18 сентября 2014 г., но его результаты показали, что население, правда, за небольшим преимуществом, предпочло остаться в составе Великобритании: 55,25 % голосовавших высказались против независимости, 44,65 % поддержали и 0,1 % бюллетеней были испорчены [6]. Итоги голосования свидетельствуют, что общество Шотландии глубоко расколото и попытки выйти из состава Соединенного Королевства в ближайшем будущем могут повториться.

Но пока очевидно одно. Королева, будучи конституционным монархом, не «правит» страной, но выполняет важные церемониальные и формальные обязанности: глава государства, глава вооруженных сил, глава Церкви Англии и Шотландии.

Хотя королева не обладает всей полнотой власти, она по-прежнему играет важную консолидирующую роль в жизни нации и Содружества. Шестьдесят четыре года правления Елизаветы II показали, что она хорошо выполняет долг перед государством, обладает величием, умеет держаться на публике, соблюдает политическую нейтральность, и монархия под ее руководством способна адаптироваться к меняющейся обстановке, сохраняя свой при этом престиж.

Список источников и литературы

1. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История международной политики Великобритании : учебник. М., 2016.
2. Монархи Европы: Судьбы династий / ред.-сост. Н.В. Попов. М., 1997.
3. Хардман Р. Елизавета II. М., 2014.
4. Commonwealth members. The official website of the British Monarchy. URL: <http://www.royal.gov.uk/MonarchAndCommonwealth/Commonwealthmembers/MembersoftheCommonwealth.aspx> (дата обращения здесь и далее: 25.01.2016).
5. Events to mark The Queen's 90th birthday. URL: <http://www.royal.gov.uk/Latest-NewsandDiary/Pressreleases/2015/EventstomarkTheQueens90thbirthday.aspx>
6. Scottish Independence Referendum. The Electoral Management Board for Scotland. URL: <http://scotlandreferendum.info/>
7. The Queen and the Commonwealth. URL: <http://www.royal.gov.uk/MonarchAndCommonwealth/Overview.aspx>

8. *The Queen* in numbers: 60 facts and figures about Elizabeth II // The Independent. 2015. 9 Sept. URL: <http://www.independent.co.uk/news/people/the-queen-in-numbers-60-facts-and-figures-about-elizabeth-ii-10492571.html>

9. *The Queen's* speech at the Commonwealth Heads of Government Meeting in Malta, 27 November 2015. URL: <http://www.royal.gov.uk/LatestNewsandDiary/Speechesandarticles/2015/TheQueensspeechattheCommonwealthHeadsOfGovernmentM.aspx>

Об авторе

Елена Николаевна Тишакowa — канд. ист. наук, доц. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), elenatishakova@rambler.ru

Раздел II ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Документальная основа московских официальных церемониалов в XVII веке

На основе документов Посольского приказа, архивных описей XVII в., исследовательской литературы рассмотрены некоторые источниковедческие вопросы истории московских придворных церемониалов XVII в.: процессы создания и хранения документов церемониального характера, касавшихся основных ритуальных событий жизни московских монархов и церковных властей, а также отражавших содержание русского посольского обычая.

Ключевые слова: архивоведение, источниковедение, Посольский приказ, придворный церемониал, репрезентация власти.

Тема репрезентации власти в допетровской России после забвения в советскую эпоху вновь стала актуальной в современной отечественной историографии. Появился ряд интересных монографических исследований [1; 5; 17; 20], различные аспекты этой темы обсуждаются на научных конференциях¹. При этом ученые главное внимание обращают на существовавшие практики придворных церемониалов, в меньшей степени — на источниковедческие вопросы.

Сложившиеся в течение второй половины XV — XVI в. практики московских официальных церемониалов продолжали развиваться под влиянием различных политических и социальных процессов в XVII в., когда они окончательно закрепились как важнейшая форма репрезентации светской и церковной властей в России. Основными видами официальных церемоний в XVII в., или, по терминологии того времени, «чинов», были чин венчания на царство, или «поставление»; свадебный чин («государева / царева радость»); чин царского «стола»; посольский прием / отпуск как часть всего комплекса многогранного посольского церемониала; царские выходы / выезды; погребальный обряд; в церковной практике — чин «поставления на патриаршество». В связи с этими чинами сформировалось и соответствующее делопроизводство («чин» как название основного регламентирующего документа с добавлениями: «венчание / поставление» на царство / патриаршество, «радости», «радостный», «свадебный» и т.п.), и система хранения и использования документов церемониального характера. Главными местами их создания и хранения были Разрядный и Посольский приказы. В Разрядном приказе, как известно, составлялись и хранились документы о службе служилых людей, в том числе именные росписи

¹ Показательна в этом отношении тематика научных конференций важнейшего центра изучения истории монархической власти в России «Музеи Московского Кремля»: «Италия и двор московских государей XV — XVII веков», 1—3 февраля 2005 г.; «Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — XVIII вв.», 18—22 октября 2006 г.; «Верховная власть, элита и общество в России XIV — XIX вв. (российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй)», 23—24 июня 2009 г. «На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000—1700 годов», 19—21 октября 2011 г.

участников придворных церемоний [7]. Но основная часть делопроизводства официальных церемоний велась в Посольском приказе. Там же эти материалы и хранились.

Важнейший в Московском государстве архив Посольского приказа складывался на протяжении XVI—XVII вв. В него вошла большая часть Царского архива XVI в., поэтому наряду с дипломатическими делами, материалами по внутренней политике в Посольском архиве оказались такие документы архива великих московских князей и первых царей, как княжеские духовные и договорные грамоты, государевы дела церемониального характера.

В XVII в. в Посольский архив стали поступать наиболее важные для новой династии Романовых документы, которые хранили особенно бережно в специальных ящиках. В один из них, облицованный бархатом с серебряными оковами, положили утвержденную грамоту 1613 г. царского избрания на Земском соборе Михаила Федоровича, а также список с нее и черновик. Во время большого московского пожара 1626 г. подлинник грамоты пострадал: «печати... все ростопились, и грамота сверху подралася и поплела, на низу на последнем листу и слов не знать, только цела» — такое состояние этой «утвержденной» грамоты было отмечено в описи архива Посольского приказа 1626 г. [9, с. 70]. Для большей сохранности вскоре грамоту отнесли в ризницу Успенского собора, где этот важнейший для Романовых документ хранился на протяжении всего XVII в. [18; 15, стб. 460, 538, 840—841]. Список с утвержденной грамоты 1613 г. оставался в Посольском архиве, в отдельном ящике, куда подобрали другие важные для престижа России и власти московских монархов (по мнению посольских дьяков) документы: актуальные международные договоры с Польшей, Швецией, Турцией, а также известное послание императора Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. с царским именованьем последнего, письмо папы римского Григория XIII Ивану Грозному 1582 г., грамоты православных патриархов об избрании первого московского патриарха Иова в 1589 г. и др.

Вскоре после избирательного Земского собора 1613 г. началось приведение в порядок и описание архива Посольского приказа [8]. Разбирая архив, подьячие впервые выделили из общей массы «государственные» дела. Судя по описи Посольского архива 1614 г., это были наиболее важные для того времени документы недипломатического характера, перешедшие в приказ из Царского архива XVI в.: грамоты династические (духовные, об избрании великих князей и царей, междукняжеские договоры (докончания), свадебные дела, личные письма государей), важнейшие государственные акты (грамоты жалованные, крестоцеловальные и поручные, соборные постановления, указы царя и Боярской думы), дела о некоторых политических судебных процессах.

Тогда же, в 1614 г., в Посольском приказе приступили к составлению двух роскошных лицевых рукописных книг: одной со списком утвержденной грамоты 1613 г., второй — с чином венчания на царство Михаила Романова. (Эту работу можно рассматривать как часть мер правительства, направленных на создание официальной концепции Смуты [19, с. 91—97].) Обе книги были написаны посольским подьячим Иваном Федоровым Кашей, а украшены золотописцем Миной Быковым. Основой для составления чина венчания послужили документы Посольского архива. Книга с утвержденной грамотой хранится ныне в Государственном древлехранилище хартий и рукописей в РГАДА [13].

Во время следующего генерального описания Посольского архива в 1626 г., разбирая дела, подьячие собрали в отдельный ящик старые документы церемониального характера. Среди них была подборка свадебных дел: чин проводов в Литву в 1495 г. Елены, дочери великого князя Ивана III, чины свадеб Василия III, Ивана IV и его брата Юрия, а также двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, именная роспись и чин свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Стрешневой. В течение XVII в. этот комплекс дел пополнился тремя чиновными списками смерти царя Михаила, книгой о венчании на царство Алексея Михайловича, документами о свадьбах царя Алексея с М. И. Милославской (две книги, несколько столбцов и тетрадей; одну из книг правил думный дьяк Назарий Чистой) и Н. К. Нарышкиной, а также чиновными списками царских венчаний Федора Алексеевича, Ивана и Петра Алексеевичей, свадьбы царя Федора Алексеевича с А. С. Грушецкой.

Дела о венчании на царство и свадьбах царей находились в Посольском архиве не только потому, что этот архив был традиционным хранилищем династических документов — в XVII в., как известно, документация о таких обрядах готовилась в Посольском приказе. Об этом свидетельствует хранившееся в архиве большое количество черновых материалов подобного рода [3, с. 188—200]. Так, при подготовке утвержденной грамоты 1613 г. в Посольском приказе в качестве справочника был составлен «чин царского поставленья, как венчаютца на Российские государства царским венцом и диадимом цари и великие князи». Этот чин был составлен из материалов архива специально «на пример государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси» [9, с. 70].

В 1672—1675 гг. при думном посольском дьяке А. С. Матвееве в Посольском приказе была проведена большая работа по созданию новых рукописных книг, необходимых для дипломатической работы. Группа подьячих, переводчиков, писцов, иконописцев, золотописцев и переплетчиков Посольского приказа совместно с мастерами Оружейной палаты изготовила, среди прочих, иллюстрированную книгу об избрании царя Михаила Романова, «Родословную великих князей и государей Российских» Л. Хурелича, а также «Большую государеву книгу или корень российских государей», больше известную как «Царский титулярник», который был важнейшим пособием для русских дипломатов [4; 11]. Следует напомнить, что практика составления дипломатических справочников, подобных «Титулярнику», существовала со времени появления Посольского приказа в середине XVI в.

Одновременно с изготовлением «Царского титулярника» было проведено новое генеральное описание Посольского архива [10]. Из описи архива 1673 г. узнаем, что в архиве оставили на хранение черновой вариант «Титулярника» в виде столбца, с которого были «списаны три книги с персонами великих князей и великих государей царей российских, и святейших вселенских и российских патриархов, и римского папы, и великих государей христианских окрестных и мусульманских персоны всех, и гербы в клемах золотных». Два экземпляра книги «на александрейской болшой бумаге в полдесть» были «поднесены» царю Алексею Михайловичу и его сыну царевичу Федору, а третья книга «на александрейской середней бумаге в десть» осталась в Посольском приказе как справочник для дипломатов. Составители описи отметили, что «оболочены все три книги бархатом червчатый, застежки и наугольники и посредники на верхних

и на исподних досках серебряные, прорезные золочены, а на верхних досках на средине орлы прорезные» [10, с. 39]. Можно сказать, что, как и в начале века, работа по созданию рукописных книг сопровождалась мобилизацией документов Посольского архива.

Преимущественно справочным целям служила и библиотека Посольского приказа, состоявшая из иностранных книг на латинском, немецком, польском, шведском, голландском и итальянском языках. В 1673 г. книги этой библиотеки (116 наименований) были переписаны и сложены в большой сундук с внутренним замком [10, с. 520—525]. Больше всего было книг Священного писания и богословских, необходимых для правильной ориентации в католических, протестантских и греко-латинских обрядах, для принесения присяги во время заключения договоров. Кроме того, в библиотеке были собраны книги с законодательными актами различных государств (конституции, уложения, статуты, указы, указы и т.п.), словари и грамматики, пособие по делопроизводству («Книга италиянским языком, какову подобает бытии секретарю или подьячому»), «козмографии» и исторические хроники, гербовники, пособие по коневодству («Книга конского учения»), сочинения античных авторов (Аристотеля, Вергилия, Сенеки), книги «счотная», «цыфирная», «о витийстве риторическом», «Поучения погребальные», «о исправлении календаря нового», «о небеси и о стихиях» и даже «о грубиянском мужицком невежестве».

Ответственными за составление различных справочных материалов, необходимых для посольской службы и придворных церемоний, были наиболее доверенные дьяки и подьячие, у них же эти документы временно хранились. Об этом свидетельствуют архивные описи XVII в.

Известный по событиям Смутного времени думный посольский дьяк и печатник Иван Грамотин в 1626 г. был отправлен в ссылку в Алатырь, и после него в Посольском приказе остались три ящика и четыре мешочка с документами [9, с. 370—373]. В них находились, в частности, столбец с подписями членов Освященного собора об избрании первого патриарха Иова, а также черновой столбец «венчания на царство» Федора Ивановича, документы, связанные с семейными делами царя Михаила, родословные выписки о многих княжеских, боярских и даже известных дьячих фамилиях. Ряд документов попал в «архив» Грамотина в результате выполнения им каких-либо царских поручений. Например, в одном из ящиков хранилось две описи драгоценных камней и жемчуга, предназначенных для новой царской короны (в 1622—1624 гг. Грамотин был ответственным за ее изготовление) [2, стб. 364].

Среди старых подьячих ведущее положение занимал Григорий Львов. Он имел в своем распоряжении коробку и ящик в основном с материалами о свадьбах царя Михаила (так называемые дела о «государевой радости»). Во время описания Посольского архива в 1626 г. Львову были отданы почти все тетради со списками старых великокняжеских договорных грамот, поскольку в его обязанности входило составление фамильных царских документов.

Таким образом, материалы Посольского архива являются основой для изучения процесса подготовки в XVII в. документации церемониального характера, в том числе придворных дипломатических церемоний.

Среди документов архива особое место как источник для изучения русского посольского церемониала занимают, конечно же, посольские книги. В Посоль-

ском архиве они хранились особенно бережно. По подсчетам Н. М. Рогожина, до наших дней не сохранилась сравнительно небольшая часть от всех посольских книг конца XV — начала XVIII в. Отмечены утраты книг в фондах сношений России с Австрией, Англией, Грецией, Данией, Пруссией, папской курией, Польшей и Швецией преимущественно за период последней четверти XV — середины XVI в. В сохранившихся 766 посольских книгах отражены связи России с 17 иностранными государствами Европы и Азии и с народами, вошедшими позднее в состав России [6, с. 17—52].

Для иллюстрации информативных возможностей посольских книг обратимся к малоизученной бранденбургской посольской книге 1650—1671 гг., которая содержит интересные подробности по истории русского посольского обычая и дипломатического придворного церемониала XVII в. [12, д. 2, л. 3—36; 14].

Двадцать седьмого марта 1650 г. в Москву прибыл посланник бранденбургского курфюрста (Великого курфюрста) Фридриха Вильгельма (1640—1688 гг.) Генрих Райфф (в источнике — Индрик Риф). Со времен великого князя Василия III между Москвой и Бранденбургско-Прусским курфюршеством (в XVI в. — Прусским герцогством) дипломатических контактов не было. Миссия Райффа оказалась для Посольского приказа неожиданной и потребовала быстрого решения нескольких важных вопросов. Времени для этого было не так много. Следовало установить не только личность посланника, его полномочия и цель визита, но и собрать информацию по истории взаимоотношений между двумя государствами, определиться с церемонией приема дипломата. По материалам посольской книги можно проследить всю последовательность работы московской посольской службы.

Первые сведения о бранденбургском посольстве поступили в Москву 12 марта 1650 г. из Пскова. Воевода Никифор Собакин и дьяк Иван Степанов сообщали, что еще 28 февраля получили известие из Печерского монастыря от архимандрита Митрофана о встрече посольства на границе и отправке его во Псков. Как только посланник поселился на псковском немецком дворе, то был спрошен головой двора Михаилом Румянцевым. Выяснилось, что посланник — это человек, хорошо известный при московском дворе, так как около тридцати лет служил при царе Михаиле Федоровиче «у золотого дела», а в 1641 г. был отпущен в Голландию, после чего служил восемь лет бранденбургскому курфюрсту судьей в Кроненберге (близ Кёльна). В ноябре 1649 г. курфюрст отправил Райффа к русскому царю, учитывая его прошлую деятельность. В Россию Райфф приехал вместе с женой (что было не обычным для посольской практики тех лет), может быть, потому, что для нее это было посещение родины (?).

По прибытию в Москву посланника с женой и сопровождающими людьми разместили в Китай-городе в доме Гаврилы Свечника. В первый же день была установлена цель визита: бранденбургский курфюрст хочет быть с царем «в дружбе и в ссылке», т.е. намерен установить дипломатические отношения с Россией. Учитывая то, что «на перед сего ко государю от бранденбургского курфюрста посланцов не было» [12, д. 2, л. 5 об.], думные посольские дьяки Михаил Волошенинов и Алмаз Иванов поручают переводчикам Борису Борисову и Ивану Адамову срочно подготовить подробную справку о Бранденбургско-Прусском курфюршестве, о Фридрихе Вильгельме и истории отношений между Москвой и Пруссией. После этого можно было определиться с порядком приема посланника.

В архиве приказа с помощью архивной описи 1626 г. переводчики подобрали необходимый материал. Был обнаружен первый и единственный договор 1517 г. о военно-политическом союзе между великим московским князем Василием III и магистром Немецкого ордена в Пруссии (с 1525 г. прусским герцогом) Альбрехтом Гогенцоллерном, а также самая ранняя прусская посольская книга о взаимоотношениях Москвы и ордена в 1517—1520 гг. [12, д. 1; 16]. Выяснилось, что бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм владеет также и Пруссией, «а привилеи имеет на Прусскую землю у полского короля» [12, д. 2, л. 5 об.], т.е. как владетель Пруссии находится в ленной зависимости от короля. Переводчики составили также справку о взаимоотношениях между императором и семью немецкими курфюрстами, и определили, какое место среди них занимает Фридрих Вильгельм. Подготовили справку о размерах содержания, назначавшегося ранее различным европейским посланникам. После чего появилось распоряжение бояр о содержании Г. Райффа и его людей по примеру голландских дипломатов: посланнику полагалось поденного корму и питья по гривне на день, его людям — по десять денег, на всех — по возу дров на день, а для лошадей — по бочке воды на день [12, д. 2, л. 8—8 об.].

Церемония официального приема Райффа была организована не как для обычного европейского посланника, а фактически как для посла. Объяснить это можно особой важностью миссии — установлением дипломатических отношений. К тому же, как выяснилось во время приема у царя 7 апреля, посланник привез от курфюрста грамоту с поздравлением (хотя и запоздалым) Алексея Михайловича со вступлением в 1645 г. на российский престол и предложением «со-сецкой дружбы». Поэтому царь принимал посланника в присутствии бояр особо торжественно: в золотой «подписной» палате дворца в полном царском наряде, в короне, со скипетром и державой. Традиционные в таких случаях «корм и питье» с царского стола, отправленные на подворье дипломата, также соответствовали рангу посла: из приказа Большого дворца были посланы «калач крупичатый в полторы лопасти, 10 чарок вина двойного, кружка романи, 2 кружки меду вишневого или малинового, пол ведра меду паточного, ведро меду чеженого, 2 ведра пива доброго. Из Большого приходу: хлебов и колачей на гривну, гусь живой, пол переда говядины, баран живой, полоть свинины или ветчины, 5 куров. Людем ево: кружка вина, ведро меду, ведро пива» [12, д. 2, л. 12 об., 13].

Показателен и обмен дорогами подарками. От Фридриха Вильгельма — три породистых жеребца (серый, буланый и вороной, точнее «в каре ворон» или «каракуль»), янтарная шкатулка и шесть янтарных, оправленных золотом, глубоких блюда («росольники») [12, д. 2, л. 11 об.]. В Посольском приказе эти подарки оценили на общую сумму в 480 рублей. По русскому посольскому обычаю того времени цена ответных подарков царя (они назывались «поминками», если предназначались для монархов суверенных государств) должна была значительно превосходить цену полученных подарков. Поэтому во время отъезда посланника 28 мая 1650 г. ему были переданы для курфюрста русские меха (традиционный подарок для европейских монархов) — соболя на сумму в 700 рублей. С выбором подарка лично для посланника возникли сложности, поскольку бранденбургских дипломатов в Москве до этого не было. По материалам Посольского архива была составлена справка о подарках и их цене других европейских посланников. В конечном счете решено было одарить Райф-

фа по примеру английских посланников: сорок соболей на сумму 60 рублей, «да пару в 10 рублей»; кроме того, конюху две пары и трем помощникам посланника — пару соболей [12, д. 2, л. 31—31 об.].

Во время переговоров выяснилась еще одна цель визита: Фридрих Вильгельм хотел бы договориться о покупке русской ржи в течение четырех или шести лет по две тысячи ластов ежегодно. В послании к царю он объяснял необходимость закупки ржи «хлебным оскудением» своего государства из-за «долгопротяжливой» Тридцатилетней войны. Переговоры по этому вопросу носили определенный церемониальный характер в соответствии с традиционными приемами торгового дела. Сначала русская сторона постаралась завянуть цену тем, что якобы со сбором хлеба в России имеются трудности: в Двинской земле недород, на юге «во многих местех хлеб саранча поела», в Архангельске (откуда хлеб обычно отправлялся в Европу) хлебных запасов «в привозе мало». К тому же о покупке хлеба царя просят также и датский король, и шведская королева, и голландские «владельцы». Тем не менее в знак особого расположения к курфюрсту царь готов продать хлеб из «своих житниц» в Архангельске по цене четыре ефимка (талера) за четь ржи. На что посланник ответил, что по такой цене и даже дешевле можно купить хлеб и у него на родине. После непродолжительного торгового соглашения русская сторона согласилась продать хлеб «меньшою самую цену» по три ефимка за четь, чтоб «любовь и приятельство было памятно» [12, д. 2, л. 18—22 об.]. Понятно, что конечной целью такого торгового показа было показать, какие особые чувства расположения питает царь к новому партнеру.

История приема бранденбургского посланника, изложенная в посольской книге, показывает, какое важное место в посольской практике занимали архивные документы, какую роль играл прецедент в посольском церемониале, по какой методике закладывался новый прецедент и как оперативно вносили изменения в существующий посольский церемониал посольские служащие в зависимости от конкретного случая. Конечно, русский посольский церемониал XVII в. был более консервативен, чем европейский, однако его не назовешь косным, застывшим, он был достаточно гибок и вполне адекватен быстро меняющимся реалиям дипломатической практики.

Список источников и литературы

1. Бычкова М.Е. Магия власти: обряды возведения на престол. Царские регалии. М., 2009.
2. Дополнение к Дворцовым разрядам. М., 1882. Ч. 1.
3. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1857. Т. 6.
4. Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.
5. Михайлова И.Б. «И здесь сошлись все царства...»: очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.
6. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / сост. и авт. вступ. ст. Н.М. Рогожин. М., 1990.
7. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / подг. текста и вступ. ст. К.В. Петрова. СПб., 2001.

8. *Описи* Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.
9. *Опись* архива Посольского приказа 1626 года : в 2 ч. / подг. В.И. Гальцов ; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1.
10. *Опись* архива Посольского приказа 1673 года : в 2 ч. / подг. В.И. Гальцов ; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990.
11. *Портреты*, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
12. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 74. Опись «Прусские дела».
13. РГАДА. Ф. 135. Отд. III. №5.
14. *Россия и Пруссия* в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством, 1649—1671 гг. / сост. П.И. Прудовский. М., 2013.
15. *Русская историческая библиотека*. СПб., 1876. Т. 3.
16. *Сборник* Русского Императорского Исторического общества. Т. 53 // Памятники дипломатических отношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии. 1516—1520 гг. / под ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1887.
17. *Успенский Б.А.* Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
17. *Утвержденная грамота* об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / под ред. С.А. Белокурова. М., 1906.
19. *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // *Исторические записки*. М., 1945. Т. 14. С. 91—97.
20. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

Об авторе

Валерий Иванович Гальцов — канд. ист. наук, проф. кафедры истории, директор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).

А. Я. Массов

Документальные материалы по истории Австралии

XIX — начала XX века

в архивах и библиотеках Петербурга

Представлен обзор выявленных в архивохранилищах и библиотеках Петербурга документальных материалов по истории Австралии и русско-австралийских связей. Проведенный анализ позволяет говорить о наличии значительного количества таких материалов и их тематическом разнообразии. Подчеркивается, что обнаруженные документы выступают как ценный дополнительный источник иностранного происхождения по истории пятого континента.

Ключевые слова: Австралия, архивы Петербурга, ПФА РАН, РГА ВМФ, РГИА, РНБ, русские источники.

Документальные материалы иностранного происхождения по истории той или иной страны интересны исследователям не только как дополнительный источник, но и как своего рода взгляд со стороны. В случае, если наблюдатели-иностранцы не имеют каких-либо политических или иных интересов в стране своего пребывания, их взгляд на происходящие события отличается несомненной объективностью, а их возможная пристрастность детерминирована лишь разницей в системе ценностей и культурных стереотипов. Это различные культурных архетипов, в свою очередь, позволяет изучить имагологические аспекты, а именно особенности восприятия теми или иными народами друг друга. Сказанное в полной мере относится к документальным материалам русского происхождения по истории английских переселенческих колоний в Австралии XIX в. и первых лет существования созданного в 1901 г. в качестве британского доминиона Австралийского Союза.

Контакты русских с Австралией, этой удаленной и труднодоступной частью британского мира, начались через 19 лет после начала английской колонизации пятого континента в 1788 г. Первыми русскими, побывавшими в Австралии, стали участники русских кругосветных и полукругосветных плаваний. В июне 1807 г. Сидней достиг шлюп «Нева» под командованием лейтенанта Л. А. Гагемейстера. Всего в первой трети XIX в. Австралию посетило 15 кораблей участников русских кругосветных экспедиций, заходивших в Сидней и Хобарт 17 раз. Офицеры-участники этих плаваний были по тому времени людьми высокообразованными, они с интересом всматривались в развитие процесса английской колонизации Австралии, уже тогда удивлявшего иностранцев своей продуманностью и исключительно быстрыми темпами. В период между победой над Наполеоном и примерно до конца 1820-х гг. отношения России и Англии были достаточно дружественными, русских моряков ожидал в Австралии теплый прием и возможность беспрепятственно знакомиться с жизнью молодого колониального общества. Русские описания Австралии того времени поэтому чрезвычайно информативны. Следует подчеркнуть также их объективность, поскольку в первой трети XIX в. Россия не имела никаких политических или экономических интересов в южной части Тихоокеанского бассейна. Во время своего пребывания в Австралии русские мореплаватели всегда проводили естественно-научные исследования: астрономические счисления для уточнения координат Сиднея, геологические изыскания, собирали гербарии, экспонаты зоологического характера, предметы быта и образцы оружия коренных жителей Австралии. В настоящее время большая часть естественно-научных и этнографических коллекций, доставленных в Россию участниками русских кругосветных плаваний, хранится в академических музеях Петербурга — Зоологическом, Ботаническом и в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого (см: [2; 41; 42]).

Со второй половины XIX в. начинается новый этап в развитии отношений Австралии и России. Сидней, Мельбурн, Хобарт, Брисбен, Аделаиду и другие порты Австралии и австралийских островов Торрессова пролива посещают парусно-паровые и паровые корабли русской эскадры Тихого океана — при переходе из Балтики в Тихий океан и обратно или во время учебно-тренировочных плаваний. Цели большинства таких заходов — пополнение запасов провизии и ремонт кораблей, но также и демонстрация русского флага. Помимо контактов

по линии флота начинают развиваться культурные, научные связи между Россией и Австралией, завязываются торговые отношения, с 1857 г. в Мельбурне и Сиднее начинают работать российские консулы. В этот период на восприятии русскими и австралийцами друг друга не могли не отразиться крайне натянутые, доходившие временами до враждебности отношения Англии и России. В Австралии укоренился страх перед возможным нападением на австралийские портовые города русского флота в случае начала англо-русской войны. В начале XX в. с образованием Австралийского Союза и поражением России в Русско-японской войне этот страх несколько поутих, и отношения России и Австралии приобрели стабильный и относительно бесконфликтный характер, а в годы Первой мировой войны обе страны оказались союзниками по Антанте. После событий 1917 г. в России отношения с Австралией оказались прерванными. Новый этап отношений Австралии с нашей страной — теперь уже СССР — начнется только в 1942 г. с установлением полноценных дипломатических связей между двумя странами.

Большой пласт документальных материалов, отражающий развитие отношений России и Австралии, представляет ныне немалый интерес для современных историков. Значительная их часть сосредоточена в петербургских архивах — Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФА РАН), Архиве Русского географического общества (АГО), а также в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Рукописно-документальном фонде Центрального военно-морского музея (ЦВММ).

В данной статье предпринимается попытка представить обзор этих документов, поскольку до сих пор работы по данной тематике в отечественной научной литературе практически отсутствуют. Можно назвать лишь небольшую публикацию сотрудника РГА ВМФ Т. П. Мазур [7] и статью В. В. Носкова [10], в которой, однако, австралийские сюжеты почти не затрагиваются. Думается, что такой обзор будет полезен не только специалистам-австроловедам, но и тем, кто изучает историю Британской империи и историю *Pax Britannica* в целом.

В первой трети XIX в. единственным каналом общения россиян и австралийцев оставались посещения Австралии участниками русских кругосветных плаваний, русские источники по этому периоду австралийской истории и истории российско-австралийских связей в большинстве своем сосредоточены в РГА ВМФ. В фондах 166 (Департамент морского министра), 203 (Военная по флоту канцелярия), 213 (Экспедиция в Северный ледовитый океан капитан-лейтенанта М. Н. Васильева), 402 (Гидрографический департамент морского министерства) и ряде других хранятся документы о пребывании участников русских кругосветных и полукругосветных экспедиций в Австралии. Это не только сухие официальные отчеты о ходе плавания и пребывании в Сиднее или Хобарте командиров кораблей, но и выполненные офицерами флота подробные описания положения дел и жизни в этих молодых и удаленных владениях Великобритании (например, «Заметки о снаряжении экспедиции и плавании ее до порта Жаксон» М. Н. Васильева [17, оп. 1, д. 102]¹ или путевой дневник мичмана

¹ М. Н. Васильев — командир кругосветной экспедиции 1819—1822 гг. (на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный»), корабли которой посетили Сидней в феврале — марте 1820 г.

«Благонамеренного» Н. Д. Шишмарева [16, оп. 1, д. 7306]). Ценнейшие документы личного происхождения — дневники и путевые заметки участников плаваний — хранятся в именных фондах архива. Это, в частности, подлинники хорошо известных историкам флота «Истинных записок моей жизни» участника плавания на корабле Российско-американской компании (РАК) «Суворов» (посетил Сидней в 1820 г.) лейтенанта С. Я. Унковского, «Записки о плавании военного шлюпа “Благонамеренного”» лейтенанта Ан. П. Лазарева (младшего брата великого русского флотоводца М. П. Лазарева), рукопись Ал. П. Лазарева (старшего брата М. П. Лазарева) «Плавание вокруг света на шлюпе “Ладого”» (шлюп посетил Хобарт в 1823 г.) [23, оп. 1, д. 2; 16, оп. 1, д. 111; 18, оп. 1, д. 27]. Нередко русские моряки целенаправленно собирали статистический материал об экономическом и социальном развитии австралийских колоний: количестве обработанной и пригодной к обработке земли, количестве крупного и мелкого рогатого скота, о городах колонии, о состоянии верфей и возможностях судоремонта и др. (см., напр.: [17, оп. 1, д. 137; 16, оп. 1, д. 1123; 15, оп. 1, д. 666; 19, оп. 1, д. 88]). Сведения о пребывании участников русских кругосветных экспедиций в Австралии и о положении дел в британских колониях на пятом континенте можно обнаружить, хотя и в меньшем количестве, в Архиве Русского географического общества. Это отчеты о пребывании в Сиднее в 1822 г. корабля РАК «Рюрик» (командир — штурман 12 класса Е. А. Клочков) и в 1829 г. корабля РАК «Елена» (командир — лейтенант В. С. Хромченко) [3, оп. 1, д. 42, д. 139].

Еще более обширный и насыщенный фактической информацией документальный материал хранится в РГА ВМФ о пребывании в Австралии российских военных моряков во второй половине XIX — начале XX в. За период с 1853 по 1903 г. (после поражения России в Русско-японской войне посещения пятого континента кораблями русского флота прекратились) в порты Австралии было осуществлено 43 захода 17 русских военных кораблей. Вторая половина XIX в. — время золотой лихорадки и быстрого роста населения австралийских переселенческих колоний, бурного развития экономики, развития федералистского движения и образования в 1901 г. Австралийского Союза. Все эти явления и процессы нашли свое отражение в материалах плаваний русского флота.

В фондах 410 (Канцелярия морского министерства) и 417 (Главный морской штаб) содержатся официальные отчеты о заграничных плаваниях русских кораблей, в том числе об их пребывании в Австралии. Вкупе с документами личного происхождения — записками, письмами, путевыми заметками, дневниками и воспоминаниями участников плавания из именных фондов: ф. 26 (Адмирал Иван Алексеевич Шестаков), ф. 32 (Адмирал Евгений Иванович Алексеев), ф. 41 (Вице-адмирал Авраамий Богданович Асланбегов) — документы РГА ВМФ предоставляют обширный материал о положении дел в этой стране. В плане экономического развития Австралии представлена масса статистических и фактических сведений о золотодобыче, о появлении современной судостроительной и судоремонтной промышленности, о начале строительства телеграфных линий и железных дорог. Немало материалов о росте и повседневной жизни австралийских городов, о последствиях для страны знаменитого экономического кризиса 1890-х гг., который Австралия переживала очень тяжело. Среди документов такого рода нельзя не выделить рапорты о ходе плавания начальника эскадры Тихого океана контр-адмирала А. А. Попова (посетил Мельбурн и Сидней

в 1863 г.), донесения командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала А. Б. Асланбегова (визит русской эскадры под его командованием в 1881—1882 гг. в Сидней, Хобарт, Мельбурн, Аделаиду и Олбани), командира крейсера «Разбойник» капитана 2-го ранга П. П. Ухтомского (заход в Эксмутский залив и в город Дарвин в 1893 г.), командира крейсера «Крейсер» капитана 2-го ранга Н. И. Небогатова (будущего «героя» Цусимы, посещение Мельбурна в 1894 г.) [20, оп. 2, д. 2603, д. 4063; 21, оп. 1, д. 915, д. 1110]. Красочную картину различных сторон жизни Мельбурна и Сиднея начала 1880-х гг. представил в своем очерке мичман «Богатыря» П. С. Муханов, чьи записки хранятся в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [9]. Большой интерес представляет иллюстративный материал о пребывании русских моряков в Австралии. Отметим в этой связи «Альбом кругосветного плавания на корвете “Рында” великого князя Александра Михайловича в 1886—89 гг.» Князь, являвшийся членом экипажа «Рынды», имел фотоаппарат и делал снимки мест, которые посещал русский корвет. В частности, в его альбоме представлено немало фотографий Ньюкасла, Сиднея и Мельбурна, сделанных в 1888 г. Ныне «Альбом...» находится в Секторе хранения фотографий и фотонегативов Центрального военно-морского музея (ЦВММ) [1].

Возвращаясь к материалам РГА ВМФ, хотелось бы подчеркнуть значимость хранящихся там документов военно-стратегического и политического характера. Необычайно интересна военно-стратегическая информация: о мерах по укреплению обороноспособности Австралии, о визуально наблюдаемых русскими моряками береговых укреплений ее главных портов, наличии в австралийских водах кораблей британского флота и начале строительства военно-морских сил австралийских переселенческих колоний. Русские моряки, наряду с русскими военно-морскими агентами в Англии, чьи материалы сосредоточены в ф. 443 (Военно-морской агент в Англии), были главным источником сведений о развертывании и увеличении военно-морских вооружений Британской империи в южной части Тихого океана [22, оп. 1, д. 1358, д. 1594].

В политическом плане документы российского флота предоставляют сведения о проявлениях русофобии на пятом континенте. Они позволяют судить о распространении антирусских настроений в переселенческих колониях и о степени укоренения предубеждений против России в австралийском обществе. Назовем в этой связи сообщения об антирусских кампаниях в австралийской колониальной прессе, о подозрительности австралийцев относительно целей захода русских кораблей в австралийские порты. В 1863, 1882, 1886 гг. русских моряков обвиняли в шпионаже [14, оп. 1, д. 12, д. 23; 20, оп. 2, д. 4603; 13, оп. 1, д. 512; 21, оп. 1, д. 119]. Все эти обвинения, однако, не находили подтверждения, и их необоснованность в конечном итоге признавалась и в самой Австралии. Далеко не все австралийцы при этом с предубеждением относились к России и русским. В материалах плаваний флота немало свидетельств о теплоте приема русских и дружественном отношении к ним простых австралийцев [20, оп. 2, д. 4063, д. 3063; 21, оп. 1, д. 1110, д. 2275].

О двух значимых политических событиях в истории Австралии — праздновании столетия со дня основания английских поселений на австралийском материке в январе 1888 г. и открытии федерального парламента Австралийского Союза в 1901 г. — рассказывают материалы о посещении Сиднея и Мельбурна

корветом «Рында» и крейсером «Громобой» [21, оп. 1, д. 360, д. 2275, д. 2282]. Команда «Рынды», находившейся в учебно-тренировочном плавании в водах Тихого океана, по приходе в Сидней стала, отчасти неожиданно для себя, участницей торжеств по случаю столетия английских колоний в Австралии. Центральной фигурой, представлявшей Россию, оказался при этом не командир корвета капитан 1-го ранга Ф. К. Авелан, а мичман русского корабля двоюродный брат императора Александра III великий князь Александр Михайлович. Его общение с британским губернатором Нового Южного Уэльса лордом Каррингтоном и другими представителями высшего эшелона колониальной администрации стали, по сути дела, первым в истории отношений России и Австралии примером контактов их политических элит. Крейсер «Громобой» (командир — капитан 1-го ранга К. П. Иессен) был уже официально и специально направлен в Австралию на торжества по случаю открытия первого федерального парламента Австралийского Союза, что стало одним из свидетельств расширения политических связей России и Австралии.

Разумеется, часть материалов по австралийской тематике, хранящихся в РГА ВМФ, уже опубликована — как вскоре после совершения плаваний, так и по прошествии времени — в сборниках, посвященных истории русского флота и истории русско-австралийских связей. В первую очередь это касается дневников и путевых записок русских кругосветных мореплавателей и морских офицеров, побывавших в Австралии во второй половине XIX — начале XX в. [4—6; 12; 43]. Вместе с тем дневники и путевые заметки офицеров российского военно-морского флота нередко публиковались с купюрами, и знакомство с подлинниками позволяет выявить существенные детали не только касательно австралийских реалий, но и взглядов и представлений самих авторов этих документов. Так, например, при публикации записок Ан. П. Лазарева пропущена его нелицеприятная оценка внешности австралийских аборигенов, публикация 2004 г. дневника С. Я. Унковского выполнена вообще не по подлиннику, а по отредактированному машинописному варианту текста его воспоминаний, который готовили к печати в 1930-х гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых, но так и не опубликовали. При издании в сборнике «Российские моряки и путешественники в Австралии» заметок П. С. Муханова и вовсе был опубликован относительно небольшой их фрагмент. Кроме того, все еще остается масса неопубликованных документов — прежде всего переписки чинов морского ведомства относительно посещения русскими моряками Австралии с их оценками военной, экономической и политической ситуации в переселенческих колониях. Например, в делах, содержащих письма Н. Н. Миклухо-Маклая и другие документы, посвященные попыткам русского путешественника активизировать русскую политику в южной части Тихого океана, создать там российскую сферу влияния и основать русскую колонию, наличествует интереснейшая и пока неопубликованная переписка чинов Морского министерства и Министерства иностранных дел. Она посвящена политическому положению Австралии и политике австралийских переселенческих колоний по отношению к планам аннексии европейскими державами восточной половины острова Новая Гвинея в первой половине 1880-х гг. [20, оп. 2, д. 3740, д. 4155]. При этом сами письма Н. Н. Миклухо-Маклая опубликованы и прокомментированы в шеститомном собрании его сочинений [8].

То же можно сказать про письма и документы Н. Н. Миклухо-Маклая, которые хранятся в Петербургском филиале Архива РАН и Российском государственном историческом архиве. Сами тексты русского ученого и путешественника опубликованы, но документы, связанные с деятельностью Н. Н. Миклухо-Маклая по созданию русской колонии в Океании, его пребыванием в Австралии и оценкой процессов, которые развивались в бассейне Тихого океана в связи с колониальной экспансией великих держав, в значительной своей части до сих пор не публиковались. В ПФА РАН имеются разнообразные документальные материалы о работниках в Океании, в которой принимали участие и австралийские плантаторы — владельцы плантаций сахарного тростника в Квинсленде, а также переписка по вопросу о создании Н. Н. Миклухо-Маклаем Биологической станции в Сиднее, открытой в 1881 г. [11, оп. 1, д. 20, д. 22, д. 38, д. 40, д. 42]. В РГИА хранится переписка Н. Н. Миклухо-Маклая с представителями высшего эшелона российской государственной бюрократии по вопросу о финансировании его научных трудов и выставке коллекций, собранных русским путешественником на островах Океании и в Австралии [33, оп. 21, д. 409; 39, оп. 15, д. 1485; 40, оп. 1, д. 97].

В РГИА хранится также большое количество документов по другим аспектам истории Австралии и русско-австралийских связей. По своему происхождению большая часть этих материалов является поступившей в Россию — в основном из дипломатических источников — информацией о положении дел на пятом континенте. Среди документов такого рода можно в первую очередь выделить донесения русских консулов в Мельбурне по вопросам экономического развития и финансовой ситуации в Австралии, а также разнообразные документальные материалы, связанные с началом становления торговых и гуманитарных связей между двумя странами. Естественным следствием движения поступавшей информации по различным правительственным департаментам стало то, что в настоящее время «австралийские» материалы последней четверти XIX в. представлены в 15 различных фондах РГИА.

Среди документов по вопросам экономической жизни Австралии отметим подборку статистических данных по колонии Виктория, составленную в 1879 г. в Департаменте торговли и мануфактур [24, оп. 16, д. 176]. Значительный массив сведений о производстве и торговле шерстью в Австралии, о снабжении переселенческих колоний нефтепродуктами, о строительстве железных дорог, телеграфных линий и систем ирригации на пятом континенте содержится в донесениях русских консулов в Мельбурне А. Д. Путяты, Р. Р. Унгерн-Штернберга, Н. П. Пассека, представлявших интересы России в Австралии в 1890-х гг. и в начале XX в. [24, оп. 2, д. 1867; 25, оп. 25, д. 88; 28, оп. 3, д. 390; оп. 4, д. 110; 30, оп. 1, д. 138; 38, оп. 13, д. 95].

Большое место в «экономическом блоке» занимают документальные материалы о проведении промышленных и сельскохозяйственных выставок в Австралии. В РГИА хранятся разнообразные документы об организации и работе сельскохозяйственной выставки в Сиднее в 1879 г., промышленно-сельскохозяйственных выставок в Мельбурне в 1880 и 1888 гг., промышленной выставки в Хобарте 1894—1895 гг., горнозаводской выставки 1898 г. в Кулгарди [24, оп. 2, д. 1867; оп. 7, д. 146; оп. 16, д. 176; 26, оп. 57, д. 1092; 29, оп. 1, д. 144; 32, кн. 37, оп. 38/1305, д. 42; 34, оп. 142, д. 1037]. В числе этих документов проспекты экспо-

зиций, правила для участников, сведения страноведческого характера о городах и колониях-устроителях. Несомненный интерес представляют также документы об участии (или причинах неучастия) России в этих выставках, переписка с устроителями выставок, из которых, в частности, можно судить о взглядах австралийцев на перспективы развития русско-австралийской торговли и об отношении к экономическим связям с Австралией в русских правительственных ведомствах. Одним из существенных элементов, характеризующих уровень развития внешней торговли Австралии, являются сведения о количестве и тоннаже торговых судов, посещавших порты пятого континента. Выявление при этом количества и тоннажа русских судов в портах Австралии может служить косвенным показателем развития русско-австралийских торговых связей. Статистические подборки с цифровыми данными такого рода представлены в материалах фонда Отдела торгового мореплавания и торговых портов министерства торговли и промышленности [28, оп. 3, д. 390].

Весьма интересны и обширны данные о золотодобывающей промышленности Австралии. Русское правительство с самого начала «золотой лихорадки» в переселенческих колониях пристально следило за развитием этой отрасли австралийской экономики. Уже летом 1852 г., вскоре после открытия золотых россыпей в Новом Южном Уэльсе и Виктории, в распоряжении русского правительства оказался полный пакет документов, включавших материалы об открытии золотых месторождений, и документы, регламентирующие их эксплуатацию [26, оп. 40, д. 150]. Ценные сведения о техническом состоянии австралийской золотодобывающей промышленности, об экономических и социальных аспектах организации ее работы содержатся в материалах о посещении золотых приисков русскими инженерами М. А. Шостаком в 1884 г., Л. А. Перре в 1892 г., С. М. Кенигсбергом в 1896 г. и В. С. Реутовским в 1897 г. [26, оп. 57, д. 148, д. 956; 27, оп. 1, д. 130; 31, оп. 21, д. 1114]. Анализ положения дел в золотодобывающей промышленности Австралии, который был осуществлен русскими специалистами, отличается несомненной объективностью и компетентностью. Русские при этом не просто высоко оценивали техническую оснащенность рудников, высокие экономические показатели производства и продуманную политику владельцев приисков по отношению к рабочим, но и отмечали некоторые отрицательные моменты в развитии золотодобычи Австралии. Среди таких недостатков выделялся, прежде всего, спекулятивный характер деятельности многих золотодобывающих компаний, следствием чего становились частые банкротства, дестабилизировавшие нормальную работу всей отрасли.

Политические аспекты жизни австралийских переселенческих колоний в материалах РГИА отражены слабо. В силу специфики такого рода сведений информация политического характера отложилась, главным образом, в документах московского Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Вместе с тем данные о проявлениях русофобии, распространившейся на пятом континенте во второй половине позапрошлого столетия, можно обнаружить в документах о пребывании в Австралии горного инженера Л. А. Перре. В августе 1892 г. во время посещения Квинсленда он был арестован местной полицией по подозрению в шпионаже в пользу России. Потребовалось вмешательство российского и английского министерств иностранных дел, прежде чем обвинения с Л. А. Перре были сняты, а сам он получил свободу [26, оп. 57, д. 148].

О некоторых сторонах развития культурной и научной жизни Австралии можно судить по материалам РГИА, рассказывающим о налаживании русско-австралийского обмена в этой области. К их числу относится переписка Департамента народного просвещения с русским нештатным консулом в Мельбурне Дж. Деймионом в 1881—1882 гг. об учреждении в Мельбурне Ормонд-колледжа и желании его администрации пополнить библиотеку нового учебного заведения научными изданиями из России [34, оп. 194, д. 112]. В материалах о командировках русских горных инженеров в Австралию содержится информация об обмене научной литературой и минералогическими коллекциями между геологическими ведомствами и музеями Виктории, Нового Южного Уэльса, Квинсленда и российским Горным департаментом [31, оп. 21, д. 1114].

Документы РГИА позволяют осветить и такой интересный, но пока малоизученный аспект жизни австралийского общества, как формирование и положение дел в православной общине Австралии. До начала XX в. большую часть православных в переселенческих колониях составляли греки, сирийцы и ливанцы, Тем не менее именно русские консулы стали естественными покровителями православия на пятом континенте и оказывали единоверцам посильную помощь в организации их религиозной жизни. Обширный материал о численности и положении православных в Австралии, собранный русскими консулами, хранится в настоящее время в нескольких фондах Святейшего Синода [35, оп. 176, д. 3581; 36, оп. 64, д. 160; 37, оп. 5, д. 851; оп. 25, д. 382].

Даже краткий обзор документальных материалов по истории Австралии, хранящихся в архивах и библиотеках Петербурга, позволяет говорить об их значительном количестве и тематической широте. Они охватывают довольно широкий круг проблем по истории этой страны и истории становления русско-австралийских связей в XIX — начале XX в. Разумеется, не все эти документы равноценны по своей научной значимости и информационной насыщенности, но все они, несомненно, выступают как необходимый и весьма полезный дополнительный источник при изучении истории пятого континента. Это обстоятельство ставит в повестку дня задачи дальнейшего выявления русских архивных материалов по истории Австралии, осуществления их источниковедческого анализа и последующего введения в научный оборот.

Список источников и литературы

1. *Альбом кругосветного плавания на корвете «Рында»* Е. И. В. В. К. Александра Михайловича в 1886—89 гг. Ч. 1, 2 // Центральный Военно-морской музей (ЦВММ), сектор хранения фотографий и фотонегативов. Инв. №032978, 032979.
2. *Арнаутова Е.М.* Ботанические связи Австралии и Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург — Австралия. СПб., 2014. С. 246—250.
3. *Архив Русского географического общества (АГО)*. Ф. 99 (Коллекция адмирала Ф.Ф. Веселаго).
4. *Лазарев Ал. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А.П. Лазаревым. М., 1950.
5. *Лазарев Ан. П.* Плавание вокруг света на шлюпе «Ладого» в 1822, 1823 и 1824 годах. Шлюпом начальствовал капитан-лейтенант Андрей Лазарев. СПб., 1832.
6. *М.П. Лазарев.* Документы. М., 1952. Т. 1.

7. *Мазур Т.П.* Австралия глазами российских моряков, ученых и исследователей. (Документы Российского государственного архива Военно-морского флота) // Санкт-Петербург — Австралия. СПб., 2014. С. 343—355.

8. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1996. Т. 5 : Письма, документы и материалы.

9. *Муханов П.С.* Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком ее // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3031 (Помяловский И.В.).

10. *Носков В.В.* Материалы по истории Океании в фонде Главного морского штаба ЦГА ВМФ // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Т. 21. С. 276—285.

11. *Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН)*. Ф. 143 (Миклухо-Маклай Николай Николаевич).

12. *Российские моряки и путешественники в Австралии*. М., 2007.

13. *Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)*. Ф. 32 (Адмирал Евгений Иванович Алексеев).

14. *РГА ВМФ*. Ф. 41 (Вице-адмирал Авраамий Богданович Асланбегов).

15. *РГА ВМФ*. Ф. 166 (Департамент морского министра).

16. *РГА ВМФ*. Ф. 203 (Военная по флоту канцелярия).

17. *РГА ВМФ*. Ф. 213 (Экспедиция в Северный Ледовитый океан капитан-лейтенанта М.Н. Васильева).

18. *РГА ВМФ*. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота).

19. *РГА ВМФ*. Ф. 402 (Гидрографический департамент Морского министерства).

20. *РГА ВМФ*. Ф. 410 (Канцелярия Морского министерства).

21. *РГА ВМФ*. Ф. 417 (Главный морской штаб).

22. *РГА ВМФ*. Ф. 443 (Военно-морской агент в Англии).

23. *РГА ВМФ*. Ф. 1152 (Капитан-лейтенант Семен Яковлевич Унковский).

24. *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур).

25. *РГИА*. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности).

26. *РГИА*. Ф. 37 (Горный департамент).

27. *РГИА*. Ф. 59 (Зауральское горнопромышленное акционерное общество).

28. *РГИА*. Ф. 95 (Отдел торгового мореплавания и торговых портов Министерства торговли и промышленности).

29. *РГИА*. Ф. 399 (Сельскохозяйственный музей Министерства земледелия).

30. *РГИА*. Ф. 426 (Отдел земельных улучшений Министерства земледелия).

31. *РГИА*. Ф. 468 (Кабинет Его Императорского Величества).

32. *РГИА*. Ф. 472 (Канцелярия Министерства императорского двора).

33. *РГИА*. Ф. 560 (Общая канцелярия Министерства финансов).

34. *РГИА*. Ф. 733 (Департамент народного просвещения).

35. *РГИА*. Ф. 796 (Канцелярия Синода).

36. *РГИА*. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода).

37. *РГИА*. Ф. 799 (Хозяйственное управление при Синоде).

38. *РГИА*. Ф. 1289 (Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел).

39. *РГИА*. Ф. 1409 (Собственная Его Величества канцелярия).

40. *РГИА*. Ф. 1574 (Победоносцев Константин Петрович).

41. *Слепкова Н.В., Тихонова Е.П.* Сотрудничество Зоологического музея и института РАН с зоологами Австралии. Эпизоды взаимодействия // Санкт-Петербург — Австралия. СПб., 2014. С. 251—279.

42. *Соболева Е.С.* К истории сотрудничества этнографических музеев Санкт-Петербурга и Австралии в начале XX в. // Там же. С. 280—302.

43. Унковский С.Я. Записки моряка 1803—1819 гг., служба в английском флоте, путешествие вокруг света на корабле «Суворов», женитьба и жизнь в деревне. М., 2004.

Об авторе

Александр Яковлевич Массов — д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет; проф. магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет.

И. П. Максимов

Бернгард фон Бюлов и консервативный реформизм в Германии начала XX века

Рассмотрены основные направления внутренней политики канцлера Германской империи Бернгарда фон Бюлова в рамках осуществлявшегося им курса консервативного реформизма начала XX в. Выявлены основные трудности и причины неудачи подобной политики.

Ключевые слова: Бюлов, Германская империя, консервативный реформизм.

Не может гибнущий режим
породить сильную личность.
В. В. Сергеев

Современный политический курс российского руководства, которое не стремится к назревшим изменениям политической системы, как, впрочем, и социально-экономической, делает как никогда актуальным обращение к феномену консервативного реформизма, столь ярко проявившемуся в начале прошлого столетия в ряде европейских стран, в частности Великобритании, Италии, Германии. С некоторыми оговорками можно говорить о политике консервативного реформизма в России в период столыпинских реформ. Однако, как известно, подобная политика выполнила поставленные временем задачи не во всех странах, и это привело к гибели Российской и Германской империй. В настоящей статье автор поставил задачу проанализировать содержание политики консервативного реформизма и причины неудачи подобного курса в Германской империи начала XX в.

Германская империя на рубеже XIX—XX вв. переживала «проблему роста», вызванную поздним образованием империи и социально-экономическими и политическими диспропорциями. Экономическое развитие Германии в последней трети XIX в. сделало ее одной из ведущих держав мира, но одновременно привело к сравнительному устареванию политической системы, которая уже не отвечала стремительному развитию страны. Это порождало ряд противо-

речий. Во-первых, немецкая буржуазия, обладая колоссальной экономической мощью, не имела соответствующего политического веса. Национал-либеральная партия, которая представляла интересы немецких промышленников, не могла завоевать в рейхстаге сколько-нибудь ощутимых позиций. Во-вторых, у немецких промышленных кругов не было четкого представления о своих политических целях и методах их реализации. В-третьих, страх перед растущим рабочим движением в начале прошлого века заставлял буржуазию инстинктивно искать поддержки у правительства. Партийно-политическая система Германии и Пруссии позволяла править бал консервативным политическим силам, которыми являлись Имперские консерваторы и Свободные консерваторы. Эти партии представляли немецкое юнкерство и отнюдь не были готовы к серьезным преобразованиям.

Однако сложившаяся система не устраивала не только немецких капитанов индустрии, но и рабочий класс. Позиции социал-демократической партии значительно укрепились в конце XIX столетия, а пролетариат численно вырос, но особенности немецкой политической системы не позволяли ему эффективно отстаивать свои интересы в рейхстаге. В этих условиях правительство оказывалось между старой юнкерской элитой, не желавшей что-либо менять, буржуазией, жаждавшей перемен, но не имевшей для этого политических инструментов, и пролетариатом, радикализация которого пугала правящие круги революционной опасностью. Ситуация осложнялась наличием католической партии Центра, представлявшей отдельную самостоятельную силу.

Для развязывания подобного узла противоречий требовались опытные и гибкие руководители, которых в это время у Германии не было. Период после отставки Бисмарка можно охарактеризовать как кадровый голод. Во-первых, сам кайзер Вильгельм II (1888—1918) был весьма специфическим политиком. Его образцом для подражания был Фридрих Великий. Новый кайзер желал царствовать сам, хотел вникать во все политические подробности, заниматься дипломатией и рабочим вопросом, военными делами и архитектурой. На практике все это превращалось в сплошное мельтешение, законченных концепций и идей у кайзера не было, Вильгельм был падок на лесть и сообразно этому принципу назначал людей на важнейшие государственные посты и формировал свое окружение [3; 4; 23].

Окружение императора тоже оставляло желать лучшего. После отставки Бисмарка канцлерами были недалекий генерал Л. фон Каприви, затем малоизвестный Х. Гогенлоэ-Шиллингфюрст. Достаточно посмотреть на прозвища немецкой политической элиты этого периода. Канцлера Г. фон Гертлинга военные за его вечно усталый вид называли «пятиминутный прожектор», так как этим временем была ограничена работоспособность Гертлинга. Статс-секретарь иностранных дел Г. фон Чиршки получил прозвище «червяк», статс-секретарь А. фон Маршалль — «нильская лошадь» (имелось в виду злоупотребление спиртными напитками). Статс-секретари О. фон Рихтгофен и В. фон Шен ярких прозвищ не имели, но их чрезмерная любовь к спиртным напиткам также была хорошо известна современникам [19, S. 298; 15, Vd. 4, S. 348]. Особенно отличился по части прозвищ Т. фон Бетман-Гольвег: земляной червь, кающийся червяк, кроватный человек, длинная никудышность (Бетман-Гольвег был довольно высоким человеком), философ из Гогенфинова [16, S. 32—33]. Канцлер

Б. фон Бюлов за изворотливость часто именовался скользким угрем, а также канатным плясуном. Помимо раздачи колоритных прозвищ немецкая политическая элита погрязла в мелких дрязгах и крупных скандалах [34].

На этом безрадостном фоне назначенный на пост канцлера в 1900 г. Бернгард фон Бюлов казался довольно яркой личностью, и именно он стал воплощением немецкого консервативного реформизма [33]. Третий преемник Бисмарка не походил ни на юнкера из какого-нибудь глухого уголка страны, ни на пруссака в полном понимании этого слова. «В любом случае он не был пруссаком», — писал о нем юнкер Э. фон Ольденбург-Янушау [18, S. 102]. Бюлов получил хорошее образование, обладал широким кругозором и был необычайно начитан, прекрасно владел пером и ораторским искусством, свободно разговаривал на трех иностранных языках (французский, итальянский, английский). Он не имел крупных поместий, рано познакомился с границей и парламентскими режимами других стран, его жена была итальянкой, а сама Италия стала для него второй родиной.

Иногда Бюлова представляют прародителем немецкого парламентаризма, а президент ФРГ Теодор Хейсс даже назвал его однажды «незаконным отцом немецкой демократии» [14, S. 72]. В действительности это не так. Достаточно послушать его самого: «Собственно для нашей немецкой государственной жизни парламентская система не была бы подходящей конституционной формой». И далее в том же духе: «Для парламентской системы у нас отсутствуют естественные и исторические предпосылки» [11, S. 189, 190]. По натуре Бюлов был, конечно, консерватор, но весьма гибкий, а его многочисленные реверансы в сторону парламентаризма и либеральных идей в мемуарах (уже после революции) направлены только на то, чтобы оправдать свою политику и показать, что он уже тогда предвидел необходимость демократических преобразований.

Бюлов был, несомненно, одаренной личностью, однако он, в отличие от Бисмарка, не был способен на смелые нестандартные решения и радикальные повороты. Как политический деятель он получил у современников весьма схожие оценки. Баронесса фон Шпитцемберг в 1900 г. охарактеризовала его следующим образом: «Бюлов, конечно, не железный человек, такой недолго оставался бы канцлером, а скоро был бы раздавлен» [24, S. 356, 401]. Такие черты Бюлова, как гибкость, переходящая в изворотливость (недаром он получил прозвище «скользкий угорь»), циничность, беспринципность и неспособность к решению великих задач отмечают многие современники и историки. Политик Ф. Науманн и вовсе назвал Бюлова немецким Макиавелли [17, S. 21]. Небезынтересно обратиться к мнению выдающегося российского государственного деятеля С. Ю. Витте: «Это человек недурной, хитрый, не особенно деловитый и не особенно умный, но умеет хорошо говорить; вообще, как человек государственный, считаю его совершенно второстепенным. Главное его дипломатическое качество — это хитрость, пожалуй в хорошем смысле этого слова, и главное употребление этого своего качества он практикует относительно своего императора. Зная его слабости, он на них хорошо разыгрывает и часто прячет в карман не только личное самолюбие, но и достоинство, связанное с нравственной ответственностью первого министра» [1, т. 2, с. 460].

Современники канцлера сильно сомневались в том, что он сможет радикально изменить события. Генерал Ф. фон Бернардти утверждал: «... Бюлов точно

не тот, кто может крепко держать штурвал во время бури» [8, S. 255]. «С таким штурманом (Бюлов. — И. М.) и таким капитаном, как кайзер, немецкое судно обречено попасть на рифы», — писал дипломат А. Монтс посланнику в Румынии А. фон Кидерлен-Вехтеру в январе 1909 г. [16, Bd. 2, S. 19]. Сторонний человек — американский посол в Берлине А. Уайт — соглашался с подобными характеристиками: «С Ришельё, Уильямом Питтом или Кавуром Бюлов, разумеется, не выдерживает сравнения...» [31, S. 264].

Схожие оценки деловых качеств и характера четвертого канцлера Германской империи преобладают и в историографии. Немецкий историк В. Шюслер считает, что Бюлов «был создан не для времени бурь, а только для периода спокойного, длительного и постепенного развития, которое не требовало великих решений, неожиданных поворотов...» [22, S. 110]. А. С. Ерусалимский полагал, что у Бюлова «не было ни широких политических концепций, ни доктрин, ни принципов» [2, с. 323]. Его мнение разделял и В. М. Хвостов, который назвал Бюлова «блестящим тактиком и в то же время никуда не годным стратегом» [5, с. 14].

Несмотря на столь нелестные оценки, нужно учитывать, что Бюлов девять лет был канцлером империи, а период его деятельности стал самым насыщенным на внутривнутриполитические события между «эрой Бисмарка» и Первой мировой войной. В чем же заключались основные направления немецкого консервативного реформизма в период канцлерства Бюлова? Стратегической целью канцлера было сохранение политической системы с помощью ряда социально-экономических и, если потребовалось бы, политических мероприятий, но таких, которые не затрагивали бы основ Германской империи. Именно поэтому характерной чертой бюловского реформизма было проведение ряда социальных и экономических преобразований при сравнительном зastoе в политической сфере.

Для реализации подобных задач Бюлов стремился создать надежную опору правительства в рейхстаге на основе национал-либеральной партии. Но поскольку она была для этого слишком мала, ему требовалось сформировать вокруг нее правящую коалицию, что было крайне затруднительным делом. Свободомыслящая партия требовала реформы избирательного права в Пруссии, но на это никак не могли пойти консерваторы. Национал-либералы мечтали о строительстве Среднегерманского канала, против чего опять-таки категорически выступали аграрные круги и представлявшие их интересы консервативные партии. Рост «социал-демократической опасности» приводил Бюлова к мысли о необходимости ряда социальных реформ, которые должны были улучшить положение рабочих, и одновременном приручении лидеров СДПГ в виде допуска их к той или иной форме власти. Но против любой формы проникновения социалистов во власть выступала вся политическая верхушка Германии, а проведение социальных реформ требовало реформирования финансовой системы и роста прямых налогов на имущество аграриев, которые не были готовы расставаться с деньгами даже перед лицом «красной угрозы».

Наиболее ярко консервативный реформизм Бюлова проявился в социальной сфере. В конце ноября 1901 г. рейхстаг принял законопроект о рабочем времени моряков торгового флота, которое ранее никак не регламентировалось

[25, 1900—1903, Bd. 182, S. 2830, 2851]. Была создана специальная статистическая служба, следившая за состоянием рынка труда [32, S. 123]. В июне 1901 г. был изменен закон о ремесленных судах. Теперь во всех населенных пунктах с числом жителей более 20 тыс. в обязательном порядке создавались ремесленные суды, которые должны были разрешать трудовые споры [21, S. 450]. В 1901 г. была начата программа по строительству дешевого жилья для рабочих, для чего было выделено 2 млн марок, в дальнейшем каждый год на эти нужды выделялось 4—5 млн марок [9, S. 184]. Двадцать третьего апреля 1903 г. рейхстаг принял новый важный закон — появилась поправка к закону о больничном страховании [25, 1900—1903, Bd. 188, S. 8986]. Ранее страховка по болезни действовала 13 недель. В случае если болезнь вела к инвалидности, пособие начинали выплачивать только через 26 недель. Таким образом, в течение 13 недель рабочих не получал ничего, что, естественно, вело к его обнищанию. С 1903 г. рабочие стали получать деньги и во вторые 13 недель.

Двадцать третьего марта 1903 г. появился довольно прогрессивный закон о детском труде [25, 1900—1903, Bd. 188, S. 8837]. Он запрещал труд детей младше 12 лет, регулировал труд детей в возрасте от 12 до 13 лет и детей старше 13 лет, которые еще обязаны были посещать школу. Закон также ограничивал собственных и чужих детей, законодательная защита последних была лучше. Была запрещена работа с 8 вечера до 8 утра и в утренние часы школьных занятий. Продолжительность рабочего времени ограничивалась тремя часами в день в период занятий и четырьмя часами во время каникул. В 1905 г. под влиянием знаменитой рурской стачки горняков были существенно улучшены условия труда работников горнодобывающей промышленности. В этом же году был принят новый закон, регулировавший правовое положение профсоюзов. В 1908 г. была принята поправка к закону о женском труде, которая вводила для работниц десятичасовой, а по субботам и предпраздничным дням восьмичасовой рабочий день. Кроме того, предусматривалось запрещение женского труда с 8 часов вечера до 6 часов утра, а в субботные и предпраздничные дни работа должна была заканчиваться не позже 5 часов вечера. Декретное время для рожениц было увеличено до 8 недель до и после родов. Правда, при желании работницы могли выйти на работу и раньше, но не ранее, чем через 6 недель после рождения ребенка. Поправка предусматривала продолжительность рабочей недели для женщин не более 58 часов [25, 1907—1909, Bd. 250, Anlagen S. 6033].

Однако, несмотря на явный прогресс в сфере социального законодательства, результат не был достигнут: забастовки продолжались, усиливая страх верхушки перед «красной опасностью». А агрессивные заявления лидеров СДПГ не позволяли надеяться на ее скорую интеграцию в систему. Вильгельм II и слышать ничего не хотел о возможном включении социалистов в правительство. Аналогичного мнения придерживались военные и юнкерская верхушка.

Экономические реформы Бюлова реализовывались под лозунгом «средней линии» и «политики сплочения» юнкерства и буржуазии. В 1902 г. при обсуждении нового таможенного тарифа канцлер поддерживал стремление аграриев к протекционистскому тарифу, полагая, что они в обмен согласятся на уступки промышленникам в вопросе строительства Среднегерманского канала. Немецкое юнкерство рассчитывало обезопасить себя с помощью таможенного та-

рифа от конкуренции русской сельхозпродукции, но категорически выступало против создания канала, предполагая, что он может привести к проникновению дешевой сельхозпродукции в восточные регионы страны. Попытка Бюлова обменять тариф на канал провалилась, консерваторы на компромисс не пошли и одержали победу: добились принятия нового таможенного тарифа в немецком рейхстаге в декабре 1902 г. [25, 1900—1903, Bd. 185, S. 5688], а в апреле 1905 г. приняли в прусском ландтаге проект строительства Среднегерманского канала, но в сильно урезанном виде [26, Bd. 2, S. 891].

Таким образом, несмотря на то что Бюлов смог провести ряд социально-экономических реформ, ему не удалось ни снизить «социал-демократическую опасность», ни добиться сплочения правящей элиты. Это обусловило и партийную тактику канцлера. Его попытки встроить СДПГ в систему не находили отклика у политической верхушки. Выборы 1903 г. в рейхстаг, на которых социалисты одержали крупную победу, серьезно обеспокоили императора и военную верхушку, и Бюлов вынужден был перейти к тактике изоляции социал-демократической партии. Для этого требовалось создать проправительственную коалицию, что было весьма непросто, учитывая разнообразие немецких партий и существовавшие между ними противоречия. Но канцлер не зря считался изворотливым политиком, в декабре 1906 г. он распустил рейхстаг, используя в качестве предлога отказ парламентариев фракции Центра выделить средства на подавление восстания готтентотов в немецкой Юго-Западной Африке, и на волне патриотического угара создал проправительственную коалицию, за рамками которой оставались Центр и СДПГ.

Выборы прошли в два тура 25 января и 5 февраля 1907 г. Подготовка правительства к ним, их ход и результат хорошо освещены в отечественной историографии [6; 7]. Стоит только добавить, что руководство избирательной кампанией осуществлялось имперской канцелярией и лично Бюловым, который внимательно следил за ходом предвыборной борьбы [10, Bd. 2, S. 276—277]. Благодаря взаимной поддержке и согласованным действиям консервативные и либеральные партии сумели отобрать часть мандатов у социалистов — вместо прежнего 81 мандата те получили лишь 43. Центр увеличил число мандатов до 105. Правительственная коалиция, которую журналисты, а вслед за ними и историки окрестили «готтентотским блоком» или «бюловским блоком», получила в общей сложности около 200 мандатов. Это было очень пестрое по своему составу объединение, в которое вошли обе консервативные партии, национал-либералы (являвшиеся ядром блока), три партии левых либералов, антисемиты, Союз сельских хозяев и представители других мелких политических группировок. Вопрос о распределении между ними министерских портфелей не стоял. Коалиционность проявлялась в том, что консерваторы и либералы должны были голосовать за проекты, которые вносил Бюлов, избавляя его, таким образом, от постоянного поиска парламентского консенсуса.

В чем-то подобная комбинация напоминала «октябристский маятник» П. А. Столыпина, российский премьер тоже пытался создать нужное ему парламентское большинство и тоже на основе буржуазной партии (Союз 17 октября). Однако Бюлов, как и Столыпин, оказался заложником созданной системы: теперь требовалось регулярно поддерживать столь пеструю коалицию, стараясь не допустить ее распада.

На заседании вновь открывшегося рейхстага 25 февраля 1907 г. Бюлов сформулировал свою программу на ближайшее время: проведение нового закона о союзах и собраниях, реформа уголовного права и ограничение действия закона об оскорблении императора, поправки в биржевом законодательстве, продолжение социальной политики, налоговая реформа [12, Bd. 3, S. 17]. Программа Бюлова имела целью удержать в блоке в первую очередь либералов, хотя главное их требование реформы избирательного права в Пруссии не нашло отражения в выступлении канцлера. Консерваторам почти ничего не предлагалось, видимо, Бюлов считал, что и так сделал для них достаточно много в экономической сфере, а участие в правительственной коалиции является достойной компенсацией. Таким образом, «маятник» Бюлова по мысли канцлера должен был качаться влево, но лишь настолько, чтобы из блока не вышли либералы.

По мнению канцлера, главной уступкой либералам должен был стать закон о союзах и собраниях, которого последние добивались уже давно. Новый закон рейхстаг принял 8 апреля 1908 г. За него голосовали партии блока (195 голосов), против — социал-демократы, католики и поляки (168 голосов) [25, 1907—1909, Bd. 232, S. 4846]. Согласно новому закону возраст, с которого можно было вступать в союзы, составлял 18 лет. Кроме того, закон предусматривал ограничение права полиции вмешиваться в деятельность союзов и собраний (§ 13,14), разрешал участвовать в союзах женщинам (§ 1) [20, S. 19, 17], на чем уже давно настаивали левые либералы и социалисты, и др. [25, 1907—1909, Bd. 232, S. 4558]. Как вспоминает Р. фон Зюдов, Бюлов не без труда выпросил у консерваторов эти уступки [28, S. 117].

Еще одной уступкой леволиберальным кругам стало реформирование уголовного права, в частности принятие 17 февраля 1908 г. новой редакции закона об оскорблении Его Величества [25, 1907—1909, Bd. 230, S. 2668]. Предыдущий закон отличался не только драконовскими мерами, но был так размыт, что при желании можно было любого человека отправить на несколько месяцев в тюрьму за оскорбление императора. Немало курьезных случаев в этом отношении приводит в своей книге английский историк Д. Макдоно [4, с. 299—300]. Новая редакция ограничивала уголовную ответственность за оскорбления императора и в целом приветствовалась всеми партиями.

Наконец, Бюлов сделал обычные в таких случаях кадровые перестановки: в июне 1907 г. отправил в отставку излишне реакционного министра культуры Пруссии К. фон Штудта, убрать которого уже давно требовали левые либералы. Бюлов, правда, пишет, что отставка была вызвана не политическими мотивами, а преклонным возрастом и состоянием здоровья К. фон Штудта [10, Bd. 2, S. 300]. Новым министром стал Л. Голле, который не имел ярко выраженной партийной окраски.

Но главным вопросом для блока оставалась реформа избирательного права в Пруссии. Система управления в Пруссии строилась на основе Конституционной хартии 1850 г. и существенно отличалась от имперской [29, S. 501—514]. Законодательным органом в Пруссии являлся двухпалатный ландтаг, состоявший из палаты господ и палаты депутатов. Палата господ наполовину избиралась, наполовину назначалась королем, однако со временем она превратилась в полностью назначаемый орган (часть мест передавалась по наследству). Палата депутатов избиралась на основе двухступенчатых выборов — избира-

тели выбирали выборщиков, а те депутатов [29, S. 508]. Избиратели делились на три категории (курии) в зависимости от величины уплачиваемого налога, и каждая из них избирала одинаковое количество выборщиков. Деление это происходило крайне неравномерно, фактически на выборах в ландтаг 1908 г. голос избирателя из первой курии приравнивался к 22 голосам избирателей из третьей курии. Правом голоса обладали мужчины, достигшие 24 лет и проживавшие на одном месте не менее полугода. Распределение населения по избирательным округам было таким же неравномерным, как и в империи в целом. Такая избирательная система давала возможность консервативным партиям, представлявшим юнкерство, проводить в ландтаг значительное число своих кандидатов. Достаточно сказать, что после выборов 1903 г. из 433 депутатов 201 представлял две консервативные партии, Центр имел 98 мандатов, национал-либералы — 75, леволиберальные партии представляли 34 депутата. Социал-демократы не имели представительства в ландтаге [27, 1902. Drucksachen. Bd. 282, S. 27], хотя на выборах того же 1903 г. в рейхстаг за них голосовало 3 млн чел. — значительно больше, чем за любую другую партию. Центральный печатный орган СДПГ «Форвертс» язвительно называл прусский ландтаг «юнкерским домом» [30].

Весной 1908 г. либералы пошли в наступление: в стране одна за другой стали появляться брошюры с требованием реформы, аналогично вели себя и представители либеральных фракций в рейхстаге. Бюлов оказался в затруднительном положении, поскольку консервативные партии не готовы были ни при каких обстоятельствах лишиться своего монопольного положения в Пруссии, а либералы также не желали идти на компромисс. Обстановка для канцлера осложнялась и тем, что он потерял доверие кайзера в конце 1908 г. в связи с так называемым «ноябрьским скандалом» и не мог рассчитывать на его поддержку.

В течение весны 1909 г. Бюлов безуспешно пытался найти спасительный для блока компромисс, однако так и не нашел его. В июне 1909 г. консерваторы вместе с Центром провалили законопроект о налоге на наследство, что стало формальным поводом для отставки Бюлова. Сменивший Бюлова на посту канцлера Т. фон Бетман-Гольвег был еще более блеклой фигурой, и период его нахождения у власти смело можно назвать временем внутривластного застоя.

Таким образом, консервативный реформизм Бюлова потерпел крах. Привести к одному знаменателю разнополярные интересы консерваторов и либералов оказалось невозможно. С самого начала мало кто верил, включая и самого Бюлова, в прочное и длительное существование готтентотского блока, который, по меткому выражению историка Й. Галлера, был зданием без фундамента [13, S. 134]. Его распад означал для Германии крах буржуазно-либеральных надежд. Оставшиеся предвоенные годы все либеральные партии, включая и национал-либералов, находились в глубоком кризисе. Консервативные силы сумели удержать власть.

В чем причины неудачи немецкого консервативного реформизма? Конечно, просчеты можно списать на такие субъективные аспекты, как личность Вильгельма II, не терпевшего, подобно Николаю II, сильных политиков у трона. Однако главные предпосылки кроются не в этом. Во-первых, у Бюлова не было четко поставленных и осознанных стратегических целей, кроме одной — как можно дольше оставаться канцлером. Присутствовали желание сохранить

политическую систему и понимание того, что делать что-то необходимо, но этого было мало. Во-вторых, для проведения более решительного курса отсутствовала социальная база. С одной стороны, некоторые политические силы (либералы, национал-либералы, социал-демократы) требовали реформирования системы, но понимали его по-разному, с другой — ведущие политические силы Пруссии — консервативные партии, выражавшие интересы аграриев, вообще не желали никаких перемен. Как следствие — отсутствие у правительства опоры в законодательной власти для проведения реформаторского курса. В-третьих, у этого курса не было политических исполнителей, команда Бюлова была способна поддерживать видимость стабильности, но не выдвигать четкие планы реформы и претворять их в жизнь. В итоге попытка законсервировать политическую систему при определенном социально-экономическом реформировании завершится ее крахом в 1918 г.

Список источников и литературы

1. *Vitme С.Ю.* Воспоминания. Минск ; М., 2002. Т. 1.
2. *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.
3. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн: Вильгельм II. М., 1991.
4. *Макдоно Д.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.
5. *Хвостов В. М.* Мемуары князя Бюлова // Бюлов Б. ф. Воспоминания. М. ; Л., 1935. С. 3—28.
6. *Хейфец Я. И.* «Готтентотский блок» и выборы в германский рейхстаг в 1907 г. // Учебные записки Кабардинского педагогического института. 1953. Вып. 3. С. 115—161.
7. *Цфасман А. Б.* Влияние рабочего класса на борьбу тактик в лагере господствующих классов Германии в период Бюловского блока // Вопросы международного рабочего движения. Пермь, 1963. Вып. 2. С. 17—80.
8. *Bernhardi F. v.* Denkwürdigkeiten aus meinem Leben. Berlin, 1927.
9. *Born K. E.* Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. 1890—1914. Wiesbaden, 1957.
10. *Bülow B. v.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1930. Bd. 2.
11. *Bülow B. v.* Deutsche Politik. Berlin, 1916.
12. *Bülow B. v.* Reden. Berlin, 1909. Bd. 3 : 1906—1909.
13. *Haller J.* Die Ära Bülow. Stuttgart ; Berlin, 1922.
14. *Heuss T.* Erinnerungen 1905—1933. Tübingen, 1963.
15. *Holstein F. v.* Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen ; Berlin ; Frankfurt a/M, 1956. Bd. 1 ; 1956. Bd. 4.
16. *Kiderlen-Wächter A. v.* Der Staatsmann und Mensch. Stuttgart ; Berlin ; Leipzig, 1925.
17. *Martin R.* Fürst Bülow und Kaiser Wilhelm II. Leipzig, 1909.
18. *Oldenburg-Januschau E. v.* Erinnerungen. Leipzig, 1936.
19. *Radziwill M.* Briefe vom deutschen Kaiserhof. 1889—1915. Berlin, 1936.
20. *Reichsvereingesez //* Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln, 1990. Bd. 3.
21. *Scholz R.* Der Wandel in der Sozialpolitik von Bismarck bis zur Gegenwart. Frankfurt a/M, 1939.
22. *Schüssler W.* Die Telegraph-Affaire. Fürst Bülow, Kaiser Wilhelm und die Krise des zweiten Reiches 1908. Göttingen, 1952.
23. *Schüssler W.* Kaiser Wilhelm II. Schicksal und Schuld. Göttingen ; Berlin ; Frankfurt a/M ; Zürich, 1962.
24. *Spitzemberg H. v.* Das Tagebuch. Göttingen, 1963.

25. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages.* Berlin, 1900—1911.
26. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preussischen Herrenhauses.* Berlin, 1904—1905.
27. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preussischen Hauses der Abgeordneten.* Berlin, 1899—1909.
28. *Sydow R. v.* Fürst Bülow und die Reichsfinanzreform 1908—1909 // Front wider Bülow. München, 1931. S. 105—135.
29. *Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat //* Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1978. Bd. 1. S. 501—514.
30. *Vorwärts.* 1909. 25 Juni.
31. *White A.* Aus meinem Diplomatleben. Leipzig, 1906.
32. *Wiese L. v.* Posadowsky als Sozialpolitiker. Köln, 1909.
33. *Winzen P.* Reichskanzler Bernhard von Bülow. Mit Weltmachtphantasien in den Ersten Weltkrieg. Eine politische Biographie. Regensburg, 2013.
34. *Winzen P.* Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907—1909. Köln, 2010.

Об авторе

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц. кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, БФУ им. И. Канта (Калининград), iliamaks@mail.ru

К. Б. Шустов

Власти в борьбе с крестьянским движением в 1905 году

Охарактеризованы методы борьбы с крестьянским движением в период первой русской революции. Показано развитие карательной политики властей, представлены возникшие в ходе реализации правительственной политики проблемы и полученные результаты.

Ключевые слова: крестьянское движение, первая русская революция, 1905 год.

Первая русская революция — уникальное историческое событие как по своей продолжительности, так и по особенностям развития самого процесса. Во-первых, это был не сконцентрированный в одном месте удар, направленный на свержение верховной власти, а громадное по численности количество ударов на разных уровнях общественной и политической системы с целью сломать ее снизу. Во-вторых, ни в одной из европейских революций крестьянство не являлось ни активным участником, ни носителем мощного аграрного движения, преследовавшего собственные социально-политические цели.

В многочисленных работах, посвященных крестьянскому движению в период революции, историков в первую очередь интересовало само движение, его причины, события, воздействие внешних факторов в лице революционной пропаганды и влияние событий, происходивших в городах. Борьба с движением,

противодействие властей различных уровней росту крестьянской активности рассматривались как необходимый, но второстепенный вопрос темы и, по большей части, как региональный, а не общероссийский.

Между тем ход борьбы власти с крестьянским движением, заслуживает более глубокого внимания хотя бы потому, что именно она одержала победу в этом противостоянии.

Российские власти имели богатый опыт борьбы с крестьянским движением в пореформенной деревне, именно этот опыт лег в основу первых действий некоторых наиболее прозорливых начальников губерний. В условиях начинавшихся беспорядков главная задача местных властей состояла в наблюдении за настроениями крестьян с целью выявления возможных очагов будущих событий, которые могут возникнуть в результате влияния сообщений о городских беспорядках и их участниках. Уже в середине января псковский губернатор дал соответствующее предписание уездным начальникам. Такие же распоряжения были сделаны в начале февраля начальниками Ковенской и Калужской губерний. Последний пошел еще дальше. Для предотвращения влияния антиправительственной пропаганды на деревню он воспретил чтение прокламаций на сходах.

Циркуляр МВД за подписью министра Булыгина с аналогичными предписаниями был направлен всем начальникам губерний 27 февраля и продублирован 21 марта. Требования МВД были продиктованы быстрым ростом количества крестьянских выступлений в Центрально-Западных, Центрально-Черноземных и Прибалтийских губерниях.

К борьбе с крамолой вообще и ее проникновением в деревню в частности подключилось и руководство церкви. В послании Святейшего Синода среди прочего содержится обращение непосредственно к крестьянам: «Труженики земли русской. Трудитесь, берегитесь ваших ложных советников, под видом рдения о пользе добывающихся беспорядков» (цит. по: [3, с. 65]).

В центре, видимо, не надеялись на использование лишь превентивных мер и контрпропаганду. Указ Сената от 11 января 1905 г. предоставлял гражданским властям право требовать содействия от военного начальства, определяя при этом род войск и их количество [5, д. 2608, ч. 3, л. 84], что и было вскоре использовано при прекращении погромов в Курской и Орловской губерниях во второй половине февраля 1905 г. и совместных выступлений городских и сельских рабочих в Прибалтике в марте: так как сил местной полиции оказалось недостаточно для прекращения беспорядков, власти вынуждены были задействовать военные команды и провести массовые аресты.

Продолжавшийся рост крестьянского движения и в относительно «спокойных» губерниях требовал более энергичных действий. Циркуляр МВД от 18 марта предписывал местным властям занять более активную позицию и не только наблюдать за настроениями, но и предотвращать беспорядки. Для этого необходимо было активизировать низшее полицейское звено. Ряд губернаторов отдали предписания исправникам более внимательно наблюдать за происходившим в деревне и принимать личное участие в прекращении даже незначительных беспорядков и выявлении подстрекателей.

При этом весной 1905 г. большинство представителей власти и в центре и в губерниях пребывали в уверенности, что ситуацию удастся удержать под

контролем с меньшими усилиями. Совокупность предлагаемых методов противодействия росту крестьянского движения свелась к следующим довольно традиционным предложениям.

Во-первых, дать крестьянам надежду на грядущие милости свыше. В центре спешно были приняты указы «О даровании сельскому населению империи облегчения в уплате продовольственных капиталов», а через месяц, в начале мая, «О создании комитетов для выяснения мер к упорядочению земельного строя крестьян» [8, с. 122]. Начальники Бессарабской и Могилевской губерний предполагали, что достаточно будет «устрашить» крестьян силой закона. Владимирский губернатор в письме Булыгину выдвинул идею, что успокоить крестьян можно, если использовать авторитет царского имени и облеченное в форму Высочайшего манифеста обещание будущих реформ, а также внушать, чтобы не верили агитаторам и шли за разъяснениями к земским начальникам [5, д. 2608, ч. 3, д. 8, л. 50]. Расчет на традиционный крестьянский монархизм не был лишен смысла, но в ситуации, сложившейся с началом революции, этого оказалось явно недостаточно, чтобы заметно повлиять на поведение крестьян. Указ 18 февраля предлагал всем жителям империи, в том числе и крестьянам, подавать прошения о своих нуждах на Высочайшее имя. Крестьянские сходы составляли и направляли в Сенат соответствующие прошения, что не мешало им в то же время принимать предлагаемые различными агитаторами приговоры с весьма радикальными требованиями и усиливать борьбу с землевладельцами.

Еще менее продуктивной выглядит, с учетом традиционно негативного отношения деревни к представителям местной администрации, идея, озвученная симбирским и тульским губернаторами, действовать на крестьян методом «убеждений», чаще всего напоминавших обыкновенные угрозы. На подобного рода воздействие крестьяне еще задолго до революции выработали способ противодействия: выразив внешнюю покорность, принимались за старое, как только начальство покидало деревню. В верхах об этом знали, поэтому от увещаний-угроз было решено перейти к прямым угрозам. Десятого апреля последовал указ Сената о создании специальных комиссий для определения убытков и привлечения виновных к материальной ответственности уже не в судебном (власти, видимо, не забыли безрезультатный опыт применения такого наказания к участникам крестьянских выступлений в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.), а в административном порядке и использовании такой меры наказания, как военный постой в деревнях за счет местного населения.

С этой идеей созвучно предложение полтавского губернатора. Опасаясь роста крестьянских выступлений, которые могли угрожать безопасности землевладельцев, он предложил сделать наказание строгим и скорым, а правительству объявить о мерах наказания, чтобы ни у кого не возникало сомнений в силе власти.

Из всех способов устрашения наиболее действенным была признана угроза военной силы. Одно из наиболее ранних тому свидетельств — циркуляр товарища министра МВД самарскому губернатору с предложением расквартировать в губернских городах военные команды, на что тот дал согласие. Весной воинские части размещаются в Смоленской, Пензенской и Харьковской губерниях, в последней создаются летучие отряды для противодействия возможным беспорядкам. Начальник Херсонской губернии 10 июня предложил не только увеличить количество войск, но действовать на опережение их превентивной

высылкой в наиболее угрожаемые районы. Орловский губернатор обратился с просьбой не убирать войска после прекращения беспорядков, так как после их ухода беспорядки возобновляются.

Таким образом, несмотря на отсутствие единой точки зрения на то, какие методы борьбы с крестьянским движением должны принести наибольший эффект, к середине 1905 г. все заметнее звучали голоса сторонников использования силовых методов, в том числе и с применением военной силы.

Эта тенденция получила отражение в действиях и мнениях представителей как центральных, так и местных властей.

В докладе на Высочайшее имя Трепов привел в пример саратовского губернатора П. А. Столыпина, который «возможность общего захвата владельческой собственности в уезде» предотвратил личным посещением 21 селения в беспокойных районах и арестом 75 человек [13, ч. 1, № 564, с. 836]. Подольский губернатор во время майских забастовок арестовал 70 человек по 21-й статье Положения об охране. Киевский губернатор пошел еще дальше и предложил использовать против участников беспорядков военно-полевые суды, так как даже 21-я статья казалась ему недостаточно действенной для успокоения бунтовщиков и прекращения беспорядков в будущем [14, т. 2, ч. 1, № 251, с. 336]. Губернатор в сопровождении военного отряда, угроза оружием или прямое его применение становятся наиболее эффективными средствами борьбы с крестьянским движением [16, оп. 107, д. 8100, л. 2—3; 5, д. 2550, ч. 34, л. 23—24].

Ставку на ужесточение методов борьбы с крестьянскими выступлениями с середины года можно объяснить несколькими новыми обстоятельствами, с которыми властям пришлось серьезно считаться. Главное из них — продолжавшийся лавинообразный рост количества выступлений (в мае больше чем в три раза, чем в апреле, в июне — вдвое больше, чем в мае). Второе обстоятельство заключалось в том, что в сложившихся условиях отчетливо проявилась неспособность местной администрации и полиции эффективно действовать в чрезвычайной ситуации. Надежды на авторитет местной администрации оказались слишком преувеличены, он катастрофически падал. Власть уже не только не могла играть роль арбитра в столкновениях крестьян с помещиками, но сама становилась объектом нападения. Без серьезной силовой поддержки полиция оказалась не в состоянии даже произвести аресты зачинщиков или противостоять напору толпы в конфликтной ситуации. Особенно беспомощно проявила себя созданная стараниями В. К. Плеве полицейская стража. Слабая подготовка и близость к крестьянам, среди которых жили стражники, сделали эту структуру малоэффективной в борьбе с массовым движением. Судебная система также оказалась не достаточно надежным средством борьбы с массовыми беспорядками. «Сила закона», на которую поначалу надеялись некоторые представители власти, часто не способствовала, а препятствовала оперативному прекращению беспорядков и действительному наказанию виновных. Все чаще с мест поступали жалобы на то, что арестованных участников беспорядков судебные власти после расследования отпускают на свободу за недостаточностью формальных оснований для их наказания по суду [5, д. 1350, ч. 45, л. 10].

Большая озабоченность была связана с тем, что, несмотря на все предпринимаемые меры, продолжался рост антиправительственной пропаганды в деревне. Циркуляр Департамента полиции от 18 июня начальникам ГЖУ указы-

вал на особую опасность пропаганды местной интеллигенции, особенно учителей. В июле к ним прибавили земских деятелей. На втором месте были рабочие, приходившие в деревню на праздники или возвращавшиеся после забастовок. Немалое беспокойство вызывал и возраставший интерес крестьян к печатной пропаганде, особенно в лице оппозиционной печати, поток которой в деревню власти пресечь были не в состоянии. Чиновники оказались правы в своих оценках роли пропаганды в развитии крестьянского движения, судя по многочисленным фактам влияния местных и приезжих ораторов на настроения и поведение крестьян. Однако у этой медали есть и оборотная сторона. Объективный ответ на вопрос об истинных причинах крестьянского движения в отдельной губернии и в целом в стране находился бы в явном противоречии с официальной позицией и мог оказать неблагоприятное влияние на карьеру его автора.

Новая проблема, с которой пришлось столкнуться властям летом 1905 г., — возникновение единого центра по координации крестьянского движения во всей стране. Массовые, но разрозненные крестьянские выступления в этой ситуации были меньшим из возможных зол. Этими соображениями продиктован Циркуляр МВД от 22 июня о недопущении созыва в одном из городов Центральной России крестьянского съезда, который, несмотря на усилия властей, все же состоялся в июле в Москве, а созданный на нем Всероссийский крестьянский союз доставил властям немало проблем в будущем.

В середине лета начался спад крестьянского движения (в июле в три раза меньше выступлений, чем в июне, в сентябре показатели меньше, чем в феврале). Однозначно определить причины происходящего невозможно, ибо сложившаяся ситуация обусловлена сочетанием целого ряда разнородных факторов. Определенную роль сыграло ужесточение репрессий против участников выступлений, к этому добавилась усталость после повышенной активности предшествующих месяцев, наконец, в основных сельскохозяйственных районах страны была «в полном разгаре страда деревенская», поглощавшая все силы крестьян.

На этом фоне у отдельных представителей местной администрации появилось ощущение того, что самое страшное уже позади, но правым оказалось большинство, уверенное, что время для успокоения еще не наступило. Исходя из этих соображений, начальники губерний жалуются на недостаток войск и просят не сокращать их количество на подведомственных территориях. Той же точки зрения придерживалось и руководство МВД. На донесении начальника Симбирской губернии от 7 июля была начертана грозная резолюция: «Если у сего губернатора повторятся беспорядки, благодаря его бездействию, я не премину войти с представлением о его отчислении» [1, с. 510].

Всеобщая октябрьская политическая стачка резко изменила ситуацию. В условиях резкого роста революционного движения власть на некоторое время оказалась парализована и была не в состоянии не только выполнять свои обязанности по наведению порядка в стране, но даже отслеживать ситуацию в охваченных беспорядками районах.

Вслед за событиями в городах с третьей декады октября начался бурный рост крестьянского движения, в котором наиболее заметным явлением стали погромы и уничтожение помещичьих имений. В этой ситуации недостаток войск оказался одной из главных проблем местной администрации. Со всех сторон раздавались требования увеличить количество войск, но они нужны были

и для борьбы с революционным движением в городах. Манифест 17 октября способствовал не успокоению деревни, а еще большей активизации крестьянского движения. Об этом прямо заявил в своем обращении в МВД моголевский губернатор: «Народ волнуется, не получая никаких милостей, даруемых Манифестом и другим классам, группам населения, правительственные сообщения непонятны, жаждут только земли» [5, д. 2550, ч. 6, л. 212]. По его мнению, лишь отдельный манифест, дарующий милости крестьянам, мог успокоить население.

В Суджанском уезде Курской губернии, по свидетельству предводителя дворянства, на объявление Манифеста 17 октября «народ ответил гомерическим смехом» [11, № 133, с. 113]. Манифест 3 ноября также не дал ожидаемого эффекта. Крестьянам в первую очередь нужна была земля, а не сложные недоимки по выкупным платежам. Кроме того, подобная «милость» способна была вызвать озлобление «благонадежной» и сравнительно обеспеченной части крестьянского общества, давно выплатившей выкупные платежи. Так что сетования генерал-лейтенанта Струкова на то, что местные власти плохо разъясняют законы последнего времени, по меньшей мере, неосновательны. Крестьяне просто не желали слышать никаких объяснений. Призванное успокоить крестьян воззвание Синода от 28 октября имело тот же результат, что и правительственные манифесты. Усилив массовые репрессии, власти все еще не утратили надежду воздействовать на крестьянские настроения с помощью весьма показательных «увещаний». Один из таких образцов находим в обращении херсонского военного генерал-губернатора от 20 декабря с тем, чтобы не «приставали» к людям, «забывшим бога» и занявшимся грабежами и поджогами: «Я буду вашим защитником, а не послушаете, приду с войсками и сильно накажу». По мнению автора, должно «верить царю, повиноваться законам и властям, не слушать бунтовщиков» [10, с. 194—195]. Как и во всех подобных случаях, убеждения и угрозы оказались одинаково бесполезны.

В сложившейся ситуации вполне объяснима жесткая реакция Дурново на обращение тамбовского губернатора: «Войск в империи нет. Необходимо довольствоваться тем, что есть. Действуйте круто и сурово, применяя в полной мере законы об охране» [5, д. 2250, ч. 34, л. 131]. Таким образом, столкнувшись со все разрастающимся по масштабам аграрным террором, власти могли противопоставить ему только военно-полицейский террор.

Правительство постаралось активизировать все средства борьбы. На законодательном уровне был принят ряд достаточно жестких актов. Двадцать девятого ноября последовал Высочайший указ, дававший право местным властям самостоятельно объявлять подведомственные территории на положении усиленной и чрезвычайной охраны. Через три дня были опубликованы Временные правила, на основании которых участники забастовок подлежали тюремному заключению. Указ Сената от 6 декабря предоставил землевладельцам право учреждать на свои средства вооруженную стражу для борьбы с крестьянскими выступлениями [19, с. 173, 177].

Основываясь на Указе 29 ноября, правительство ввело до конца года военное положение в 39 губерниях, положение чрезвычайной охраны в 26 [18, с. 203]. Указания сверху освобождали местные власти от необходимости придавать своим действиям даже видимость законности. В ноябре МВД издало специальный циркуляр об административной высылке всех подстрекателей, начин-

щиков и революционных агитаторов, даже если суд признает их невиновными [12, с. 127—128]. В конце месяца на ту же тему вышел циркуляр Дурново губернаторам о необходимости а) всех не арестованных судебной властью немедленно арестовывать и представлять к высылке без особых дознаний (по протоколам), б) если судебные власти и освободят кого-либо, оставлять под стражей [7, с. 34]. Использовали и такой старый способ очистки деревни от нежелательных элементов, как высылка по приговору общества. Один из примеров демонстрирует события в с. Новый Ропск Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Под давлением властей сход принял приговор о высылке 16 «порочных членов общества». Операция прошла не совсем гладко: 6 арестовали, 10 скрылись. У 6 из скрывшихся дома были разгромлены, у 4 сожжены [6].

Недостаток войск по-прежнему оставался серьезной проблемой. Без них власти не могли не только прекратить беспорядки, но и произвести наказание виновных после их прекращения. Характерно в этом плане донесение одного из приставов Херсонской губернии уездному исправнику. Автор документа сообщает, что начинать обыски и аресты без военной силы невозможно, так как «народ окончательно озверел, не признают ни властей, ни законов» [14, т. 2, ч. 1, № 564, с. 685]. Шенкурский исправник доносил архангельскому губернатору: «С 17 октября народ пришел в состояние какого-то неистовства и стал проявлять дикий произвол, в особенности по отношению к полиции» [9, с. 26].

Правоту авторов донесений подтверждает заметный рост выступлений не только в форме активного сопротивления полиции и военным командам, но и прямых на них нападений со стороны крестьян. В вопросе применения войск осенью 1905 г. возникла еще одна проблема, на которую указал смоленский губернатор. По мнению штаба Московского военного округа, нельзя было держать войска в одном месте в течение длительного времени, так как неблагоприятное население оказывало на них растлевающее воздействие.

Сверху поддержали идею о том, чтобы дать землевладельцам право самим позаботиться о собственной безопасности и охране имущества. Результат — появление полицейских отрядов, созданных на средства помещиков. Так, в Наровчатском уезде в ноябре по инициативе землевладельца Литвинова и при поддержке МВД и губернатора «Комитет самообороны помещиков» создал летучие отряды стражников численностью 452 чел. Половина содержалась за счет помещиков, вторая — за счет специальных средств МВД [8, с. 160]. Напомним, что соответствующий указ Сената появился лишь 6 декабря.

Осталось одно средство, чтобы переломить ситуацию в пользу власти, — предельная жестокость в борьбе с крестьянским движением. Действовавший в Черниговской губернии генерал-адъютант Пантелеев дал предписание начальнику ГЖУ: «Войскам действовать более решительно, уговорами ничего не добьешься. При повторении грабежей в тех же селениях уничтожать мятежников, не вступая с ними в переговоры, силой оружия» [15, № 349, с. 411—412]. Департамент полиции в своем циркуляре екатеринославскому губернатору формулировал то же требование еще более жестко: «Беспорядки подавлять силой оружия... не заботясь об аресте главарей, истреблять их на месте мятежа» [14, т. 2, ч. 1, с. 674]. Владимирский губернатор в начале декабря распорядился «продолжать систематическую очистку деревень от революционных подстрекателей и не останавливаться ни перед какими мерами вплоть до уничтожения

отдельных домов и целых деревень» [4, с. 70] и во что бы то ни стало восстановить порядок и повиновение властям. Результат использования подобных мер виден в цифрах убитых и раненых, завершающих почти каждое донесение о подавлении крестьянских беспорядков в ноябре — декабре 1905 и начале 1906 г. В имении Павлодар Тамбовской губернии при подавлении беспорядков были убиты 50 человек. Сколько убили в с. Березовка, не знали точно и сами каратели [17, с. 54]. В Рязском уезде Рязанской губернии за разгром хутора Попова арестованы 14 и убиты 34 крестьянина [2, с. 104—105].

К концу 1905 г. крестьянское движение пошло на спад. Правительственная контрпропаганда оказалась неэффективной, нечего было противопоставить революционной агитации, кроме призывов повиноваться властям и ожидать грядущих милостей. Ставка на очищение деревни от наиболее активных участников беспорядков и революционных агитаторов, конечно, оказала некоторое влияние, но главную роль сыграли жесткие меры, которые во второй половине года стали основным средством борьбы властей разных уровней с крестьянским движением. Активное использование военной силы и полиции, несмотря на то, что в ряде регионов ситуация нередко принимала критический характер, принесло свои плоды. Система переборола стихию.

Однако не стоит присваивать весь успех в борьбе с движением только усилиям властей. При исследовании массовых движений необходимо учитывать и социально-психологический фактор. Всплеск аграрного террора, как надеялись его участники, должен был привести к радикальным изменениям в деревне: помещики бросят разоренные имения, правительство примет законы, на основании которых эти земли перейдут крестьянам. Этого не произошло. Удовлетворив чувство социальной мести, крестьянство, по крайней мере его наиболее развитые слои, не могло не увидеть, что использованные средства не привели к достижению поставленных целей.

Список источников и литературы

1. *Аграрное движение в России в 1905—1907 гг.* / сост. С.М. Дубровский и Б. Граве. М. ; Л., 1925.
2. *Аграрное движение в 1905—1907 годах в Московской области* : сб. док. М., 1936.
3. *Водоватов Ф.Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в период 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957.
4. *Волков Н.В.* Крестьянское движение в губерниях Верхнего Поволжья в период революции 1905—1907 гг. // Сборник научных трудов Ярославского педагогического института. 1976. Вып. 145. С. 57—77.
5. *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. ДП-ОО, 1905.
6. *Дроздов И.Г.* Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой русской революции. М. ; Л., 1925.
7. *Иванов А.И.* Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905—1907 гг. Владимир, 1923.
8. *Кузьмин А.З.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955.
9. *Потылицин А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905—1907 гг. Архангельск, 1941.
10. *Революционная борьба на Херсонщине в 1905—1907 гг.* Херсон, 1962.

11. *Революционные события в Курской губернии* : сб. док. и матер. Курск, 1955.
12. *Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России* : сб. ст. М., 1955.
13. *Революция 1905—1907 гг. в России.* Апрель — сентябрь : сб. док. М., 1955.
14. *Революция 1905—1907 гг. на Украине* : сб. док. Киев, 1955.
15. *Революція 1905—1907 років на Україні* : сб. док. Київ, 1949.
16. *Российский государственный исторический архив.* Ф. 1405.
17. *1905 г.* Хроника революционных событий в Тамбовской губернии. Тамбов, 1926.
18. *Фирстов И.И.* Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955.
19. *Хасанов Х.Х.* Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1956.

Об авторе

Константин Борисович Шустов — канд. ист. наук, доц. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), kbshustov@yandex.ru

К.-К. Чепе

Визуально-образные ассоциации в пропаганде Третьего рейха

Исследованы типичные образы немецкой пропаганды Третьего рейха. Выделены отличительные черты распространения этих образов: высокие тиражи и широкий охват средств массовой информации, устойчивая периодичность публикаций. На основе содержания брошюры СС «Недочеловек» проанализированы значительный объем графических материалов, использованных в различных контекстах, и другие средства визуальной пропаганды. Показано, что брошюре СС «Недочеловек» нужно считать одним из самых внушительных источников визуально-образных пропагандистских ассоциаций национал-социализма.

Ключевые слова: визуальная пропаганда, визуальные источники, национал-социализм.

Во время Второй мировой войны в Третьем рейхе было создано необозримое количество пропагандистских и идеологических образов. Если ограничиться анализом графической продукции, вышедшей из-под «печатного станка» машины пропаганды нацистской Германии, — рисунками, иллюстрациями, фотографическими материалами и карикатурами, публиковавшимися огромными тиражами в средствах массовой информации, печатных изданиях, а также в виде агитационных бюллетеней, листовок и пропагандистских плакатов, — встанет вопрос о том, как объективно оценить масштаб влияния данных пропагандистских образов в целом. Рассматриваемое явление вызывает особый интерес по двум причинам: с одной стороны, предполагается, что с помощью части созданных визуальных образов идеологи и пропагандисты Третьего рейха пытались воплотить в жизнь идею тотальной мобилизации общества перед лицом угрозы и лозунг безжалостной «войны до конца», сопровождавшейся массовыми убийствами, военными преступлениями и приведшей, в конце концов, к миллионным

жертвам. Исследуемые графические материалы могут рассматриваться одновременно в качестве как непосредственного орудия преступлений, так и связующего звена, необходимого для осмысления действий тех, кто пытается оправдать эти преступления. Таким образом, верная интерпретация анализируемых материалов важна для понимания эволюции истории насилия в Европе.

С другой стороны, возникает вопрос: как наиболее правдоподобно и убедительно представить общую картину зрительных образов (*Bildwelten*) без полной реконструкции используемых в ту пору механизмов пропаганды? Для музеев, общеобразовательных школ и высших учебных заведений в качестве методического материала или для публичных презентаций несомненно важна историко-дидактическая составляющая, необходимо представить характерные для той эпохи материалы таким образом, чтобы на их примере как можно более наглядно и в то же время кратко продемонстрировать визуальные образы эпохи национал-социализма. Типичными были те образы, которые определялись пропагандистами в качестве простейших зрительных ассоциаций, направленных на конкретные целевые группы с целью укоренения в их сознании образа врага и распространения идеологии насилия и уничтожения. Впрочем, и сами пропагандисты действовали в рамках складывавшейся системы зрительных образов, которая, по их мнению, должна была стать доступной, понятной и определяющей поведение широких масс. Отличительной чертой распространения типичных пропагандистских образов являются высокие тиражи, широкий охват средств массовой информации и устойчивая периодичность публикаций.

Объектом нашего анализа выступает один из самых одиозных продуктов нацистской пропаганды, ставший средоточием целой системы ассоциативного визуального восприятия эпохи национал-социализма, — пропагандистская брошюра «*Der Untermensch*» («Недочеловек»), изданная Главным управлением СС / Отделом образования и подготовки (*SS-Hauptamt / Schulungsamt*) и считающаяся основным источником зрительных образов официальной идеологии Третьего рейха¹. Содержание брошюры не ускользнуло от внимания историков и специалистов по исторической дидактике. Однако обычно тщательному разбору подвергаются лишь титульный лист и вводный текст на первой странице издания [25, S. 136—137 (илл.); 30, S. 171; 27, S. 280]. До сих пор не исследованы обстоятельства создания брошюры и вводная информация о ней: точный охват аудитории, задействованные целевые группы и механизмы распространения; невыясненным остается также авторство некоторых иллюстраций буклета. Тем не менее наш исследовательский интерес лежит в несколько иной плоскости, а именно — в анализе взаимосвязи брошюры «Недочеловек» с определенными ассоциативными рядами (наборами) зрительных образов, на которые, с одной стороны, опирались авторы данного пропагандистского продукта, с другой — накладывала неизгладимый отпечаток сама брошюра из-за своего статуса.

Прежде всего ограничимся кратким изложением известных фактов о предыстории публикации брошюры «Недочеловек». Важно помнить, что инициатором издания был Адольф Гитлер. Он же в конечном счете принимал личное решение о его выходе в свет. «Благословенная» рукой самого фюрера, бро-

¹ См.: [11] (Главное управление СС / Отдел образования и подготовки. Недочеловек).

шюра должна была стать образцом пропаганды. Утрированные изображения, снабженные короткими сопроводительными текстами, призваны были сыграть роль своеобразной прививки против «коммунистической заразы». Первые два варианта брошюры, подготовленные к публикации Имперским министерством народного просвещения и пропаганды, были отклонены лично фюрером, после чего к разработке проекта подключился один из главных идеологов национал-социализма рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. По настоянию последнего редакция издания была доверена рейхсфюреру СС, главе Главного управления СС (*SS-Hauptamt / SSHA*) Готтлобу Бергеру. Бергер переложил обязанности редактора на одного из своих подчиненных. После редактирования и обработки многочисленных макетов был принят и утвержден вариант, удовлетворявший и тщеславию Гиммлера, и амбиции Гитлера [5, S. 236]. Брошюра «Недочеловек» была опубликована в марте 1942 г. в издательстве «Нордланд-Ферлаг» (*Nordland-Verlag*)², находившемся в подчинении Главного административно-хозяйственного управления СС (*SS-WVHA*). Тираж издания составил 3 860 995 экземпляров на немецком языке и 650 тыс. экземпляров на пятнадцати европейских языках³. Число было баснословным — для сравнения, самая массовая на то время еженедельная газета Германии «*Das Reich*» (*Das Reich*) выходила тиражом 1,4 млн экземпляров [31, S. 146]. Обладая стандартным размером 34,4 × 24,9 см и толщиной в 52 страницы, брошюра мало чем отличалась от привычных журнальных изданий того времени⁴. Сравнение экземпляров на иностранных языках помогло бы определить степень различия изданий, предназначенных для разных целевых групп. Однако брошюра в качестве инструмента пропаганды в отношении некоторых целевых групп уже в сентябре 1942 г. была признана Главным управлением имперской безопасности непродуктивной. Тем не менее это не стало поводом для прекращения распространения брошюры в странах Балтии и на оккупированных восточных территориях, население которых служило источником дешевой рабочей силы и являлось важным компонентом экономической модели Третьего рейха [29, S. 83].

Зрительный образ Недочеловека

Какими критериями определяется характерность зрительных образов в брошюре СС? Начнем анализ с титульного листа. Над броским заголовком *Der Untermensch* — искаженный мужской фотопортрет. Покрытое щетиной, втянутое в плечи лицо, обезображенное кривой ухмылкой, искоса следящее

² Об этом подробнее см.: [20, S. 503—504]. В дневнике Бергера указана дата публикации — 17 марта, см.: [29, S. 83].

³ См.: [29, S. 83; 2, S. 212]. В числе языков упоминаются испанский, болгарский, датский, французский, греческий, хорватский, латышский, нидерландский, португальский, румынский, сербский, словацкий, словенский, чешский, венгерский.

⁴ Данные характеристики относятся к оригинальному экземпляру брошюры из фондов Берлинской государственной библиотеки (библиотечный шифр 4^о Krieg 1939/1379). Идет ли речь об оригинальных размерах, доподлинно установить не удалось. Нумерация страниц в документе отсутствует. Принятая нами условная пагинация не включает в себя титульный лист и последнюю страницу издания.

за предполагаемым читателем. На втором, фоновом плане — масса солдат в кожаных летных шлемах с пустыми взглядами, обращенными также в сторону читателя / зрителя. Гладкие, уподобленные человеческим черепакам летные шлемы и подчеркнута темные, как бы пустые глазницы солдат ассоциируются с устоявшимся символом смерти — Адамовой главой. Противопоставление сингулярного по сути заголовка *Недочеловек* и иллюстрации, несущей образно-визуальную информацию о *недочеловеках*, — пропагандистский прием, призванный подчеркнуть массовый характер сущности этой «твари». Примечательно, что уже при оформлении обложки (как позже и во всей брошюре) был использован фотомонтаж⁵ — еще один из элементов, анализу и изучению применения которого средствами нацистской пропаганды до сих пор уделялось лишь поверхностное внимание. На фотографии даже неискреннему наблюдателю явно видны следы ретуши: например, на лице солдата в правом углу изображения. Также можно заметить, что, несмотря на пропагандируемый национал-социалистами поход против «еврейского большевизма», в образе на титульном листе брошюры нет каких-либо визуальных аллюзий, указывающих на принадлежность Недочеловека к «мировому еврейству». Серое лицо, с презрением вззирающее на читателя, имеет явную связь с антиславянскими и прежде всего антирусскими сюжетами и образами периода Первой мировой войны⁶. Можно предположить, что прообразом Недочеловека стала карикатура Августа Хайдука, опубликованная в сатирическом журнале «Ульк» (*Ulk*) 7 мая 1915 г. На рисунке Хайдука изображено бородатое, широкоскулое лицо со злым взглядом и перекошенной ухмылкой. Смысл подписи под карикатурой, озаглавленной «Самоосмысление» (*Selbstbetrachtung*), таков: «Мы можем часто казаться грубыми, мы — русские! Но мы всегда становимся деликатными, как только нас подкупят!»⁷ (рис. 1 слева).

Портрет с обложки пропагандистской брошюры СС в свою очередь стал прототипом уже цветной карикатуры Артура Джонсона в еженедельнике «Кладдерадач» (*Kladderadatsch*). Связь между двумя образами представляется очевидной. Джонсон перенимает характерные черты Недочеловека для изображения огромного ангела, красно-кровавыми руками благословляющего на бой американских и британских солдат. «Вперед, христианские воины!» [18]⁸ — подпись под карикатурой повторяет слова англиканского церковного

⁵ Особенно явно на с. 4, 5, 35. Строго говоря, вся брошюра является фотомонтажом и могла бы рассматриваться в этом контексте. Так, тексты часто выступают элементами изображений, а их расположение становится частью общей композиции и несет в себе отчетливое послание. Более подробно о данной трактовке фотомонтажа см.: [28, S. 2]. Характерно для указанных примеров то, что фотографии или же детали различных фотографий не просто расположены рядом друг с другом, а объединены в одно изображение.

⁶ Антиславянский — определение Филиппа Шпрингера [22; 11, титульный лист].

⁷ Репродукция воспроизводится по изд.: [25, S. 29]. Оригинал карикатуры — в сатирическом приложении «Ulk» к ежедневной газете «Berliner Tageblatt». В каталоге [25] не рассматривается визуальная взаимосвязь между карикатурой и фотопортретом на обложке «Недочеловека».

⁸ На взаимосвязь этой карикатуры с портретом Недочеловека уже обращалось внимание. В частности, см.: [30, S. 171].

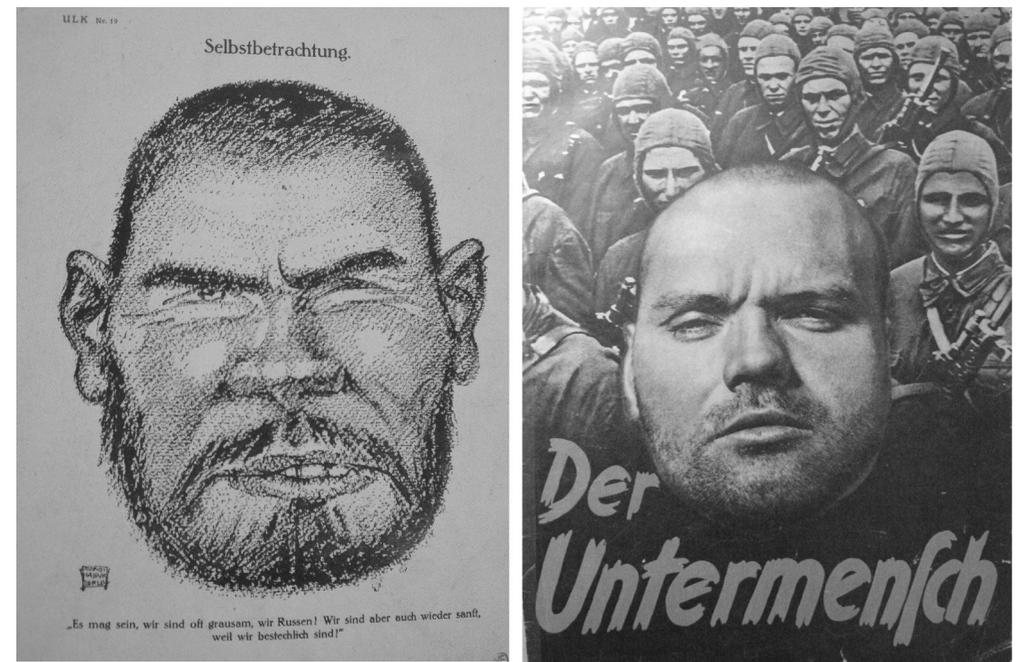

Рис. 1. Вероятный источник образа (слева)

гимна «Onward, Christian Soldiers»⁹. Ангел с нимбом в виде красной пятиконечной звезды, с серпом и молотом на груди безошибочно представляется читателю аллегорией большевизма. Богач в правой части рисунка, показывающий из-за спины экспансивного архиепископа Кентерберийского менору¹⁰, олицетворяет связь между евреями и большевистской угрозой. Покорные солдаты союзнических армий предстают безмолвными слугами всемирного еврейского заговора и недочеловека (рис. 2).

С первой же страницы авторы издания обращаются к «внутренним образам»: вместо картинки следует пафосный, витиеватый, богатый эпитетами текст, описывающий недочеловека так: «Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица, подобные человеческим, — однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа — хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные желания и неприкрытая подлость» [11, S. 1]. Аттила и Чингиз-Хан были порождениями Недочеловека, теперь же он сам подчиняется лишь одной сущности — Агасферу, Вечному Жиду¹¹. Так же, как и портрет Недочеловека

⁹ За указание на гимн благодарю Андрея Поповича (Берлин).

¹⁰ См. об установлении в изображении священнослужителя образа архиепископа Кентерберийского и отождествлении фигуры за ним с «еврейским дельцом» [30, S. 171].

¹¹ См.: [11, S. 1]. Репродукция гравюры, взятой, судя по стилю, из повествовательной книги XIX в. и изображавшей зверства Аттилы и Чингиз-Хана, должна была усилить

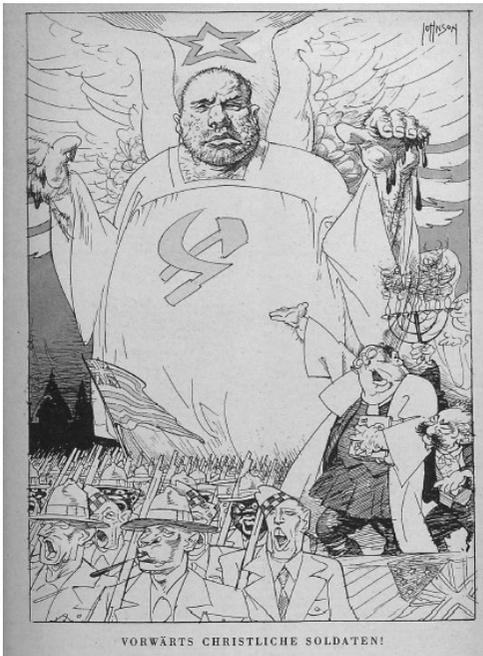

Рис. 2. Карикатура Артура Джонсона

проводятся параллели между ландшафтами и типами людей, населяющих эти территории: «По обе стороны границы одна и та же земля — однако не один и тот же человек. Ведь только у человека есть возможность наложить свой отпечаток на территориальный ландшафт» [11, S. 2]. «Заброшенная», «запущенная» территория к востоку от рейха, несущаяся в «бездну культурного нигилизма», земля, ставшая «вечным обвинителем недочеловека и его господствующей системы». Ей не хватает «носителя высокой культуры, гения, который бы систематически управлял ее развитием». И хотя «развитые народы» Европы — готы и варяги — видели в ней землю обетованную, а Пётр Великий и Екатерина II «призывали немецкого крестьянина и немецкого офицера», но «снова и снова силы тьмы одерживали верх, дух, пришедший на помощь, был бессмысленно и варварски уничтожен» [11, S. 2] (рис. 3).

Читатель должен понять: этому краю необходима твердая немецкая рука, способная навести здесь образцовый порядок и превратить его в райский уголок [11, S. 2]. Сопутствующая мысль, внушаемая читателю, — ради этой высокой цели недочеловек должен быть стерт с лица земли. Цитата Гимmlера в эпиграфе к брошюре сравнивает недочеловека с чумной инфекцией, угрожающей

эффект: дикие азиатские всадники, стремительно скачущие на запад, не знающие чувства жалости ни к детям, ни к женщинам [11, S. 3]. Вариации этой гравюры можно найти как минимум в еще одной нацистской публикации — на окладе, на обложке и в выставочном каталоге «Euro und der Osten», изданном рейхсamtсляйтерами Гансом Хагемайером и Георгом Лейббрандом. См. [13, S. 90].

на обложке буклета, восходящий к визуальным моделям недалекого прошлого, риторика первых страниц брошюры (прежде всего в части антисемитизма) опирается на русофобские пропагандистские тексты, имевшие хождение в резкой форме в годы Первой мировой войны. Уже тогда русские солдаты представлялись дикими, уподобившимися животным азиатскими ордами, приговаривавшими к смертельному мукам женщин и детей [17, S. 14—29, особенно S. 28; 16, S. 223—241].

Следует обратить внимание на то, что первые два изображения внутренней части брошюры отображают не человека, а природу. На первой фотографии — живописный ландшафт на берегу небольшой, тихой реки; на второй — аэрофотосъемка полноводного потока, изгибистой лентой пробивающего себе путь сквозь непроходимую чащу леса. В тексте

цивилизации с востока [11, S. 1—2]. С позиции современного наблюдателя рефлекторный переход от привычной для немецкого менталитета любви к порядку к безумным фантазиям об истреблении целых народов представляется по-настоящему шокирующим. Однако о том, что речь в данном случае идет о «типичной картинке», говорит факт повторного использования аэрофотосъемки «бурного потока» в другой нацистской брошюре в качестве иллюстрации спокойной реки, текущей через девственную сибирскую тайгу¹². «Типичными» эти образы наряду с сопроводительным текстом могут считаться и потому, что фактически обращаются к основной идее документа: сравнительному противопоставлению «еврейско-большевистского» и немецкого мировоззрений. Причем симбиоз текста и визуального компонента, сознательно введенный авторами брошюры с первых страниц, выступает в качестве иконотекста при сравнительном сопоставлении любого из аспектов обоих мировоззрений: быт, семья, общество, воспитание детей, уклад жизни в деревне и в городе, культура, искусство и религия¹³. Последние восемь страниц брошюры заполнены шокирующими фотографиями пыток, массовых убийств, обезображенных жертв и других зверств «еврейско-большевистского» террора. Читателю снова, как и в начале издания, внушается мысль о том, что обосновавшаяся на бескрайних, диких просторах безжалостная большевистская гидра угрожает Европе и должна быть уничтожена [11, S. 43—50].

Типичными для нацистской пропаганды визуальными образами заполнен весь буклет. Таким нам представляется, в частности, фотоколлаж из шести мужских лиц с подписью «И вот они снова здесь, гунны, осколки человеческих личий, ночной кошмар, ставший действительностью, удар по лицу всему доброму и хорошему...» [11, S. 4]. Так, образ красноармейца в буденовке в верхнем правом углу коллажа был вновь использован в агитационном плакате одного из самых ярких пропагандистов рейха Ганса Швайцера, работавшего под псевдонимом Мьельнир¹⁴. Швайцер разместил красноармейца на плакате «ПОБЕДА или БОЛЬШЕВИЗМ» (1943), добавив несколько деталей и придав фотопортрету характерные семитские черты лица (рис. 4). Нос красноармейца на плакате Швайцера стал «еврейским носом», темные впадины под глазами усилили эффект, а улыбка превратилась в демонический оскал вампира. Заметны и другие

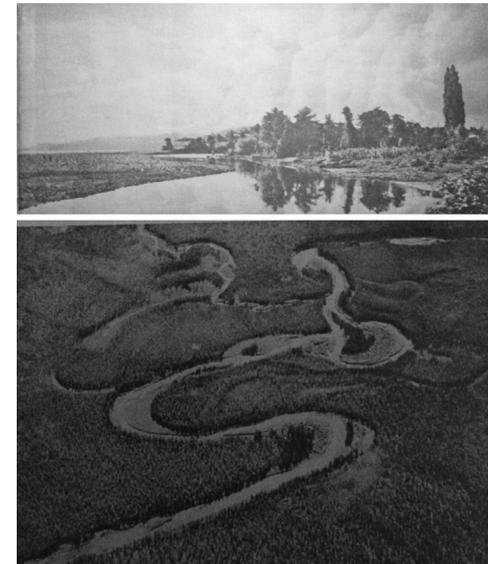

Рис. 3. Фотографии из внутренней части брошюры

¹² [12, S. 22]. Схожие по смыслу и направленности изображения см. [23].

¹³ К определению понятия «иконотекст»: [26, S. 183 (подстрочная ссылка 6), 162 и 169].

¹⁴ Наиболее полное описание творчества и биография Мьельнира см. в [21, S. 44—99].

аналогии между плакатом Мьельнира и брошюрой СС. Оба документа берут за основу конфронтационное сравнение двух мировоззрений. В брошюре, как и на плакате «ПОБЕДА или БОЛЬШЕВИЗМ», можно найти образ «арийской» матери с ребенком, символизирующий счастливую жизнь [11, S. 18]; как и в «Недочеловеке», на плакате изображены жертвы «еврейско-большевистского» террора. Не стоит забывать, что Швайцер был утвержден Гитлером в должности уполномоченного рейха по вопросам формирования искусства и в 1942 г. получил звание оберфюрера СС [21, S. 64 сл.]. Таким образом, многотиражный проект брошюры «Недочеловек», инициированный фюрером и воплощаемый в жизнь главой СС, вряд ли ускользнул от внимания Мьельнира. Стоит упомянуть что Швайцер, слышавший к тому времени настоящим асом пропаганды, стал автором обложки агитационной брошюры 1942 г. «СС в бою» [23], а значит, наверняка был посвящен в визуально-образную структуру проекта «Der Untermensch». Уже вся история издания буклета говорит о сознательной попытке «бурить навстречу фюреру» (Иэн Кершоу [19, S. 27]), т.е. самостоятельно действовать в гитлеровском духе. Плакат «ПОБЕДА или БОЛЬШЕВИЗМ» должен был дать старт новой пропагандистской кампании «Победа или большевистский хаос» и разойтись многомиллионным тиражом [14, S. 343, ссылка 133; 6, fol. 141; 7]. По вполне понятным причинам прототипом для своего детища Швайцер заведомо выбрал образ, благосклонно воспринятый Гитлером.

Рис. 4. Сравнение образов в брошюре и на плакате Г. Швайцера

Примечательно, что и другие портреты из рассматриваемого нами фотоколлажа либо публиковались раньше¹⁵, либо, как в случае с Мьельниром, были использованы в новых пропагандистских проектах¹⁶.

Один из самых распространенных мотивов нацистской пропаганды — портрет «еврейского комиссара» — можно обнаружить и на страницах исследуемой нами брошюры [11, S. 9] (рис. 5).

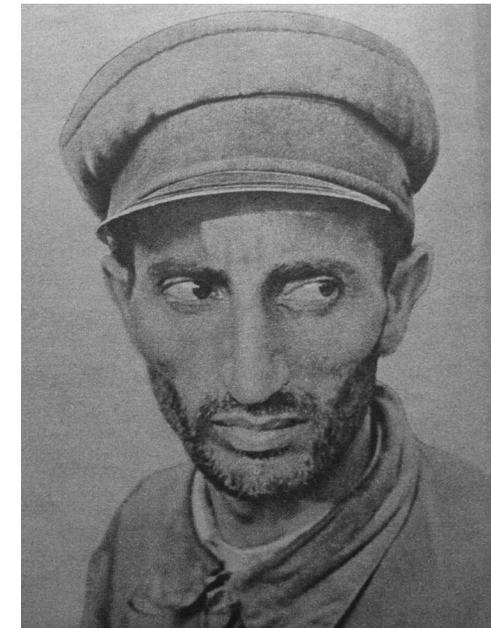

Рис. 5. Портрет «еврейского комиссара»

Насколько известно, впервые портрет был опубликован в иллюстрированном печатном издании НСДАП «Иллюстриртер Беобахтер» (*Illustrierter Beobachter*) и на страницах берлинского еженедельника «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг» (*Berliner Illustrierte Zeitung*). На фотографии в первом издании на размытом фоне был изображен бородатый молодой военнослужащий в офицерской фуражке, устало смотрящий на восток. Сопроводительный текст гласил: «Еврейский солдат большевистской армии, взятый в плен под Львовом.

¹⁵ Один из портретов фотоколлажа на с. 4 брошюры (вверху слева) был напечатан в берлинском ежедневнике «12-Uhr Blatt» 9 октября 1941 г. [30, ср. илл. S. 173] в типичной для нацистской пропаганды «тройке» («Typische Dreierkonstellation». См.: [30, S. 171].) Иллюстрация была подписана: «Слова фюрера “Мы бьемся с врагом, в котором, я обязан это сказать, нет ничего человеческого. Это нелюди и твари!”».

¹⁶ Портрет из того же фотоколлажа ([11, S. 4] в центре) стал элементом анонимного рисунка, опубликованного в [10, 1943. 4 Nov., S. 4], с подписью «Советские потрошители. Три еврейских комиссара». Здесь портрет опять же является частью упомянутой выше «тройки». Еще один из портретов в группе (на рисунке справа) опирается на фотографию, вошедшую в исследуемую нами брошюру СС [11, S. 9].

Под управлением его соплеменников ГПУ вершит свой кровавый террор. Этот подозреваемый был схвачен львовскими евреями и за “тридцать сребреников” передан в руки ГПУ». Примечателен в этой цитате прежде всего текстовый метод подачи информации: штамп «его соплеменники», как бы невзначай упоминаемая взаимозависимость между Красной армией, ГПУ и доношением, «характерным» именно для евреев Львова. Для усиления эффекта в качестве примера «красного террора» ГПУ весь разворот, в левом верхнем углу которого располагался портрет, был дополнен фотографиями скорбящих, убитых и замученных людей. Прямо под портретом «еврейского комиссара» была помещена шокирующая фотография с истерзанными мертвыми телами. Эта же сцена была напечатана в виде снимка вертикального формата и в исследуемой нами брошюре «Недочеловек» [15, 1941, 10 Juli, S. 2; 4, 1941, 17 Juli, S. 764; 11, S. 47]. Те же изображения, однако в несколько ином контексте, появились неделей позже в еженедельнике «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг». «Еврейский комиссар», как и в «Недочеловеке», был помещен в портретную группу из четырех человек. Огромный заголовок, проходивший через весь разворот, гласил: «Союзники Черчилля... и их злодеяния!» Публикация дополнялась относительно нейтральными видами якобы здания тюрьмы ГПУ в Риге (!) с описаниями жестоких пыток и убийств и уже упомянутым нами снимком вертикального формата из брошюры СС в несколько измененном варианте.

Фотографии этого выпуска «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг» были снабжены реквизитами «SS PK. Roth — Associated Press». По запросу в Федеральный архив Германии удалось установить имя предполагаемого автора — Франц Рот (Franz Roth) [9]¹⁷. Отыскалась еще одна публикация, иллюстрированная снимками Рота [24]¹⁸. Информация, содержащаяся в обоих источниках, позволяет с высокой долей вероятности определить в военном фотографe Франце Роте автора не только портрета «еврейского комиссара» и шокирующего снимка с истерзанными мертвыми телами, но и других снимков, вошедших в брошюру СС [4, № 29, 1941, 17 Juli, S. 765]¹⁹. Данная информация, несомненно, важна в пер-

¹⁷ О Франце Роте известно достаточно мало. Родился в 1891 г. в Вене. В 1934 г. был приговорен к двухмесячному тюремному заключению за «пособничество НСДАП». В качестве репортера побывал на нескольких войнах (вторая итало-эфиопская война, Гражданская война в Испании, советско-финская война), работал на Летних олимпийских играх 1936 г. Во время Второй мировой войны был прикомандирован в качестве военкора к седьмому взводу роты военных корреспондентов СС (SS-Kriegsbericht-Kompanie). По всей видимости, одновременно сотрудничал с Associated Press GmbH Berlin. Погиб в марте 1943 г. под Харьковом. О судьбе Рота во время Второй мировой войны см. [24, S. 3—7].

¹⁸ Репродукции, опубликованные в данном издании, сделаны с контактных оттисков, хранящихся в Национальном архиве США. Качество иллюстраций оставляет желать лучшего. См. [24, S. 3]. В данном источнике можно найти еще несколько фотографий, включенных в брошюру «Недочеловек», авторство которых приписывается Францу Роту, а именно: иллюстрация на с. 21 внизу (ср. [24, S. 35]) и на с. 34 вверху (крестьянин, ср. [24, S. 61]).

¹⁹ В брошюру «Недочеловек» также включен список авторов иллюстраций, впрочем, он настолько неясен, что определить авторство конкретных фотографий зачастую не представляется возможным. Имя Ф. Рота в списке отсутствует, однако есть указание на рекузит «Associated Press (16)». См. [11, обратная сторона обложки].

вую очередь для восстановления исходного контекста появления снимков. Полученные факты дадут исследователям возможность более точной интерпретации анализируемых изображений.

В «Недочеловеке» образ претерпевает дальнейшие преобразования, превращаясь из «еврейского комиссара» в вершителя судеб недолюдей. Как следовало из текста, «он сам сделал себя офицером, комиссаром, выдающимся лидером недочеловеков» [11, S. 9]. Размытый задний фон оригинальной фотографии исчезает, придавая портрету сходство с аналогичным образом, опубликованным в еженедельнике «Дер Штюрмер» через полтора года [10, 1943, 4 November, S. 4].

Как и в ранее рассмотренном случае с Мьельниром, анализируемый нами фотопортрет стал прототипом одного из пропагандистских плакатов начала 1945 г. «ВОТ ЧТО угрожает нам, если мы сдадимся. Поэтому БОЙ до ПОБЕДЫ». История возникновения этого плаката подробно рассмотрена нами в одной из предыдущих работ [1, S. 92—95]. На данный момент с помощью материалов Федерального архива в Кобленце удалось установить и автора плаката. Им оказался малоизвестный художник-плакатист Кристиан Минцлафф (Christian Minzloff) [8²⁰]. Мотив «еврейского комиссара» применялся и в пропагандистских материалах, предназначенных для немецкоязычных целевых групп. Портрет того же комиссара появляется в группе других антисемитских образов на польскоязычном плакате «Europa nie chce więcej widzieć tej twarzy!»²¹ Следующий подобный пример — агитационный плакат на сербском языке: «Srbi, zar su to vaša braća sloveni?» [30, S. 154]²². По всей видимости, вышеупомянутые плакаты брали за основу уже испробованную антисемитскую пропагандистскую модель: иконотекст здесь направлен прежде всего на разжигание расовой ненависти и чувства страха перед еврейскими активистами и не содержит в качестве приоритетных других идеологических аллюзий.

Анализ визуальных ассоциаций, содержащихся в брошюре «Недочеловек», далеко не полон — остается достаточно материала для дальнейших изысканий.

Подведем итоги. Прежде всего необходимо констатировать, что программная линия визуальных образов, содержащихся в брошюре «Недочеловек», была последовательно реализована пропагандистами Третьего рейха. Как было показано на некоторых примерах, визуально-текстовые ряды, включенные в буклет, тиражировались в различных вариациях и публиковались с завидной периодичностью в средствах массовой информации. Однако «Недочеловек» не может считаться характерным примером заимствования зрительных образов — лишь некоторые мотивы, включенные в брошюру, были известны до ее выхода в свет. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что значительный объем графических материалов, использованных в исследуемом нами документе, широко применялся в различных контекстах и другими средствами

²⁰ Доступно и в электронном виде. В отличие от некоторых публикаций указана наиболее вероятная дата выхода плаката — февраль 1945 г.

²¹ Автор плаката неизвестен. Оригинал хранится в Краковском национальном архиве [3]. Плакат был напечатан в формате В 1 тиражом 100 тыс. экземпляров. Благодарю Монику Бендарек (Краков) за помощь и предоставление цифровой копии документа.

²² На этом плакате воспроизведены как минимум еще две фотографии Рота (вверху и вверху слева). Ср. [24, S. 38], вверху в центре и справа.

визуальной пропаганды. Вдобавок ко всему вышеперечисленному личная инициатива и одобрение Гитлера при подборе визуальной программы документа стали для круга посвященных в цели и задачи проекта пропагандистским ориентиром и способом «бурить навстречу» фюреру и его ближайшему окружению. Таким образом, брошюру СС «Недочеловек» без преувеличения можно считать одним из самых внушительных и заметных источников визуально-образных пропагандистских ассоциаций национал-социализма.

Пер. с немецкого Андрея Поповича

Список источников и литературы

1. *Чене К.-К.* Ментальные образы зла. Немецкая и советская имажинация врага во время Второй мировой войны // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти : сб. науч. ст. / ред. Ю. Костяшов, О. Курило. Калининград, 2012. С. 90—100.
2. *Ackermann J.* Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970.
3. *Archiwum Narodowego w Krakowie*, Sign. WUIP 62-VII.
4. *Berliner* Illustrierte Zeitung.
5. *Breitman R.* Der Architekt der «Endlösung». Himmler und die Vernichtung der europäischen Juden. Paderborn, 1996.
6. *Bundesarchiv*. NS 18/848.
7. *Bundesarchiv*. NSD 12/74.
8. *Bundesarchiv*. Plak 003-029-048.
9. *Bundesarchiv*. SSO (ранее BDC). Roth, Franz, 5.4.1911.
10. *Der Stürmer*.
11. *Der Untermensch* / SS-Hauptamt-Schulungsamt. 1942.
12. *Die Sowjetunion*, Raum und Völker / Der Reichsführer SS, SS-Hauptamt. Berlin, 1942.
13. *Europa und der Osten* / H. Hagemeyer, G. Leibbrandt (Hrsg.). München, 1943.
14. *Herf J.* The Jewish Enemy. Nazi propaganda during World War II and the Holocaust. Harvard, 2008.
15. *Illustrierter Beobachter*.
16. *Jahn P.* “Zarendreck, Barbarendreck”. Die russische Besetzung Ostpreußens 1914 in der deutschen Öffentlichkeit // Veröffentlichungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / Hrsg. K. Eimermacher, A. Volpert. München, 2005. S. 223—241.
17. *Jahn P.* Befreier und halbasiatische Horden. Deutsche Russenbilder zwischen napoleonischen Kriegen und Erstem Weltkrieg // Unsere Russen unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800—2000. S. 14—29.
18. *Johnson A.* Vorwärts christliche Soldaten // Kladderadatsch. 1943. März. №12. S. 3.
19. *Kershaw I.* Hitler. München, 2002. Bd. 1 : 1889—1936.
20. *Kopke C.* Der Nordland-Verlag (1933—1945) // Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. W. Benz. Berlin, 2013. Bd. 6. S. 503—504.
21. *Paul G.* BilderMACHT. Studien zur Visual History des 20. und 21. Jahrhunderts. Göttingen, 2013.
22. *Springer Ph.* “Der Untermensch”. Antisowjetisch-antisemitische Hetzschrift // Unsere Russen unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800—2000. Leipzig, 2008. S. 136—137.
23. *SS im Kampf* / Der Reichsführer SS, SS-Hauptamt (Hrsg.). S. l., s. a. [Berlin, 1942].
24. *Trang C.* Kriegsbericht Franz Roth. Château de Damigny, 2008.
25. *Unsere Russen unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800—2000* / Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Leipzig, 2008.
26. *Wagner P.* Reading Iconotexts. From Swift to the French Revolution. L., 1995.

27. *Weidner T., Rader H.* Typographie des Terrors. Plakate in München 1933 bis 1945 / Münchener Stadtmuseum. Heidelberg, 2012.

28. *Wolf E. Koretsky* The Soviet Photo Poster: 1940—1984. N. Y., 2012.

29. *Wolf-Roskosch F.* Ideologie der Waffen-SS. Ideologische Mobilmachung der Waffen-SS. 1942—1945. Göttingen, 2014.

30. *Zegers P.-K., Druik D.* Windows on the War. Soviet TASS Posters at Home and Abroad 1941—1945. Chicago, 2011.

31. *Zwischen den Zeilen?* Zeitungspressen als NS-Machtinstrument / Stiftung Topographie des Terrors. Berlin, 2013.

Об авторе

Карл-Конрад Чепе (*Karl-Konrad Tschäpe*) — асп. факультета культуроведения, науч. сотр. кафедры истории Новейшего времени Европы, Европейский университет Виадри-на (Франкфурт-на-Одере, Германия), tschaere@europa-uni.de

В. А. Чалый

Коммунитаристская критика эгалитарного либерализма: анализ и перспективы

Рассмотрена критика философами-коммунитаристами эгалитарного либерализма, проведен сравнительный анализ трактовок индивидуальной автономии, ее отношения к социальной обусловленности личности, сделаны выводы о неприципиальном характере разногласий двух течений в отношении указанных проблем, о преувеличенности коммунитаристского представления об эгалитарном универсализме и ограниченных возможностях его критики с позиций партикуляризма. Сближение этих двух находившихся в полемике позиций в конце 1990-х гг. предстает закономерным результатом отсутствия между ними фундаментального различия.

Ключевые слова: коммунитаризм, эгалитарный либерализм, индивидуальная автономия, Дж. Ролз, Ч. Тейлор, А. Макинтайр, М. Уолцер, М. Сэндел.

Эгалитарный либерализм — политико-философская доктрина, получившая распространение с начала 1970-х гг. и призванная соединить либеральное учение об автономии и правах индивида с социалистическим требованием социальной справедливости. Эта доктрина сразу была подвергнута критике «справа», со стороны либертарианцев, настаивавших на том, что всякое перераспределение является нарушением индивидуальных прав. Немного позднее была выдвинута и критика «слева», со стороны круга авторов, которых с 1980-х стали называть «коммунитаристами». Данная работа представляет попытку обобщения и оценки перспектив коммунитаристской критики эгалитарного либерализма.

Первой особенностью коммунитаризма стала приверженность забытой со времен утилитаризма аристотелианской этике добродетели, которая таким образом с триумфом вернулась в морально-политические дискуссии.

Ряд коммунитаристов также опирается на философию Гегеля, что довольно необычно для постаналитической традиции, в пределах которой находятся и эгалитарный либерализм, и, с некоторыми оговорками, коммунитаризм. Среди представителей последнего заметны шотландец Аласдер Макинтайр (р. 1929), канадец Чарльз Тейлор (р. 1931), американцы Майкл Уолцер (р. 1935) и Майкл Сэндел (р. 1953), при этом следует отметить, что собирательное название «коммунитаристов» они получили от критиков и по-разному и с разной интенсивностью пытаются от него отказаться. В англоязычной литературе коммунитаризм часто противопоставляют либерализму, но с этим не согласны, например, Тейлор и Уолцер, называющие себя либералами. Если подняться над современными англоязычными дискуссиями, то станет ясно, что коммунитаризм принадлежит либеральной традиции и представляет собой лишь результат смещения акцентов в ряде ключевых допущений и аргументов.

Исторически первым вопросом для философов-коммунитаристов стала критика ролзовского допущения главной роли правительства в перераспределении экономических ресурсов и свобод на основании некоторого представления о справедливости. С тех пор коммунитаризм развил ряд других положений, приближающих его к положению целостной концепции. Самым фундаментальным из них является защита партикуляризма от универсалистских претензий теории Дж. Ролза и его последователей. Другим аспектом коммунитаризма выступает выработка комплексного понятия идентичности, более сложного, чем классический либеральный индивидуализм. Наконец, и это следует из первых двух положений, коммунитаристы выдвигают на первый план роль сообществ, общин, коллективов в формировании личности — что и было отражено в названии течения.

Коммунитаризм противостоит универсалистским претензиям либералов. Наибольшую критику вызвала ролзовская модель «исходного положения» как некой метапозиции, с которой можно оценить справедливость общественного устройства «вообще», от лица всякого человека. Ролз полагает, что «исходная позиция» и вся теория «справедливости как честности» имеют универсальный характер, не зависящий от случайностей частных культур. Его рассуждения в этом отношении обладают структурным сходством с кантовским разделением практической философии на «чистую» и «эмпирическую». Коммунитаристы утверждают, что стандарты справедливости, представления о добродетели, о благе укоренены в формах существования конкретных сообществ, зависят от контекста. Фактически это утверждение есть результат наложения на предмет методологии позднего Витгенштейна. А. Макинтайр и Ч. Тейлор указывают на роль языка в обосновании политических суждений, а также на роль каркаса из убеждений, практик, представлений о существующих институтах, с помощью которого индивид интерпретирует политическое [6]. М. Уолцер подчеркивает, что политические аргументы, общественная критика возникают из привычек и традиций конкретных людей, живущих в конкретных сообществах, и, чтобы быть услышанными, они должны резонировать с этими привычками и традициями. Одной из проблем абстрактных рассуждений об универсальной справедливости является их оторванность от традиций. Теоретики, размышляющие об абстрактной справедливости вообще, безотносительно к социальному контексту, обречены и на философскую непоследовательность, и на политическую бесплодность.

В ответ на описанную критику Ролз попытался избавить свою теорию от универсалистских пресуппозиций. Это стало одной из главных задач «Политического либерализма» (1993). Здесь он выдвигает аргумент, сводящийся к тому, что его концепция личности как непредвзятого гражданина наилучшим образом отражает политическую культуру либеральной демократии и что задача «теории справедливости» — лишь выявить правила установления политического консенсуса для сообществ, разделяющих эти ценности. Идея либерально-демократического общества была дополнена идеей «хорошо упорядоченного общества» в «Праве народов» (1999). Здесь Ролз открыто утверждает, что либерализм может плохо «портироваться» в другие общества, но либеральные демократии должны уважать право других народов жить сообразно собственному укладу, если этот уклад является «хорошо упорядоченным». Хорошо упорядоченное общество не обязательно демократическое, но оно не должно быть агрессивным в отношении других сообществ. Внутренняя политика хорошо упорядоченного общества должна соответствовать некоторой идее справедливости ради общего блага и должна соблюдать права человека. При этом Ролз все равно полагает, что видение либеральной демократии, представленное в «Теории справедливости», — наилучший политический идеал для всякого разумного человека. Нелиберальные режимы есть, с их существованием можно мириться, но все же они остаются второсортными, такими, которые нет смысла воспроизводить и в которых нечему подражать.

Другие представители эгалитарного либерализма отреагировали на коммунитаристскую критику универсализма гораздо жестче, утверждая, что либеральная модель может и должна позиционировать себя как наилучшую и подходящую по крайней мере в качестве идеала для всякого общества. Брайан Берри начинает свою книгу «Справедливость как беспристрастность» утверждением такой универсальности [1]. Он признаёт, что теория справедливости должна иметь моральное обоснование, однако использует для обоснования собственной доктрины моральные нормы западного общества, оставляя без внимания остальные. Эта работа, представляющая собой крайний, можно даже сказать воинствующий либерализм, вызвала острую полемику.

Коммунитаризм не достиг большого успеха в попытках сформулировать привлекательную и емкую концепцию общества, альтернативную эгалитарно-либеральной и в то же время отвечающую требованиям современности. Макинтайр в книге «После добродетели» рисует аристотелевский идеал тесного, небольшого сообщества, связанного общими целями, в котором действует традиционная и стабильная система социальных ролей, принимаемых и исполняемых людьми. Но такая картина, особенно в части существования стабильных социальных ролей и их нерелексивного и покорного принятия индивидами, совершенно не вписывается в современные реалии, в которых конкуренция, подстегиваемые ею развитие и индивидуальное конструирование идентичностей относятся к числу оснований общественной жизни. Так оценивает подобный подход Тейлор, в своих работах отстаивая перспективность индивидуалистской «этики аутентичности», порожденной модерном, и ее несводимость к архаичным моделям добродетели и опирающимся на них формам политической жизни [10; 11]. Уолцер в «Сферах справедливости» указывает на индийскую систему каст, в которой значения явлений общественной жизни разнятся

и подчиняются строгой иерархии, в чем данное общество и видит высшую справедливость. Разумеется, этот пример мало вдохновил не только западных читателей, но и индийских, многие из которых как раз и усматривают в кастовом обществе яркий пример несправедливости. Подобный выбор примеров, как отмечают критики, лишь ослабляет позиции коммуитаристов и делает критикуемый ими тезис об универсальности либеральной модели более привлекательным.

К началу 1990-х эти достаточно абстрактные споры об универсализме и партикуляризме практически прекратились и в центр внимания выступила проблема универсальных прав человека. Причину этого поворота видят не только в том, что споры зашли в тупик, но и во внешних политических обстоятельствах, прежде всего в распаде советского мира. Эти события придали новую силу аргументам об универсальности либерально-демократического уклада и неизбежности его триумфа над остальными. Знаменитым выражением такой точки зрения стала концепция «конца истории» Ф. Фукуямы. Однако трудности применения либеральной модели в постсоветском мире, ставшие очевидными вскоре после эйфории начала 1990-х, привели к возобновлению дискуссий, но уже в новом, более конкретном ключе.

Одной из тем дискуссий стали события в Восточной Европе как пример, подкрепляющий ту или иную из соперничающих позиций. Этнические войны, бедность, криминализация обществ, коррупция, экологические и другие проблемы, начавшиеся после крушения советских режимов, одними виделись как временные трудности на пути к становлению либеральных демократий, другими полагались свидетельством глубокого отличия культурных кодов, сопротивляющихся привитию чужеродной модели.

Другой темой стали процессы, происходящие в Восточной Азии. Так называемые «азиатские ценности», казалось, намного больше отличались от западноевропейских, чем посткоммунистические. Именно в Азии коммуитаристы искали примеры для своих теоретических рассуждений. Азиатское экономическое процветание оказалось возможным на совершенно иной культурной основе, где общее имеет приоритет перед частным, коллектив перед индивидом. Эта полемика сохраняет актуальность, однако она слишком засорена внефилософскими политическими соображениями. Тем не менее можно выделить несколько аргументов, имеющих несомненный теоретический вес в дискуссии о правах человека.

Во-первых, культурные особенности могут влиять на расстановку приоритетов среди прав. Это имеет первостепенное значение в случае конфликта прав и необходимости выбирать между ними. Например, американцы могут предпочесть политические права при их конфликте с экономическими, россияне могут поступить наоборот, и так далее. Во-вторых, культурные особенности могут влиять на стратегии оправдания прав. Аргументы Уолцера имеют вес в этом споре: моральные представления одного сообщества, сложившийся в нем моральный язык имеют большое значение при оправдании политических ценностей. Наконец, культурные особенности могут давать почву для различных политических практик и институтов. Например, глубоко укорененные в обществе конфуцианские представления об обязанности детей заботиться о пожилых родителях влияют на устройство пенсионной системы в Китае.

В 1990—2000-х гг. сформировалось то, что можно назвать азиатским коммуитаризмом. Авторы из Китая, Японии, Кореи, Сингапура стали предпринимать попытки соединить западную философскую традицию с собственными. Со стороны современного «коммуитаристического интернационала» в адрес эгалитарного либерализма зазвучала уже другая критика — за непоследовательность в универсализме. Если мы, что совершенно правильно, полагаем права человека универсальной ценностью, то ее обоснование не может строиться средствами лишь одной, западноевропейской, политической культуры. Современные дискуссии касаются не только поиска универсальных обоснований прав человека, но и уточнения их набора.

В этих спорах особенно заметны позиции Ричарда Рорти и Чарльза Тейлора. Рорти в работе «Случайность, ирония и солидарность» (1989) описывает методологическую установку, с которой необходимо приступать к обсуждению общественно-политических проблем. Эта установка сочетает сознание случайности, культурно-исторической детерминированности большей части собственных убеждений и эмпатию, сочувствие другому человеку, находящемуся в таком же положении [7]. Тейлор также рассматривает ситуацию диалога между представителями разных культур. Вместо того чтобы утверждать универсальность собственных взглядов и их абсолютные претензии (т.е. придавать им трансцендентный характер), участники диалога должны исходить из возможной ошибочности собственных представлений. Так они смогут познать «моральные вселенные» друг друга. Однако межкультурный диалог неизбежно обнаружит и несоизмеримость некоторых аспектов. Тейлор признаёт, что разные сообщества, культуры, политические общности придерживаются взаимоисключающих теологических, метафизических, моральных убеждений, разных взглядов на природу человека. Однако он считает, что, несмотря на это, общества могут прийти к согласию относительно «пересекающегося набора» прав человека, если оставят друг другу свободу в обосновании этих прав. Разумеется, реалистичность и теоретическая непротиворечивость подобных установок также стали предметом дискуссий.

Так в общих чертах выглядела диспозиция в споре об универсализме и партикуляризме. В начале 1980-х этот спор перекинулся на понятие идентичности и принял такой размах, что его уместно выделить в самостоятельную проблему коммуитаризма. Начался он с того, что Тейлор и Сэндел выступили против индивидуалистической модели личности, лежавшей в основе эгалитарного либерализма Ролза и его последователей. Вооружившись понятием «жизненно-го плана», Ролз называет его формирование, изменение, совершенствование одним из наших главных интересов. Однако при этом он упускает из вида то, что наши личности определяются и даже создаются многообразием общественных связей — семьей, общиной, различными коллективами и т.д. Эти связи настолько глубоко проникают в нас, что отвлечься от них даже в теоретической абстракции едва ли возможно. Поэтому политической задачей является не только обеспечение прав индивида на автономию, но и поддержка сообществ, гарантирующих формирование личностей.

Тейлор, следуя Аристотелю, объявляет человека «политическим животным», неспособным жить вне общества, и обвиняет оппонентов, прежде всего либертарианца Р. Нозика, в том, что они забыли об этом классическом философском

тезисе. Однако вскоре выяснилось, что это обвинение в социальном атомизме в случае эгалитарного либерализма преувеличено. Например, вся третья часть «Теории справедливости» Ролза, которая вызывала наибольшее удовлетворение у автора и содержала «моральную психологию», была посвящена анализу либеральной личности, из которого совершенно недвусмысленно следовала ведущая роль личных и общественных связей в ее формировании.

Несмотря на то что критика коммунитаристов оказалась чрезмерной, в ней имеется рациональное зерно. Эгалитарный либерализм действительно трактует выбор как осознанное действие индивида, навязывающего свою волю миру. Коммунитаристы, опираясь на концепции М. Хайдеггера и позднего Витгенштейна, выдвинули соперничающее представление, в котором индивиды оказываются частью мира. Наши действия совсем не похожи на навязывание миру заранее придуманного нами рационального жизненного плана. Огромные области нашей жизни направляются невыбранными обстоятельствами, рутинной и привычками. Большую часть времени наши действия определяются социальным фоном: мы действуем спонтанно, даже не представляя ясно целей этих действий и не осуществляя выбора. И лишь когда нормальный ход вещей прерывается, человек оказывается перед необходимостью выступить в роли субъекта, агента, делающего выбор из нескольких альтернатив и несущего ответственность за него. Преднамеренность лишь иногда возникает как надстройка над непреднамеренным ходом нашей жизни. Но именно этот слом, «пограничную ситуацию», сопровождаемую повышенной рефлексией, мы склонны замечать и потому отдаем ей приоритетное значение, воспринимаем ее как норму. Представители эгалитарного либерализма делают именно эту ошибку, когда кладут в основу своей теории модель человека, стремящегося осуществить свой автономный, самостоятельно сформулированный жизненный план.

Некоторые представители эгалитарного либерализма согласились с тем, что ситуация сознательного выбора для нас скорее исключение, чем норма. Однако их ответом стало то, что эгалитарно-либеральная политика утверждает необходимость создания условий для отправления индивидуальной воли соответственно некоторым ценностям, т.е. для нормативной самодетерминации. Даже с учетом того, что традиция часто направляет наши действия, мы все равно можем и должны ставить вопрос: все ли в этой традиции является благом, есть ли что-то, что нуждается в улучшении? Согласно такому подходу, либерализм состоит в том, чтобы обеспечивать людей возможностями для выбора, для самосозидания, для реализации собственного представления о благой жизни.

Но даже такая ограниченная версия либерализма, по мнению некоторых коммунитаристов, в частности Тейлора, заблуждается в том, что моральные нормы — это результат выбора. Моральные нормы индивида, согласно коммунитаризму, также формируются обществом, их невозможно понять вне социального контекста, вне его моральных горизонтов они попросту не имеют смысла. Наши представления о наивысших, священных ценностях, требующих в предельных случаях самопожертвования, как о трансцендентных, находящихся на метауровне по отношению к жизни, ошибочны. Они тоже суть социальный конструкт: общество создает для индивидов сложную иерархическую систему ценностей, верхние ярусы которой лишь кажутся трансцендентными — более того, казаться трансцендентными есть их назначение.

Надо отдать должное Ролзу: и здесь его «теория справедливости» во многом упредила критику. Он указывает на то, что «нулевой» уровень его теории — «исходная позиция» — не является трансцендентным, что он понятен всякому человеку, обремененному эмпирическими интересами и наделенному рациональностью, и приемлем для большинства таких людей. Уилл Кимлика, защищающий в этом вопросе позицию эгалитарного либерализма, указывает на то, что ему нет необходимости оспаривать роль общества в создании иерархии ценностей, как и нет необходимости отстаивать автономию принятия индивидом своего кодекса предельных ценностей. Для нас ценностью выступает то, что признается таковой в нашей культуре, эта ценность имманентна обществу, но является внешней для индивида. Однако высокоорганизованное общество всегда имеет сложную и многообразную систему ценностей, целей и смыслов, выбор среди которых вполне может рассматриваться как реализация индивидуальной автономии. И выбор, и автономия оказываются реальными, хотя и трактуются иначе, сдержаннее, чем предлагают универсалисты. Наилучшей жизнью все равно оказывается та, в которой индивид осуществляет выбор многих важных элементов своего жизненного плана, даже если этот выбор делается из ограниченного обществом — и природой — набора.

Очевидно, что эти аргументы затрагивают и кантовское представление о принятии «морального образа мыслей», которое, по Канту, не может объясняться эмпирическими причинами. Однако автономия по-кантовски предполагает доступ к метапозиции по отношению к эмпирическому миру. Сказать, что высшие ценности имеют социальное происхождение, даже если и кажутся нам сияющими из-за пределов мира, для Канта означало бы признать гетерономию, признать выбор и ответственность иллюзией, признать, что долг «на самом деле» не имеет внутреннего происхождения, но встроен в человека обществом и его обстоятельствами. Отказ от трансцендентального элемента, предлагаемый Кимликой как компромисс, как простая редукция ненужной (по Ролзу — еще и опасной) абстракции, означал бы разрушение всей системы трансцендентальной философии.

Одной из стратегий коммунитаристского ответа на подобные рассуждения стало сомнение в ценности выбора как такового, в том, что некоторый моральный принцип или социальная связь ценнее только потому, что был выбран индивидом после обдумывания нескольких альтернатив. Если главным нашим интересом выступает «правильный» выбор центральных элементов жизненного плана, то это подразумевает внешний критерий «правильности», который опять оказывается трансцендентным. Но, как отмечает Майкл Сэндел, картина такого выбора далека от реальности. В реальности как раз фундаментальные, определяющие элементы наших жизней задаются обстоятельствами — семья, национальность, гражданство, родной язык не являются рационально выбранными [8]. Коммунитаризм утверждает, что идея рационального выбора применительно к базовым социальным связям кажется не только контринтуитивной, но и интуитивно аморальной — не существует обществ, в которых нормальным было бы подвергать сомнению рациональность или разумность семейных отношений, особую привязанность к малой, тем более большой родине, дружбу и т.д. Едва ли — и тут содержится критика кантианства — моральнее совершать благой поступок только после тщательного взвешивания всех «за» и «против», чем импульсивно бросаться на помощь.

Эгалитарный либерализм, реагируя на эту критику, указывает на то, что значение имеет не сам выбор, а возможность выбора. Существование естественных привязанностей не оспаривается, как не оспаривается и их важность для человека и даже нежелательность рационализации некоторых из них. Но с частью этих привязанностей могут возникнуть проблемы, и тут должна иметься возможность для целенаправленного внесения изменений в набор естественных элементов нашей личности. Жизненный план не может и не должен быть продуман и подобран целиком, но человек должен располагать средствами для модификации любого его элемента без всякого исключения. В поддержку этого тезиса можно привести множество примеров: ситуации беженцев, покидающих родину, где ведется война или где установилась нарушающая их права, мешающая их жизни диктатура, женщин, сталкивающихся с насилием в семье, и т.д. Это требование, имеющее в основе представление о самообладании (*self-ownership*), может распространяться на самые разные аспекты, вплоть до вопросов манипуляций с телом (аборт, смена пола, генетическая модификация) и эвтаназии.

Подобная стратегия, однако, все равно оставляет коммуитаристам возможность для критики. Даже если человек и в состоянии произвести пересмотр некоторых своих фундаментальных привязанностей, могут существовать и такие, попытки пересмотра которых будут связаны с глубокой деформацией личности. Эти аргументы часто подкрепляются отсылками к психологии, этнологии, гендерологии и т.д. Попытка пересмотра подобных оснований, обычно вынужденная, приводит к потере человеком функциональности в ряде отношений, в том числе политических [10]. Однако представляет ли это обстоятельство опасность для либеральной политики, делает ли оно неосуществимыми предписания либеральных теорий? Делает ли эта трактовка личности политические предписания коммуитаризма в корне отличными от либеральных? К концу 1980-х участникам спора стало ясно, что нет. Казавшаяся революционной стратегия критики ложных либеральных допущений о личной автономии и самообладании с тем, чтобы затем предложить коммуитаристскую альтернативу либерализму, оказалась неудачной [2]. Оказалось, что коммуитаризм, особенно если воспринимать его извне дискуссии, — это разновидность либерализма. Права индивида остаются в нем незыблемыми, просто иначе обосновываются. Эгалитарный либерализм напрасно исходил из того, что для защиты прав требуется строгая концепция автономной личности, обладающая достаточной универсальностью и предписывающей силой, коммуитаризм напрасно считал, что критика этой концепции способна повлечь новые следствия для политической практики. Разница позиций, особенно на взгляд третьей стороны, заключается лишь в нюансах: коммуитаристы отстаивают значение внешних, естественных факторов формирования личности и утверждают важность политической поддержки осуществляющих эту функцию традиционных институтов — семьи, общины и других, сторонники того, что они называют «либерализмом», акцентируют необходимость возможностей для индивидуального пересмотра этих факторов. Эти позиции являются не взаимоисключающими, но взаимодополняющими. К началу 1990-х гг. это стало ясно, и дискуссии практически сошли на нет.

Результатом коммуитаристской атаки на либерализм стало, помимо выявления принадлежности коммуитаризма к либерализму, купирование универсалистских тенденций в либеральной философии. Указание на несоизмеримость ценностей, на составной характер личности, на роль случайных обстоятельств в ее формировании роднит коммуитаризм с постмодернизмом (хотя в не меньшей мере опирается и на важнейшую для англо-американской традиции философию Юма). Постмодернистские симпатии, в частности Рорти, не являются случайными, и именование его политико-философской концепции рядом автором «постмодернистским либерализмом» представляется оправданным [3; 4].

Если для эгалитарного либерализма философия Канта оказалась среди главных опор, то для коммуитаризма она представляет собой одну из основных мишеней для критики. Она имеет философско-антропологический характер и обращена на кантианское понимание личности как обладающей универсальными характеристиками разумности, рациональности и свободы, возвращенное в либерализм (и по-своему истолкованное) Ролзом. Наиболее ярко и последовательно эту линию критики выдерживает Майкл Сэндел. В его работах «Либерализм и пределы справедливости» и «Либерализм и его критики» [8; 9] обсуждение идей Канта и их трактовки Ролзом занимает значительное место. Общую трактовку моральной философии Канта Сэндел предлагает и в своем известном курсе лекций о справедливости. Чарльз Тейлор в работе «Источники самости» рассматривает кантовскую модель интернализации трансцендентного, сравнивая ее с другими подходами к построению личности модерна в эпоху Просвещения [10]. В своих статьях он касается и проблемы действительности трансцендентального аргумента как формы философского рассуждения (в связи с эпистемологией, однако эта тема имеет и морально-политические импликации), и трактовки Кантом человеческого достоинства [12]. Аласдер Макинтайр в своей книге «После добродетели» выступает с критикой кантовской философии с позиций неоаристотелизма [5]. Критика со стороны Макинтайра, как и вся коммуитаристская критика, нацелена на кантианские обоснования доктрины эгалитарного либерализма, предложенные Ролзом и его последователями.

Изучение коммуитаристской критики эгалитарного либерализма позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, эта критика во многих отношениях находится в опасной близости от логического дефекта, именуемого «соломенным чучелом» (*straw man fallacy*): точка зрения Ролза и его единомышленников в отношении пределов и степеней индивидуальной автономии часто преувеличивается с тем, чтобы быть затем разгромленной. «Теория справедливости» отнюдь не утверждает независимость человека от сообществ и институтов, она лишь стремится привлечь внимание к тому, что подобная независимость есть (наряду с обусловленностью) и существенно значима в пространстве политического. Во-вторых, в собственных построениях коммуитаристов для этой автономии, индивидуальной необусловленности коллективным также находится место. Следовательно, в-третьих, различия между эгалитарным либерализмом и коммуитаризмом по этому представленному как принципиальный вопросу оказываются лишь различиями в акцентах, степенях, истолкованиях. Именно это

демонстрирует тот факт, что полемика между представителями двух направлений, происходившая с конца 1970-х до начала 1990-х гг., завершилась серией взаимных уступок и установлением компромисса, в котором, по сути, были признаны нередуцируемость напряженно сосуществующих индивидуального и коллективного начал личности и их определяющее значение для политической жизни.

Список источников и литературы

1. Barry B. Justice as Impartiality. Oxford, 1995.
2. Bell D. Communitarianism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/communitarianism/> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Brecher B. Communitarianism: the practice of postmodern liberalism // Global norms in the twenty-first century / ed. K.-D. Giesen, K. Van der Pijl. Cambridge, 2006. P. 212—225.
4. Dazhi Y., Yunhua X. Postmodernist Liberalism: A Critique of Richard Rorty's Political Philosophy // Frontiers of Philosophy in China. 2008. Т. 3, № 3. P. 455—463.
5. MacIntyre A.C. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame, 1981.
6. MacIntyre A.C. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, 1988.
7. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge, 1989.
8. Sandel M.J. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, 1982.
9. Sandel M.J. Liberalism and Its Critics. N. Y., 1984.
10. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Harvard, 1989.
11. Taylor Ch. The Ethics of Authenticity. Harvard, 1992.
12. Taylor Ch. Philosophical Arguments. Harvard, 1995.

Об авторе

Вадим Александрович Чалый — канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).

С. О. Курбанов

Категория почтительности к родителям хё как универсальный ключ к пониманию ряда проблем и особенностей современной Кореи (РК и КНДР) как восточного государства

Рассмотрена взаимосвязь традиционной для корейской культуры — как Юга, так и Севера — категории почтительности к родителям хё с рядом особенностей корейского общества, наглядно представленных в условной «базовой модели отношений в корейском обществе». Затронуты такие аспекты корейской культуры, как традиционная система обучения, роль учителя и ученика, старшего и младшего, корейский коллективизм (проявляющийся в том числе в создании различных видов неформальных организаций), проблемы индивидуальности, заимствования культуры и способности к обучению, отношения между мужчинами и женщинами. Сделаны

предположения относительно перспектив сохранения категории «почтительности к родителям» и ее воздействия на различные аспекты существования корейского общества.

Ключевые слова: почтительность к родителям, Республика Корея, КНДР, служение старшим, иерархический порядок, система обучения, старший и младший, культ предков, коллективизм, индивидуальность, мужчины и женщины.

Введение

В 2007 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета вышла книга автора настоящей статьи «Конфуцианский классический “Канон сыновней почтительности” в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории “почтительности к родителям”». В разделе, озаглавленном «От автора», говорилось о некоей «схеме устройства корейского общества» (традиционного, современного Южного или Северного), разработанной автором монографии и объясняющей его базовые социально-культурные особенности. На «вершине» этой схемы находится категория почтительности к родителям, основанная на «вере в духи предков» [4, с. 6—7]. Однако нигде в монографии ни схемы, ни каких-либо ее упоминаний больше нет.

Словесное описание «схемы корейского общества» было представлено автором в одной из черновых версий докторской диссертации, защищенной в 2005 г. Однако в окончательный текст диссертации указанный раздел не попал.

Ниже представлены некоторые наброски, словесно объясняющие содержание разработанной автором «универсальной схемы», раскрывающей, помимо прочего, и те особенности корейской культуры, которые относятся скорее к категории «негативных». По этой причине представляемое на суд читателя описание (несколько дополненное информацией последних лет) не было опубликовано ни в диссертации, ни в монографии.

Категория почтительности к родителям и отдельные социальные институты современной Кореи

Корейскую (дальневосточную) категорию почтительности к родителям (кор. хё, кит. сяо; 孝), как доказывается в вышеупомянутой монографии, следует воспринимать в двух смыслах: в узком и в широком.

Узкое восприятие категории соотносится со служением старшим родственникам их детей (сыновей, дочерей) и младших родственников (невесток и т.п.). Кстати, именно потому, что служение старшим должно совершаться младшим по возрасту и положению родственником не только мужского пола, но и женского, мы говорим не о сыновней почтительности, а о почтительности к родителям.

Широкое восприятие категории хё / сяо строится на особом понимании строгого иерархического порядка в обществе и государстве, где каждый — от государя до крестьянина — знает свое место в социуме и живет в соответствии с этим знанием, ставя во главу угла служение старшему, и не обязательно родственнику.

Ниже предлагается краткое словесное описание «схемы устройства корейского общества», в основу которой положено представление об основополагающей роли категории хё. Предлагаемый читателю ряд теоретических (логических) построений основан на *широком* понимании категории «почтительности к родителям» и на личном корееведческом опыте автора.

В основе *почтительности к родителям* помимо так называемых «традиций» лежит вера в духов предков, а именно в «материальное» *посмертное существование духов предков* и в то, что эти духи могут оказывать *реально ощущаемое* влияние на дела живущих. Еще в 1995 г. в Праге на очередной международной конференции Ассоциации корееведческих исследований в Европе (Association for Korean Studies in Europe) автор настоящей работы выдвинул и попытался доказать теорию *зависимости* категории почтительности к родителям хё от веры в духи предков [9]. Выдвинутая теория в целом была положительно принята европейской корееведческой общественностью.

Основные моменты теоретических положений, предлагаемых автором, состоят в следующем.

1. Строящаяся на вере в духи предков категория почтительности к родителям хё является основой для *базовой модели отношений* в корейском обществе.

1.1. Базовая модель отношений формируется с раннего детства на основе программирующей системы обучения, т.е. системы, ориентированной на воспроизведение данного учителем и следование заданной программе.

То, что программирующая система обучения вытекает из категории хё (в широком, *классическом* понимании этого культурного феномена), доказывается текстом конфуцианского классического «Канона сыновней почтительности» (Сяо цзин, 孝經), бывшим *теоретической основой* в понимании этой категории как в древности и Средние века, так и в настоящее время. Примером последнего, т.е. актуальности «Канона сыновней почтительности к родителям» в современном [южно]корейском обществе, может служить то, что практически все современные южнокорейские авторы, которые пишут о служении родителям, ссылаются на этот Канон. Кроме того, сама категория хё довольно широко представлена в современной южнокорейской печатной продукции: от рекламных плакатов до специальной литературы, включая школьные учебники по этике [4, с. 9—12 и др.].

Итак, в связи с *программирующей* системой обучения и категорией сяо / хё в «Сяо цзине» можно найти следующее высказывание. В начале 1-й (основополагающей) главы памятника приводятся такие слова Конфуция о сяо / хё: «Ведь сяо — это есть корень добродетели, то, из чего рождается обучение» [8, с. 1 Б]. Четвертый раздел первой главы Канона, посвященный сяо / хё сановников и ученых мужей, гласит о том, что одежды, слова, законы — все это не должно быть отобранным (придуманным лично). Необходимо лишь следовать тому, что было создано прежними правителями (предками) [8, с. 2 Б]. Действительно, в корейском (китайском) языках понятие «учитель» как раз передается словосочетанием «прежде рожденный», т.е. человек, являющийся «ближайшим предком» по отношению к обучаемому.

Программирующая система обучения приводит к недостатку развития творческих начал в учениках школ всех ступеней, что официально признано Министерством образования Республики Корея [2, с. 108].

1.2. *Программирующая система обучения*, построенная на безоговорочном следовании младшего старшему, в свою очередь, обуславливает *завышенную роль руководителя* в обществе и *заниженную роль рядового члена сообщества*.

1.3. Одновременно в *базовую модель отношений* входит *особая ценность старшего и незначимость младшего*, вытекающая непосредственно из возрастной иерархии, базирующейся на категории почтительности к родителям, подпитываемой верой в духи предков.

2. *Базовая модель отношений* в корейском обществе (в том числе и современном) приводит к следующим *объективным явлениям* в общественном устройстве Кореи (Южной и Северной).

2.1. *Объективная потребность объединения рядовых индивидуумов в коллективы*.

2.1.1. Например, можно указать на то, что в Республике Корея широко распространены организации, созданные по линии разнообразных *традиционных* категорий социальных связей, определяемых особым термином ёнго-чжувый (연고주의), не имеющим словарного перевода на русский, английский или другие языки мира. Эта система связей реализуется через неформальные организации выходцев из одного региона Кореи — хянухве (향우회), организации членов одного семейного клана чончхинхве (종친회), организации выпускников одного учебного заведения тончханхве (동창회) или тонмунхве (동문회). Кроме того, в современной Южной Корее существует немало других *неформальных* организаций, чья история создания уходит в глубь веков, таких как, например, традиционная организация совместной трудовой деятельности туре (두레). Кстати сказать, и южнокорейские профессиональные союзы, согласно проведенным исследованиям, также несут на себе отпечаток традиционных организаций, формировавшихся не только для обеспечения взаимопомощи в конкретных делах, но и для «создания дружеской атмосферы» [1, с. 469—480]. Последнее представляется особо необходимым как раз в случае неразвитости индивидуальности, заниженной роли рядового члена сообщества (вытекающей из практического проявления категории хё).

2.1.2. В КНДР коллективизм не только является частью идеологической системы государства, но и зафиксирован в Конституции страны (редакциях 1972, 1992, 1998 гг.) как основа реализации прав и обязанностей граждан. Статья 63 северокорейской Конституции (1998) гласит: «Права и обязанности граждан КНДР основываются на принципе коллективизма: “Один за всех, и все за одного”»¹.

Исходя из известной нам истории создания КНДР и особенностей ее идеологии, можно было бы усомниться относительно того, действительно ли сохраняются в северокорейском «социалистическом государстве»² традиционные отношения почтительности к родителям. Иными словами, актуальна ли для КНДР категория хё? Автор настоящей статьи не готов представить исчерпывающий

¹ 제 6 조 조선민주주의인민공화국에서 국민의 권리와 의무는 <하나를 전체를 위하여, 전체는 하나를 위하여>라는 집단주의원칙에 기초한다.

² С 1990-х гг. в КНДР не используется слово «коммунизм» применительно к северокорейским политическим, экономическим, культурным и прочим реалиям, которые определяются как «социалистические».

ответ на указанный вопрос. Однако в связи с этим вопросом хотелось бы указать на два интересных момента.

Первое. В КНДР сохранился культ предков как на уровне общегосударственном (отношение к Ким Ирсену³, Ким Чениру), так и на бытовом. В последнем автор убедился во время своего 10-месячного проживания в северокорейской провинции, когда неоднократно был свидетелем посещения северными корейцами могил предков и совершения у могил полагающихся в таких случаях церемоний поминовений предков и т.п. [5, с. 422]. А как было указано выше, именно культ предков является «материальной основой» существования категории хё.

Второе. В одной из северокорейских работ об «идеях построения социалистического сильного, процветающего, великого государства» (사회주의 강성대국 건설 사상) было сказано, что Ким Ченир проявляет верность и сыновнюю почтительность по отношению к «Великому вождю» [7, с. 13]. Таким образом, понятие хё по меньшей мере не утрачено в современной КНДР.

2.2. Относительно слабо выраженная индивидуальность рядовых членов коллектива. Возможно, представленное утверждение является несколько спорным и нуждается в больших доказательствах. Однако всякое длительное нахождение внутри замкнутого и относительно однородного по характеру коллектива объективно требует известного подавления индивидуальности.

В своих дневниковых записях, описывающих этнокультурные особенности современной Южной и Северной Кореи, автор настоящей статьи собрал немало примеров, иллюстрирующих указанное выше положение об относительно слабо выраженной индивидуальности в корейском обществе [5].

3.1. Еще одним проявлением базовой модели отношений и программирующего характера образования выступает *объективная необходимость импорта культуры*, или культурного воздействия извне. Как известно, наиболее продуктивным для творческой деятельности периодом в жизни любого человека являются его молодые годы (отчасти это обусловлено объективной необходимостью создания семьи). С другой стороны, именно в этот период жизни творческие наклонности молодых людей оказываются подавлены традиционными отношениями хё (в той степени, в которой молодежь самореализуется). Поэтому обновление общества изнутри оказывается практически невозможным, что обуславливает необходимость культурных (и т.п.) заимствований извне.

3.2. Однако базовая модель отношений в корейском обществе стимулирует *развитие способности обучаться*, перенимать (а не создавать) культурные достижения.

3.3. Все указанное выше (базовая модель отношений, п. 3.1 и 3.2) приводит к тому, что «классическая», т.е. реализующая отношения хё корейская нация оказывается необычайно «подходящей» для внедрения новых производств, требующих привлечения большого количества людей и высокой трудовой дисциплины.

4. Реализация категории почтительности к родителям хё помимо базовой модели отношений предопределяет также и *неравные отношения между мужчинами и женщинами*. (В тексте настоящей работы умышленно не использовано слово «неравноправные», ибо «неравные отношения» совсем не означают некую дискриминацию в сфере различных прав.)

³ См. подробнее: [3].

Действительно, согласно представлениям о хё, главная ответственность за содержание престарелых родителей и совершение церемоний поклонения («кормления») духам предков чеса (제사) лежит на старшем мужчине. В самой церемонии кормления духов предков опять же принимают участие почти исключительно мужчины (роль женщин нередко сводится к приготовлению церемониального стола и созерцанию церемонии издали). Таким образом, роль мужчины (в обществе) оказывается более значимой, чем роль женщины.

С другой стороны, например, современные южнокорейские реалии демонстрируют новые тренды. С 2013 г. президентом Республики Корея является женщина — госпожа Пак Кынхе. Что же изменилось в обществе? Ответ на поставленный вопрос дан в небольшом заключении, приведенном ниже.

Заключение

Все приведенные выше примеры, описывающие связанные с категорией почтительности к родителям хё отдельные позитивные и негативные явления (особенности) современного корейского общества, останутся актуальными до тех пор, пока в Корее существует культ предков и реализуются отношения почтительности к родителям хё. В случае разрушения (исчезновения) культа предков и категории хё все указанные особенности корейской культуры также, скорее всего, исчезнут.

Действительно, как показывают южнокорейские реалии второго десятилетия XXI в. категория почтительности к родителям уже не столь всеобъемлюща, как это было в предшествовавшем XX столетии. К примеру, в период праздника осеннего поминовения предков чхусок, который в 2015 г. пришелся на 27 сентября (выходные дни с 26 по 29 сентября), большое количество молодых людей вместо того, чтобы отправиться в провинцию на могилы предков, предпочли зарубежные туристические поездки [6].

Список источников и литературы

1. Ким Кёндон. Хангугин-ый кчхигван-гва сахве ыйсик (김 경동. 한국인의 가치관과 사회의식. Система ценностей и общественное сознание корейцев). Сеул, 1993.
2. Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 1996. Вып. 1.
3. Курбанов С. О. Идеи чучхе. Конфуцианская традиция // Восточная коллекция, осень 2001. М., 2001. С. 102—111.
4. Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007. С. 58—65.
5. Курбанов С. О. С блоком по Корею (1987—2011): записки востоковеда. СПб., 2013.
6. Ку Чжонмо. «Племянник путешествует». В праздник чхусок вместо поездки в провинцию — за границу (구정모. ‘조카는 여행중’...추석연휴 귀성길 대신 해외로). Сообщение агентства Ёнхап от 26 сентября 2015 г. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/society/2015/09/25/0701000000AKR20150925040600004.HTML?template=2087> (дата обращения: 26.09.2015).
7. Сахвечжувый кансондэгук консоль сасан (사회주의 강성대국 건설사상. Идеи построения сильного, процветающего, великого социалистического государства). Пхеньян, 2000.

8. *Хэгён онхэ* (孝經 諺解. Перевод на корейский язык и комментарии к «Канону сыновней почтительности»). Ксилограф из библиотеки Института востоковедения при университете Тангук, Сеул. Шифр «ко147 кён694х В2» (古147 경694 호 В2).

9. *Kourbanov S. O.* The Belief in the Spirits of Deceased and the Seniors-Juniors Relations in Korea // The 17th Conference of AKSE. Abstracts. Prague, 1995. P. 124—128.

Об авторе

Сергей Олегович Курбанов — д-р ист. наук, проф. кафедры истории стран Дальнего Востока, руководитель проекта «Институт междисциплинарных исследований Кореи», Санкт-Петербургский государственный университет.

Раздел III МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Шотландские торговцы в Речи Посполитой раннего Нового времени

Рассмотрен вопрос о шотландской эмиграции в Польшу в XVI—XVII вв. На основе свидетельств современников, разнообразного документального материала проанализирована деятельность, социальный статус и специфика ассимиляции в польском обществе основных категорий шотландских эмигрантов-торговцев. Сделаны выводы о вкладе уроженцев Шотландии в развитие польского внутреннего рынка.

Ключевые слова: Шотландия, Речь Посполитая, шотландская эмиграция, торговцы вразнос, купеческие гильдии.

В XVI—XVII вв. Речь Посполитая была государством, куда активно устремились шотландские эмигранты. Упоминания о шотландцах содержат разнообразные исторические источники — многочисленные муниципальные регистры и канцелярские записи, юридические акты и торговая документация, сохранившиеся в архивах Варшавы, Кракова, Гданьска (Данцига), Люблина и других польских городов [4; 7; 16]. «...Польша достойна звания Матери для нашего народа, являясь источником благосостояния многих шотландцев», — так писал Уильям Литгоу, шотландец из Клайдсдилла, неутомимый путешественник, посетивший Польшу в 1616 г. [12, р. 425]. Оценивая миграционную активность уроженцев Шотландии в польском направлении в течение XVI—XVII вв., историк Т. Фишер отмечал, что Польша оказалась для них «Америкой того времени» [9, р. 31].

Наряду с военными наемниками к основному составу эмигрировавших в Польшу шотландцев следует отнести торговцев. Миграционной активности данной категории шотландского общества способствовала, в первую очередь, специфика экономического развития Шотландии. Один из современных шотландских историков Роберт Хьюстон, рассуждая об экономическом развитии шотландского общества, заметил, что «из-за существенных ограничений, сковывавших развитие внутреннего рынка, вплоть до XVIII в. торговля с Европой была бриллиантом шотландской экономической короны» [11, р. 7]. В течение XVI—XVII вв. так и не был до конца преодолен стадийный разрыв между уровнями социально-экономического развития основных регионов Шотландии. Единый внутренний рынок не сформировался. В Хайленде сохранялось доминирование натурального хозяйства, тогда как в Лоуленде с ростом городов постепенно увеличивалось количество ярмарочных центров, свидетельствовавших о развитии торговли на местном уровне. Преодолению локальной хозяйственной замкнутости отдельных районов мешали неразвитость коммуникаций, существование внутренних таможенных пошлин, отсутствие единой денежной системы¹ [7; 11, р. 6; 14, р. 1]. Тяжким бременем основной части шотландского купечества с его скромными доходами оборачивалась

¹ На внутреннем шотландском рынке были в ходу шотландские мерки, шотландские фунты, английские фунты и др.

активизировавшаяся после «унии корон» (1603) фискальная политика короны. При Джеймсе I значительно расширился круг городских налогоплательщиков, а только за первые тридцать месяцев правления Чарльза I жителям Эдинбурга пришлось заплатить больше налогов, нежели в течение последних двадцати пяти лет царствования Джеймса I [13, р. 87].

Неразвитость шотландского внутреннего рынка, монополия королевских городов во внешней торговле и купеческих гильдий в городском экономическом и политическом секторе, прогрессирующее ужесточение налоговой политики правительства — все это нередко заставляло торгующих шотландцев ощущать себя лишними в своем отечестве и побуждало к эмиграции.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что к исходу XVI столетия шотландское купечество играло заметную роль в международной торговле Северо-Западной Европы. Благодаря уже сложившимся к этому времени династическим и внешнеполитическим союзам Шотландии со скандинавскими и прибалтийскими странами, шотландцы активно использовали открывшиеся возможности для экономического сотрудничества с этими регионами [10, р. 340, 341; 14, р. 19, 139, 155, 156; 15, р. 12; 18, р. 272]. И Речь Посполитая в этом отношении была особенно привлекательна. Политические и экономические польско-шотландские контакты на международном уровне, удачное географическое положение Польши на пересечении торговых путей в Балтийском регионе, имидж «государства без костров», неразвитость польского внутреннего рынка наряду с отрицательной установкой местного дворянства в отношении торговой деятельности — все эти факторы обусловили популярность польского направления среди шотландских торговцев всех уровней.

Шотландские торговцы в Польше были представлены как в самой низшей категории уличных торговцев вразнос², так и в городских купеческих гильдиях [14, р. 151, 156, 157; 16].

Уже в 1600 г. манифест Сигизмунда III разделял шотландских торговцев вразнос и оседлых купцов [5, р. 158]. Представители первой категории выступали в роли бродячих коробейников, предлагавших необработанную шерсть и шерстяную одежду, разнообразные галантерейные и скобяные товары: льняные косынки, оловянную посуду, ножи, ножницы. Деятельность этих выходцев из разорившихся шотландских лэрдов и мелких торговцев приводила в негодование местные торгово-ремесленные круги [6, р. 15; 8, р. 20; 16, р. XII].

Шотландские *pedlars* начисто игнорировали ограничения, действовавшие на территории Речи Посполитой в отношении иностранных торговцев, — «право склада», «ярмарочное право», принудительное использование торговых путей [1, с. 107; 2, с. 177—180]. Кроме того, они составляли серьезную конкуренцию местным купцам, поскольку, действуя без посредников и уклоняясь от выплаты налогов, сбивали цены на товары широкого потребления, предоставляя их в кредит или попросту обменивая на сырье и продукты в сельских округах. Типичные жалобы, направляемые на рассмотрение королю, содержат описание материального и морального ущерба, наносимого шотландцами. При этом последних нередко ставили в один ряд либо с бродягами, либо с цыганами и ев-

² В Польше и Германии их именовали *pedlars* или *krämers*.

реями, которые, не являясь христианами, подвергались многочисленным ограничениям в польском обществе [16, р. 93—99]. В ряде петиций, поступивших из Пруссии в 1556 г., шотландские *pedlars* выступают как олицетворение всего порочного: они «безбоязненно и беспощинно продают шерстяную одежду и кожу — товары, торговля которыми облагается высоким налогом и возможна лишь с позволения городских властей», нарушают «порядки страны» и вредят «общим интересам» [16, р. 93, 97, 98]. Статут Петроковского сейма 1563 г. упоминает бродячих «шкотов» среди иноземцев, «от которых города большой вред терпят», а постановление от 1567 г. требует, чтобы шотландцы «послушенство всякое правлениям местным чинили...» [3, с. 254].

Таким образом, шотландцы, обеспечивавшие себя посредством торговли вразнос, ущемляли интересы сразу нескольких сторон: польских купцов и ремесленников, государственной казны, наконец, других иностранцев, считавшихся с установленными правилами. Видимо, поэтому бродячих шотландцев старались «обезвредить», действуя совместными усилиями. Прежде всего государственные и городские власти попытались запретить шотландцам торговать вразнос в ряде королевских городов и некоторых торговых центрах, настаивая на необходимости обретения ими постоянного места жительства и муниципальных прав [5, р. 158; 16, р. XIII]. Однако эти меры не решали проблемы, так как обретение муниципальных прав сопровождалось значительными трудностями для эмигрантов. С другой стороны, немалое давление оказывали местные органы власти, запрещая торговать определенными видами товаров (чаще всего новой готовой одеждой, шерстью, льном, кожей) и ограничивая присутствие шотландских *pedlars* лишь ярмарочными днями [16, р. 92, 93, 97, 98]. Тем не менее, несмотря на все запреты и штрафы, шотландские торговцы не отказывались от практикуемого ими способа торговли.

О широком размахе деятельности шотландских коробейников в Польше XVII в. свидетельствуют археологические источники. Настаивая на необходимости пересмотра общепринятого мнения о полном отсутствии медной иноземной монеты до 1659 г. в денежном обращении польского государства, В. Н. Рябцевич замечал, что непрременной составляющей многочисленных кладов первой половины XVII в., обнаруженных к середине XX в. на территории тогдашней Речи Посполитой, являются шотландские медные монеты двухпенсовики. При этом археолог подчеркивал, что во многих кладах шотландские монеты — единственные медные номиналы [3, с. 251, 258]. Учитывая то обстоятельство, что массовая чеканка собственной польско-литовской меди началась только со второй половины 1659 г., значение факта обращения шотландской разменной монеты на внутреннем рынке Речи Посполитой трудно переоценить. По существу, весьма распространенная среди шотландских торговцев продажа товаров вразнос, предполагавшая платежи в монете мелких номиналов, обусловила популярность в Польше чуждой по металлу и государственной принадлежности денежной единицы.

Как ни парадоксально, но деятельность шотландских *pedlars*, столь часто порицаемых местными торговцами, подготовила почву для внедрения в обращение польско-литовской медной монеты. Шотландцы, торговавшие вразнос, способствовали развитию товарно-денежных отношений на низшем уровне польского социума.

Формированию группы оседлых гильдейских купцов способствовал ряд обстоятельств: заинтересованность польских властей в контроле над торговой деятельностью прибывающих из-за моря шотландцев; стремление самих шотландцев отстаивать свою позицию в условиях жесткой конкуренции, нередко порождавшей враждебное отношение к ним, наконец, если не материальная, то моральная поддержка со стороны шотландской короны. В библиотеке графов Замойских в Варшаве сохранилось послание Джеймса VI, адресованное «всем честным шотландцам, переселившимся в Польшу, Пруссию и Германию». В нем шотландский король упрекает своих подданных в том, что они «ведут распутную жизнь, никому не подчиняются», что правители тех земель, под чьим управлением они проживают, «узнают от своих подданных о многочисленных беспорядках среди шотландцев». Вместе с тем Джеймс сожалел о том, что дурная репутация переносится чужестранцами на «достойных шотландцев». В заключение король настаивал на том, что «люди, мудрейшие и выдающиеся среди вас, должны составить правила проживания, записать их и отослать в Шотландию на рассмотрение». «Таким образом, — продолжал монарх, — возможно будет контролировать обстановку, не нанося ущерба местным жителям, и предотвратить дальнейшие обвинения против вас» [16, р. 105—106]. К сожалению, дата на письме отсутствует. Но по всей вероятности, оно было составлено до 1603 г. В том году шотландец из Познани Ричард Тамсон, вызванный в суд Кракова в качестве свидетеля, заявил о существовании писанных законов в среде шотландского торгового братства. Кроме того, текст его выступления содержал подробную информацию о структуре и деятельности шотландских торговых гильдий в конце XVI — начале XVII в. Из него следует, что шотландцы, торговавшие в Польше, были объединены в 12 гильдий, которые самими шотландцами именовались торговыми братствами. Братства имели особые книги, где были записаны правила, обычаи и законы, распространявшиеся на всех членов объединения; во главе каждого братства стояли свои судьи и старейшины; в функции последних входили прием вновь прибывших в братство, а также исключение нарушивших порядки; защита интересов гильдии; сбор налогов с шотландцев.

Кроме того, существовала категория духовных старейшин-пресвитеров, которые собирали взносы на строительство культовых сооружений. Что касается судебной процедуры, то высшим судом последней инстанции, куда возможно было обратиться шотландскому торговцу с апелляцией, был суд, действовавший лишь в период ярмарки на праздник Богоявления близ города Торн.

Свидетельство Тамсона клятвенно подтвердили еще семь шотландцев, в числе которых были торговцы, поставщик королевского двора и придворный вышивальщик. В дополнение к сведениям Тамсона шотландцы Альберт Уонтон и Томас Данкенсон сообщили, что судьи, наказывая виновного штрафом, нередко отдавали полученные деньги в долг другим шотландцам под проценты [16, р. 76—79].

Исходя из перечисленных факторов, становится ясно, что шотландские торговые гильдии изначально существовали как независимые сообщества. Шотландцы жили по своим законам, сами собирали налоги, сами вершили суд, нарушая прерогативы польских органов государственной власти. Однако польского короля Сигизмунда III такая ситуация не устраивала. Начиная с 1603 г.

он планомерно готовил акцию, направленную на уничтожение шотландской самостоятельности, причем руками самих же шотландцев. Стремясь к контролю над деятельностью данной категории шотландцев и заявляя, что большинство из них живут распущенно и вольно и наносят ущерб местным таможням и казне, он предложил одному из них — капитану Абрахаму Янгу — последовать примеру других иностранцев и стать опекуном и руководителем всех шотландцев в Польше. В течение 1603 г. Янгу надлежало выяснить организационные принципы и условия существования шотландских объединений. В связи с этим по настоянию будущего главы шотландцев в Польше и вызывали в суд Кракова свидетелей. Как представляется, мнения самих шотландцев по поводу предстоящей реорганизации расходились. Одни давали показания в суде, явно поддерживая предстоящее назначение Янга, другие активно сопротивлялись этому и пытались жаловаться в королевский суд на «незаконные», по их мнению, действия шотландского капитана, пытавшегося еще до официального назначения контролировать действия членов торговых гильдий, требуя от них отчета [16, р. 79]. Чтобы не усугублять ситуацию, в 1604 г. Сигизмунд III официальным указом утвердил назначение Янга [16, р. 5—7]. Таким образом, начиная с этого времени можно говорить об утрате независимости шотландскими торговыми гильдиями. В дальнейшем контроль над их деятельностью перешел к официальному представителю Джеймса I при польском дворе Патрику Гордону, с именем которого связана не одна скандальная история. Судя по всему, Гордон не проявлял себя как защитник интересов шотландских торговцев. В частности, он никак не отреагировал на «ужасное», по мнению шотландцев, оскорбление, когда их приравнивали в очередной раз к евреям и цыганам и обязали платить налог «с головы». В 1617 г. этот дипломат даже был вызван для объяснений в Тайный совет Шотландии, где присутствовал сам Джеймс I. В результате разбирательств Патрик Гордон был посажен в крепость, а затем заплатил штраф одному из истцов [17, р. 174—178, 357, 358, 362].

Вообще, в XVII в. шотландские торговцы все чаще начинают тяготиться своим происхождением. Это было связано, прежде всего, с тем, что британские монархи, оказывая давление на польский двор, настаивали на сборе специальных налогов со своих подданных — шотландцев, обосновавшихся в Польше. Так поступал Джеймс I [16, р. XVI] и, особенно, Чарльз II. Затаивший обиду на шотландцев, проживавших в Польше, за их пассивность и безразличие в период его скитаний, Чарльз II добился ратификации польским королем Яном II Казимиром постановления сейма, согласно которому шотландцы, прежде всего торговцы, были обязаны выплатить налог, равный десятой части от своего общего имущества. Вследствие этого постановления имел место ряд судебных процессов, где шотландцы, несогласные платить «десятину», отказывались от своего шотландского происхождения, мотивируя это своим рождением в Польше, принадлежностью ко второму или даже третьему поколению, считая себя поляками [3, с. 256; 16, р. XVII, XVIII, 80—86]. Должно быть, королевские претензии, выдвигаемые с Британских островов, являлись немаловажным стимулом в стремлении шотландцев к ассимиляции в польском обществе.

Таким образом, в начале XVII в. шотландские торговцы, объединенные в купеческие гильдии, хотя постепенно и утратили свою самостоятельную позицию в городской торговле польского государства, тем не менее продолжали

действовать, сохранив внутреннюю автономию. Кроме того, оказавшись одним из объектов польско-британских отношений, они оплачивали налогами дружественное расположение британской короны.

Список источников и литературы

1. *Кутшеба С.* Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907.
2. *Рутковский Я.* Экономическая история Польши. М., 1953.
3. *Рябцевич В.Н.* Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов // *Нумизматика и эпиграфика.* М., 1961. Т. 4. С. 251—260.
4. *Bajer P.* Scots in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 16th to 18th Centuries: The Formation and Disappearance of an Ethnic Group. Leiden, 2012.
5. *Bieganska A.* A note on the Scots in Poland, 1550—1800 // *Scotland and Europe 1200—1850* / ed. T.S. Smout. Edinburgh, 1986. P. 157—166.
6. *Brander M.* The Emigrant Scots. L., 1982.
7. *Dobson D.* Scots in Poland, Russia and the Baltic States: 1550—1850. Baltimore, 2003. Vol. 1.
8. *Dunlope A.I.* Scots abroad in the fifteenth century. L., 1942.
9. *Fischer T.* The Scots in Germany. Edinburgh, 1902.
10. *Grant I.* The social and economic development of Scotland before 1603. Edinburgh ; L., 1930.
11. *Houston R., Whyte I.D.* Scottish society in perspective // *Scottish society 1500—1800* / ed. R.A. Houston, I. D. Whyte. Cambridge, 1989. P. 1—36.
12. *Lithgow W.* The Totall Discourse of the rare Adventures and Painefull peregrinations of long nineteenth years travailes from Scotland, to the most famous Kingdomes in Europe, Asia and Africa. L., 1640.
13. *Lynch M.* Continuity and change in urban society, 1500—1700 // *Scottish society 1500—1800.* P. 85—117.
14. *Lythe S.* The Economy of Scotland in its European setting 1550—1625. Edinburgh ; L., 1960.
15. *Lythe S., Butt J.* An Economic History of Scotland 1100—1939. Glasgow ; L., 1975.
16. *Papers relating to the Scots in Poland 1576—1793* / ed. A.F. Steuart. Edinburgh, 1915. Vol. 59.
17. *The Register of the Privy Council of Scotland* / ed. D. Masson. Edinburgh, 1894. Vol. 11.
18. *Whyte I.* Scotland before the industrial revolution. An Economic and Social History 1050—1750. L. ; N. Y., 1995.

Об авторе

Наталья Васильевна Ласкова — канд. ист. наук, доц. кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений Южно-го федерального университета (Ростов-на-Дону), lasna@mail.ru

Станислав Лещинский в борьбе за польский трон в 30-е годы XVIII века

Проанализирована попытка Станислава Лещинского второй раз обрести корону во время войны за польское наследство. Ее неудачный исход был во многом predetermined игрой «дворов и альянсов» на европейской арене эпохи Просвещения.

Ключевые слова: выборы, война за польское наследство, дипломатия, осада.

Образ дважды польского короля и герцога Лотарингского Станислава Лещинского (1677—1766), отраженный в немногочисленных по сравнению с другими известными историческими личностями биографиях, довольно противоречив и чаще предстает в русле политической или региональной конъюнктуры. Отечественные авторы в большинстве относятся к нему скептически или нейтрально, как к фигуре исторически второстепенной. Человек, не обладавший «ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством», «мягкий и уступчивый» ставленник Карла XII, а затем и Людовика XV, «дубликат» польского короля — самые распространенные характеристики, которые давали российские историки вплоть до сегодняшнего дня. При этом их внимание ограничивается рамками военно-политической деятельности Лещинского [4, с. 166—167; 9, с. 221; 10; 11, с. 442—443].

В зарубежной историографии специальные работы о Станиславе I принадлежат перу французских и польских историков. Еще современники польского короля во Франции характеризовали его как фигуру позитивную и многогранную, что связано и с политической линией Версаля, и с просветительской деятельностью Лещинского в Европе. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера оценила жизнь Лещинского как выдающуюся и достойную подражания. Вольтер, для которого Польша была частью Сарматии, познакомился с Лещинским в 1725 г. и много общался с ним в Люневиле в 1748—1749 гг. В его «Истории Карла XII» (1731) Станислав предстает героем, философом и справедливым государем, противостоящим орлам России и Австрии. Тем не менее и в этой работе, и в «Истории Российской империи правления Петра Великого», и в своих письмах Вольтер, возвышая Станислава над шведом, подчеркивал в конечном итоге превосходство того, кто основал Петербург, над тем, кто украсил Нанси. Со временем просветитель пришел к выводу, что спасителем отчизны король Станислав быть не мог, противостоя могущественным силам и политическому союзу Станислава Августа Понятовского и России. Ж. Ж. Руссо оценивал Лещинского, как «более чем добродетельного гражданина, который для своей отчизны делает все, что может» [3, с. 411; 27, р. 61; 24, s. 155—159; 18, р. 161].

Не обошли Лещинского вниманием и немецкие просветители. В частности, Иоганн Готфрид Гердер в 1802 г. написал поэму о Станиславе Лещинском, в одной строфе которой он обращался к Польше: «Горе тебе, о Польша!», а в другой — к Лещинскому: «Но счастье, Станислав, тебе!» Автор воспевал

геркулесовы усилия последнего, вознагражденные «империей наук и искусств», но не в Польше, недостойной просвещенного монарха, а в Лотарингии [13, S. 145].

Во Франции образ Станислава исключительно богат и многоаспектен — как архитектора, искусствоведа, литератора, ученого, хозяйственника и правителя, а в его общественной и писательской деятельности нередко видят попытку создания представительского государства. Для французских историков он прежде всего символ интеллектуального расцвета Лотарингии XVIII в., который наравне с другими выдающимися деятелями занимает значимое место во французской культуре эпохи Просвещения [14; 22; 23; 25].

Тем не менее в ряду польских королей Лещинский занимает последнее место, не принадлежит он и к пантеону народных героев. Ярлык несчастного короля в Польше и изгнанника за границей заслонил его лучшие стороны: в польской историографии его признавали уважаемым, справедливым, но слабым; считали добродетельным, но сомневались в его философских способностях. Его «амбициозное правление» в Лотарингии рассматривалось как нечто среднее между политическим экспериментом и драмой на европейской арене, в которой Станислав играл роль вымышленного героя. Так, известный исследователь конфликтов на Балтике и политической истории XVIII в. Э. Чеслак анализирует жизненный путь Лещинского в контексте военно-политических событий эпохи, помещая его в «круг шведской политики сверхдержавы» и в «круг французской политики» ([15; 16]; см. также: [19, s. 7]). Однако в связи со вступлением Польши в НАТО (1999) и ЕС (2004) «европейская» фигура Станислава Лещинского приобрела значимость. В современных польских работах его даже называют «лекарем больной Отчизны», акцентируя внимание на просветительской деятельности и своеобразном посредничестве между Польшей и Западом [19, s. 8—10; 20, s. 53].

Тому, что представление о Станиславе Лещинском колеблется в диапазоне от пренебрежительного отношения до апологетики, способствовала и головокружительная история его жизни, одной из ярких страниц которой была война за польское наследство. Временем поисков, нового обретения, защиты и одновременно утраты польской короны были для Станислава 1733—1735 гг. Это наиболее известный и исследованный в литературе эпизод его жизни, когда в его деятельности доминировали политические, военные и дипломатические проблемы.

К вечеру 11 сентября 1733 г. в широком поле под Варшавой, где собралось до 60 тыс. шляхты на конях, под проливным дождем в течение 8 часов первое лицо в Речи Посполитой после смерти короля примас — архиепископ Гнезненский Теодор Анджей Потоцкий — объезжал ряды блиставших доспехами и гремящих оружием всадников, громкими криками выражавших свою волю. Большинство голосов был избран Станислав Лещинский. Примас торжественно произнес: «Так как Царю царей было угодно, чтобы все голоса единодушно были за Станислава Лещинского, я провозгласил его королем Польским, великим князем Литовским и государем всех областей, принадлежащих этому королевству...» [19, s. 130]. Такой выбор не был делом случая — все тщательно готовилось заранее. Первого февраля 1733 г. скончался Август II Сильный. А уже в апреле-мае того же года Теодор Потоцкий созвал конвокацион-

ный сейм, провозгласивший исключение иностранных кандидатов на польский трон [19, s. 130; 26, s. 487]. Это были, в сущности, последние свободные выборы польского короля в истории.

Вопрос о новом короле Речи Посполитой обсуждался правительствами европейских стран еще задолго до смерти Августа II. Никто еще кандидатуру *vivente rege* (выборы короля при жизни предыдущего) не готовил так долго и тщательно, как это делала в 1731—1732 гг. французская дипломатия. Симпатии к Станиславу, дочь которого Мария была замужем за французским королем Людовиком XV, Версаль подкреплял большими суммами (было уплачено 3 млн ливров), и французскому послу Монти удалось склонить на сторону нужного кандидата влиятельные кланы Потоцких и Чарторыйских. Интересы Франции в Польше и, соответственно, кандидатуру Лещинского поддерживали Испания, Королевство Сардиния, Швеция и Турция.

Давняя опека Лещинского Францией органично вписывалась в русло дипломатии Версаля. Еще во время войны за испанское наследство (1701—1714) послы Людовика XIV стремились склонить на свою сторону шведов, чтобы с их помощью восстановить былое преобладание Франции на континенте. Согласившись вступивший тогда в Северную войну с Россией (1700—1701) шведский король Карл XII направить свой удар против Священной Римской империи, а не Петра I, Франция, вероятно, вышла бы победителем в войне и абсолютным гегемоном в Европе. Тем не менее в своих стараниях разрушить тонкую стену, пока еще отделявшую конфликты на западе и на востоке, Франция обращала внимание не только на Швецию, но и на Россию. В рамках дипломатической практики французской внешней политики XVII—XVIII вв. — «Восточного барьера» — Версаль стремился поддерживать связи со странами, находившимися на периферии Вестфальской системы международных отношений, — Швецией, Польшей, Османской империей. В XVII в. это позволяло обезопасить Францию от войны с австрийскими и испанскими Габсбургами, а в XVIII в. в ее Департаменте иностранных дел было обращено внимание на Россию, в частности на ее политику в Речи Посполитой. Как писал Вольтер в предисловии к «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763), для Европы открытие России в XVIII в. было сопоставимо с открытием Америки. После отречения Станислава от польской короны в 1709 г. и военного поражения Шведской империи Версаль предоставил ему достойное убежище, рассматривая его фигуру как козырную карту в европейской политической игре.

Еще в декабре 1732 г. в Берлине между Россией, Австрией и Пруссией был подписан договор, по которому стороны обязывались сохранять внутреннее устройство Польши и не допускать на ее престол ставленника Франции. В качестве нового польского короля предлагалась кандидатура португальского принца Эммануэля. Но этот договор в действие так и не вступил: венский двор его не ратифицировал, да и португальский принц не имел никаких шансов на престол Польши — только партия единственного и законного сына и наследника Августа Сильного саксонского курфюрста Фридриха Августа могла реально противостоять Станиславу Лещинскому и его сторонникам. Россия, Австрия, а также Дания твердо стали на сторону саксонского курфюрста, который, в отличие от отца, признал 25 августа 1733 г. императорский титул за Анной Иоанновной, а по получении польского престола обязался добиться признания этого

титула и в Речи Посполитой. Кроме того, он обещал не претендовать на Лифляндию и сохранить старый образ правления в Курляндии и Польше. По договору с Австрией от 17 июля 1733 г. Фридрих Август отказался от прав на наследство Габсбургов и признал Прагматическую санкцию, разрешавшую наследование трона в Вене по женской линии. Пруссия в разгоравшемся конфликте заняла двойственную позицию, объективно опасаясь усиления влияния России в Прибалтике и германских княжествах, а также имея виды на часть польских земель [6, с. 81]. Великобритания и Нидерланды придерживались политики нейтралитета, хотя британская пресса, подробно освещая события накануне и во время войны за польское наследство (1733—1735), симпатий к Станиславу не проявляла. Так, летом 1733 г. «Лондонский журнал» сообщал, что «нейтралы в Польше будут голосовать за любого, кроме короля Станислава...», и что русская армия генерала Ласси (при этом приведено довольно точное число солдат) «вступила в Литву и марширует в Польшу» [28, 1733, Aug. 14, Aug. 25, № 740].

Перед Людовиком XV стояла задача не только обеспечить Станиславу выигрыш на выборах, но и сделать так, чтобы он появился над Вислой раньше, чем его конкурент. Поэтому помимо денег он отправил к польским берегам эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командой графа де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Ле Флерон» (Le Fleuron), на борту которого будет находиться Станислав. Но в ночь с 27 на 28 августа в Бресте на корабль поднялся кавалер де Трианж в костюме претендента на польский трон, а сам Лещинский отправился в Польшу инкогнито и по суше. В заблуждение была введена вся Европа, и даже вездесущая британская пресса, сообщавшая о прибытии Станислава на корабль. Сам он путешествовал в родные края через Мец, Дюссельдорф и Берлин под именем Эрнста Брамбака, приказчика купца Георга Бавера, в роли которого выступал шевалье Данделот. В Варшаве Станислав остановился в доме французского посла Монти, а 9 сентября неожиданно появился в костеле Святого Креста, что шляхта восприняла с энтузиазмом [28, 1733, Aug. 28, № 740; 19, s. 128—129].

После избрания Лещинского Версаль посчитал свою миссию выполненной, и французские корабли, стоявшие на рейде в Копенгагене, отправились обратно в Брест. Но судьба Станислава была решена не в Варшаве.

Несогласные с выбором короля ушли на другой берег Вислы в предместье Прагу. Создав конфедерацию и пользуясь правом *liberum veto*, меньшинство шляхты и магнатов отправило в Россию «Декларацию доброжелательности» с призывом защитить «форму правления» в Речи Посполитой. В числе «доброжелательных» были маршалок великий коронный Юзеф Мнишек, епископ Краковский Ян Липский, Радзивиллы, Любомирские, Сапегы... Петербург получил реальный повод для вмешательства, чем и не замедлил воспользоваться. В Польшу было решено ввести уже стоявший на границах «ограниченный контингент» войск из 18 полков пехоты и 10 полков кавалерии, плюс иррегулярные силы (13 тыс. казаков и 3 тыс. калмыков) общей численностью 30 тыс. солдат. Эту армию возглавил губернатор Лифляндии генерал-аншеф Петр Ласси. Двадцатого сентября Ласси вошел в предместье Варшавы Прагу, а 24 сентября (5 октября) противники Лещинского в количестве 1 тыс. человек избрали на престол Фридриха Августа Саксонского под именем Августа III. Так началась война за польское наследство [5, с. 170; 12, с. 66].

Двадцать второго сентября Лещинский в сопровождении посла Монти и своих сторонников бежал из Варшавы и укрылся в Данциге (Гданьске). Было образовано несколько конфедераций по всей Речи Посполитой, которые начали гражданскую войну со сторонниками Августа III. Но Станислав, понимая, что они вряд ли способны противостоять русской армии, рассчитывал на французскую помощь. Не будучи хорошим дипломатом и, тем более, полководцем, решение проблемы он видел во вторжении французских сил в Саксонию. Тогда его зять сможет сделать с Августом III то же самое, что в свое время сделал Карл XII с Августом II, т.е. заставить отказаться от короны Польши. Опытный человек, знавший ситуацию на родине, он писал дочери Марии: «Если король Людовик не овладеет Саксонией, то я буду вынужден покинуть Польшу и возвратиться во Францию». Он помнил, что Август II больше дорожил Саксонией, нежели польской короной, и вполне оправданно полагал, что и его сын Август III думает так же. И если у России и Австрии не окажется приемлемого кандидата, то у него есть шанс утвердиться в Варшаве.

Тем временем Август III с корпусом саксонцев (10 тыс. человек) вступил в Польшу и 1 января 1734 г. короновался в Вавельском соборе. Желал ли Людовик идти в Саксонию, или нет, но к Данцигу эскадру послал. Ласси опередил его, начав осаду города 22 февраля 1734 г. всего с 12 тыс. человек. По мнению Ласси, снабженный хорошей артиллерией Данциг нельзя штурмовать с такой ничтожной артиллерией и армией, как та, что была в его распоряжении. Осторожность его не понравилась в Петербурге, и в марте Ласси на посту командующего русско-саксонскими силами сменил фельдмаршал Буркхарт Христофор фон Миних, больше являвшийся талантливым инженером-гидротехником, нежели полководцем. Впоследствии и Миних получил упреки за долгую осаду и за допущение бегства Лещинского из города. Оправдываясь, фельдмаршал писал: «В Данциге было 30 000 вооруженных войск, я же не располагал и 20 000, чтобы вести осаду, а между тем линия окружения крепости простиралась на девять немецких миль» [7, с. 70] (1 немецкая миля составляла примерно 8 км). Тем временем английская печать сообщала, что город окружен почти 100 тыс. опытных солдат [28, 1733—1734, Feb. 16, № 764].

В условиях осады Станиславу Лещинскому приходилось нелегко. Польский гарнизон с учетом ополчения и шведских волонтеров насчитывал примерно 40 тыс. человек, но реально боеспособных солдат было около 15 тыс. При этом магистрат города вынес решение, что за размещение и питание солдат платит он сам, хотя горожане готовы были помочь ему с провизией. Король вел себя деликатно и с присущим ему терпением рассчитывал на французскую помощь в количестве 4 тыс. и даже 9 тыс. чел. [2, с. 44]. Примас же публично заявил, что «не сдвинется с места, даже если обстоятельства сложатся не так, как хотелось бы» [17, t. 2, s. 97].

Тем временем Миних опубликовал манифест, в котором декларировалось, что все сторонники Лещинского будут считаться врагами, восставшими против своего отечества, если в течение 14 дней не перейдут на сторону Августа. Сам король Станислав должен покинуть город. Ожидаемой реакции на этот манифест не поступило. Расположив свою артиллерию на холмах, Миних стал бомбить Данциг, производя 60 выстрелов в сутки ради экономии и получая в ответ из осажденного города 200 выстрелов. Как замечали современники, почти все

ядра разрывались в воздухе, сам Миних признавался, что эти обстрелы «более страшат, чем вредят» [2, с. 44; 28, 1734, March 30, № 770; May 4, № 775].

Несмотря на ряд тяжелых боев у стен Данцига, город держался. В апреле Ласси обеспечил безопасность коммуникаций русской армии, разбив сторонников Станислава под командованием воеводы Любельского Тарло и каштеляна Чирского Радзинского. Но штурм 9 мая форта Хагельсберга перед главными южными воротами Данцига закончился полной неудачей для осаждавших. У Лещинского оставалась связь с морем по рукаву Вислы, где у впадения реки в море находился форт Везельмюнде. Это позволяло получать снабжение от дружественных шведов и дожидаться обещанного французского десанта. Как раз в день неудачного штурма Хагельсберга французская эскадра адмирала Жана-Анри Берейла (Барая) встала на рейде Данцига. Война за польское наследство носила европейский масштаб и велась не только в восточном направлении. Параллельно Версаль развивал активные действия в Италии, что, разумеется, распыляло его силы. К тому же Швеция и Турция, несмотря на всю дипломатию министра иностранных дел кардинала Флери, занимали выжидательную позицию, что охлаждало пыл французов. И на полуострове Вестерплатте — небольшой территории между Везельмюнде и морем — высадились всего три пехотных полка под командованием бригадира Ламотта де Лаперуза, насчитывавших 2 400—2 500 человек [2, с. 46—47; 26, с. 488].

Полки поступили под командование Лещинского и маркиза де Монти. Последний приказал Ламотту сесть на заготовленные суда на Висле и направиться в Данциг. Сам флот должен был идти к Пиллау и крейсировать там для пресечения доставки вооружения и припасов к осадной армии. Французский десант считал этот план опасным и выступил против отплытия флота в Пиллау под предлогом, что тот — последняя возможность для спасения короля Станислава в случае падения города. Берейл поддержал это мнение, заявив о скором подходе второй эскадры, после чего он смог бы эффективно противодействовать русскому флоту. И в ночь с 14 на 15 мая французский отряд тихо сел на корабли и отбыл, что вызвало отчаяние в городе. Посовещавшись со Станиславом, Де Монти срочно написал рапорт Людовику XV о возмутительных действиях Ламотта: «Европа убедилась, что Ваше Величество выслал войска только для видимости, собираясь пожертвовать Данцигом и его бедными горожанами» [15, с. 52—53]. В результате французский посол в Копенгагене де Плело, дождавшись подхода кораблей, посовещался с офицерами и 20 мая эскадра вместе с Плело повернула обратно к Данцигу [7, с. 62—63].

Второй раз французская эскадра появилась у заблокированного города 24 мая. Небольшой отряд полковника Юрия Лесли (1 тыс. человек) оказался зажатым между десантом и гарнизоном города. К несчастью для защитников Данцига французы потратили два дня на обустройство лагеря, и за это время к Миниху на подмогу прибыл саксонский семитысячный корпус герцога Саксен-Вейсенфельского. Атака отряда Ламотта на русские укрепления 27 мая закончилась неудачей: проводник провел солдат по болотам и вывел прямо на русские позиции. В результате сражения французы, замочившие в болотах патроны, были разбиты. Одним из первых был убит граф де Плело, на теле которого насчитали около двадцати пулевых и штыковых ран. Параллельно 2 тыс. поляков попытались атаковать левый фланг русских, но были отбиты и отступили обрат-

но в город. В этом бою русская и саксонская артиллерия впервые с начала осады выпустила больше снарядов, чем гарнизон — 539 против 300 [8, с. 131].

А 12 июня к Данцигу подошел русский флот адмирала Гордона в составе 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 7 других судов. Неудивительно, что Берейл отошел к Копенгагену, едва только узнав о приближении Гордона. Ламотт попросил трехдневного перемирия, в ходе которого были утверждены условия капитуляции, а 24 июня французы сдались. В этот же день сдался и польский гарнизон Везельмюнде под командованием капитана Пацерна, присягнувший Августу III. После этого положение Данцига стало безнадежным, и 28 июня магистрат города начал переговоры о капитуляции. Главным условием русской стороны была выдача Станислава Лещинского и посла де Монти.

Тридцатого июня 1734 г. Данциг капитулировал и присягнул королю Августу. Но еще 29 июня, переодевшись простолудином, Станислав Лещинский бежал из города, поняв, что магистрат склоняется к его выдаче. Горожане выдали Миниху французских агентов, примаса Потоцкого и графа Станислава Понятовского. На город была наложена контрибуция в 2 млн талеров, в том числе 1 млн за побег Станислава. В плен сдались де Монти, подскарбий великий коронный граф Франтишек Оссолинский, печатник Сераковский, сеймовый маршалок Рачевский и комендант генерал-майор Штайнфлихт, 1 197 наемников, 2 147 французских солдат и офицеров и пять коронных полков. Но на верность новому королю присягнуло всего 936 человек. Двадцать первого июля Данциг посетил Август III, который в сопровождении Миниха поднялся на борт бомбардирского корабля «Дондер». А в декабре 1734 г. французы, за исключением Монти, которого Анна Иоанновна считала лично виновным в военном столкновении России с Францией, были отпущены на родину. Монти освободили только по просьбе императора Карла VI в конце 1735 г. [8, с. 131—132; 2, с. 49; 7, с. 73; 1, с. 34]

Некоторое время о короле Станиславе не было слышно, по Польше ходили слухи, что он бежал в Турцию. Объявился же он в Кёнигсберге, где прусский король Фридрих Вильгельм I предоставил ему для пребывания свой дворец. Даже в крестьянской одежде, прячась от чужих глаз, Станислав не терял надежды на успех своего дела и не утратил силы духа. Он часто общался с Богом и верил, что Всевышний его не оставит, о чем свидетельствуют его записки об этом тяжелом периоде жизни. С обычной для него веселостью и любезным обращением с окружающими его людьми, он говорил: «Возвращаясь... я целиком отдаю свою судьбу в руки Провидения...» [21, с. 8—9; 19, с. 133]. Фридрих Вильгельм I принял его по-королевски, надеясь выторговать у своего гостя в случае успеха часть территорий Курляндии или Поморья. Кроме того, в Польше продолжали борьбу его сторонники, еще располагавшие значительными силами. Воевать приходилось в основном саксонцам, поскольку русские войска стали гарнизонами в Северной и Центральной Польше, а Ласси был отправлен на Рейн для поддержки Австрии. Не прекратил сопротивления Адам Тарло, который в начале февраля 1635 г. с 6—7 тыс. человек двинулся в Калиш, чтобы соединиться с Лещинским. Вступая по пути в стычки с саксонцами, он смог добиться определенных успехов в районе Калиша и Познани, несмотря на прибывшие подкрепления саксонцев и поляков. Наконец, благодаря поддержке Ласси, который послал к Ченстохове 12 тыс. солдат, объединенные русско-саксонские силы разбили в ряде боев Тарло и отряды Радзинского и Загвойского. Вспышка партизанской борьбы

имела место и в северных воеводствах, но вскоре тоже была потушена. Ради правды нужно заметить, что войска Станислава большей частью занимались грабежом имущества сторонников Августа [26, с. 488; 2, с. 49].

Третьего октября 1735 г. Франция заключила в Вене прелиминарный мирный договор с Австрией, в соответствии с которым Версаль признавал Августа III королем Речи Посполитой. При условии отречения Станислава Лещинского от польской короны за ним пожизненно закреплялся королевский титул и передавались герцогства Лотарингия и Бар, которые после его смерти должны были отойти к Франции в качестве приданого его дочери Марии. Зять и наследник императора Священной Римской империи Карла VI герцог Лотарингский Франсуа III в качестве компенсации за Лотарингию получал Пармское герцогство в составе Пармы, Пьяченцы и Великого герцогство Тосканское после смерти последнего из Медичи — Великого герцога Джан Гастоне Медичи. Россия согласилась с этим прелиминарным соглашением и присоединилась к Венскому мирному договору от 18 ноября 1738 г., в основном повторявшему ранее оговоренные условия. Война за польское наследство завершилась.

Двадцать шестого января 1736 г. Станислав в очередной раз подчинился судьбе и отрекся от престола Речи Посполитой, а в мае отправился в путь во Францию. После смерти в июле 1737 г. Джан Гастоне Медичи он стал герцогом Лотарингии и герцогом Бара, а его супруга Екатерина — герцогиней. В 1738 г. Лещинский продал графу Александру Йозефу Сулковскому свои владения Лешно и Рыдзыну.

«Я король поляков, я потерял мое королевство два раза, но Провидение предоставило мне другое королевство, в котором я сделаю больше хорошего, чем все короли Сарматов...», — с таким настроением въезжал новый герцог в свою резиденцию, которую он разместил в Люневиле в 25 км на юго-восток от столицы Лотарингии Нанси [21, с. 50]. В конечном итоге, он оказался прав. Для роли короля на родине он оказался прискорбным образом негоден, и в значительной степени благодаря игре «дворов и альянсов» на европейской арене эпохи Просвещения.

Список источников и литературы

1. Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012.
2. Великанов В. Война за польское наследство. Борьба в Польше и участие России в этом конфликте // Воин. 2005. № 18. С. 46—50.
3. Вольтер. История Карла XII // Собр. соч. : в 3 т. / под общ. ред. Б.Т. Грибанова. М., 1998. Т. 2.
4. Григорьев Б. Карл XII. М., 2006.
5. История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 1998.
6. История внешней политики России. XVIII век. М., 2000.
7. Муравьев М. А. Действия на море в ходе войны за польское наследство 1733—1735 гг. // Владычеству четьырмя. Эпизоды из истории Русского парусного флота первой половины XVIII века. Львов, 2001. С. 54—73.
8. Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.
9. Прокопович Ф. О Станиславе Лещинском. Сочинения. М., 2013.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1999. Т. 15.
11. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч. М., 1959. Т. 10.

12. Широкопад А.Б. Германия: противостояние сквозь века. М., 2008.
13. Arnold R. Geschichte der Deutschen Polienlitteratur: von den Anfängen bis 1800. Halle, 1900.
14. Bonnefont J.-Cl. Stanislas philosophe // La vie culturelle à l'époque de Stanislas. Actes du colloque de Nancy, Palais du Gouvernement, 30 septembre, 1er octobre 2005 / ed. Y. Ferraton. Langres, 2005. P. 81—102.
15. Cieślak E. W obronie trona króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986.
16. Cieślak E. Stanisław Leszczyński. Wrocław, 1994.
17. Czarnowski J.N. Stanisław Leszczyński i Polska w pierwszej połowie XVIII wieku. Warszawa, 1858. Т. 1, 2.
18. Experiencing the Garden in the Eighteenth Century / ed. by M. Calder. Bern, 2006.
19. Forycki M. Stanisław Leszczyński. Sarmata i europejczyk 1677—1766. Poznań, 2006.
20. Konopczyński W. Polscy pisarze polityczni XVIII wieku. Krakow, 2012.
21. Leszczyński S. Opis ucieczki z Gdańska do Kwidzyna. Olsztyn, 1988.
22. Maguin Fr., Florentin R. Sur les pas de Stanislas Leszczyński. Nancy, 2005.
23. Muratori-Philip A. Stanislas Leszczyński: aventurier, philosophe et mécène des Lumières. P., 2005.
24. Piechura K. Opinia Woltera na temat osobowosci Stanisława Leszczyńskiego // Stanislas Leszczyński: Roi, politicien, écrivain, mécène. Leszno, 2001. S. 155—160.
25. Rossinot A. Stanislas: Le roi philosophe. La Flèche, 1999.
26. Rostworowski E. Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977.
27. Rousseau J.-J. Observations de Jean-Jacques Rousseau. Geneva, 1751.
28. The London Journal.

Об авторе

Людмила Ивановна Ивонина — д-р ист. наук, проф. кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет.

Е. Н. Самсонова

Алексей Фёдорович Орлов и русско-английские отношения в царствование Николая I

Охарактеризованы русско-английские отношения периода царствования императора Николая I на примере деятельности крупного государственного деятеля первой половины — середины XIX в. графа Алексея Фёдоровича Орлова (1786—1861). Будучи одним из наиболее талантливых дипломатов своей эпохи, сторонником сближения России с Францией, он не сумел убедить в своей правоте императора и предотвратить глубокий кризис внешнеполитической доктрины Российской империи к концу царствования.

Ключевые слова: внешняя политика, А. Ф. Орлов, русско-английские отношения.

Продолжая в целом внешнеполитическую линию Александра I, Николай I отличался от него как некоторыми внешнеполитическими воззрениями, так и методами решения международных проблем. Николай был противником

широких и помпезных международных конгрессов, предпочитая личные двусторонние контакты с европейскими монархами и крупными политическими деятелями. Активно используя так называемую личную дипломатию, император и в сфере внешней политики любил действовать через своих приближенных, не являвшихся официальными сотрудниками МИДа.

В правление Николая I «восточный вопрос» был центральным в дипломатических отношениях стран Европы, поэтому взаимодействие России с великими державами тесно зависело от ситуации на Ближнем Востоке. Кроме того, продолжали главенствовать прежние традиционные для русского двора ориентации на германские государства — Австрию и Пруссию, где причудливо переплетались дипломатические и светские связи этих дворов.

Дипломатическая деятельность графа А. Ф. Орлова в царствование Николая I никогда не рассматривалась отдельно от его деятельности в «восточном вопросе», поэтому представляет определенный интерес проследить его роль в русско-английских отношениях этого периода, а также обрисовать его позицию по данному вопросу.

Великобритания занимала во внешней политике России особое место среди западных государств. «Чем более я присматриваюсь к политическому положению России, — писал в 1836 г. барон Барант, посол Франции в Петербурге, — тем более вижу, каким весом и значением пользуется здесь Англия. Помимо страха, который внушает ее эскадра и морская экспедиция (единственный род войск, могущий непосредственно напасть на русское могущество), нужно только подумать, что почти вся торговля в ее руках, что ее навигация в русских портах вдесятеро больше нашей, что вывоз сырого материала, единственный источник богатства, производится англичанами» [6, с. 123]. Отношения России и Англии в царствование Николая были довольно неровными: дружественные через некоторое время сменились более натянутыми, а потом и откровенно враждебными, что связано было прежде всего с фигурой Генри Джона Темпля, виконта Пальмерстона, руководившего британской внешней политикой в 1830—1834, 1835—1841, 1846—1851 гг.

Как уже подчеркивалось выше, для внешней политики Николая первенствующее значение имела семейно-династическая дипломатия. И в Англии Николай пытался идти традиционным путем, связывая очередную попытку улучшения отношений с воцарением новой королевы. «Английский-то король умер! — писал 19 июня 1837 г. из Петергофа император графу А. Х. Бенкендорфу. — Его заменила королева Виктория... Посмотрим, что из этого выйдет. Орлов уезжает 26-го в Лондон, чтобы приветствовать новую королеву, с чем-то он оттуда вернется!» [11, с. 186].

В Англии достаточно благожелательно оценили жест России. В своем дневнике юная королева специально отметила приезд царского любимца. «Я давала аудиенцию разным иностранным послам, — писала Виктория 19 июля 1837 г. — Среди них был граф Орлов, посланный российским императором поздравить меня. Он преподнес мне письмо российского императора вместе с орденом Св. Екатерины, оправленным в бриллианты» [16, р. 25—26]. Российская сторона также осталась довольна приемом. Орлов сделал вывод, что в Лондоне были польщены желанием русского императора поздравить королеву. Кроме того, граф нашел, что «министерство и даже лорд Пальмерстон... имеют гораз-

до меньше предрассудков относительно России, чем это предполагали» [6, № 3, с. 434—435].

Укрепить наметившееся «потепление» должен был и барон Ф. И. Бруннов, назначенный в конце 1839 г. русским представителем при английском дворе. Он пробыл на своем посту до 1874 г. (за исключением периода 1854—1858 гг.). Этот дипломат был близок к Орлову, которому был обязан своей карьерой. Некоторые косвенные сведения даже позволяют считать Бруннова ставленником Орлова или, во всяком случае, человеком, выражавшим его взгляды по вопросам внешней политики. После назначения в Англию Бруннов стал постоянным корреспондентом графа, при этом канцлер Нессельроде заверял Орлова, что этот человек по-прежнему в его распоряжении¹. Ради новых отношений с Англией Россия согласилась пересмотреть свои завоевания в Турции и поступиться теми преимуществами, которые она получила в результате договоров с этой державой. Кроме того, было отменено уже почти полностью подготовленное новое вмешательство в дела Турции. Однако конвенция 1840 г., справедливо расцениваемая историками как абсолютно напрасная жертва России, принесла лишь мимолетный эффект, не добившись, по существу своей цели — разрыва Англии с Францией.

В мае 1844 г. Николай I решает лично поехать в Англию, желая произвести впечатление на Британию своей прямоотой и честностью. Несмотря на стойкое нежелание Лондона демонстрировать сближение с Петербургом на политико-династическом уровне, император в январе 1844 г. прямо заявил британскому послу в Петербурге Блумфильду, что хотел бы посетить Лондон. Королева Виктория, хотя и была возмущена подобной бесцеремонностью, отказать не посмела. Однако и отправлять приглашение в Петербург не спешила [2, с. 71].

А. Ф. Орлов во главе немногочисленной свиты (генерал Адлерберг, князь Васильчаков, князь Радзивилл, капитан Адлерберг) сопровождает императора. Интересно, что К. В. Нессельроде в поездке не участвовал. Этот дипломатический экспромт представлял собой один из излюбленных сюрпризов Николая. О намерении российского императора нанести визит английская сторона узнала за два дня до его приезда, и известие это застало английский двор врасплох [13, с. 20]. Император со свитой неделю провели в Англии, начиная с субботы 1 июня. Николай стремился произвести максимально хорошее впечатление не только на королеву и членов правительства, но и на английскую публику [15, р. 167]. Для этого, например, он посетил национальный праздник в Аскоте — скачки, где один, оставив свиту, быстрыми шагами направился в самую середину толпы. «Что с вами? — сказал он, смеясь, возвратившись к свите. — Эти люди не причинят мне никакого зла!» [13, с. 23]. Поэтому для «серьезной дипломатии» времени было мало. Николай I и граф Орлов имели в понедельник после обеда короткий разговор с премьер-министром Р. Пилем, а вечером — несколько коротких переговоров по «восточному вопросу» с ним же,

¹ Сохранилось письмо канцлера Нессельроде от 4 марта 1840 г., где министр извещает Орлова о назначении Бруннова послом в Лондон, при этом сообщая, что император по-прежнему сохраняет за Орловым право считать «до какой степени его [Бруннова] присутствие кажется там необходимым, и в этом случае Вашему сиятельству разрешается, отправив курьера в Англию, вернуть его ad hoc...» [1, д. 1878, л. 1—1 об.].

министром иностранных дел графом Абердином и герцогом Веллингтоном, главнокомандующим английскими вооруженными силами [15, р. 168]. С Орловым английский министр иностранных дел обсуждал и вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Бельгией. Ход этих переговоров реконструировать трудно. Как и многие другие акты внешней политики Николая, они носили характер светских бесед, шли обычно с глазу на глаз и велись без соблюдения установленной дипломатической процедуры, а в большинстве случаев даже не фиксировались. Внешне все выглядело торжественно и пристойно, однако результат был отрицательным — меморандум Нессельроде, направленный им в Лондон после визита русского императора, был оставлен без официального ответа [5, с. 286—287].

Продолжением новой политики по отношению к Англии можно считать и создание комитета по торговле 1844 г., решения которого носили двойственный характер. С одной стороны, он отвечал в некоторой мере потребностям национальной экономики, с другой — новый тариф, по мысли императора, должен был способствовать сближению с Англией.

В 1844 г. внимание графа Орлова привлекла записка коммерции советника В. А. Попова «О мерах к расширению внешней торговли России», и он сделал по этому предмету доклад императору. В результате был учрежден специальный комитет под председательством А. Ф. Орлова. Записка Попова касалась вопросов внешней торговли и сводилась к защите интересов русского первостатейного купечества [8, с. 116—117]. А. Ф. Орлов, считая, что рассуждения Попова по поводу повышения судебных сборов «несовершенно основательны» из-за возможных осложнений с иностранными государствами, прежде всего с Англией, в целом признавал, что развитие внешней торговли России «не соответствует необходимо возрастающим нуждам народонаселения» (цит. по: [8, с. 117]).

После начала работы комитета окончательно оформились два подхода к тарифной политике. Часть комитета во главе с А. Ф. Орловым стояла за немедленный пересмотр тарифа, считая необходимым уравнивать законодательство России «с тем порядком, который существует в других странах». Противником Орлова выступил новый министр финансов граф Ф. П. Вронченко, который предложил вносить изменения постепенно, чтобы не вызвать «всеобщего замешательства», и предварительно войти «в дипломатические сношения с другими нациями» [12, с. 33].

Вопреки устоявшемуся в отечественной историографии мнению о поверхностности графа в делах в данном случае Орлов глубоко проработал вопрос. Известно, что, доказывая свою позицию, он предоставил комитету перевод статьи из английского «Морнинг Кроникл» (*Morning Chronicle*) по поводу финансовой реформы 1842 г. в Англии. Статья убедительно доказывала: значительное понижение пошлин с привозимых товаров вызвало сильное увеличение ввоза и потребления последних, что привело в короткое время к росту таможенного дохода. Вероятно, по просьбе Орлова министр внутренних дел Л. А. Перовский счел нужным проконсультироваться с представителями купечества, полностью подтвердившими замечание Попова об упадке, угрожавшем отпускной торговле [9, с. 230]. Английские купцы, постоянно торговавшие в Петербурге, также обратились к Орлову с просьбой отменить тариф. (Еще раньше об этом говорил канцлеру Нессельроде лорд Абердин во время пребывания министра иностран-

ных дел в Англии [12, с. 32].) Один из них, Ч. Моберли, имел с главой комитета несколько бесед, на которые он принес таблицы, иллюстрировавшие застои экспортной торговли в Петербурге. В то же время английский поверенный в делах А. Бьюкенен, пристально следивший за деятельностью комитета, обратился к Нессельроде с просьбой изменить существующий тариф. Канцлер в свою очередь предложил Англии «для начала» снизить пошлины на сало, добавив при следующей встрече, что Россия в качестве опыта собирается разрешить привоз сахара-рафинада [12, с. 32—33].

В результате длительных дискуссий в комитете возобладала точка зрения А. Ф. Орлова, были выработаны рекомендации, одобренные в апреле 1845 г. царем [8, с. 117—118]. С учетом международного положения новый тариф от 1 июня 1846 г., ставший результатом проработки тарифного вопроса в правительственных кругах, имел определенную двойственность: наряду с уменьшением пошлин на отдельные виды промышленного сырья в угоду Англии снижались импортные пошлины на некоторые изделия [12, с. 33].

Канцлер Нессельроде, как уже было сказано, не участвовал в путешествии в Англию. Не был включен он и в комитет 1844 г., где доминировали его старые оппоненты в вопросах внешней политики — А. Ф. Орлов, М. С. Меншиков и Л. А. Перовский. Поэтому уместно предположить, что в этот период Николай склонялся к точке зрения Орлова.

По донесению британского посла в Петербурге графа Дургамы, официальный глава русского МИДа канцлер Нессельроде и фаворит императора граф Орлов олицетворяли два разных подхода к решению вопроса об отношении к Британии в российском правительстве [15, р. 40]. А. Ф. Орлов воспринимал Англию как опасного потенциального соперника и был сильно озабочен продвижением британцев на внутреннем рынке России, поэтому поддерживал «запретительную» систему в духе экономического национализма. В этом смысле он и пытался повлиять на императора, изображая Англию как убежденного конкурента, если не прямого врага, с которым Николай никогда не достигнет согласия. Однако в то же время временный союз с Англией (или хотя бы видимость такого союза) Орлов считал крайне нужным, «необходимым для отдыха всей Европы», как он писал Ф. И. Бруннову [15, р. 40]. Поэтому граф полностью одобрял Лондонские договоренности 1840 г., выражая надежду, что русский посол в Лондоне изыщет способы их продлить. В этой конвенции Орлов видел возможность разорвать англо-французский союз, что давало шанс на тесное сближение России и Франции, чего он больше всего желал. Еще в 1836 г. он предсказывал войну России с Англией — войну, которая станет «смятением всей Европы» [6, № 1, с. 121]. По этому поводу Орлов имел беседу с французским послом в Петербурге Барантом, которому доказывал, что в будущей войне Франция должна стать на сторону России, так как союз Англии и Франции принесет последней «только бессмысленную войну за английские интересы». В то же время у России и Франции была реальная почва для сотрудничества [6, № 1, с. 120—121].

По-видимому, в российском правительстве идеи А. Ф. Орлова имели поддержку, так как с Барантом на эту же тему и с теми же доводами, правда более подробно, говорил министр народного просвещения граф С. С. Уваров. Министр долго доказывал неестественность союза Франции и Англии, утверждая, что он должен быть противен французскому общественному мнению,

французским традициям и вызван лишь преходящими обстоятельствами [6, № 1, с. 121]. Взгляд Орлова пользовался широкой популярностью и среди офицерства. Самый влиятельным его сторонником был генерал Антуан Жомини, главный военный советник Николая I во время русско-турецкой кампании 1828—1829 гг., выбранный в 1837 г. для обучения наследника русского престола военной науке. Жомини рассматривал Британию как «угрозу континентальному балансу сил», так как английское военно-морское превосходство «дает ей диспропорциональное преимущество». Поэтому он предлагал политику изоляции Британии от всей Европы путем союза России с Францией, который он провозглашал основой будущей русской политики [6, № 1, с. 121].

Более вышперечисленные достаточно весомые аргументы сочетались у графа Орлова с личным фактором — министра иностранных дел лорда Пальмерстона он считал своим персональным врагом. «Если бы вы знали лорда Пальмерстона, как я его знаю... — говорил Орлов барону Баранту в феврале 1836 г. — Он способен на все; это человек стремительный и самолюбивый... Кто может утверждать, что у них действительно нет желания сжечь Кронштадт, как они про это часто говорили» [6, № 1, с. 120—121]. Кроме того, Орлов не мог простить англичанину свое поражение в бельгийском вопросе.

С осени 1830 до конца 1831 г. бельгийско-голландский конфликт был одним из центральных вопросов европейской дипломатии [3, с. 489]. Правительство Луи-Филиппа, верное провозглашенной им доктрине «невмешательства» во внутренние дела других государств, оставалось совершенно чуждым бельгийской революции, но было обвинено странами Священного союза в бельгийских событиях. Поэтому в сентябре — октябре 1830 г. в Берлине при руководящем участии русского уполномоченного графа Дибича был выработан план военной интервенции в Бельгию и Францию, который предусматривал совместные действия трех монархий при поддержке войск стран Германского союза. Русский император отдал распоряжение о мобилизации войск, находившихся в Прибалтике и Польше. Вопрос о войне был решен, но начавшееся восстание в Варшаве спасло революцию [7, с. 158]. Сдерживающим фактором стало и наметившееся после июльской революции сближение между Англией и Францией — герцог Веллингтон предложил созвать конференцию для урегулирования этого вопроса.

Конференция открылась в Лондоне 4 ноября, а 16 ноября на смену кабинету Веллингтона пришел кабинет ви́га Ч. Грея, еще более резко выступившего против всякой помощи голландскому королю. Кроме того, французское правительство заявило, что оно не допустит чьей-либо интервенции против Бельгии [10, с. 202]. После этого заявления от интервенции отказалась Пруссия. Находившийся в тот период в Вене граф Орлов перед самым своим отъездом также получил отрицательный ответ австрийского императора. Ссылаясь на «географическое положение» своей монархии, последний отвечал, что может оказать голландцам только «моральную поддержку». Стремясь от всего сердца к всемерному укреплению Священного союза, этого «единственного якоря спасения, который еще остается у Европы», высказываясь за тесный союз «трех великих континентальных держав», за объединение их военных сил «и скорейшее приведение их в состояние боевой готовности», австрийская сторона оговаривалась, что этот союз при наличии стольких угрожающих пунктов не должен ввязываться в такое безнадежное дело, как вмешательство в бельгийские дела [10, с. 203].

Восьмого (двадцатого) декабря конференция представителей пяти держав признала независимость Бельгии. Четвертого июня королем Бельгии был избран ставленник Англии принц Леопольд Саксен-Кобургский. Он согласился принять условия мирного договора с Голландией, выработанные Лондонской конференцией (так называемые «18 пунктов»). Однако их отказался принять король Нидерландов Вильгельм, двинувший 2 августа свои войска против Бельгии. Бельгийская армия была разбита, но ей на помощь пришли французские войска под командованием маршала Жерара, заставившие голландцев отступить. Новые мирные условия («24 пункта») оказались более тяжелыми для Бельгии, чем первоначальные. Пятнадцатого ноября 1831 г. в Лондоне был подписан окончательный мирный трактат между пятью державами и Бельгией, утверждавший независимость Бельгийского королевства и его вечный нейтралитет и определивший границы Бельгии и Голландии. Однако король Вильгельм отказался признать и этот договор, продолжая удерживать за собой Антверпен. Французам пришлось вмешаться вторично. После месячной осады (ноябрь — декабрь 1832 г.) Антверпен был взят французскими войсками и передан Бельгии. Но Вильгельм по-прежнему не хотел признавать реальное положение вещей.

В начале 1832 г. граф Орлов отправился в Пруссию, Голландию и Англию, чтобы уладить распрю между Голландией и Бельгией, взяв с собой в качестве секретаря неизменного барона Бруннова. Миссия эта была неудачна.

После взятия Антверпена французами трем союзным кабинетам пришлось пойти на уступки и предоставить «своей судьбе короля голландского» [3, с. 489]. А. Ф. Орлов должен был заставить голландского короля Вильгельма и его министров отказаться от несбыточных иллюзий, признав независимость Бельгии и ее нового короля Леопольда. Принятие голландским королем 24 статей договора давало возможность его «братьям-монархам» со спокойной совестью ратифицировать его [18, р. 150]. Однако всегданнее обаяние графа Орлова здесь не сработало, и он, прибыв в Гаагу, был потрясен непреклонностью короля. «Я не буду приводить все доводы, которые я привел нидерландским министрам, — писал Орлов из Гааги князю Ливену в Лондон, — относительно интересов их страны и почетного выхода из тупика... Вы, конечно, не сомневаетесь, что я сделал все, чтобы разрушить иллюзии...» [1, л. 152 об.]. Предложения, привезенные Орловым, не были приняты. Имевший на этот случай особые инструкции граф, покидая город в марте 1832 г., вручил нидерландскому министру декларацию, в которой говорилось, что русский император исчерпал все средства к примирению, которые были в его власти, и не может отныне ни предложить никакой помощи, ни отвечать за результаты непонятного упрямства короля [14, с. 74].

В бельгийском вопросе окончательное слово сказала Британия: новый король Бельгии являлся близким родственником королевы Виктории. Амбиции России и лично А. Ф. Орлова, принимавшего самое живое участие в попытке восстановить свергнутую династию, были ущемлены. Леопольд Саксен-Кобургский занял бельгийский престол, а Орлов в Лондоне от имени России в начале мая 1832 г. подписал договоренности относительно Бельгии и еще больше возненавидел лорда Пальмерстона.

В следующем году графу Орлову представился случай взять реванш. Его новая миссия была связана с босфорской экспедицией русского флота. Николай I прибег к помощи Орлова для урегулирования дел на Востоке: 26 июня (8 июля)

1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор — высшая точка во влиянии России в «восточном вопросе». Это был договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией. В секретной дополнительной статье Османская империя брала обязательство при вооруженном конфликте закрыть проливы для всех военных судов иностранных держав, кроме России.

«Он упал в пыль перед султаном, — писал турецкий придворный, характеризуя деятельность Орлова. — Он был опытен в лести, возможно, в подкупе министров султана. Его тактика была вершиной дипломатического искусства» (цит. по: [17, р. 69—70]). «Никогда ни одни переговоры ни велись в Константинополе с большею тайной, ни окончены с большей быстротой», — вторил ему Ф. И. Бруннов (цит. по: [13, с. 380]).

В Лондоне и Париже русско-турецкий союз встретили в штыки. Попытка России представить этот договор как неожиданно пришедшую мысль, продиктованную обстоятельствами времени и места, а вовсе не предусмотренную инструкциями, не удалась. С легкой руки Пальмерстона начали твердить, что Орлов «под жерлами пушек вырвал у турок подпись под актом о союзе» [17, р. 69—70].

Со временем отношение графа Орлова к лорду Пальмерстону не претерпело изменений, и в письме к Бруннову в 1841 г. он вновь назвал британского министра «опасным врагом», с которым надо быть непреклонным [4, д. 1924, л. 1 об.]. Поэтому Орлов и его сторонники только ждали благоприятного случая, чтобы вбить клин между Россией и Британией. Но Николай I был более осторожен, предпочитая следовать собственной линии поведения, предполагавшей известный компромисс между советами своих главных помощников во внешнеполитических вопросах.

Столь дорого оплаченное «потепление» в отношениях с Англией долго не продержалось. Уже к началу 1850-х гг. как в Британии, так и в России сформировался отрицательный стереотип в отношении противоположной стороны. В массовом общественном сознании русских понятие «Туманный Альбион» трансформировалось в «Коварный Альбион» — страну, которая в погоне за политическими выгодами игнорирует все моральные принципы, ничем не гнушаясь [5, с. 288—292].

Можно говорить о том, что к концу правления Николая I наметился глубокий кризис внешнеполитической доктрины Российской империи. Прежние союзники — германские государства — начали тяготиться жесткой опекой партнера, новых союзников Россия привлечь не сумела, что неизбежно гарантировало проигрыш в противостоянии с европейскими государствами во время Крымской войны. В ближневосточном регионе, пережив период наивысшего влияния в середине 1830-х гг., Россия к началу 1850-х гг. практически полностью утратила свои выигрышные позиции. И в этом вина не только императора Николая I как носителя верховной власти, но и русских дипломатов, в том числе графа А. Ф. Орлова.

Список источников и литературы

1. *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 469. 1830—1835 гг. Д. 9234 (Pays-Bas. (La Haye: Goltzine, Gourieff, Orloff. Correspondance avec le Prince de Lieven)).

2. *Боханов А.Н.* Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // *Отечественная история*. 2000. №2. С. 70—86.

3. *Гизо* об императоре Николае Павловиче и его отношениях к королю Людовику Филиппу // *Русская старина*. 1880. Кн. 1. С. 488—489.

4. *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 728 (Коллекция документов Зимнего дворца). Оп. 1.

5. *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане в глазах русских. 1825—1853 гг. М., 1982.

6. *Из депеш* барона Баранта // *Русский архив*. 1896. №1. С. 120—140; №3. С. 433—448.

7. *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

8. *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968.

9. *Лодыженский К.* История русского тарифа. СПб., 1886.

10. *Молок А.И.* К истории революции 1830 г. в Бельгии // *Красный архив*. 1941. № 1. С. 199—248.

11. *Письма* императора Николая Павловича к гр. А.Х. Бенкендорфу // *Русский архив*. 1884. №1. С. 181—190.

12. *Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975.

13. *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887.

14. *Brunnov F.* Aperçu de la politique de Russie sous le règne actuel // *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853—1856. СПб., 1908. Т. 1. С. 70—146.

15. *Ingle H.N.* Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836—1844. Berkeley, 1976.

16. *Queen Victoria* in her letters and journals. L., 1984.

17. *Temperley H.* The Crimea. L., 1936.

18. *Webster C.* The foreign policy of Palmerston, 1830—1840. N.Y., 1969. Vol. 1.

Об авторе

Екатерина Николаевна Самсонова — канд. ист. наук, доц. кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, БФУ им. И. Канта (Калининград), ekaterinaziza@yandex.ru

И. А. Воробьев

Жилищные и материальные условия лондонской жизни

П. А. Кропоткина

Рассмотрены отдельные аспекты повседневной жизни семьи П. А. Кропоткина в Англии в 1870—1890-х гг., проанализированы жилищные условия русского эмигранта, его материально-финансовое положение. Раскрыт исключительный характер адаптации Кропоткина среди прочих представителей русской колонии эмигрантов.

Ключевые слова: Англия, русская эмиграция, П. А. Кропоткин, социальная адаптация, повседневная жизнь, жилищные условия.

Личность П. А. Кропоткина стоит особняком в ряду представителей российской эмигрантской колонии Лондона 1890-х гг. Английский период жизни имел особое значение и для самого Кропоткина: здесь он написал большую часть своих работ о вопросах социального устройства, а также продолжил научные изыскания. Стабильная общественно-политическая и научная деятельность была бы невозможна без необходимых для работы условий, которые Петру Алексеевичу удалось для себя создать. Представляется важным реконструировать жилищно-бытовые и материальные условия, ставшие важными слагаемыми социокультурной адаптации Кропоткина в Англии второй половины конца XIX столетия.

Ранее автором предпринималась попытка проанализировать условия жизни С. М. Степняка-Кравчинского, одного из наиболее известных представителей русской эмигрантской колонии в Лондоне: для оценки благополучности социальной обстановки районов британской столицы, в которых ему доводилось проживать, были использованы так называемые «карты бедности», опубликованные Чарльзом Буттом в последнее десятилетие XIX в. Эти «карты», будучи итогом систематизации обширного массива информации о жилищных условиях в Лондоне и социальном облике обитателей столицы, стали вершиной «эмпирической социологии» конца XIX столетия [1, с. 52—57].

К сожалению, «карты бедности» Бута дают крайне мало информации относительно жилищных условий Кропоткина, поскольку по большей части дома, которые эмигрант подбирал себе под жилье, располагались за пределами территории, рассмотренной в исследованиях английского социолога. Охватывая площадь примерно в 200 кв. км, «карты бедности» включали в себя окраины поздневикторианского Лондона, но не его предместья, тогда как именно там предпочитал селиться Кропоткин. Эта особенность сразу обращает на себя внимание исследователя, изучающего английские адреса Петра Алексеевича: русский анархист, в отличие от многих своих товарищей, чаще всего жил именно в городской черте, хотя, как будет показано ниже, имел финансовую возможность снимать квартиры гораздо ближе к центру Лондона.

Как политический эмигрант Кропоткин оказался в Англии в 1876 г. — хотя первый раз посетил эту страну еще в 1872 г. в качестве туриста. В отличие от большей части русских эмигрантов прошлого и будущего, он первоначально устроился не в Лондоне и даже не в его окрестностях. Высадившись в порту Гулле, Кропоткин отправился в Эдинбург, «поселившись в маленькой комнатке в предместье столицы Шотландии» [4, с. 372]. Лишь несколько недель спустя он перебрался в Лондон, надеясь найти в столице Англии более прибыльную работу. Однако его ждало разочарование: «Нигде жизнь эмигранта не бывает так тяжела, как в Лондоне. Когда человек обживется, найдет постоянный заработок, тогда он может даже полюбить Лондон за независимость жизни и за относительную свободу» [4, с. 373]. В 1876—1877 гг. Кропоткин к упомянутым им благам доступа не имел, поэтому в январе 1877 г. покинул Лондон и отправился в Швейцарию.

В следующий раз П. А. Кропоткин приехал в Лондон в июле 1881 г. для участия в Конгрессе анархистов. На этот раз его визит в Англию был еще более непродолжительным, и он провел в Лондоне всего несколько недель, которые потратил, в частности, на написание серии статей для «Ньюкасл кроникл». Однако

осенью того же года, после изгнания из Швейцарии, Кропоткин вновь перебрался в Англию и прожил в Лондоне некоторое время. Он поселился у своего друга в доме на «скверного вида маленькой улице в Ислингтоне» [4, с. 451—453]. В 1882 г. Кропоткин счел за лучшее покинуть шумный Лондон — он пожил какое-то время в Глазго, Аргайл (1, Argyle Terrace), периодически наведываясь в Эдинбург, а в начале августа переехал в Кемп-таун, близ Брайтона, на Эрандел-стрит (3, Arundel Street). «Мы теперь на берегу моря, на границе предместья Брайтона и полей, — делился Кропоткин впечатлениями в письме П. Л. Лаврову. — Место очень хорошее, хотя, конечно, не заменит мне Швейцарии» [2, л. 37, 39, 39 об.].

Однако окончательно Кропоткин с супругой переселились в Англию лишь в конце марта 1886 г. Первое время они жили в доме С. М. Степняка-Кравчинского, однако затем сумели найти подходящую квартиру на Альма-сквер (12, Alma Square), рядом с домом, где несколькими месяцами ранее также проживал Степняк-Кравчинский (возможно, именно он посоветовал чете поселиться в этом районе). Жизнь в шумной столице не пришлась Кропоткину по вкусу, да и снимать жилье в этой части города было накладно — на «карте бедности» Чарльза Бута дом Кропоткиных отмечен красным цветом, в таких предпочитали селиться зажиточные («well-to-do») представители среднего класса, обладавшие соответствующими финансовыми возможностями. Поэтому уже в мае 1886 г. Кропоткины подыскали «маленький и дешевый (10 sh. 6 d. в неделю)» домик на Роксборо-роуд (17, Roxborough Road), в Харроу на Холме, к северо-западу от Лондона [2, л. 55, 56 об.]. Кропоткин остался верен себе, подбирая жилье в дальних предместьях столицы. «Мы поселились в маленьком коттедже в Харро, под Лондоном, — вспоминал Кропоткин. — Меблировка нас мало заботила. Значительную часть ее мы смастерили с Чайковским... Мы с женой были также очень рады, что при доме оказался клочок земли. Хотя то была тяжелая мидлсекская глина, но мы с большим увлечением стали огородничать и получали великолепные результаты» [4, с. 462]. По-видимому, Кропоткину понравилось жить в столичном пригороде: удаленность от города вполне компенсировалась невысокой стоимостью аренды, а также «преудобным» транспортным сообщением. «Мы в 5 минутах от станции Metropolitan, которая проведена теперь до Pinner'a. Двадцать пять минут езды до Baker Street, а с Baker Street — всюду ход есть», — сообщал Пётр Алексеевич в письме Лаврову [2, л. 52]. Кропоткины во время жизни в Харроу имели собственное подспорье в виде небольшой оранжереи, в которой рос виноград, а также маленького огородика, где можно было выращивать овощи. В одном из писем Кропоткин сулил своему корреспонденту «угощение всякими продуктами собственного произрастания: даже русские огурцы будут и лондонский виноград» [2, л. 56—56 об.]. Но, конечно, такой пример ведения приусадебного хозяйства был совершенно исключительным.

Чета Кропоткиных прожила в Харроу почти шесть лет. Именно здесь в апреле 1887 г. у них родилась дочь Александра. В конце марта 1892 г., когда Саша немного подросла, супруги покинули дом по Роксборо-роуд. «Наш дом в Harrow стал необитаем», — объяснял причину переезда сам Кропоткин в письме Лаврову [2, л. 150]. На непродолжительное время супруги вернулись в центр Лондона, сняв квартиру в доме близ Альфред-плейс (7, Northern Crescent, Alfred Place). На карте Бута этот дом отмечен розовым — очевидно, что аренда квартиры обходилась супругам значительно дороже, чем во времена жизни в Харроу.

Пётр Алексеевич все эти дни работал над статьями, опубликованными затем в его рубрике в журнале «Деятнадцатый век» (*Nineteenth Century*), а также пытался подыскать новое, более подходящее жильё — непременно в предместьях. Поиски, впрочем, не увенчались успехом. «Мы долго искали чего-нибудь дешёвого в провинции, но бесплодно, и поселились здесь», — писал Кропоткин о доме № 13 по Вудхерст-роуд в Актоне (13, Woodhurst Road), который они с женой сняли в апреле. «Есть хоть какая-нибудь прогулка, и к городу ближе. От русской колонии 20—30 минут ходьбы», — перечислял преимущества новой квартиры Кропоткин [2, л. 150—150 об.]. Судя по всему, этот дом стал своего рода компромиссным вариантом для Кропоткина, остававшегося убежденным сторонником загородной жизни. В этом доме, расположенном в западном предместье Лондона, супруги благополучно прожили почти два года.

Видимо, в десятых числах ноября 1893 г. Кропоткин какое-то время гостил у одного из своих английских друзей в доме на улице Фрогнел (55, Froggnal), на северо-западной окраине Лондона — во всяком случае, накануне отъезда он указал именно этот адрес в письме Х. Р. Миллю, отметив, что «возвращается домой», на Вудхерст-роуд [8, с. 271]. Очевидно, что Пётр Алексеевич просто не мог, да и не испытывал потребности одновременно с жильем на Фудхерст-роуд снимать вторую квартиру, к тому же явно недешевую — дома по Фрогнел-стрит отмечены на «карте бедности» Бута желтым цветом, указывая на престижность района и высокую стоимость аренды. Тем не менее это несоответствие не помешало С. К. Романюку указать дом № 55 по Фрогнел-стрит в качестве «места жительства» Кропоткина — хотя представляется достаточно очевидным, что Пётр Алексеевич не проживал постоянно по этому адресу, указанному в ряде его ноябрьских писем. Ссылаясь на Романюка, британская исследовательница Сара Дж. Янг в курсе лекций о русских эмигрантах также указала, что Кропоткин «недолго прожил» в доме по Фрогнел-стрит [10, с. 158; 15].

Тем не менее в конце 1893 г. Кропоткин, по-видимому, уже занимался поиском нового дома. У Петра Алексеевича имелись определенные накопления, которые супруги решили потратить на улучшение жилищных условий. Летом 1894 г. он купил небольшой дом в Бромли, графство Кент, в 10 милях от Лондона. На первом этаже размещались кухня, столовая и комната для приема гостей. На втором этаже — спальня супругов, комната их дочери, а также кабинет Кропоткина, притом стоявший в кабинете стол был сделан Петром Алексеевичем собственноручно [9, с. 156]. Примечательно, что за домом имелся сад — в придачу к обязательному палисаднику. Этот достаточно скромный с виду коттедж, гордо именовавшийся «виллой Виола» (6, Crescent Road), пришелся Кропоткиным по душе — супруги прожили в нем тринадцать лет.

Е. А. Таратута совершенно справедливо отмечает, что «трагические трудности жизни эмигрантов не нашли своего отражения в их мемуарах. Только по письмам можно понять их повседневную жизнь» [12, с. 470]. В самом деле, в обширной переписке Петра Алексеевича освещены многие повседневные проблемы, с которыми приходилось иметь дело его семье.

У Кропоткиных почти постоянно кто-то болел. Разного рода эпидемии были частым явлением в жизни гигантского города. «Инфлюэнца», или грипп, являлась наиболее распространенным респираторным заболеванием. И даже жизнь за городом не давала полной уверенности в том, что болезнь пройдет стороной.

В редких случаях болезни принимали действительно опасный характер — как, например, весной 1886 г., когда жена Петра Алексеевича, Софья Григорьевна, перенесла тиф. «Время, конечно, было очень тяжелое, когда шла борьба между жизнью и смертью», — вспоминал Кропоткин [2, л. 52]. По его мнению, именно работа в саду дала возможность Софье Григорьевне более «укрепиться в силах, чем помогло бы пребывание в самом лучшем санатории» [4, с. 462]. Сам Пётр Алексеевич также регулярно страдал от болезней, вне зависимости от времени года. «Мое здоровье все плохо. Постоянно хвораю, просто упадком сил», — писал он в июле 1888 г. [2, л. 222]. Родившаяся как раз в это время дочь Кропоткиных Александра также не отличалась крепким здоровьем. «Захворала она у нас, бедняжка. Простудили, и на прошлой неделе у нее сделался сильный жар, тяжелое дыханье. Мы очень перепугались, и всю ночь пробыли около нее, прикладывая припарки», — так вспоминал Кропоткин о болезни, которую дочь перенесла в младенчестве [3, л. 5]. Тем не менее Александре все же удалось дожить до сознательного возраста. Будучи болезненным ребенком, она нередко становилась источником инфекции в доме Кропоткиных. «Шурочка сегодня не совсем здорова — простудилась и кашляет, так что должна сидеть в своей комнате, и Соня с нею», — писал Кропоткин в октябре 1890 г. [3, л. 13 об.]. В январе 1892 г. Кропоткин в отчаянии сообщал своему корреспонденту: «С Рождества болезни одолели. То Шурка болела, а потом и я свалился, в третий раз с инфлюэнцей, и вот уже две недели не могу поправиться» [5]. Судя по всему, Кропоткины не всегда обращались за помощью к врачам, но в исключительных случаях, когда болезнь угрожала жизни дочери, им все же приходилось искать соответствующих специалистов. Так, в июле 1892 г. у девочки «была British cholera, и она ужасно ослабла. Мы и поехали на 3 недели, к одному швейцарцу рабочему русского или, вернее, чухонского происхождения (Limentaal) и жили в его хижине, чтобы сколько-нибудь отходить от болезней. Теперь все свежее» [2, л. 147—147 об.]. «Болели много за прошедший год: у меня 3 раза была инфлюэнца, у Сони и Саши — по 2 раза», — очевидно, такое положение дел оставалось для Кропоткиных в порядке вещей на протяжении всего последнего десятилетия века [2, л. 150]. «У нас Соня все не может поправиться после инфлюэнцы — совсем плохо себя чувствует, так что я очень уговариваю ее уехать на неделю на берег моря», — жаловался Кропоткин И. В. Шкловскому в декабре 1900 г. [11, л. 1].

Кропоткин рекомендовал такие поездки к морю как универсальное средство многим своим друзьям, например Феликсу Волховскому: «Уехать бы тебе куда-нибудь — если можно, то на берег моря», — советовал он ему в июне 1900 г. [6]. Еще во второй половине 1880-х гг. Пётр Алексеевич по финансовым соображениям совершал выезды к морю один, без семьи. Так, в июле 1889 г. он гостил в Ливингтоне. «Живу растительной жизнью, у приятелей наших приятелей», — писал он Лаврову с побережья [2, л. 106]. Когда дела шли лучше, Кропоткины выбирались на курорт всей семьей — так, большую часть июня 1891 г. они провели на острове Уайт.

Надо отметить, что у моря Кропоткин далеко не всегда жил «растительной жизнью». Теоретик анархизма питал слабость к парусному спорту: «Все мореходствую на парусах, вот уже целую неделю» [2, л. 106]. Отдавая должное моде тех лет, он регулярно совершал велосипедные прогулки («Велосипед спасает.

Каждый день езжу себе, с прохладцей» [7]). Важно учесть, что даже в «золотой век велосипедов», которым стали 1890-е гг., это средство передвижения стоило достаточно дорого — от нескольких фунтов за подержанные велосипеды до 30 фунтов за новейшую модель [13, с. 96].

Подобный досуг требовал соответствующих финансовых средств. Кропоткин, безусловно, ими обладал. Одну из основных статей его доходов составляли публикации — в этом отношении Кропоткин мог поспорить с любым из русских эмигрантов, ведущим активную общественную жизнь. Пётр Алексеевич активно публиковался в журналах «Природа» (*Nature*) и «Девятнадцатый век» (в последнем он с 1892 г. был ведущим автором раздела «Современная наука»), в газетах, в том числе и «Таймс», и даже стал одним из авторов изданной в Оксфорде энциклопедии братьев Чемберс [8, с. 250—251]. Публикации позволяли совершенствовать английский язык и с каждым месяцем все более уверенно заявлять о себе перед английским обществом. Вопрос о том, насколько эффективным был такой способ заработка, остается открытым и, по-видимому, ждет своего исследователя. Судя по всему, публикации все же не приносили Кропоткину желаемого заработка, но позволяли жить в достаточно комфортных условиях. «Мы живем по-старому, — немного хуже с материальной стороны, потому что нет определенной работы, а статьями в *review* жить нельзя», — признавался Кропоткин в одном из писем, добавляя: «И вся наша колония в таком же положении» [2, л. 94].

Поэтому еще одним важным, хотя и не самым значимым источником дохода для Кропоткина стало чтение лекций. Можно привести данные о выручке, полученной от одной из его лекций в июле 1890 г.: были распроданы почти все билеты в зал на 900 мест, что принесло организаторам около 57 фунтов стерлингов, в то время как расходы составили 18 фунтов стерлингов (к сожалению, Кропоткин не указал величину своего гонорара) [2, л. 121 об.]. Всего же за 1890 г. Кропоткин, имевший много литературной работы, заработал чтением лекций 60 фунтов стерлингов, тогда как в 1889 г., когда работы было меньше, он получил гонораров на сумму 148 фунтов [2, л. 137].

Супруга П. А. Кропоткина Софья Григорьевна (урожденная Рабинович) вносила собственную лепту в пополнение семейного бюджета. В сентябре 1888 г. она читала для шести английских дам «курс из 6 уроков, по физиологии растений» — на французском, поскольку не владела в должной мере английским [2, л. 223]. В марте 1889 г. Софья Григорьевна повторила курс, добавив «микроскопические демонстрации». На сей раз курс читался на английском, и сам Пётр Алексеевич с удовлетворением отмечал, что его супругу «понимают, несмотря на бедность и, подчас, неправильность выражений» [2, л. 95]. Развивая успех, к осени 1890 г. Кропоткина подготовила уже два курса — новый, по биологии, она читала на дому, а для своих «традиционных» лекций, посвященных физиологии растений, снимала помещение в публичной библиотеке Хэмстеда — видимо, гостиная уже не могла вместить всех желающих. Судя по всему, эти доходы были неплохим подспорьем и помогали супругам изыскивать деньги на содержание подрастающей дочери, хотя еще в сентябре все того же 1890 г. Кропоткин писал в одном из писем о том, что «биться приходится бедовым образом» [2, л. 149 об.; 3, л. 15 об.]

Подробности повседневной жизни Кропоткиных помогают лучше понять, почему они предпочитали селиться в пригородах Лондона. С одной стороны,

это был в немалой степени вопрос личных предпочтений Петра Алексеевича, сторонившегося столичной суеты. Безусловно, жизнь за городом лучшим образом сказывалась на здоровье анархиста, обладавшего слабым иммунитетом, — однако неизбежные поездки в Лондон все равно приводили к частым болезням. Наконец, еще одним важным фактором являлась любовь Кропоткина и его супруги к ведению приусадебного хозяйства, что, конечно, было бы невозможно в городских условиях. Финансовый аспект, видимо, также играл важную роль. Во всяком случае, неизбежные при таком расположении жилья транспортные расходы сполна покрывались за счет более низкой арендной платы. Судя по всему, супруги считали жизнь в предместьях более безопасной для своей дочери.

Когда Кропоткиным все же приходилось снимать квартиры в Лондоне, они выбирали отнюдь не самое дешевое жилье. Согласно «карте бедности» Бута, в промаркированных розовым и красным цветом домах селились люди, достаток которых позволял нанять одного или даже двух слуг. Это косвенно указывает на финансовые возможности Кропоткина. По расчетам составителей «Бытового руководства Касселла», держать в доме одного слугу могли себе позволить люди с годовым достатком в 200—300 фунтов, двух слуг — семьи с доходом в 400 фунтов и выше [14, р. 38—39, 307]. Аренда такого жилья должна была обходиться супругам как минимум в 15—20 шиллингов еженедельно.

Важно учитывать то, что в «Бытовом руководстве Касселла» описываются примерные расходы для семей, состоящих из пяти человек — двух родителей и трех детей. Первый и единственный ребенок в семье Кропоткиных родился в апреле 1887 г., до этого же времени все денежные средства шли исключительно на нужды их двоих, а также на помощь соратникам. Доходы Кропоткиных вполне позволяли откладывать деньги, которые в конечном итоге пошли на покупку коттеджа в Бромли в 1894 г.

Будучи, безусловно, одним из наиболее материально обеспеченных членов эмигрантской колонии, Кропоткин в каком-то смысле был человеком крайностей. Так, Пётр Алексеевич мог позволить себе купить велосипед или отправиться на морской курорт со всей семьей, но в то же время обставить дом самодельной мебелью, а гостям подать за обедом овощи, выращенные на придомовом участке. Эти детали подчеркивают сложность личности Кропоткина, под очарование которой подпали многие современники «князя-анархиста».

Являясь общепризнанным теоретиком анархизма, а также именитым ученым, Кропоткин привлекал к себе интерес просвещенной английской публики, прославив своего рода живой «достопримечательностью» русской эмигрантской колонии, особенно после гибели Степняка-Кравчинского. Однако, в отличие от последнего, Кропоткин не стремился демонстрировать англичанам свой внешний достаток и благополучность, проявлял известную независимость и в других вопросах. И если модель социокультурной адаптации Степняка-Кравчинского можно назвать в какой-то степени эталонной (и потому единичной), то опыт адаптации Петра Алексеевича, при всей своей схожести, демонстрирует ряд ярких отличий, придающих ему уникальность. Таким образом, Кропоткин не может быть назван «типичным» представителем колонии. Однако именно его опыт, зафиксированный в том числе и в источниках личного происхождения — письмах, позволяет расширить представление о формировании и содержании русского эмигрантского быта и досуга в Лондоне последних десятилетий XIX столетия.

Список источников и литературы

1. Воробьев И.А., Сергеев В.В. Лондонские адреса С.М. Степняка-Кравчинского на «карте бедности» Чарльза Бута // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Сер. История. 2014. № 2 (14). С. 52—57.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245.
3. ГА РФ. Ф. 6753. Оп. 1. Ед. хр. 9.
4. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
5. Кропоткин — Атабекяну. 22 января 1892. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters89.htm> (здесь и далее дата обращения: 30.09.2015).
6. Кропоткин — Волховскому, 27 июля 1903. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm>
7. Кропоткин — Волховскому, 8 июня 1900. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm>
8. Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002.
9. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.
10. Романюк С.К. Русский Лондон. М., 2009.
11. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1390. Оп. 1. Ед. хр. 36.
12. Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973.
13. Ходнев А.С. Изобретая велосипед: культурные практики, репрезентации и конструирование идентичности в конце XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, №4. С. 94—97.
14. Cassell's Household Guide to Every Department of Practical Life. L., 1881.
15. Young S. J. Lenin in London: A Reply to Helen Rappaport. URL: <http://sarahjyoung.com/site/2011/02/27/lenin-in-london-a-reply-to-helen-rappaport/>

Об авторе

Илья Аркадьевич Воробьев — выпускник аспирантуры кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), sparoff@mail.ru

А. Б. Волкова

Оккупация Египта: за и против

(по материалам дебатов в британском парламенте в 1882 году)

Охарактеризованы дебаты в британском парламенте с мая по июль 1882 г. относительно политики Великобритании по отношению к Египту в общем и Суэцкому кризису в частности. В 1882 г. разразился «египетский кризис», вызванный беспорядками в османских владениях и приведший к англо-египетской войне и фактической оккупации зоны Суэцкого канала. Мнения парламентариев изначально разделились по вопросу о способах воздействия на Египет, что в дальнейшем привело к критике действующего либерального правительства, избравшего путь военных действий. При этом его политикой были недовольны как консерваторы, так и сами либералы.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, внешняя политика, Суэцкий канал, Египет, У. Гладстон, лорд Грэнвилл.

Оккупация Египта или, как ее нейтрально называют в некоторых источниках, англо-египетская война началась 11 июля 1882 г. с обстрела Александрии британской эскадрой. Активные обсуждения относительно возможных военных действий в отношении Египта начались в английском парламенте еще в мае того же года в связи с прибытием к берегам Александрии объединенных военно-морских сил Великобритании и Франции. Они там оказались вследствие серии восстаний в Египте и прихода к власти полковника Ахмета Араби [3].

Одиннадцатого июня 1882 г. Александрию вновь охватили волнения, направленные против иностранцев. Было убито около 50 подданных различных европейских держав. В конце месяца французские корабли получили приказ покинуть Александрию. Одиннадцатого июля в 7 часов утра началась бомбардировка английскими кораблями укреплений и самого города, а 12 июля последовала высадка десанта. К сентябрю 1882 г. весь Египет был оккупирован Англией. Нападение на Александрию британское правительство назвало «актом законной самообороны» [7], а в день высадки десанта премьер-министр Уильям Гладстон заявил в парламенте, что Великобритания ни с кем не находится в состоянии войны [8].

Несмотря на то что практически ни одно заседание Палаты общин в мае — июле 1882 г. не обходилось без обсуждения египетского вопроса, диапазон дискуссий был весьма ограничен. Во-первых, в источниках отражен тот факт, что либеральное правительство Ее Величества долгое время скрывало от парламента дипломатическую переписку и не выносило на обсуждение свои решения или возможные действия в отношении Александрии. Во-вторых, самые активные участники дебатов — премьер-министр Великобритании Уильям Гладстон, министр иностранных дел Грэнвилл и его заместитель в парламенте Чарльз Дилк — выступали то за применение военной силы, то против этого. Так, например, 15 мая лорд Грэнвилл выразил «надежду», что мир и порядок в Египте могут быть восстановлены без применения силы [9]. Спустя неделю Дилк подтвердил подобные ожидания, а также добавил, что флот был отправлен в Александрию лишь для защиты жизни и собственности [10]. При этом не уточнялось, чьи конкретно жизнь и собственность должны были быть защищены — египтян или британских подданных, проживавших в Египте.

Анализ высказываний английских парламентариев по египетскому вопросу показывает, что на начальной стадии дебатов большая часть депутатов выступала за мирное решение вопроса. Двадцать шестого мая либерал У. Лоусон высказал мнение о том, что для Англии самой лучшей позицией было бы продолжение политики невмешательства. Он обвинил правительство в сокрытии документов по Египту [11]. В ходе дебатов отмечалось, что война нежелательна по причине возможной угрозы для Индии, так как в случае неудачных боевых действий Суэцкий канал как кратчайший путь от Британских островов к «жемчужине империи» мог быть перекрыт египетской стороной.

По мере эскалации напряженности вокруг Египта представители Консервативной партии начали склоняться в пользу военных действий. Барон Генри

де Вормс выступил с критикой «миролюбивого» поведения правительства. Он назвал создавшееся положение унижительным для Англии, которая не приняла мер по защите собственных подданных. О том же говорил член партии консерваторов Генри Чаплин. Граф У. Онслоу открыто призывал к «физическим демонстрациям» в Египте, которые должны показать всей Европе силу Великобритании и ее особые интересы в регионе [12]. Александр Бейли-Кокрейн подчеркивал, что нужно не просто действовать, а действовать активно и, что особенно важно, независимо от других стран (имелась в виду, конечно, Франция), а также необходимо принять меры по защите Суэцкого канала [13].

В связи с бомбардировкой и оккупацией Александрии в Палате общин поднялась волна протеста со стороны либералов. Эдвард Гурли, член Либеральной партии и судовладелец, отметил, что французские корабли были выведены из бухты и избежали бомбардировки фортов, в отличие от британских, и что Правительство должно было прислушаться к мнению парламента, прежде чем идти на крайние меры. Сэр Уилфрид Лоусон заявил, что, несмотря на то что де-юре не было объявления войны, де-факто Великобритания находится в состоянии войны с Египтом и что ответственность за это целиком и полностью лежит на британском правительстве. Также он призвал к скорейшему пересмотру позиции в отношении Египта и проведению политики «в соответствии со здравым смыслом» и человечностью, т.е. к отказу от военных действий [14]. Сходной точки зрения придерживался и Питер Руланд. Он не просто отмечал факт неоправданного насилия, но обвинил правительство в политической безнравственности, которая может привести к серьезным политическим последствиям и угрозе миру во всем мире. Еще один либерал, сэр Роберт Рид, заявил, что Великобритания не может выступать в качестве проповедника мира и отказа от насилия, если сама к нему прибегает. Генри Ричард, имевший серьезный военный опыт, выступил с протестом по поводу военных действий в Александрии, подчеркнув, что если это не было актом войны, то это было не чем иным, как убийством. В ходе дебатов под сводами парламента зазвучало слово «оккупация». Первым, кто его использовал, был сэр Эллис Эшмид-Бартлетт [15].

Если обратиться к статистике, то оказывается, что с середины февраля (когда парламент вышел с каникул) по середину мая прошло 20 заседаний по вопросам, так или иначе касавшимся Египта. А уже с середины мая по середину июля — около 130 заседаний по египетскому вопросу. Значительный рост внимания к региону объясняется назревавшим там кризисом.

Об этом же факте говорят пометки (названия документов), применяемые к самим дебатам. Если до середины мая обсуждения сводились к финансовым аспектам, то начиная с момента прибытия эскадры к берегам Александрии в документах появилась пометка «политические вопросы», которая к середине июня трансформировалась в пометку «политический кризис». В этот же период началось обсуждение парламентариями проблем безопасности Суэцкого канала и Индии, а также Константинопольской конференции, направленной на разрешение египетского кризиса. С 10 июля дебаты получили пометку «военные действия», несмотря на то что фактическое признание правительством состояния войны с Египтом произошло лишь спустя неделю.

На протяжении всего кризисного периода правительство занимало по отношению к парламентам достаточно закрытую позицию. Прямые вопросы де-

путатов зачастую игнорировались, а если ответы и давались, то весьма расплывчатые, не содержавшие никакой фактической информации. К тому же представители правительства неоднократно призывали обе палаты воздержаться от каких-либо дебатов или дискуссий касательно мер, принимаемых Великобританией в отношении Египта.

Несмотря на все препоны, в парламенте шли активные обсуждения египетского вопроса. Что примечательно, действия правительства и британских дипломатов в Османской империи осуждали и консерваторы, и даже часть либералов. Консерваторы обвиняли власти в излишней медлительности и нерешительности. Либералы же, напротив, осуждали собственное правительство за жесткие меры по отношению к Египту, которые привели к обострению кризиса. Что касается лидера консервативной оппозиции, бывшего канцлера казначейства Стаффорда Норткота, то он был крайне осторожен и лоялен в высказываниях по отношению к правящему кабинету. Этот факт можно объяснить тем, что в адрес политики предыдущего правительства парламентариями было высказано не меньше, а порой даже больше критики, чем в адрес действующего.

По большому счету, несмотря на значительное внимание парламента к египетскому вопросу, мнение депутатов по нему осталось лишь мнением, серьезно не повлиявшим на ход событий. Действия правительства вкупе с некоторыми его более поздними просчетами привели к отставке кабинета У. Гладстона в 1885 г.

Список источников и литературы

1. *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
2. *Гелла Т.Н.* Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — начале XX вв. Орёл, 2009.
3. *Потемкин В.П.* История дипломатии. Т. 2. URL: http://www.diphis.ru/anglo_fran cuzskiy_finansoviy_kontrol_v_egipte-a322.html (здесь и далее дата обращения: 08.02.2016).
4. *Dacey E.* England and Egypt. L., 1881.
5. *Gladstone W.E., Granville L.-G.* The political correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville / ed. by A. Ramm. Oxford, 1962. Vol. 1.
6. *Harrison F.* The crisis in Egypt : A letter to Mr. Gladstone. L., 1882.
7. *Parliamentary Debates, House of Lords Debate.* Vol. 271. Col. 1881. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jul/10>
8. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate.* Vol. 272. Col. 162—98162. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jul/12>
9. *Parliamentary Debates, House of Lords Debate.* Vol. 269. Col. 647—53647. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/may/15>
10. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate.* Vol. 269. Col. 1404—51404. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/may/23>
11. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate.* Vol. 269. Col. 1711—321711. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/may/26>
12. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate.* Vol. 270. Col. 1127—731127. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/14>
13. *Parliamentary Debates, House of Lords Debate.* Vol. 270. Col. 1550—41550. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/19>
14. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate.* Vol. 272. Col. 162—98162. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jul/12>

15. *Parliamentary Debates, House of Commons Debate. Vol. 272. Col. 1332—51332. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1882/jul/22/egypt-present-state-of-affairs-alleged>*

16. *Munro W.B. The Neutralization of the Suez Canal // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1901. Vol. 17. P. 409—430.*

17. *Wallace D. M. England and Egypt question / by D. Mackenzie Wallace. L., 1883.*

Об авторе

Александра Борисовна Волкова — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), aleksor3913@mail.ru

И. В. Литвиненко

Соглашения 1908 года по сохранению *status quo* в Балтийском и Северном морях и позиция Великобритании

Рассмотрен один из элементов англо-германского соперничества накануне Первой мировой войны — стратегическая борьба за влияние в Балтийском и Северном морях. Кратко проанализированы события международного характера, повлиявшие на необходимость заключения апрельских соглашений 1908 г., рассмотрены мотивы Великобритании, обусловившие их некоторые особенности.

Ключевые слова: Балтийский вопрос, *status quo*, Петербургская декларация, Берлинская декларация, Эдвард Грей, Вильгельм II, Эдуард VII, англо-германский антагонизм, Кильский канал.

Балтийское и Северное моря — стратегически важные участки Мирового океана, за контроль над которыми из соображений как коммерческой выгоды, так и военно-политического доминирования издавна боролись европейские государства. Мощный военно-морской флот был одним из главных условий обладания статусом «великой державы» и помогал разным странам воздействовать на решение ключевых международных вопросов в свою пользу, в том числе и в ходе борьбы за влияние на чужих прибрежных территориях. Великобритания, имея непосредственный выход в Северное море, традиционно отставала возможности особого положения на Балтике. Анализ исторических событий, происходивших в данном регионе, показал, что наличие там прочных позиций у какого-либо государства также становилось серьезным фактором его действия на международной арене в целом [2]. В предшествовавший началу Первой мировой войны период так называемого англо-германского антагонизма и Великобритания, и Германская империя боролись если не за союзничество, то, по крайней мере, за нейтралитет государств, чьи территории находились на побережье Северного и Балтийского морей, для беспрепятственного перемещения в этих водах в случае военных действий.

Двадцать третьего апреля 1908 г. в Санкт-Петербурге и Берлине были заключены два соглашения между двумя группами государств. Балтийское соглаше-

ние (в отечественной истории дипломатии оно часто фигурирует под названием «Петербургская декларация») [1, с. 400—401] было подписано Россией, Германией, Данией и Швецией. Соглашение по Северному морю (или Берлинская декларация) [6] объединило Германию, Великобританию, Францию, Данию, Швецию и Голландию. Подписавшие соглашения страны брали на себя обязательства по сохранению территориальной неприкосновенности договаривающихся сторон в бассейнах Балтийского и Северного морей.

Декларации 1908 г. были непосредственно связаны с событиями полувекковой давности. В 1855 г. шведско-норвежский король Оскар I подписал с Великобританией и Францией так называемый «Ноябрьский трактат», по которому Соединенные королевства Швеции и Норвегии в случае посягательств России попадали под защиту западных держав [11, р. 158], а затем по Конвенции, подписанной британскими, французскими и российскими представителями в рамках Парижского трактата 1856 г., Аландские острова приобрели статус демилитаризованных [1, с. 40—41], что, безусловно, не устраивало Россию. С тех пор Россия всегда желала оспорить это положение, но до начала XX столетия не представлялось удобного случая, и поэтому Балтийский вопрос пребывал в некотором забвении.

Великобритания особо не нуждалась в присоединении к договоренностям 23 апреля 1908 г., и министр иностранных дел Эдвард Грей, скорее, отталкивался от обратного, рассуждая, что страна потеряет, если не будет в них участвовать. Главная проблема состояла в уже серьезно обострившихся к этому времени отношениях с Германией и в сфере колониальной, торговой, и прежде всего в военно-морской.

Своеобразной точкой отсчета нового витка борьбы за стратегическое преимущество на Балтике можно считать открытие в 1895 г. Кильского канала (или Канала Кайзера Вильгельма), не только ставшего символом грандиозных технических возможностей немецкой нации и сулившего неоспоримые коммерческие преимущества, но и позволявшего германскому военному флоту гораздо быстрее, чем раньше, и в полной безопасности курсировать между Балтийским и Северным морями. На торжественной церемонии открытия, собравшей европейскую знать и политическую элиту, Вильгельм II произнес проникновенную речь, акцентировав внимание на том, что вся собранная в Кильской гавани военно-морская мощь служит символом мира и результатом общей работы европейцев в рамках их цивилизаторской деятельности [16, р. 4]. В 1895 г., когда напряженность англо-германских отношений была сосредоточена преимущественно в рамках колониальных вопросов, некоторые прозорливые британцы, безусловно, делали выводы о серьезном военно-стратегическом значении этой водной артерии¹, но угроза в данном направлении еще не казалась реальной. Во всяком случае, английские премьер-министры Арчибальд Розбери,

¹ Автор статьи, посвященной открытию канала, так определил его значение для континента в будущем: «Он повлияет на отношения всех северных государств в Северном и Балтийском морях и будет равносителен обширной географической трансформации морских границ Северной Европы. Тихое, не привлекающее внимания выполнение подобных работ зачастую имеет большее влияние на последующую историю, чем самые громкие победы» [13, р. 5].

за два дня до ухода в отставку которого был торжественно открыт канал, и занявший вслед за ним пост Роберт Солсбери первостепенно важной считали «драку за Африку» [5, р. 703] и не придавали происходящему большого значения. Но всего через десять лет британские представители смогли лично² убедиться в том, что мощные темпы развития кайзеровского флота, а также расширение и углубление канала для возможности прохода по нему кораблей типа «Дредноут» не оставляют сомнений в опасности подобной активной деятельности на Балтике. Безусловно, определенную роль тут играло и Адмиралтейство, нагнетающее обстановку для увеличения финансирования правительством своих программ [3, с. 254], что в свою очередь влияло и на состояние общественности, с тревогой следившей за публиковавшейся в прессе статистикой увеличения британского и германского флотов.

Получение Норвегией независимости в 1905 г. также стало значительным фактором, повлиявшим на активизацию деятельности Германии, Великобритании и России в бассейнах Балтийского и Северного морей, а находившиеся на их берегах малые государства оказались втянутыми в орбиту геополитического соперничества и прогностических расчетов «больших братьев». Сначала 2 ноября 1907 г. был подписан договор, который обязывал Великобританию, Германию, Францию и Россию соблюдать территориальную неприкосновенность Норвегии [1, с. 397—399]. Затем настал логический черед получить международные гарантии своей неприкосновенности для второго участника Скандинавской унии — Швеции. Но тут переговоры между Швецией, Германией и Россией были осложнены вопросом статуса Аландских островов. Швеция, в отличие от Германии, отказывалась согласиться на восстановление полноты российских прав на данную территорию. Против этого была и Великобритания, ревностно следившая за всеми переговорными процессами. Позднее Эдвард Грей в мемуарах охарактеризовал обстановку, царившую в те годы, как крайне гнетущую, так как люди и правительства испытывали по отношению друг к другу недоверие, поток следовавших друг за другом инцидентов во взаимоотношениях лишь изредка перемежались короткими периодами спокойствия [8, р. 143]. И в данном случае, как представляется, он не имел в виду исключительно англо-германские отношения. Его беспокоила и позиция союзников по Антанте — России и Франции, а также Дании и Швеции, усиленно «обрабатываемых» Германией в отношении потенциального военно-политического сотрудничества. Швеция была в тот момент особенно уязвима ввиду ее ослабления после распада унии с Норвегией. Опасными Грью представлялись переговоры Германии и России, осенью 1907 г. осознавших

² Альфред фон Тирпиц, реформатор германского флота, вспоминал, что, несмотря на его протест, в 1904 г. кайзер Вильгельм II не удержался и похвастался королю Эдуарду VII на Кильском смотре всеми достижениями в военно-морском деле, после чего вскоре и началась знаменитая «гонка дредноутов» [4, с. 184]. В Германии руководство быстро осознало, что в Англии произошел очередной скачок напряженности в их отношении, поэтому уже осенью на страницах британских газет были опубликованы выдержки интервью, данного Бюловом английскому журналисту. В нем немецкий канцлер, как бы оправдываясь, заверял общественность в отсутствии каких-либо враждебных помыслов Германии в отношении Туманного Альбиона [7, р.2]. Но на самом деле военно-морское ведомство Германии лишь ускорило работу по принятию новой флотской новеллы.

«наличие полной общности интересов в области Балтийского моря» и подписавших секретный протокол по Балтийскому вопросу [1, с. 395—396]. Посол Германии в Лондоне Вольф Меттерних уведомил Грея о проходивших переговорах с Россией, но о факте подписания соглашения на тот момент умолчал. Но даже этого было достаточно, чтобы Великобритания включилась в процесс обсуждения соглашения по Балтийскому морю. А в ходе обсуждения деталей Балтийского *status quo* Греем и Меттернихом у Германии возникло предложение к Великобритании создать аналогичное соглашение в отношении Северного моря.

В секретном меморандуме для кабинета министров от 16 января 1908 г. Эдвард Грей так обозначил предпочтительную в сложившейся ситуации позицию: отказаться от присоединения к соглашению нельзя, так как, во-первых, это может быть истолковано как желание нарушить *status quo*, а во-вторых, даже как нежелание присоединиться к соглашению, участником которого является Германия [10]. Зарубежные исследователи британской внешней политики делают справедливые выводы, что подобная двойственная политика Великобритании в отношении Германии имела комплексное происхождение и была обусловлена не только внешними, но и внутренними причинами: сложностями взаимодействия правительства с однозначно воинственно настроенным Адмиралтейством, разногласиями внутри самого кабинета министров [9; 12, р. 59—60]. Немалое значение имели и настроения общественности, принимавшие серьезную антигерманскую направленность из-за планов рейха принять следующую флотскую новеллу. Поэтому присоединение к соглашению по Северному морю было своего рода компромиссом для всех задействованных лиц.

Задачей Грея было максимально подстраховаться при подписании соглашения. Поэтому, во-первых, для того, чтобы английское правительство было свободно в своих действиях в случае нарушения Декларации, он предложил настаивать на нейтральной ни к чему не обязывающей формулировке «уважать» *status quo* взамен «сохранять». Во-вторых, для Великобритании, традиционно отстаивающей принцип открытости морей и проходов к ним, было важно, чтобы одно соглашение было подписано сразу в отношении обоих морей, тем самым не осталось бы «пробела», не охваченных водных артерий между ними. Но осуществить это не удалось из-за несогласия Германии. В-третьих, он стал убеждать германского представителя в необходимости участия в соглашении еще одной страны — Франции. И даже попытался обосновать, что Франция вполне попадает под необходимый критерий владения территорией на побережье Северного моря [17]. Вероятно, Грью очень хотелось, чтобы участники Антанты впервые предстали вместе в рамках какого-либо политического соглашения для укрепления имиджа их союза³. Это также пошло на пользу взаимоотношениям Великобритании с Францией, поскольку для последней тоже было политически выгодным участие с сильным партнером в одном проекте. В-четвертых, британским представителям предстояло убедить Россию не оспаривать демилитаризованный статус Аландских островов, с чем, правда, абсолютно были не согласны в Адмиралтействе. И хотя в ходе переговоров Эдвард Грей

³ Автор заметки, посвященной соглашениям от 24 апреля 1908 г., писал о прозорливости короля Эдуарда VII и его министров, буквально установивших отныне моду на Антанту благодаря участию Франции в подписании данных деклараций [15, р. 6].

неоднократно советовался с лордом Эдвардом Твидмаутом по поводу позиции Адмиралтейства в отношении Балтийского соглашения и Аландских островов и мнение военных представителей ему было известно, все равно в итоге он поступил по-своему. Джон Фишер, первый морской лорд, в одном из мартовских писем Эдуарду VII раздраженно отзывался о предпринимаемых дипломатами ошибочных «полумерах», и аргументы его были вполне объективны: «Для морской войны против Германии нам нужна в союзники Россия, а Аландские острова должны быть укреплены. Германия уже заполучила себе Швецию, и в случае войны с Россией и Англией они поделят между собой Данию (в случае, если мы промедлим) и закроют Балтику так же быстро, как султан закроем Черное море через Дарданеллы» [9, р. 113]. И наконец, в-пятых, Грей считал, что едва ли не единственным мотивом, побудившим Германию предложить заключение данных соглашений, было желание доказать международному сообществу, что она не находится в изоляции [8, р. 149], и он готов был подыграть ей.

По мнению одного из авторитетных исследователей англо-германских отношений конца XIX — начала XX в. Дэвида Свита, соглашения по Балтийскому и Северному морям отнюдь не положили конец противоборству Великобритании и Германии в указанных регионах [14, р. 477]. Это, безусловно, справедливо: впереди еще были события Первой мировой. Но необходимо отметить и некоторое их объективное и даже положительное значение как для обоих антагонистов, так и международной обстановки.

1. Апрельские декларации 1908 г. логически завершали ранее подписанные соглашения относительно политики в регионе Балтийского и Северных морей (протокол 1907 г. между Россией и Германией по Балтийскому вопросу и договор 1907 г. о территориальной неприкосновенности Норвегии).

2. Эти соглашения косвенным образом улучшали взаимоотношения Великобритании с Францией.

3. Соглашения помогали создать иллюзию «здоровых» отношений между Германией, участниками Антанты и не входившими в союзнические блоки странами, тем самым снимая опасения Германии остаться в изоляции.

4. Их подписание пошло на пользу международной обстановке в целом ввиду эффекта снятия напряжения в отношениях противоборствующих блоков. Количество кризисных ситуаций, преодоленных на тот момент, приближалось к критическому, очередная могла привести к военным действиям, к которым ни Великобритания, ни Германия еще не были готовы.

Список источников и литературы

1. *Сборник договоров России с другими государствами*. М., 1952.
2. *Сергеев В.В.* Регион Балтийского моря в международных отношениях XVIII — начала XX в.: регион конфронтации или сотрудничества? // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 10—11 октября 2003 г. Калининград, 2004. С. 9—17.
3. *Синегубов С.Н.* Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900—1914 гг. Тюмень, 2009.
4. *Тирниц А.* Воспоминания. М., 2014.
5. *Africana: The Encyclopedia of the African and African American Experience* : in 5 vol. / ed. by A. Appiah, H.L. Gates. N. Y., 2005. Vol. 4.

6. *Declaration and Memorandum between The United Kingdom, Denmark, France, Germany, The Netherlands, and Sweden concerning the maintenance of the status quo in the territories bordering upon the Northern Sea* // Treaty Series. L., 1908. №23. P. 848—853.

7. *Germany and England: interview with imperial chancellor* // Derby Daily Telegraph. 1904. Nov. 29.

8. *Grey E.* Twenty-five years, 1892—1916 : in 2 vol. L., 1925. Vol. 1.

9. *Grimes S.T.* Strategy and war planning in the British Navy, 1887—1918. Woodbridge, UK, 2012. P. 107—114.

10. *Memorandum respecting the maintenance of the status quo in the Baltic* (by Edward Grey, 16.01.1908) // British Cabinet Papers. 1908. Cab. 37. Vol. 91, № 4.

11. *Orfield L.B.* The Growth of Scandinavian Law. Philadelphia, 1953.

12. *Otte T.G.* Grey Ambassador: The dreadnought and British Foreign Policy // The Dreadnought and the Edwardian Age / ed. by R. Blyth, A. Lambert, J. Rüger. Farnham, 2011. P. 51—78.

13. *Political and General* // The Bedfordshire Times and Independent. 1895. March 23.

14. *Sweet D.W.* The Baltic in British diplomacy before the First World War // The Historical Journal. 1970. Vol. 13, № 3. P. 451—490.

15. *The Manchester Courier*. 1908. April 24.

16. *The North Sea Canal Fetes* // Edinburgh evening news. 1895. June 20.

17. *Very confidential* (by Edward Grey, 9.12.1908) // British Cabinet Papers. 1908. Cab. 37. Vol. 91, №4. № 372.

Об авторе

Ирина Владимировна Литвиненко — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), irina_litvinenko@inbox.ru

А. Д. Чумаков

Джавахарлал Неру о колониальной политике Англии в Индии

Проанализированы оценки колониальной политики Великобритании в Индии, данные Джавахарлалом Неру. Показано понимание индийским политиком противоречивого характера отношений между двумя странами, выявлено его стремление соединить антиколониальную традицию и иностранный опыт в движении к независимости.

Ключевые слова: Великобритания, Индия, Дж. Неру.

Быстрое, несмотря на сложные социально-демографические проблемы, развитие Индии в последние десятилетия и превращение страны в один из влиятельных «центров сил» в Азии обострили интерес к историческому опыту отношений страны с западным миром, особенно с бывшей метрополией. Роль европейцев и англичан в историческом пути Индии осмысливается по-разному в общественном сознании, практической политике, научном сообществе. Так, в последнее время активно обсуждается точка зрения известного индийского деятеля и ученого Шаши Тхарура, который обвиняет Англию в систематическом

ограблении Индии в колониальный период. По его мнению, индийский народ финансировал Великобританию в течение 200 лет, в результате чего доля Индии в мировой экономике снизилась с 23 (XVIII в.) до 4% ко времени ухода Англии из Индии [4, с. 1, 6]. Тхарур потребовал от Лондона, выступая в дискуссионном клубе «Союз Оксфорда», извинений и выплаты репараций. Естественно, данное заявление вызвало ожесточенные споры. В этом плане интересно посмотреть глазами отцов-основателей современной независимой Индии на проблему отношений Индии с Западом, и прежде всего Англией. И здесь фигурой первой величины является Джавахарлал Неру, известный политик, занимавший пост первого премьер-министра и министра иностранных дел независимой Индии в 1947—1964 гг. Кроме того, Дж. Неру известен и как исследователь, публицист, неоднократно затрагивавший проблему отношений Англии с Индией.

Дж. Неру довольно рано проявил интерес к роли Запада и, конечно, метрополии в судьбе Индии. Этому способствовали и взгляды отца, известного адвоката и деятеля Индийского национального конгресса Мотилала Неру, и европейское гуманитарно-юридическое образование, полученное Джавахарлалом в Харроу и Кембридже.

Дж. Неру имел неплохое представление об английской исторической и философской мысли того периода, интересовался фабианским социализмом, слушал выступления Б. Шоу, симпатизировал радикальным идеям публициста Уильяма Морриса, критиковавшего язвы британского промышленного капитализма Викторианской эпохи. Европейское образование, несомненно, расширило представление Неру о метрополии. Уже тогда он испытывал смешанные чувства в отношении колониальной хозяйки Индии. Известный биограф Дж. Неру Сарвепалли Гопал так пишет о нем в тот период: «Он возвратился в Индию с развитым умом и воображением. Кроме того, он привез с собой чувство привязанности к Англии и ценностям, которые считал английскими, и это чувство сохранилось навсегда. Они сформировали его мировоззрение, поддерживали в борьбе, влияли на его политику, когда он находился у власти. На протяжении всей его жизни Англия оставалась для Джавахарлала страной, с которой его многое связывало как личность» [1, с. 24]. Позже Неру пояснит, что он особенно ценил интерес англичан к новому, их патриотизм, считал это проявлением духа свободных народов.

В Индии Неру-младший активно погружается в колониальные реалии, становится известным деятелем Индийского национального конгресса. Но это не мешает ему активно осмысливать роль Англии в судьбе Индии, о чем он позже напишет в «Открытии Индии» и, особенно, в знаменитых письмах дочери, Индире, во время тюремного заключения (октябрь 1930 — август 1933 г.), позднее объединенных в дважды изданном на русском языке трехтомнике писем к Индире Ганди «Взгляд на всемирную историю». Несмотря на популярность изложения, Неру пытается осмыслить отношения Индии и Англии, бывшей на то время ведущей державой западного мира, с позиции просветителя-гуманиста и политического практика, имевшего определенный опыт контактов с представителями британской колониальной элиты, которая активно применяла в своей деятельности принцип «разделяй и властвуй».

Неру постигает исторический путь Индии в рамках сложного диалога с Западом. Он пишет: «Индия у меня в крови, и многое в ней меня глубоко волно-

вало. И все же я подходил к ней как чужеземный критик, полный отвращения к настоящему и ко многим пережиткам прошлого, которые я наблюдал. Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружелюбно расположенный» [2, с. 47].

Такой взгляд позволил Неру избежать крайностей в характеристике политики Англии в Индии, не идеализировать индийскую историю, попытаться извлечь уроки из сложных отношений метрополии и колонии.

Дж. Неру подробно рассматривает основные вехи индийской истории в Древности и Средневековье. При всем уважении к опыту Европы мыслитель не характеризует свою историю как застывшую, «ущербную», по сравнению с английской и западной в целом. Но он подчеркивает, что Индия, несмотря на высокий уровень традиционной культуры, не знала капитализма, промышленной революции, успехов светской науки. Традиционная индийская элита не смогла сохранить единство империи, проявить гибкость, свойственную падишаху Акбару в решении религиозных и политических проблем. В результате «Империя Моголов пала, так же как почти все империи, из-за своей внутренней слабости» [3, т. 2, с. 67]. Неру видит причины распада Индии и прихода «людей в шляпах», как называли жители Индостана европейцев, преимущественно во внутренних факторах. Отсюда — закономерное подчинение территорий бывшей Могольской империи английской Ост-Индской компании, начиная с битвы при Плесси в соперничестве с Францией. Англичане постепенно завоевывали Индию, объединяя ее. Дж. Неру не отрицает того, что британцы прекратили междоусобицы, интегрировав страну под своей властью. В связи с этим он высказывает интересное замечание: «Они (англичане) ускорили гибель феодального порядка в Индии; однако сами, как мы увидим дальше, странным образом пытались сохранить его внешние формы и тем самым воздвигали препятствия на пути Индии к новому строю» [3, т. 2, с. 185]. Мысль верная. Достаточно вспомнить о земельно-налоговых системах англичан в колониальной Индии, использовании административно-политической системы бывшей Могольской Индии, управлении страной от имени Моголов. Естественно, английская экспансия порождала сопротивление традиционного общества. И здесь Неру далек от идеализации сторон, характеризуя восстание 1857—1858 гг.: «Если поведение Нана Сахиба было варварским и вероломным, то многие английские офицеры во сто крат превзошли его в этом» [3, т. 2, с. 187].

Так или иначе, Индия втягивалась в мировой экономический оборот. Англичане вынуждены были развивать инфраструктуру, строить промышленные предприятия, стимулировать развитие буржуазных отношений в деревне. Неру высказывал предположение, что при естественном прогрессе в способе производства без всякого вмешательства извне в Индии рано или поздно могла появиться машинная промышленность, так как были железо и уголь. Но история распорядилась иначе: капитализм в Индии стал возможен только с приходом британцев. Именно в это время стало складываться национальное предпринимательство, закладывались основы новой социальной стратификации, формировался пока еще крайне малочисленный средний класс. Дж. Неру, не замалчивая уродливую колониальность, насилия, гибели миллионов людей от голода и болезней, подчеркивает, что английское господство дало импульс новым формам экономической и общественной жизни, в частности новому этапу

освободительного движения — буржуазно-национальному. Деятели Индийского национального конгресса (ИНК) и сам Неру приобщались к непривычным для них формам политической деятельности. Вряд ли без этого противоречивого политического опыта можно было построить независимую Индию.

Анализируя драму колониального подчинения и всю тяжесть становления буржуазного общества, Неру не приукрашивает с трудом приспосабливающееся к новым явлениям прошлое. «Но кто виноват в том, что все это случилось? Разве наши слабости и невежество не были причиной тому? Слабость и безрассудство всегда открывают дорогу деспотизму. Если англичане смогли воспользоваться нашими внутренними разногласиями, то мы сами повинны в том, что ссоримся друг с другом. Если они могли разделить нас, играя на эгоизме отдельных групп, то уже сам факт, что мы это допустили, свидетельствует о превосходстве англичан» [3, т. 2, с. 205].

Политика англичан не могла не вызвать роста освободительного движения — от традиционных выступлений до деятельности религиозных просветителей и Индийского национального конгресса. Сам Неру, активный участник политической жизни, стремится избежать крайностей в отношении Англии, очень осторожно рассуждает о радикальных националистических идеях и практиках. Крайне актуальна и для современной индийской действительности его мысль: «Будучи индийцем, я не беспристрастен и боюсь, что не могу не встать на точку зрения сторонника Индии. Но я постарался сделать это и хотел бы, чтобы и ты (дочь Дж. Неру И. Ганди. — А. Ч.) попыталась рассмотреть эти вопросы как ученый, беспристрастно изучающий факты, а не националист, стремящийся доказать правоту одной из сторон. Национализм хорош на своем месте, но он не надежен как друг и недостоверен как историк. Он делает нас слепым ко многим явлениям, а порой искажает истину, в особенности если она касается нашей страны или нас самих. Поэтому при рассмотрении новейшей истории Индии мы должны быть настороже и не валить всю вину за наши несчастья на англичан» [3, т. 2, с. 224].

Активное взаимодействие с новыми процессами в различных сферах жизни заставило приспособлять национализм к потребностям модернизации страны, сформировало новых лидеров освободительного процесса. А участие в Первой мировой войне стимулировало выработку новой стратегии ИНК, направленной на движение к самоуправлению, приобретению необходимого для этого современного политического опыта. В данном аспекте сложные отношения с британской колониальной администрацией — от открытых протестов до поиска компромисса в рамках отдельных реформ и взаимных уступок — играли не последнюю роль в движении Индии к независимости.

В целом Дж. Неру сумел показать сложную палитру отношений Англии и «жемчужины британской короны». Во многом его взгляды направлены на поиски сложного диалога с Англией, на понимание *Другого*, на соединение антиколониальной традиции и иностранного опыта в движении к независимости. Во многом размышления замечательного общественного деятеля и политика близки к идеям, высказанным в свое время В.Р. Розеном и Э.В. Саидом. Ведь в конечном счете понимание Дж. Неру и его сторонниками противоречивой роли Запада и Англии в истории Индии способствовали достижению независимости и относительно в целом успешной интеграции постколониальной Индии в мировое сообщество.

Список источников и литературы

1. Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография : в 3 т. М., 1989. Т. 1 : 1889—1947.
2. Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.
3. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: Письма к дочери из тюрьмы, содержащее свободное изложение истории для юношества : в 3 т. М., 1989.
4. Скосырев В. Великобританию просят заплатить за господство над Индией // Независимая газета. 2015. 27 июля.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чумаков — доц. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).

Е. Н. Рукавишников

Внешиполитическая и военно-морская деятельность Российской империи в Средиземноморском регионе с последней трети XVIII до начала XX века

Показано, что Военно-морской флот Российской империи был важным элементом государственного механизма, защищавшего национальные интересы в мирное и военное время. Приведены примеры взаимодействия Морского министерства с Министерством иностранных дел при решении международных проблем в Средиземноморском регионе.

Ключевые слова: Российская империя, политика, Военно-морской флот, национальные интересы, Средиземноморский регион.

Одним из важнейших инструментов внешней политики государства является Военно-морской флот, который способен эффективно защищать национальные интересы в важных геостратегических районах Мирового океана. Один из них — Средиземноморский регион. Взрывоопасная ситуация на Балканах начала XXI в. приняла «эстафету» от «восточного вопроса», который в XIX в. во многом определял внешнюю политику великих держав, в том числе России.

Первая эскадра российского ВМФ прибыла на Средиземное море в 1769 г. для реализации грандиозных планов Екатерины II [11, с. 88]. Задачи, состав сил и характер деятельности отрядов российских кораблей в Средиземном море определялись национальной внешней политикой в регионе. Это требовало тесного взаимодействия между дипломатами и моряками как в мирное, так и в военное время.

Пребывание российского флота на Средиземном море в последней трети XVIII — начале XIX в. для многих отождествляется с громкими победами при Чесме, Корфу, Афоне и Наварине. Однако большое значение в этот период имела не только военная, но и политическая деятельность командования российских эскадр, которая включала в себя несколько направлений.

Впервые с необходимостью заниматься вопросами дипломатии столкнулся граф А. Г. Орлов, главнокомандующий морскими и сухопутными силами России в Средиземном море в период войны против Османской империи с 1768 по 1774 г. Благодаря рекомендациям Екатерины II и президента Коллегии иностранных дел графа Н. И. Панина ему удавалось успешно решать многие задачи. Одной из них в начале войны стало формирование в Западной Европе благоприятного для России общественного мнения, исключавшего обвинения нашей страны в агрессии против Турции. Н. И. Панин направлял А. Г. Орлову практические советы по образованию независимого Союза греческих народов, который предусматривал выборы депутатов и создание правительства в виде Генеральных штатов [10, оп. 1, д. 137, л. 23]. По мнению Екатерины II и многих государственных деятелей, А. Г. Орлов должен был стать главной фигурой в переговорном процессе с Оттоманской Портой при заключении мирного договора, так как подчиненные ему силы, в отличие от всех остальных российских подразделений, ближе всего находились к Константинополю. А. Г. Орлову и адмиралу Г. А. Спиридову было предоставлено право самостоятельного ведения переговоров по Средиземноморскому региону. Переписка между президентом Коллегии иностранных дел и командованием российского флота на Средиземном море продолжалась до полного окончания войны.

Позднее прекрасными дипломатами показали себя известные российские флотоводцы вице-адмиралы Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин. В 1806 г. министр иностранных дел России А. А. Чарторыйский неоднократно информировал Д. Н. Сенявина об изменениях внешнеполитических планов императора Александра I. В ходе всей военной кампании 1806—1807 гг. моряки обязаны были выполнять рекомендации российского посла в Вене графа А. К. Разумовского. Консультации по российско-черногорским отношениям вице-адмирал Д. Н. Сенявин проводил с С. Санковским, дипломатическим комиссаром России в Цетинье. Командующему российским флотом на Средиземном море из Парижа неоднократно прибывали распоряжения российского уполномоченного П. де Убри. Д. Н. Сенявину пришлось вести сложные и длительные переговоры в области Каттаро с французским генералом А. Ж. Б. Лористоном и в Лиссабоне с генералом А. Жюно. Обязательства побежденной Австрии привели летом 1806 г. к необходимости участия российских моряков в острых политических спорах с австрийскими уполномоченными комиссарами, добивавшимися вывода российских войск из области Каттаро, которая передавалась наполеоновской Франции.

Национальные интересы России на Балканах всегда характеризовались острой конкуренцией с политикой ведущих стран Запада. В конце 1820-х гг. благодаря решительным мерам Николая I российским дипломатам удалось восстановить временно утраченное влияние в Греции и сформировать англо-франко-российский блок для создания независимого греческого государства. Результатом этой деятельности стала победа в Наваринском сражении 1827 г. В дальнейшем отечественный МИД допустил ряд ошибок, которые сказались на действиях российского флота в Средиземном море. Канцлер К. В. Нессельроде пытался, минуя Морское министерство, ставить вице-адмиралу Л. П. Гейдену задачи, которые не соответствовали реальной обстановке. Российский посланник в Лондоне князь Х. А. Ливен не мог отстоять позицию России на международной конференции, в результате чего в ходе русско-турецкой войны 1828—

1829 гг. силы отечественного ВМФ на Средиземном море утратили права воюющей стороны и могли применять оружие только для самообороны, ограничивая свои действия контролем за соблюдением норм международного права в ходе морской блокады Дарданелл.

Российско-турецкие отношения благодаря экспедиции эскадры контр-адмирала М. П. Лазарева на Босфор в феврале-марте 1833 г. вышли на качественно новый уровень. Успех отечественной дипломатии обеспечил в Восточном Средиземноморье длительную мирную передышку и возможность беспрепятственного плавания по Черноморским проливам малым кораблям российского Черноморского флота. Благодаря Ункяр-Искелесийскому мирному договору два десятилетия российские дипломаты активно использовали корабли-станции для решения широкого круга задач. Кораблям разрешалось возвращаться на Родину только после прибытия очередной смены. Это подтверждает важную роль кораблей-станций, находившихся в распоряжении посольств России в странах Средиземноморского региона. Однако несогласованность действий Морского министерства и МИД России накануне Крымской войны 1853—1856 гг. привела к потере корвета и двух бригов, не успевших своевременно покинуть Средиземное море [6, оп. 1, д. 5596, л. 10].

Поражение России в Крымской войне потребовало от князя А. М. Горчакова, возглавлявшего МИД, осторожной внешней политики, обеспечивавшей длительную мирную передышку для проведения реформ внутри страны. Это на многие годы определило характер деятельности отечественного ВМФ на Средиземном море.

Прорыв политической изоляции казался возможным за счет сближения с Францией и Сардинским королевством, которые нуждались в поддержке со стороны России своих планов на Апеннинском полуострове. В 1857—1860 гг. отечественный ВМФ гибко реагировал на изменения политической ситуации. Демонстрация флага и визиты в иностранные порты сменялись полным отсутствием российских кораблей в Западном Средиземноморье [9, оп. 1, д. 1, л. 333]. Нарушение прав неаполитанского короля и рост революционного движения потребовали возвращения российской эскадры в порты Сицилии. А. М. Горчаков объяснял это тем, что Россия в период объединения итальянских земель считала необходимым укреплять, а не ослаблять принципы политической справедливости и порядочности, без которых невозможна стабильность в Европе.

В 1860—1861 гг. политику России на Ближнем Востоке можно назвать весьма противоречивой. С одной стороны, необходимо было проявлять сдержанность в отношении агрессивных планов Франции в Сирии, а с другой — оказывать покровительство христианскому населению региона. Эскадра контр-адмирала И. А. Шестакова успешно решила все стоявшие перед ней задачи. Российский генеральный консул в Сирии и Палестине А. Ф. Бегер докладывал в МИД о том, что демонстрация военно-морского присутствия обеспечила стабильность в приморских районах и не допустила резни христиан мусульманскими экстремистами [7, оп. 2, д. 2391, л. 67 об.].

В 1881 г. обострение обстановки на Ближнем Востоке было вызвано агрессивными планами Великобритании по отношению к Египту, где уже завершилось строительство Суэцкого канала. Известный российский дипломат А. И. Нелидов предложил Н. К. Гирсу, возглавлявшему российский МИД, поддержать Османскую

империю, которую Франция и Великобритания вытесняли с Ближнего Востока. Необходимо было воспользоваться потерей доверия султана к Западу. Однако слабость отечественного ВМФ не позволили России действовать самостоятельно. Надежды на союзную Германию и Австро-Венгрию не оправдались. Летом 1882 г. мощная английская броненосная эскадра обстреляла Александрию. Два небольших и устаревших корабля отечественного ВМФ по указанию российского генерального консула И. М. Лекса ограничились эвакуацией российских подданных и персонала российского консульства из опасной зоны [7, оп. 2, д. 4144, л. 15 об.].

Одним из наиболее последовательных и верных союзников России на Балканах являлась Черногория. Отечественная дипломатия в тесном сотрудничестве с ВМФ обеспечили признание независимости этого небольшого славянского государства.

В 1858 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков и чрезвычайный посол России в Париже П. Д. Киселев добились того, что инициатива демонстрации военно-морского присутствия в Адриатическом море исходила от Наполеона III. Это исключало обвинения в адрес России по поводу вмешательства в балканскую проблему. Действия франко-русского отряда кораблей ускорили признание княжества Черногории в качестве независимого государства.

В соответствии с Берлинским договором 1878 г. Османская Порта была обязана передать Черногории часть территории с портом Антивари, что обеспечивало экономическое развитие княжества. Международная комиссия по разграничению не могла преодолеть турецкого противодействия требованиям великих держав. По инициативе Великобритании была сформирована международная эскадра, предназначенная для решения политических вопросов силовым методом. Летом 1880 г. МИД потребовал от Морского министерства Российской империи принять участие в акции [7, оп. 2, д. 4080, л. 1 об.]. Малочисленность российского отряда и использование устаревших кораблей могли расцениваться балканскими славянами как незаинтересованность России в защите их интересов. Поэтому отечественная дипломатия вскоре дистанцировалась от демонстрации военно-морского присутствия, положительные результаты которой полностью приписывала себе Великобритания.

Российско-греческие отношения второй половины XIX в. развивались на фоне неоднократных попыток населения Крита добиться выхода из состава Османской империи и передачи острова в состав Греции.

Стремление российского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева к активным действиям не нашло поддержки в Петербурге, так как МИД посчитал их необоснованными. Поэтому корабли контр-адмирала И. И. Бутакова в 1866—1868 гг. появлялись у берегов Крита только для защиты российского консульства и эвакуации греческого населения из зоны военных действий. Эти задачи не отличались от тех задач, которые решались кораблями других европейских стран. Турецкие власти создавали наибольшие трудности и устраивали провокации только российским кораблям, которые спасли около 20 тысяч мирных жителей. Самоотверженность моряков контр-адмирала И. И. Бутакова вызвала у греков уважение и симпатии к России, сохранявшиеся долгие годы.

В 1886 г. международная эскадра приступила к морской блокаде Греции, которая инициировала очередное восстание на Крите. Фрегат и клипер из отряда контр-адмирала Н. И. Казнакова по согласованию с МИД России стреми-

лись уклониться от проявления враждебности в адрес как Греции, так и Турции [8, оп. 1, д. 74, л. 171]. Действия российских моряков полностью соответствовали предложениям дипломата А. И. Нелидова по решению Восточного вопроса: внешняя политика России должна была ограждать Османскую империю от влияния западных держав. В отношении к национально-освободительному движению славян необходимо было проявлять честность и сдерживать их несвоевременные и необдуманные выступления, которые Россия не могла поддержать по причине собственной слабости [2, оп. 467, д. 94, л. 2].

Создание франко-русского союза и усиление отечественного ВМФ, который вышел на третье место в мире, позволили в 1896—1898 гг. князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, а затем М. Н. Муравьеву, последовательно возглавлявшим российский МИД, действовать более уверенно. К берегам Крита в состав международной эскадры направились 14 российских кораблей, большая часть которых была броненосными. Спектр задач, решаемых отрядами контр-адмирала П. П. Андреева, а затем Н. И. Скрудлова, значительно расширился. Взаимные усилия дипломатов и моряков России не позволили Великобритании установить свое господство на Крите, занимавшем важное геостратегическое положение в Восточном Средиземноморье.

Осенью 1893 г. состоялся визит эскадры из Кронштадта в Тулон, который вызвал огромный резонанс в мировой прессе. Посольство России в Париже отмечало интерес французов к российским морякам [4, оп. 524, д. 1967, л. 53]. Для многих франко-русский союз стал реальностью, оказавшей значительное влияние на мировую политику конца XIX — начала XX в.

Последующее поражение отечественного ВМФ в русско-японской войне 1904—1905 гг. надолго ослабило военно-морское присутствие России в Средиземном море. Отдельные канонерские лодки по несколько лет несли стационарную службу, посещая порты региона. Одной из важных задач российской дипломатии начала XX в. являлось развитие политических связей с Италией, входившей в состав враждебного Тройственного союза. Визит российской эскадры в Неаполь в феврале 1908 г. способствовал формированию в Италии благоприятного для России общественного мнения, что особо отметил посол России в Риме [1, оп. 470, д. 115, т. 1, л. 55]. Симпатии итальянцев к России еще более возросли в декабре 1908 г. после активного участия моряков эскадры контр-адмирала В. И. Литвинова в спасении жертв землетрясения в Мессине [5, оп. 525, ч. 2, д. 2246, л. 45 об.—46 об.].

С мая по август 1910 г. министр иностранных дел А. П. Извольский добивался от Морского министерства организации визита кораблей в Антивари, придавая этому событию большое политическое значение в связи с коронацией черноморского князя Николая [3, оп. 482, д. 3326, л. 61].

Исторический опыт показал, что деятельность Военно-морского флота определяется внешней политикой государства. Дипломатия имеет приоритет, поэтому силовым методом решения спорных вопросов в международных отношениях используется только в крайнем случае, когда все другие способы защиты национальных интересов становятся неэффективными. Практика применения Военно-морского флота Российской империи в Средиземном море продемонстрировала наличие и обратной связи. Недостаточное военно-морское присутствие сковывало инициативу дипломатов и не всегда позволяло им добиваться реализации решений МИД России.

Практические результаты внешнеполитической и военно-морской деятельности Российской империи в Средиземноморском регионе показывают, что Военно-морской флот неоднократно рассматривался как один из важных инструментов внешней политики государства, эффективность которого зависела от качества взаимодействия руководства МИД и Морского ведомства страны.

Список источников и литературы

1. *Архив* внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия министра).
2. *АВПРИ*. Ф. 138 (Секретный архив министра).
3. *АВПРИ*. Ф. 151 (Политархив).
4. *АВПРИ*. Ф. 187 (Посольство в Париже).
5. *АВПРИ*. Ф. 190 (Российское посольство в Риме).
6. *Российский* государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 243 (Главное управление Черноморского флота и портов. г. Николаев).
7. *РГА ВМФ*. Ф. 410 (Канцелярия Морского министра).
8. *РГА ВМФ*. Ф. 417 (Главный морской штаб).
9. *РГА ВМФ*. Ф. 539 (Штаб начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала К.И. Истомина).
10. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1274 (Панины — Блудовы).
11. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. М., 2011.

Об авторе

Евгений Николаевич Рукавишников — д-р военных наук, проф., Калининградский филиал Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия», ren1956.39@mail.ru

Е. А. Осипов

Установление дипломатических отношений между Францией и Китайской Народной Республикой в 1964 году По материалам архива МИД Франции¹

Проанализированы причины, побудившие генерала Шарля де Голля первым из западных лидеров установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой в 1964 г. и, соответственно, вывести Пекин из дипломатической изоляции. Представлены краткосрочные и долгосрочные последствия предпринятых руководством Пятой республики шагов, не всегда соответствовавшие первоначальному замыслу де Голля. Исследование осуществлено на основе ранее не опубликованных материалов архива Министерства иностранных дел Франции.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

Ключевые слова: Франция, КНР, Шарль де Голль, разрядка.

Франция, как и другие западные державы, разорвала дипломатические отношения с материковым Китаем после окончания гражданской войны, образования Китайской Народной Республики и утверждения у власти Мао Цзэдуна в 1949 г. При этом Париж поддерживал очень активные, даже привилегированные отношения с Тайванем, представлявшим весь Китай в ООН в качестве постоянного члена Совета безопасности.

Идея возобновления сотрудничества с материковым Китаем и восстановления с ним дипломатических отношений появилась еще в 1950-е гг. Первая попытка была сделана во времена Четвертой республики в ходе встречи премьер-министра Франции Пьера Мендес-Франса с первым премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, однако она оказалась неудачной. Восстановлению отношений между странами мешал ряд факторов: так называемый вопрос «двух Китаев» и легитимность представительства всех китайцев Пекином или Тайбэем; проблема представительства Китая в ООН; тесные контакты между Францией и Тайванем и, конечно, позиция США, однозначно вставших на сторону Тайваня во внутрикитайском конфликте. Мешала развитию двустороннего сотрудничества и поддержка Пекином Алжира в его борьбе за независимость от Франции.

Возвращение Шарля де Голля к власти во Франции в 1958 г. дало надежду на изменение ситуации. Де Голль был сторонником налаживания связей с КНР. Объяснялось это геополитическими и экономическими причинами. Постепенное изменение международной ситуации, начало разрядки и резкое ухудшение отношений между Москвой и Пекином создали условия для развития франко-китайских контактов. Де Голль считал, что китайский фактор подталкивает СССР к разрядке с западными странами [7, р. 515]. Разрушение монолитности социалистического лагеря создавало ситуацию, при которой Москва была заинтересована в нормализации отношений с Западом. Развитие сотрудничества с КНР позволяло Парижу использовать противоречия внутри треугольника Москва — Вашингтон — Пекин. Важную роль сыграло и то, что КНР, как и Франция, отказалась от участия в договоре о нераспространении ядерного оружия. Позиции обеих держав по вопросам разоружения в целом совпадали. Рассчитывал, конечно, де Голль и на тесное экономическое сотрудничество с КНР, чей огромный рынок был еще не занят другими западными странами. Отметим, что восстановление отношений с Пекином соответствовало реалистичному видению международных отношений и укладывалось в голлистский принцип проведения независимой внешней политики и во французскую концепцию разрядки напряженности. Ален Пейрефит приводит в своей книге следующие слова де Голля: «Есть что-то ненормальное в том факте, что у нас нет отношений с самой населенной страной мира под предлогом, что этот режим не нравится американцам» [6, р. 314].

Окончание алжирской войны и подписание Эвианских соглашений в 1962 г. устранили последнее препятствие на пути к нормализации отношений между Парижем и Пекином. Первый зондаж состоялся уже в 1962 г. в ходе встречи министров иностранных дел Франции и КНР Мориса Кув де Мюрвиля и маршала Чэнь И в Женеве на конференции по Лаосу. Основные же события произошли в конце 1963 — начале 1964 г.

Процесс установления дипломатических отношений между Францией и КНР прошел в три этапа. Самая ответственная миссия была отведена Эдгару Фору, известному политику, дважды занимавшему пост премьер-министра Франции в период Четвертой республики. В октябре — ноябре 1963 г. он отправился в Китай в качестве личного представителя генерала де Голля. Выбор Фора был не случаен. Среди многих представителей французской политической элиты он считался активным сторонником налаживания контактов с Пекином. После одного из своих путешествий в Китай в 1957 г. он даже написал книгу «Змей и черепаха» [5], в которой ратовал за восстановление дипломатических отношений между странами.

В ходе многочисленных встреч Фора с представителями китайской политической элиты были сформулированы позиции сторон и достигнут консенсус по ключевым спорным моментам. Согласно инструкциям де Голля, Фор защищал позицию, что Франция не является «инициатором» установления дипломатических отношений, но выступает сторонником прекращения дипломатической изоляции Пекина [1]. Китайское руководство, также отказавшись от роли инициатора, высказало особую заинтересованность в установлении дипломатических отношений, отметив, что из трех ведущих держав, не относившихся к социалистическому блоку, только Франция, в отличие от Великобритании и Японии, обладает достаточной самостоятельностью по отношению к Вашингтону и, соответственно, может решиться на подобный шаг [1]. Стороны также быстро договорились не связывать себя какими-либо предварительными условиями.

Самыми острыми темами на переговорах стали, как и ожидалось, вопросы о «двух Китаях», о представительстве китайского народа в ООН и об отношениях Парижа с Тайбэем. Эдгар Фор согласовал с правительством КНР позицию, по которой Франция в случае установления дипломатических отношений с КНР была готова признать Пекин единственным законным представителем китайского народа, поскольку, по словам Фора, «не могло быть двух законных правительств на одной территории» [1], а также соглашалась занять благоприятную позицию относительно передачи прав на представление Китая в ООН Пекину. Что касается вопроса отношений с Тайванем, то инструкции, предоставленные де Голлем Фору, состояли в желании Парижа сохранить дружеские отношения с Тайбэем. В итоге стороны договорились, что, если в ответ на установление дипломатических отношений между Францией и КНР Тайвань пойдет на разрыв контактов с Францией, то Париж также отзовет своего посла из Тайбэя. По итогам миссии Фора правительство КНР подготовило предложение французской стороне, в котором была представлена вышеизложенная общая позиция сторон, а также содержались конкретные меры процедурного характера. Среди прочего там было прописано, что «Эдгар Фор, от имени президента де Голля, выразил желание Франции установить дипломатические отношения с КНР», а Пекин благоприятно ответил на эту инициативу [1]. Подобная трактовка не соответствовала общим договоренностям, о чем Фор и доложил де Голлю.

В ходе своей миссии Фор, видимо, несколько превысил полномочия, пойдя дальше официальной позиции Пятой республики. Последующие события показали, что мнение Франции в вопросе о «двух Китаях» и представительстве Китая в ООН гораздо более противоречиво, чем это было оговорено в ходе контактов Фора с китайским руководством. Не совсем ясной была позиция Фора

и по проблеме «инициатора» установления дипломатических отношений. Как уже было сказано, бывший французский премьер-министр отчитался перед де Голлем в отстаивании позиции, что Франция не выступала «инициатором». Однако в интервью газете «Фигаро» 14 января 1964 г. за две недели до установления дипломатических отношений он заявил, что «так как именно Франция отозвала своего посла из Китая, ей, без сомнения, и следовало бы выразить свое желание к восстановлению отношений» [1]. Подобная точка зрения отличалась от официальной позиции Пятой республики. Отметим, что сам факт появления интервью Фора в центральной французской прессе до официального объявления об установлении отношений вызвал недовольство в МИД Франции [1].

Второй этап установления дипломатических отношений между Парижем и Пекином состоял из серии встреч директора политического департамента МИД Франции Жака де Бомарше с послом КНР в Швейцарии Ли Чинг-Чуаном, которые прошли в Берне. Это была уже официальная стадия переговорного процесса, на которой решались конкретные процедурные вопросы.

Еще до поездки Бомарше получил подробные инструкции от министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля. Бомарше должен был настаивать на создании совместного франко-китайского коммюнике об установлении дипломатических отношений или на одновременной публикации в КНР и во Франции одинаковых сообщений. Подобная процедура позволяла избежать вопроса об «инициаторе» переговорного процесса. Что касается представительства Китая в ООН, то инструкция Бомарше была гораздо менее благожелательной для Пекина, чем позиция, ранее озвученная Эдгаром Форм. В ней в неопределенной форме говорилось, что «правительство Франции выработает позицию, когда придет время, учитывая сложившиеся обстоятельства и произошедшие изменения». Также инструкция предполагала, что Париж хочет сохранить отношения с Тайванем и пойдет на разрыв, только если инициатива будет исходить от Тайбэя [1].

Первая встреча между Бомарше и послом КНР в Швейцарии состоялась 12 декабря 1963 г. На ней Бомарше представил французское видение ситуации. Решающей же стала вторая встреча, прошедшая 2 января 1964 г.: были согласованы все спорные вопросы и открыт путь к установлению дипломатических отношений между странами. В начале разговора посол КНР в Швейцарии напомнил, что Эдгар Фор выразил согласие с формулой, предложенной Пекином. Она предусматривала, что Париж направляет КНР ноту с признанием КНР и предложением установить дипломатические отношения, после чего Пекин готовит положительный ответ и обе стороны сообщают о принятом решении. Как уже упоминалось выше, Фор в своих донесениях в Париж отмечал, что был против подобной процедуры. Как бы там ни было, по понятным причинам Бомарше отверг эту идею и в соответствии с инструкциями предложил публикацию совместного коммюнике или одновременное обнародование двух идентичных сообщений. Китайская сторона согласилась с французским вариантом, предложив в едином тексте прописать, что КНР является «единственным законным представителем всего китайского народа» [1]. Напомним, что Фор в ноябре 1963 г. от имени де Голля утвердил эту формулировку. Однако теперь французская позиция стала жестче, и Бомарше заявил: «Понимая значимость для КНР идеи, выраженной в этой фразе, мне тем не менее не кажется, что она обязательно должна быть отражена в коммюнике, направленном на установление

дипломатических отношений» [1]. Ли Чинг-Чуан в итоге уступил и в этом вопросе, добавив, что в дополнительном сообщении МИД КНР будет отмечено, что Пекин осуществляет обмен послами с Францией в качестве «единственного законного представителя всего китайского народа» [1]. На этой же встрече был согласован окончательный текст коммюнике, который потом и был опубликован на французском и китайском языках.

Впоследствии состоялись еще две встречи Бомарше с послом КНР в Швейцарии. Девятого января 1964 г. стороны договорились, что официальный обмен коммюнике произойдет 27 января 1964 г. На четвертой встрече, 23 января, обе делегации окончательно утвердили всю процедуру.

После согласования всех спорных вопросов между странами у Франции оставалась нерешенной проблема развития отношений с Тайванем. Париж и Тайбэй, равно как де Голль и Чан Кайши, связывали долгие годы очень тесных контактов. Франция хотела сохранить их и в будущем. Поэтому помимо двух дипломатических миссий в Китай, была еще третья — в Тайвань, состоявшаяся за несколько дней до официального установления отношений между Францией и КНР. Столь деликатная задача была возложена на легендарного генерала Зиновия Пешкова, русского эмигранта, который был братом Я. М. Свердлов и некоторое время жил в семье Максима Горького. Также в миссии принял участие полковник Жак Гийермаз. В ходе драматичных переговоров французские представители изложили Чан Кайши причины, побудившие Францию к нормализации отношений с КНР. Реакция Чан Кайши оказалась ожидаемо негативной. Он назвал это «предательством» и «большой ошибкой» Франции [1]. В итоге миссия Пешкова не увенчалась успехом, и вскоре после официального объявления об обмене послами между Парижем и Пекином Тайвань прекратил отношения с Францией.

Результатом интенсивных франко-китайских переговоров стали опубликованные 27 января 1964 г. одновременно в Париже и Пекине идентичные ноты об установлении дипломатических отношений. На различных уровнях французские правящие круги поясняли, что, соглашаясь на обмен послами с КНР, Париж не берет на себя никаких обязательств, в том числе и по вопросу представительства Китая в ООН.

Реакция международного сообщества на установление дипломатических отношений между двумя государствами оказалась разной. Еще до 27 января 1964 г. жесткая критика французских действий поступила из Вашингтона. На встрече с послом Франции в США Эрве Альфаном заместитель государственного секретаря США Аверелл Гарриман заявил, что решение Франции об установлении отношений «с объявленным врагом США» не будет понято «правительством и большинством граждан США» [1]. Гарриман также добавил, что действия Парижа объясняются исключительно желанием «подчеркнуть свою независимость» [1]. Позднее в Вашингтоне заявили, что решение Франции «противоположно интересам свободного мира» (цит. по: [7, p. 520]). Реакция же СССР оказалась совершенно другой. Так же, как и в случае с США, Франция заранее уведомила Москву о своих намерениях. Несмотря на очень сложный характер советско-китайских отношений, заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов отметил, что «реалистичное и рациональное решение Парижа вызвано защитой национальных интересов» и «соответствует политике мирного сосуществования государств с различным общественным строем, отвечающей

интересам всех народов» [1]. Что касается Японии, чьи национальные интересы напрямую пересекались с политикой КНР, то ее реакция оказалась достаточно сдержанной. В МИД Франции поступил официальный запрос от Токио, касавшийся различных аспектов предпринимаемых Парижем шагов. Прежде всего, Японию интересовали традиционные вопросы о дальнейших отношениях Франции с Тайванем и представительстве Китая в ООН. Уже после установления дипломатических отношений между Францией и КНР в одной из справок МИД Франции отмечалось, что Япония, официально следуя в фарватере политики США, пытается воспользоваться инициативой Франции для расширения своего торгового присутствия на китайском рынке [2]. В целом в МИД Франции отмечали, что «фундаментальная критика» Франции исходила только от США [2].

Устанавливая дипломатические отношения с Пекином, де Голль надеялся в политическом плане на укрепление позиций Франции и дальнейшее развитие разрядки, а в экономическом смысле на значительное расширение франко-китайской торговли.

Краткосрочный эффект, действительно, оказался обнадеживающим. В Париже справедливо полагали, что установление дипломатических отношений сделает Францию если не единственным, то уж точно привилегированным экономическим партнером КНР на западе. Растущая экономика Китая нуждалась в западных технологиях. Несмотря на то что французские промышленные товары часто оказывались дороже, чем у конкурентов, во Франции надеялись, что особые политические отношения между странами помогут преодолеть это обстоятельство и будут способствовать успешному проникновению французских фирм на китайский рынок. Уже в 1965 г. произошло заметное увеличение франко-китайского товарооборота. Французский экспорт в Китай вырос по всем категориям товаров, кроме зерна и химической продукции. Но в том, что касается химии, в 1965 г. французская фирма «Нитрекс» заключила крупный контракт с китайскими партнерами, и начиная с 1966 г. заметный прогресс наметился также в экспорте химической продукции. Несмотря на рост показателей французского импорта в 1965 г., ситуация с закупками китайских товаров была достаточно сложной, и французский импорт заметно отставал от экспорта. В одной из справок французского МИД отмечалась, что подобная ситуация «волнует» китайских партнеров и может привести в будущем к искусственному ограничению роста франко-китайской торговли [3].

Долгосрочный политический эффект от установления дипломатических отношений оказался более спорным. Ни одно государство не последовало французскому примеру. Практически сразу после обмена послами стало заметно, что у контактов между Парижем и Пекином есть ряд ограничений, не позволяющих двигаться дальше определенного уровня. Поездка личного представителя де Голля известного французского писателя Андре Мальро в Китай в 1965 г. не принесла конкретных результатов [7, p. 524]. А в дальнейшем произошел ряд событий, серьезно повлиявших на развитие двустороннего сотрудничества. Начавшаяся в 1966 г. в Китае культурная революция существенно снизила уровень взаимопонимания между странами. Посол КНР во Франции в этот период подолгу отсутствовал на своем посту.

Еще больший негативный эффект на развитие межгосударственных отношений оказали события мая 1968 г. в Париже. Французское студенческое движение во многом вдохновлялось идеями Мао Цзэдуна. В связи с этим очень

важным для франко-китайского сотрудничества была официальная позиция КНР по поводу студенческих волнений. В МИД Франции отмечали, что к началу 1968 г. отношения между странами были «корректными, но не сердечными» и что их уровень «был недостаточно высоким, чтобы Пекин отказался от поддержки французских студентов» [4]. Однако официальная реакция КНР оказалась даже более жесткой, чем ожидалось. В центральной китайской прессе руководство Пятой республики было названо «правлящей кликой», хотя до этого подобные термины употреблялись только по отношению к тем странам, которые не имели дипломатических отношений с КНР. Выборы, состоявшиеся во Франции после событий мая 1968 г., характеризовались как «фарс и мошенничество» [4]. Впечатлял и масштаб манифестаций в Китае в поддержку французских студентов. С 1 по 31 мая в демонстрациях приняли участие 1 млн 700 тыс. человек в Пекине и 17 млн человек в других регионах КНР [4]. При этом, несмотря на жесткость официальной позиции, в справках МИД Франции утверждалось, что она вызвана скорее идеологическими моментами и что в личных беседах китайские руководители занимали более умеренные позиции. В ноябре 1968 г. даже отмечалось, что в двусторонних отношениях наметились признаки разрядки. Постепенно восстанавливалось культурное сотрудничество, в частности возобновился обмен студентами. Что касается экономических контактов, то они и не прерывались. За первые восемь месяцев 1968 г. общий товарооборот между странами по сравнению с аналогичным периодом 1967 г. вырос с 489 до 507 млн франков, а положительное сальдо Франции увеличилось со 175 до 195 млн франков [4]. В конце президентства де Голля было очевидно, что установление дипломатических отношений между Францией и КНР не привело к достижению поставленных глобальных целей, Франции не удалось увеличить свое влияние в Юго-Восточной Азии, а уровень экономического сотрудничества при постоянном росте все равно оставался незначительным как для французской, так и китайской экономики. При этом перспективы сотрудничества оценивались как «благоприятные» [4], но при значительных ограничениях. Отметим, что сочетание сдержанного оптимизма с четким осознанием ограничений в развитии франко-китайского сотрудничества будет характерно для Пятой республики и после ухода де Голля в отставку.

Список источников и литературы

1. *Archives du ministère des affaires étrangères. Asie — Océanie. Chine. 1956—1967. № 525.*
2. *Archives du ministère des affaires étrangères. Asie — Océanie. Chine. 1956—1967. № 526.*
3. *Archives du ministère des affaires étrangères. Asie — Océanie. Chine. 1956—1967. № 530.*
4. *Archives du ministère des affaires étrangères. Asie — Océanie. Chine. 1968—1972. № 748.*
5. *Faure E. Le serpent et la tortue. P., 1957.*
6. *Peyrefitte A. C'était de Gaulle. P., 1994. Т. 1.*
7. *Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. P., 2013.*

Об авторе

Евгений Александрович Осипов — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН; доц., Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва).

Раздел IV ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Первая мировая война в Восточной Пруссии на немецких почтовых открытках¹

На основе изучения иллюстрированных почтовых открыток, выпущенных в Германии, анализируется визуальная история Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. Представлена классификация наиболее распространенных тематических групп изображений. Сделана попытка оценить их значимость как исторического источника и роль в формировании исторической памяти о войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, Восточная Пруссия, немецкая почтовая открытка, пропаганда, историческая память, визуальная история.

В последние годы, особенно в связи с отмечаемым юбилеем Первой мировой войны, пристальное внимание привлекают визуальные свидетельства о событиях столетней давности. Благодаря возможностям Интернета они стали доступными для исследователей и широкой публики. Тысячи визуальных документов с яркими зрительными образами, среди которых не последнее место занимают иллюстрированные почтовые открытки, сегодня во многом формируют массовые представления войне 1914—1918 гг. Если судить по социальным сетям и различным краеведческим и историческим интернет-форумам, эти образы особенно востребованы у нынешних жителей бывшей Восточной Пруссии на территории Калининградской области, в также у их соседей в Польше и Литве. Изучение немецких почтовых карточек позволит лучше представить, в каком направлении формировалась и продолжает формироваться историческая память о Великой войне у прошлых и нынешних жителей Юго-Восточной Прибалтики.

Прежде чем переходить непосредственно к теме исследования, необходимо сказать несколько слов об истории немецкой открытки. Первая почтовая карточка² в качестве открытого для чтения сообщения была послана в Пруссии в 1865 г. Через пять лет, в 1870 г., прусский министр-председатель Отто фон Бисмарк утвердил «Положение о введении почтовой карточки». Первое массовое использование нового вида почтовых отправлений пришлось на Франко-прусскую войну 1870—1871 гг., во время которой только за шесть месяцев (с июля по декабрь 1870 г.) с фронта в тыл немецкими солдатами было бесплатно отправлено около 10 млн «открытых писем» [18, S. 7].

На первых карточках изображение не играло существенной роли, они были всего лишь более дешевой и быстрой в доставке версией письма. Однако

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

² Первоначально она называлась «открытой карточкой» (*Offene Karte*), использовались также названия «печатная карточка» (*Drucksachenkarte*) или «карточка с сообщением» (*Aviskarte*).

с распространением и совершенствованием технологии печати стала резко увеличиваться доля иллюстрированных открыток. Собственно, открытка — это и есть иллюстрированная почтовая карточка, на лицевой стороне которой имеется занимающее всю площадь изображение, а обратная сторона предназначена для написания сообщения и адресов получателя и отправителя, а также наклеивания почтовой марки. Открытка может быть и не почтовой, в этом случае на ней нет почтовой марки и не предусмотрено место под адрес. На первых открытках были представлены виды городов, архитектурные достопримечательности, портреты монархов и членов их семей, сценки из жизни и т.п. [9; 14]. В начале XX в. в связи внедрением нового полиграфического оборудования и прогрессивных способов воспроизведения фотографий и цветных изображений удалось существенно снизить расходы и резко поднять качество печатной продукции³.

С самого начала Германия стала мировым лидером в использовании нового вида коммуникации. В 1879 г. имперская почта перевезла 122,7 млн открыток, тогда как во всей Европе в это время ежегодно их отправлялось около 350 млн штук [18, S. 7]. На рубеже XIX и XX вв. ежегодный объем пересылки почтовых карточек по различным странам Европы характеризовался следующими данными: Германия — 736 млн, Франция — 88 млн, Австро-Венгрия — 31 млн, Италия — 27 млн, Англия — 14 млн штук [24]. Около половины выпущенных открыток представляли собой фотографические изображения⁴.

Согласно официальной статистике, в Германии накануне Первой мировой войны (1907 г.⁵) почтовые карточки выпускали 2810 предприятий, среди которых были огромные издательские компании (например, в Берлине или Лейпциге) с числом работников более 1000 человек и небольшие печатные мастерские со штатом до 20 человек или даже одним работником, который совмещал в своем лице и издателя, и печатника [7, S. 45]. Поскольку никаких ограничений на этот род занятий не существовало, печатать открытки фактически мог любой человек, надо было только придерживаться стандартного размера 9 × 14 см и на обороте оставлять место для марки и адреса⁶. В каждом немецком городе и даже небольшом поселке был свой фотограф, который налаживал производство открыток с местными видами. Печатью открыток в качестве сопутствующего промысла занимались многие торговцы, так как дело это было весьма прибыльное. На территории Восточной Пруссии почтовые карточки выпускались почти 100 издателями, а кроме них, открытки с восточнопрусской тематикой печатались в столице и других германских провинциях [1; 2, S. 67]. Роль почтовой карточки могла сыграть обыкновенная фотография подходящего размера, оборот которой был размечен линиями для адреса, письма и почтовой марки [22; 25]. Все эти обстоятельства вели к огромному разнообразию выпущенных за годы войны открыток, число видов которых измеряется многими тысячами

³ О технике печати открыток в начале XX в. см.: [18, S. 7; 10, S. 13; 25].

⁴ Так, в 1898 г. в Германской империи было произведено от 300 до 400 млн открыток с фотографическими изображениями [2, с. 65].

⁵ Для военных лет соответствующая статистика, к сожалению, отсутствует.

⁶ Международный стандарт почтовой карточки 9 × 14 см был принят на Всемирном почтовом конгрессе в Париже в 1878 г.

при тиражах от нескольких штук до нескольких десятков тысяч экземпляров (к сожалению, точных данных о тиражности не сохранилось).

На годы Первой мировой войны пришелся «золотой век» почтовой открытки. Согласно приблизительным подсчетам, с 1914 по 1918 г. полевой почтой было перевезено около 11 млрд почтовых отправок с фронта в тыл и около 17,7 млрд в обратном направлении (около 8,5 млн корреспонденций в день!) [12; 15]. Примерно четвертую их часть, т.е. около 7 млрд составляли иллюстрированные открытки (всего в стране за это время было произведено 10 млрд открыток) [7, S. 29; 18, S. 7; 21, S. 66]. С началом войны рисунки и фотографии с театра военных действий стали пользоваться повышенным спросом. Военные корреспонденты, профессиональные фотографы и тысячи любителей с фотоаппаратом вскоре поняли, что за негативы с полей сражений можно получить неплохие деньги, так как массовое тиражирование фронтовых открыток приносило издателям огромные барыши. Чтобы удовлетворить всё возрастающие запросы публики, на студиях в тылу стали фабриковать «постановочные» снимки с военной тематикой (впрочем, отличить их от подлинных кадров из зоны военных действий не составляет труда) [7, S. 46—47, 53].

Разумеется, зрительные образы войны доходили до общества и через другие каналы информации, однако кинохронику можно было увидеть только в крупных городах, газеты редко публиковали фотографии, и они были плохого качества, а начинавшие набирать популярность еженедельные иллюстрированные журналы были еще слишком дороги и недоступны для большинства населения. Таким образом, именно массовой фотооткрытке принадлежит заслуга в том, что Первая мировая стала поворотным моментом в истории визуализации войн.

Благоприятные условия для изучения почтовой открытки в качестве исторического источника появились лишь в последнее десятилетие, когда были созданы и стали доступны для исследователей цифровые архивы изображений, а юбилей войны стимулировал историков к занятию этой тематикой, которая долгое время оставалась сферой интереса искусствоведов, культурологов и этнологов. К числу наиболее значимых хранилищ немецких почтовых открыток принадлежат собрания Оснабрюкского университета, Немецкого исторического музея в Берлине, Баварского государственного архива, Архива визуальной информации Восточной Пруссии, Электронного архива «Фото Польши» [5; 8; 16; 20]⁷, а также визуальные онлайн-коллекции различных библиотек, архивов, музеев и других учреждений. Немало сканированных изображений открыток можно встретить на любительских сайтах, форумах краеведов и в социальных сетях; правда, в отличие от специализированных государственных порталов размещенные на них объекты воспроизводятся с низким разрешением, они плохо, а чаще всего вообще никак не атрибутированы, отсутствуют сканы обратной стороны и т.д.

В современной историографии открытки времен Первой мировой войны используются в качестве документального источника прежде всего для изучения феномена военной пропаганды [10; 15; 17; 21; 26]. При этом исследователи, как правило, остаются в рамках национального дискурса, редко прибегая

⁷ Поиск иллюстрированных открыток удобно осуществлять через порталы Немецкой цифровой библиотеки и Федерации цифровых библиотек Польши [9; 13].

к сравнениям положения дел в этой сфере в разных воюющих странах; отсутствуют также работы, посвященные отдельным локальным темам или событиям. В настоящей статье впервые предпринимается попытка описать и классифицировать немецкие военные почтовые открытки, относящиеся к провинции Восточная Пруссия, а также определить ценность размещенной на них *визуальной* информации как исторического источника (изучение письменных сообщений не проводилось). В ходе исследования было выявлено свыше 650 иллюстрированных открыток, выпущенных в Германии с 1914 по 1918 г., которые можно однозначно связать с территорией самой восточной немецкой области, исходя из напечатанной типографским способом надписи, рукописного текста или штемпеля полевой почты, а также содержания самого изображения. Основной тип лицевой стороны открыток — черно-белая фотография, очень редко цветная или раскрашенная; около 10 % всех объектов представлены графическими изображениями — гравюрами и рисунками, в том числе цветными.

Прежде чем перейти к анализу открыток, необходимо коснуться вопроса о влиянии цензуры на их содержание. С одной стороны, хорошо известно, что во всех странах с началом войны были учреждены органы цензуры, задачи которых состояли в том, чтобы, во-первых, не допустить утечку секретных сведений к противнику, а во-вторых, предотвратить распространение среди собственных граждан нежелательной информации, способной подорвать доверие к политике правительства, веру в победу над врагом, расколоть общество и снизить общественную поддержку войне [6, S. 117—137; 26, p. 27—35]. С другой стороны, многие исследователи приходят к выводу, что предварительная цензура печатной продукции в Германии отнюдь не была тотальной. Более того, военные цензоры просто не успевали следить за всем потоком публикуемых в типографиях материалов, занимаясь в основном выборочными проверками и ограничивая свою деятельность надзором за наиболее тиражными газетами и журналами. Что же касается издания открыток, их поток фактически был неуправляем, особенно в первый год войны, на который приходится все основные военные события в Восточной Пруссии [7, S. 29—30; 21, S. 67]. Точно так же цензоры успевали проверять лишь мизерную часть корреспонденции с фронта: не случайно на сохранившихся открытках чрезвычайно редко можно встретить штамп о прохождении военной цензуры [4; 11]. Следует, однако, помнить, что помимо прямой цензуры, в условиях патриотического угара и создаваемой в стране атмосферы нетерпимости к внешним и внутренним врагам гораздо более эффективным инструментом регулирования публичной сферы является самоцензура и добровольное стремление следовать официальным пропагандистским установкам.

Уже 4 августа 1914 г., через три дня с момента объявления войны, в продажу поступили первые открытки по военной тематике. Это были в основном веселые рисунки, которые в карикатурном свете изображали противников как с восточного, так и западного фронтов, а также выражали уверенность в скорой победе немецкого оружия (рис. 1). Типографии в огромных количествах стали выпускать открытки с изображениями кайзера Вильгельма II, главнокомандующего на Восточном фронте против России Пауля Гинденбурга, членов генерального штаба. Кроме того, популярные сюжеты этих дней — проводы призывников на войну, колонны марширующих солдат, демонстрация немецкой военной техники [18, S. 36—37].

Рис. 1. Открытка, высмеивающая противников Германии. 1914 г. [16]

По содержанию открытки, посвященные событиям Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии, можно разделить на несколько групп. Прежде всего, разумеется, публику интересовали собственно военные действия, которые на открытках были представлены почти исключительно рисунками. Причем в первые дни и недели войны они были очень далеки от реальности и по композиции и образному строю скорее напоминали сражения средневековых рыцарей или, на худой конец, битвы времен Наполеоновских войн (рис. 2).

Рис. 2. Захват казачьего знамени в битве при Шталлупёнене (совр. Нестеров Калининградской области) 18 августа 1914 г. [16]

По всей видимости, такой фальшивый образ войны вызвал нарекания со стороны потребителей, поэтому со временем был налажен выпуск продукции, в которой художники старались хоть в какой-то степени следовать правде жизни. С целью убедить покупателей, что им не пытаются сбыть негодный

товар, на открытках стали печатать специальную надпись «Рисунок с натуры» (*Feldskizze*) (рис. 3), которая, впрочем, зачастую оставалась всего лишь рекламным трюком. Большой редкостью были фотографические карточки с мест сражений. В лучшем случае они изображали позиции немецких частей перед началом боя или поле битвы после ее окончания, колонны марширующих солдат, кавалерийский строй, рытье окопов и строительство укреплений, картины повседневного военного быта и т.п. На открытках почти невозможно было встретить сцены насилия, изображения погибших, раненых или изувеченных людей, вряд ли такие сюжеты могли пользоваться спросом у солдат, отправлявших домой весточки с фронта [27].

Рис. 3. Бой при Гумбинне (совр. Гусев Калининградской области).

Открытка изображает атаку немецкой кавалерии на позиции русской пехоты.

На обороте — точная дата: 20 августа 1914 г. и краткий рассказ о победе германской армии [5]

Среди сражений в Восточной Пруссии больше всего открыток было посвящено «Великой победе Германии под Танненбергом», которая в официальной пропаганде подавалась в качестве реванша за поражение при Грюнвальде 1410 г. Помимо бесчисленных «полевых эскизов» самого сражения, появились целые серии рисунков под названиями «Танненбергская купальня» и «Грязевые ванны для русских в Восточной Пруссии», на которых в разных видах изображались сцены бегства русских войск, тонувших в Мазурских озерах и болотах. На эту тему бытовало также множество карикатур (рис. 4).

Еще одна серия цветных открыток «Тильзит в мировой войне 1914 года» была сделана по рисункам В. Бюргера и выпущена в Тильзите (совр. Советск Калининградской области); она пользовалась такой популярностью, что ее напечатали в виде роскошного подарочного комплекта [5]. Одной из популярных тем на фотооткрытках стало изображение поверженной техники и оружия врага — артиллерийских орудий, груд винтовок и особенно обломков сбитых русских самолетов (рис. 5).

Рис. 4. Открытка из сатирической серии

«Грязевые ванны для русских в Восточной Пруссии». 1914 г. [20]

Рис. 5. Обломки сбитого русского самолета близ г. Найденбурга (совр. Нидзица, Польша). 1914 г. [16]

Примерно 2/3 всех выпущенных в 1914—1918 гг. восточнопруссских открыток по военной тематике — это фотоснимки разрушений: пробитые купола храмов, изуродованные артиллерийскими снарядами башни, целые кварталы развалин с остовами зданий и обгорелыми печными трубами на переднем плане (рис. 6). Открытки на эту тему выпускались целыми сериями («Война на Востоке», «Война в Восточной Пруссии», «Опустошение русскими Восточной Пруссии», «Картины войны из Восточной Пруссии», «Во времена русских») по несколько десятков и сотен штук в серии [7, S. 111—113, 136]. Почти во всех случаях указывалось название конкретного населенного пункта, часто прямо

называлась причина нанесенного ущерба (действия вражеских варваров). Например, изображение города Домнау (совр. пос. Домново Калининградской области) сопровождалось подписью «Город с 2000 жителей был полностью разрушен русскими» [5]. Открытки с видами разоренных восточнопрусских городов и сел многими тысячами расходились по всей Германии, не случайно их большими тиражами печатали в Берлине и Лейпциге.

Рис. 6. Разрушения в Шталлупёнене. 1914 г. [5]

Эти сюжеты оказались как нельзя кстати для немецкой пропагандистской машины, так как давали возможность властям объяснить населению цели войны и укрепить боевой дух нации. Ведь после нарушения бельгийского суверенитета и начала войны на два фронта Германия в мировом общественном мнении предстала в роли агрессора. Рассказ о вторжении вероломного врага в Восточную Пруссию и его бесчинствах на немецкой земле должен был поддержать миф об «оборонительной войне», которую пришлось вести Германии, окруженной со всех сторон агрессивными государствами Антанты [26, S. 24—27].

Фотографии развалин, несмотря на их пропагандистскую направленность, представляют собой интереснейший источник, который дает возможность наглядно представить их масштабы и интенсивность боев за Восточную Пруссию. Более того, разрушения в отдельных населенных пунктах задокументированы в десятках снимках⁸, что позволяет, например, с использованием геоинформационных систем и 3D-моделирования произвести очень точные подсчеты нанесенного военными действиями ущерба.

Ту же пропагандистскую цель (Германия — пострадавшая, обороняющаяся сторона в войне) преследовала и еще одна весьма многочисленная серия под общим названием «Восточнопрусские беженцы», изображавшая несчастных, лишившихся крова над головой и всего имущества жителей различных городов и сел охваченной пламенем войны пограничной немецкой провинции (рис. 7).

⁸ Так, сохранилось более 40 открыток с видами развалин Ольстербурга (совр. г. Щитно в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши).

Рис. 7. Открытка из серии «Восточнопрусские беженцы». 1914 г. [5]

Русского человека не может оставить равнодушным серия открыток с фотографиями наших соотечественников, оказавшихся в германском плену на территории Восточной Пруссии. Они изображены на десятках открыток в самых разных ситуациях: идущие колонной под охраной немецких солдат, роющие окопы на линии фронта, выполняющие различные работы по строительству укреплений или расчистке городов от завалов. Немало довольно мирных бытовых сценок, где с первого взгляда трудно отличить военнопленных и их охранников (рис. 8). На многих снимках можно ясно разглядеть симпатичные лица русских солдат и офицеров, оказавшихся на чужбине [3]. Очевидно, что образы военнопленных призваны были внушить подданным кайзера мысль о непобедимости немецкого оружия. Однако американский историк Кеннет Стьюер, специально занимавшийся вопросом использования образов военнопленных

Рис. 8. Русские военнопленные в г. Найденбурге. 1914 г. [5]

в пропагандистских целях, не без иронии заметил, что выпускавшиеся огромными тиражами снимки военнопленных (а их в Германии находилось 2,8 млн из 29 стран), на самом деле, «могли лишь деморализовать немцев, так как являлись наглядной иллюстрацией того, что с Центральными державами воюет большая часть мира» [23, р. 157].

В объектив фотографов очень часто попадали, а затем и тиражировались на печатных станках воинские кладбища, братские могилы и одиночные захоронения с православными крестами павших на поле боя в Восточной Пруссии русских солдат. Пропагандистский потенциал таких образов вполне понятен [7, S. 140—141; 17, S. 276], хотя очень трудно представить себе этические предпочтения и эстетические вкусы покупателей таких открыток.

Интересно проследить, как военная тематика отразилась на открытках, представлявших мирный тыл: военная техника или военнослужащие в обычном городском пейзаже; солдаты, пришедшие на побывку домой, в окружении друзей и родственников; группа военных с девушками отдыхают на пляже в Кранце (совр. Зеленоградск Калининградской области) или Пальменикене (совр. пос. Янтарный Калининградской области) и т.п. [22].

Наконец, нельзя не сказать об интенсивном использовании в пропагандистских целях политической карикатуры, образцы которой уже приведены выше. Сатирический образ, особенно при его многократном повторении, легко впечатывается в сознание, что делает карикатуру не просто иллюстрацией, но и действенным инструментом формирования общественного сознания, создания устойчивых стереотипов о том или ином объекте или событии [26, р. 24—25]. Любопытно посмотреть, как изменился образ русского солдата-пограничника в течение буквально нескольких месяцев после начала войны (рис. 9).

Рис. 9. Слева: фрагмент немецкой открытки 1914 г. с изображением русского пограничника на границе с Восточной Пруссией. Справа: карикатурный образ русского солдата-пограничника «Дмитрия» на открытке, изданной после начала войны [5; 20]

Подводя итоги обзору немецких военных открыток времен Первой мировой войны, нелишним будет вспомнить знаменитое изречение Отто фон Бисмарка о том, что никогда не врут так много, как перед выборами, во время войны и после охоты. В этом смысле немецкие открытки времен Первой мировой войны имеют историческую ценность прежде всего с точки зрения изучения военной пропаганды, а также стереотипов общественного сознания, на которое они оказывали большое воздействие, будучи самым массовым и тиражным источником информации о военных событиях, распространяемых на рыночных условиях спроса и предложения и, стало быть, отражающих существовавшие в то время вкусы и представления широкой публики [10, S. 11, 15]. Вместе с тем часть запечатленной на открытках визуальной информации представляет интерес и для изучения других сфер жизни, связанных прежде всего с историей повседневности.

Список источников и литературы

1. *Издатели* открыток по восточнопруссской тематике. URL: <http://www.eastprussia.ru/izdateli-otkrytok-po-vostochno-prusskoj-tematike/> (здесь и далее дата обращения: 10.01.2016).
2. Курило О. Морские курорты Восточной Пруссии в объективе фотографов с конца XIX века до начала Второй мировой войны // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 63—69.
3. Нагорная О.С. Позитив и негатив: визуализация образа российских военнопленных Первой мировой в русской и немецкой пропаганде (1914—1917) // ОЧЕ-видная история. Визуальные источники по истории России XX века. Челябинск, 2008. С. 115—128.
4. Aalhuizen R. German Postal History. URL: <http://www.aalmeyer.com/1%20website.html>
5. Bildarchiv Ostpreußen URL: <http://www.bildarchiv-ostpreussen.de/index.html.de>
6. Bremm K.-J. Propaganda im Ersten Weltkrieg. Darmstadt, 2013.
7. Brocks Ch. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914—1918. Essen, 2008.
8. Das Bildarchiv des Deutschen Historischen Museum. URL: <http://www.dhm.de/collections-research/sammlungen0/picture-archive.html>
9. Deutsche Digitale Bibliothek. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/>
10. Eckart W.U. Die Wunden heilen sehr schön: Feldpostkarten aus dem Lazarett 1914—1918. Stuttgart, 2013.
11. Eine kleine Geschichte der Ansichtskarte. URL: <http://www.akpool.de/informationen/alte-ansichtskarten>
12. Erster Weltkrieg: Die Feldpost aus den deutschen Schützengräben. URL: <http://www.n24.de/n24/Wissen/History/d/4257106/die-feldpost-aus-den-deutschen-schuetzengraeben.html>
13. Federacja bibliotek cyfrowych. URL: <http://fbc.pionier.net.pl/>
14. Geschichte der Postkarte. URL: <http://www.postkartenparadies.de/geschichte-der-postkarte.php>
15. Heckmann A. Herzliche Grüße von der Front. URL: <http://www.kn-online.de/Schleswig-Holstein/Aus-dem-Land/Der-Erste-Weltkrieg-im-Norden/Serie-Der-Norden-und-der-grosse-Krieg-Postkarten-von-der-Front>
16. Historische Bildpostkarten — Universität Osnabrück (Kämpfe 1914—1918; Heimat und Front 1914—1918). URL: <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/index.php>
17. Holzer A. Die andere Front. Fotografie und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Darmstadt, 2007.
18. Kaufmann G. Die Bildpostkarte in Deutschland. Hamburg, 1965.

19. Krause K. Zur Geschichte der Postkarte. URL: <http://www.zos.uni-kiel.de/zur-geschichte-der-postkarte>
20. *Kriegssammlungen* in Deutschland 1914—1918. URL: <https://www.kriegssammlungen.de/index.php/popup?datensatznr=159>
21. May O. Zur Geschichte der Propaganda-Postkarte. Hildesheim, 2012.
22. Phillips S.A. World War I Postcards. URL: <http://www.worldwar1.com/heritage/postcards.htm>
23. Steuer K. German Propaganda and Prisoners-of-War during World War I // World War I and Propaganda. Leiden, 2014. P. 155—180.
24. Stolpiec M. Historia pocztówki w Polsce i na świecie. URL: <http://www.muzeumtkactwa.pl/index.php/muzeum/artykuly/440-historia-pocztowki-w-polsce-i-na-swiecie>
25. *The postcard* album: postcard printer & publisher research. URL: <http://www.tpa-project.info/>
26. Welch D. Germany, Propaganda and Total War, 1914—1918. The Sins of Omission. New Brunswick, 2000.
27. Wielinga M. Postcards of the First World War. URL: <http://www.wereldoorlog1418.nl/great-war-picture-postcards/01-picture-postcards/index.html>
28. World War I. Prisoners of War on Picture Postcards. URL: <http://www.worldwar1postcards.com/ww1-prisoners-of-war-postcards.php>

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), kostyashov@gmail.com

В. Н. Маслов

Политические и организационные основы деятельности представительного органа Калининграда в период от создания горсовета до первых лет Перестройки¹

Рассмотрены проблемы подготовки и проведения сессий городского совета Калининграда от первого созыва до начала Перестройки. Высказана гипотеза о его роли в управлении городом в советское время.

Ключевые слова: Калининград, городской совет, советы депутатов трудящихся, советы народных депутатов.

Первая сессия Калининградского горсовета состоялась 30 декабря 1947 г. Калининградский городской совет депутатов трудящихся (затем — народных депутатов) формировался и действовал, как и множество других подобных выборных органов власти советской эпохи. Модель его функционирования была транслирована в процессе советизации Калининградской области, со-

¹ В статье использованы материалы книги: Кропоткин А. М. Калининград 70. Калининград: Живем, 2016.

зданной после окончания Второй мировой войны на части бывшей Восточной Пруссии. Конституции СССР закрепляли законодательную власть за представительными советскими органами. Это демократическое положение соблюдалось: регулярно созывались сессии советов всех уровней, принимавшие в зависимости от статуса законы или решения. Однако политическая практика советского времени была такой, что власть в государстве принадлежала партийным комитетам от райкомов и горкомов до ЦК, а также исполнительным органам управления. Е. М. Ковешников, характеризуя отношения местных советов и их исполкомов в советскую эпоху, аргументированно доказывает превосходство исполнительной власти над местными представительными органами [5].

История Калининградского городского совета еще детально не исследована, в настоящее время в связи с предстоящим семидесятилетием горсовета опубликована единственная популярная книга о его деятельности. Следовательно, представляется актуальной задача на основе документов городского совета, отложившихся в Государственном архиве Калининградской области, проверить вывод о формальности власти горсовета, определив одновременно его место и роль в системе управления областным центром.

Приступая к рассмотрению вопроса о реальной политической власти у советских органов городского управления, отметим, что председатель Калининградского облисполкома А. А. Егоров уже 25 августа 1949 г. заявил о работе совета областного центра как аппаратного органа [2, оп. 1, д. 35, л. 299]. Таким образом, руководитель области признал, что в Калининграде горсовет фактически стал структурой исполнительной власти. В выступлениях калининградских депутатов на сессиях нередко подчеркивалось главенство исполнительных органов в Советах. Так, депутат А. И. Маронов на сессии 18 ноября 1948 г. объяснял: «Я думаю, что я не работаю как депутат потому, что мною не руководит исполком» [2, оп. 1, д. 2, л. 451]. Депутаты настаивали на том, чтобы исполком обучил их выполнению депутатских обязанностей. На сессии 19 января 1950 г. член комиссии по образованию А. С. Жуков убеждал горисполком: «Очень важно было бы провести совещание, как у нас было совещание депутатов, не председателей постоянных комиссий, а депутатов... Это совещание дало направление, нацелило депутатов на определенную работу. Если бы такие совещания повторялись периодически, то работали бы значительно активнее» [2, оп. 1, д. 54, л. 4]. А председатель горисполкома В. В. Денисов в 1973 г., рассуждая об активности депутатов, связал ее с деятельностью исполнительной власти. По его мнению, получалось, что не сами народные избранники должны инициировать депутатские запросы, а исполнительный комитет обязан их организовать и «при проведении сессий широко использовать право запросов депутатов» [2, оп. 1, д. 885, л. 170].

По действовавшему тогда законодательству ни главы, ни коллективного руководящего органа, ни аппарата у горсовета не было. На каждой сессии избирались новые председатель и секретарь. Горисполком созывал сессии, формулировал повестки дня; председатель горисполкома подписывал решения горсовета. Вместе с тем городской совет заслушивал и утверждал отчеты исполнительного комитета, создавал его отделы и управления. Горсовет иногда признавал работу структурных подразделений горисполкома неудовлетворительной. Периодически депутаты критически оценивали деятельность всего исполкома, упрекали

его за формально-бюрократический стиль управления городом [2, оп. 1, д. 54, л. 358; д. 311, л. 153—154]. Упомянутые постановления редко влияли на смену начальников отделов горисполкома, критика признавалась правильной, но принципы руководства не менялись.

На первой сессии Калининградского горсовета первого созыва избрали председателя горисполкома, его заместителя, секретаря и членов исполкома, руководителей всех подразделений городской исполнительной власти. Эти решения были приняты единогласно и без обсуждения. Депутаты не откликнулись на призыв председателя сессии, директора вагоностроительного завода В. П. Горбунова высказать мнение о кандидатурах руководителей и составе комиссий городского совета. Видимо, сказалось то, что органы советской власти продолжали формироваться, депутаты, недавно приехавшие в Калининград, мало знали друг друга, имели слабое представление о городском руководстве.

На первой сессии горсовета второго созыва 28 декабря 1950 г. ситуация была несколько иной. Перед голосованием по кандидатуре заместителя председателя горисполкома И. Г. Зотова выступил депутат А. А. Коледов, заявивший, что при положительных результатах работы Зотов допускал «медлительность в решении ряда вопросов». От секретаря горисполкома В. П. Басенко потребовали рассказать биографию. Критические выступления прозвучали при выдвижении кандидатур заведующих отделами и начальников управлений горисполкома. Депутат К. Ф. Щёкин отметил, что горжилуправление, которое возглавлял Л. Б. Турецкий, работало плохо, на него постоянно жаловались горожане. Депутат А. В. Скокина высказала много претензий в адрес заведующего отделом торговли В. С. Воробьева. Примечательно, что каждый выступивший депутат обязательно подчеркивал поддержку критикуемых кандидатов, единогласно избранных в итоге на руководящие должности [2, оп. 1, д. 55, л. 7—9, 11, 13—15]. Следует отметить, что не всегда выборы завершались единогласным голосованием. К примеру, на сессии 19 марта 1957 г. против избрания в исполнительный комитет двух городских чиновников проголосовали в одном случае 33 и в другом — 14 депутатов [2, оп. 1, д. 227, л. 7].

Со второй половины 1950-х гг. обсуждения кандидатов на руководящие посты в горисполкоме уже не было. При снятии с должности начальников такого ранга за плохую работу или проступки прения, как правило, не открывались, депутатов только информировали о необходимости утвердить уже свершившееся кадровое решение (см., напр.: [2, оп. 1, д. 129, л. 143]).

Совет никак не влиял на выдвижение кандидатуры председателя горисполкома или на его освобождение от должности. К избранию председателя рекомендовал руководитель облисполкома или городского комитета Коммунистической партии. Традиционно главу горисполкома избирали без обсуждения и единогласно. Первым руководителем горисполкома стал П. Х. Мурашко, исполнявший эти обязанности с 26 июля 1947 г. в соответствии с решением Секретариата ЦК ВКП(б) [2, оп. 116, д. 313, л. 85]. В 1949 г. в рамках «ленинградского дела», по которому репрессиям подверглись многие партийные и советские деятели, ранее трудившиеся в Ленинграде, П. Х. Мурашко по распоряжению бюро обкома ВКП(б) был снят с работы [1, с. 33—34] (см. также: [2, оп. 1, д. 35, л. 425]). Позднее его увольнение оформили постановлением горсовета.

Следующим руководителем горисполкома рекомендовали С. А. Веселова. В протоколе сессии зафиксирован лишь один аргумент в пользу нового председателя: он командирован в исполком горсовета Центральным Комитетом ВКП(б). Депутаты вновь единогласно и без обсуждения поддержали это предложение [2, оп. 1, д. 54, л. 61].

Один из председателей горисполкома за злоупотребления служебным положением при распределении жилья был снят с работы решением бюро городского комитета КПСС. Первый секретарь горкома проинформировал о вынесенном партийном постановлении депутатов, и они, выслушав согласие председателя горисполкома с предъявленными обвинениями, при одном воздержавшемся одобрили без обсуждения мнение горкома компартии [2, оп. 1, д. 497, л. 165—168].

Городской совет и его депутаты требовались не только для иллюстрации принципов социалистической демократии и принятия необходимых решений, но и для помощи горисполкому в проведении ряда мероприятий, в частности при подготовке заседаний совета. На сессии 19 января 1950 г. такое использование депутатского корпуса, с одной стороны, вызвало недовольство, например, депутата А. П. Карбовского, который проверял работу Сталинградского райисполкома. Он понял, что «оказывается, мы вскрывали недостатки для того, чтобы дать материал для доклада... не будет ли это слишком... для того чтобы иметь материал для доклада... посылать комиссию депутатов... По сути дела, нас, депутатов, можно превратить в простых контролеров и дискредитировать звание депутата». Более того, 27 ноября 1952 г. Ф. П. Терентьева, отвечая на упрек секретаря горсовета о редких выступлениях депутатов на сессиях, пришла к выводу: «А что выступать? Ведь это бесполезно. Мы поговорим, вы бумажку под сукно, и всё». Фактически она вела речь о реалиях, сводивших роль депутатов к политическому минимуму. С другой стороны, факт подчиненности и зависимости депутатов от исполнительной власти решительного протеста или сомнений ни у кого не вызывал. Тот же Карбовский подчеркнул: «Если с депутатами будут работать, то у них будет заинтересованность, появится ответственность за работу, которую поручает горсовет, и люди будут чувствовать себя избранниками народа» [2, оп. 1, д. 54, л. 7; д. 103, л. 178]. Таким образом, признавалось, что городской совет политической самостоятельности не имел, депутаты привычно ожидали указаний от исполнительного комитета.

При таких обстоятельствах проблемы и упущения в деятельности городского совета объяснялись исключительно ошибками или недоработками исполнительного органа власти. К примеру, горисполком оказался виноват в том, что к августу 1949 г. перед избирателями отчитались только три депутата, так как, по мнению его председателя П. Х. Мурашко, повседневно не контролировал проведение этого мероприятия. Если депутаты ни разу не приходили на заседания постоянной комиссии горсовета, значит, предлагал один из участников сессии 19 января 1950 г., аппарат горисполкома должен заставить их выполнять депутатские обязанности [2, оп. 1, д. 35, л. 330; д. 54, л. 2, 10, 13].

Впрочем, без поддержки и доброй воли горисполкома городской совет многие свои задачи объективно выполнять не мог, так как был все-таки представительным учреждением. Это отметила депутат Ю. К. Зайонц, обратившаяся 19 января 1950 г. к руководству горисполкома в связи с наказаниями избирателей с просьбой «помочь нам, депутатам, справиться с наказаниями, чтобы мы перед

своими избирателями авторитета не теряли» [2, оп. 1, д. 54, л. 1]. Реально депутаты повлиять на советских чиновников не могли, оставалось только просить последних.

Впрочем, не все было так однозначно. На сессии 28 декабря 1950 г. депутат В. М. Бычков размышлял о необходимости проверять исполнение решений горсовета его отделами и управлениями. Депутат Н. И. Шепецков пошел еще дальше и потребовал, чтобы председатель горисполкома регулярно докладывал о выполнении решений предыдущей сессии. Если предложение Бычкова утвердили единогласно, то идею Шепецкова председатель сессии отклонил. Однако вмешался председатель облисполкома — депутат А. А. Егоров, уточнивший, что глава исполкома по желанию сессии должен докладывать о выполнении ранее принятых решений. В конце концов, предложение утвердили большинством голосов [2, оп. 1, д. 55, л. 31].

Тогдашний председатель горисполкома С. А. Веселов особо не стремился выполнять данное постановление. На сессии 25 января 1951 г. он сообщил, что получил две записки с напоминанием о необходимости отчитаться о выполнении решений прошлой сессии. Обиженный руководитель городской исполнительной власти в ответ произнес: «Если депутаты желают, то я могу сказать». Далее все же последовал обстоятельный отчет с указанием исполненных задач, существовавших проблем и объяснением причин срыва ряда мероприятий [2, оп. 1, д. 55, л. 94—95].

Следующий председатель горисполкома В. Е. Павлов нередко докладывал об исполнении многочисленных конкретных предложений, прозвучавших на сессиях и не всегда включенных в постановления горсовета (см., например: [2, оп. 1, д. 75, л. 57, 227—228; д. 102, л. 44—45]). Впрочем, это было простое информирование депутатов. Сообщения председателя горисполкома не обсуждались и не анализировались, никакие решения после их заслушивания не выносились. Стенограммы зафиксировали, что и во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. руководители городской исполнительной власти периодически выступали с краткими справками о реализации критических замечаний, высказанных на предыдущих заседаниях [2, оп. 1, д. 129, л. 214; д. 130, л. 301—306; д. 311, л. 257; д. 734]. Позднее такая практика прекратилась, но в архиве сохранились дела, в которых подшиты документы о реагировании городских властей на депутатские предложения.

В совете действовал еще один механизм общения рядовых депутатов с представителями городских властей. Как правило, обширные доклады на сессиях по повестке дня делали председатели или заместители председателей горисполкома, руководители управлений и отделов исполнительного комитета. Чаще всего от заключительного слова они отказывались, но всегда, особенно высокопоставленные чиновники, получали около десятка записок по различным актуальным проблемам городской жизни. Необходимо отметить, что на эти депутатские вопросы давались ответы обстоятельные и по существу. К сожалению, реакция депутатов на них не известна, так как регламент предусматривал после ответов только обсуждение проекта решения.

Наконец, нерешенные проблемы Калининграда достаточно четко обозначались в прениях по повестке дня сессий. Наибольшей остротой и критикой отличались депутатские выступления на заседаниях первых двух созывов до 1953 г.,

когда важнейшей задачей было быстрое восстановление города, пострадавшего от военных действий, а многочисленные недостатки далеко не всегда оперативно и успешно устранялись. Затем накал критики снизился, но обозначение проблемных моментов осталось. На сессии 21 января 1966 г. депутаты, не занимавшие властных постов, выразили недовольство тем, что слово в прениях предоставлялось только руководящим работникам. После этого должностной баланс стал соблюдаться [2, оп. 1, д. 130, л. 279—287; д. 204, л. 115; д. 459, л. 128; д. 579, л. 24; оп. 2, д. 727, л. 30, 108], а выступления рядовых депутатов превратились в озвучивание докладов постоянных комиссий горсовета по традиционной для тех лет и редко нарушавшейся схеме — кратко говорилось о достижениях города и его жителей, основное внимание по-прежнему сосредоточивалось на трудностях. Таким образом, городской совет совершенно не был идеологизированной структурой, фиксировавшей только успехи калининградцев, но выступления депутатов уже не были эмоциональными, отличались сдержанностью в оценках и выводах. Жесткость и размах критики вернулись в некоторые депутатские речи лишь в 1987 г.

Определенной проблемой в деятельности представительного органа власти Калининграда в первом созыве, т. е. в годы его становления, были организационные моменты. Например, на сессии горсовета 25 августа 1949 г. констатировалось, что сроки созыва сессий — один раз в месяц — не соблюдались. К этому времени вместо 19 провели только 11 сессий. Некоторые заседания переносились [2, оп. 1, д. 35, л. 328; д. 54, л. 17, 35; 3, оп. 7, д. 138, л. 110]. На эти нарушения советского законодательства в 1949 г. дважды указывалось в решениях Калининградского облисполкома [3, оп. 7, д. 138, л. 105; д. 145, л. 291].

Сложности возникали на стадии подготовки сессий. Депутаты первого созыва регулярно жаловались на то, что их заблаговременно не оповещали о повестке дня, а некоторым народным избранникам вообще не сообщали о проведении сессий, поэтому они не могли продумать вопросы и подготовиться к выступлениям [3, оп. 7, д. 138, л. 106]. Горисполком согласился с претензиями со стороны депутатов. В извещениях стали указывать повестку дня сессий, знакомить депутатов с проблемами, которые исполком выносил на рассмотрение горсовета. Затем перед каждой сессией за 2—3 недели составлялся план подготовки к ней, определялся наиболее злободневный вопрос, который согласовывался с соответствующими органами управления, назначались конкретные должностные лица, ответственные за подготовку доклада, решений и оповещение членов городского совета, к подготовке привлекались депутаты и актив предприятий и учреждений [2, оп. 1, д. 35, л. 299, 327—329, 450; д. 54, л. 17, 47; 5, оп. 7, д. 145, л. 201].

Депутаты второго созыва просили, чтобы их информировали о повестке дня за месяц, а не за два-три дня до заседания. Однако председатель горисполкома В. Е. Павлов отверг предложение, заявив, что «это не всегда возможно сделать» [2, оп. 1, д. 74, л. 25]. Таким образом, он подтвердил иногда спонтанную подготовку сессий. Впоследствии сессии готовились более основательно с участием одной или нескольких постоянных депутатских комиссий. Пожалуй, особо выделяется подготовка вопроса о застройке и благоустройстве Калининграда к сессии, проведенной 16 апреля 1964 г. Предварительно горсовет обратился к горожанам с предложением высказать замечания и пожелания об улучшении

строительства в областном центре и формировании его архитектурного облика. Горисполком получил почти 60 писем на эту тему; мнения заинтересованных калининградцев были отражены в докладе заместителя председателя горисполкома В. В. Денисова [2, оп. 1, д. 461, л. 173].

Очень серьезным оказался вопрос о явке депутатов на заседания городского совета. Много говорили об этой проблеме 19 января 1950 г. Депутат В. А. Сокольников задался вопросом о качестве работы сессией и посчитал присутствовавших на заседании: «Я специально прикинул, сколько в зале осталось товарищей (из 259 депутатов. — В. М.); вот внизу в зале всего 84 человека, да наверху человек 15, всего 99 человек. Из этого количества половина гостей, приглашенных товарищей. Тов. Серов, открывая сессию, скромно умолчал, сколько числится, сколько присутствует депутатов, и вообще правомочна ли сессия?» Некоторые депутаты совсем не приходили на сессии, а руководители разных рангов чаще всего слушали доклад, а потом покидали заседание [2, оп. 1, д. 54, л. 1, 35]. Заместитель председателя горисполкома Н. С. Серов сообщил, что количество отсутствовавших на сессиях постоянно увеличивалось [2, оп. 1, д. 54, л. 48; 5, оп. 7, д. 138, л. 106, 110]. На одном из заседаний горсовета заведующий организационно-инструкторским отделом облисполкома Н. П. Ронжин констатировал, что в связи с неудовлетворительной явкой отдельные сессии были неправомочны [2, оп. 1, д. 54, л. 17]. Правда, их решения под сомнение не ставились. Депутаты второго созыва вновь обратили внимание на неудовлетворительное посещение коллегами сессий горсовета [2, оп. 1, д. 74, л. 18, 23; д. 75, л. 233—234]. Впоследствии ситуация нормализовалась, кворум на сессиях был, но явку некоторых депутатов на сессии так и не смогли обеспечить. В стенограммах практически не упоминается о том, какой была обстановка в ходе заседаний, насколько внимательно депутаты слушали выступления. Лишь на сессии 22 декабря 1960 г. промелькнуло замечание, что «даже на сегодняшней, отчетной сессии, внимание присутствующих в зале не приковано к обсуждаемому вопросу. Некоторые в зале во время доклада читали газеты, некоторые дремали» [2, оп. 1, д. 311, л. 152].

Еще одна проблема периодически затрагивалась на сессиях — эффективность принимаемых решений. Депутаты постоянно констатировали, что или исполнение постановлений не проверяется, или проверки проводятся с большим опозданием. Вопросы об исполнении решений совета первого созыва несколько лет ни разу не ставились, поэтому их систематически игнорировали органы власти, организации и учреждения. Депутат Ю. К. Зайонц в связи с этим подчеркнула, что еще на 1-й сессии в конце 1947 г. горсовет потребовал наладить снабжение потребителей электроэнергией, но до января 1950 г. ситуация не улучшилась [2, оп. 1, д. 35, л. 273, 279; д. 54, л. 21]. Она же 27 июля 1950 г. сообщила: «Сегодня, как и год назад, мы обсуждаем... вопрос о жилищном строительстве и эксплуатации жилого фонда и сегодня отмечаем те же недостатки, как и в прошлом году. Ремонт производится плохо, крыши текут, водосточных труб нет, водопровод засорен, отсутствует противопожарный инвентарь, выгребные ямы и т.д., в некоторых домах содержится скот» [2, оп. 1, д. 54, л. 300].

Впоследствии ситуация практически не менялась. Например, 22 февраля 1951 г. одна из депутатов рассуждала: «Мы много просидели бессонных ночей, много испортили бумаги, много вынесли решений, но забыли их проверить». В 1952 г. депутат М. П. Сугрбов и секретарь горисполкома Г. Я. Линер конста-

тировали, что решения горсовета не выполняются [2, оп. 1, д. 55, л. 139; д. 103, л. 104, 108, 109, 199] (см. также: [2, оп. 1, д. 74, л. 18]). Депутат В. П. Шевченко привела конкретные примеры. В частности, она обратила внимание на то, что одна из сессий постановила ликвидировать на трамвайном кольце в районе площади Победы палатки, в которых торговали спиртными напитками, но они продолжали работать [2, оп. 1, д. 103, л. 175].

Лишь с конца 1950-х гг. депутаты городского совета стали часто заслушивать и принимать к сведению информацию о выполнении решений предыдущих сессий, а затем на заседания специально выносились вопросы о реализации постановлений по важнейшим проблемам городской жизни [2, оп. 1, д. 281, л. 161; д. 462, л. 39; д. 993, л. 184, 276—281; д. 994, л. 216—221].

В первые годы горисполком не спешил с оформлением материалов и протоколов сессий, их постановления рассылались с большим опозданием. На заседании облисполкома 18 июля 1949 г. отмечалось, что, например, решение сессии «О состоянии и мерах улучшения торговли в городе Калининграде», принятое 27 января, было разослано только 16 февраля, хотя ряд мероприятий торгующие организации должны были выполнить к 1 февраля [3, оп. 7, д. 138, л. 106].

При обсуждении решений на сессиях порой возникали разногласия и вносились изменения в предлагавшиеся горисполкомом документы. Первый раз протокол зафиксировал поправки в заранее подготовленный проект постановления 25 августа 1949 г. Все дополнения приняли единогласно [2, оп. 1, д. 35, л. 300—301]. На сессии городского совета 27 июля 1950 г. проект решения вновь реально рассматривался, в него вносились изменения. Разные мнения о завершении сроков текущих ремонтных работ в коммунальном хозяйстве высказали один из депутатов и заместитель председателя горисполкома. При голосовании впервые не было единодушного мнения, причем большинство депутатов поддержали мнение коллеги по депутатскому корпусу, а не руководителя [2, оп. 1, д. 54, л. 323—325, 356]. Несколько иная ситуация сложилась 5 октября 1950 г. При оценке деятельности треста «Водоканал» сначала прозвучало мнение о том, что организация работала неудовлетворительно. Некоторые участники сессии засомневались в справедливости такого вывода. Депутаты голосовали — редкий случай — трижды; в результате большинство дважды высказалось за «неудовлетворительно» [2, оп. 1, д. 54, л. 439, 440].

Депутаты не только заседали на сессиях, еще одной формой работы городского совета являлись депутатские запросы. Первый запрос был сделан 17 сентября 1964 г. Обычно запрос подавался одним или несколькими депутатами по какой-либо актуальной проблеме; руководители, которым он адресовался, обязательно давали ответ на сессии. Разъяснения должностных лиц чаще всего не обсуждались. По депутатскому заявлению принималось постановление, которое обязывало городские службы или организации в кратчайшие сроки устранить имевшиеся недостатки. Запросов было немного — после упомянутой сессии за 23 года последовало 19 подобных заявлений. Обычно запрос поступал в виде письменного обращения в горсовет. Исключением стал период Перестройки. Депутат Ю. Н. Иванов в 1986 г. в «Калининградской правде» опубликовал статью «Депутатский запрос», в которой рассказал, в частности, о разбитых дорогах на многих калининградских улицах, поврежденных скульптурах на острове Канта, замерших стройках культурных объектов. Писатель Иванов

попросил рассматривать эту публикацию как «депутатский запрос к Калининградскому горисполкому. Как и другие калининградцы, я хочу услышать четкий, ясный ответ на вопросы: какие конкретно меры принимаются, чтобы вывести город из того плачевного состояния, в котором он находится?» Сессия горсовета признала запрос справедливым, наметила мероприятия, которые могли улучшить ситуацию, но ухудшившееся экономическое положение не позволило воплотить их в жизнь [2, оп. 1, д. 462, л. 27—28; д. 578, л. 150; д. 742, л. 42, 69; д. 783, л. 63; д. 846, л. 258; д. 885, л. 14, 54—55; д. 886, л. 344—345; д. 951, л. 16; д. 993, л. 135; оп. 2, д. 2, л. 138; д. 170, л. 67; д. 171, л. 105; д. 264, л. 25; д. 348, л. 17; д. 643, л. 34, 78—79; д. 726, л. 33, 147; д. 816, л. 106; д. 928, л. 28; 29—31; д. 931, л. 175; 4].

В соответствии с законом многие из депутатов были включены в постоянные комиссии совета: бюджетно-финансовую, местной промышленности, коммунальную, жилищно-строительную, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, культурно-просветительной работы, торговую, транспорта и связи, содействия развитию огородничества и садоводства и др. Перед горсоветом, его исполкомом и самими комиссиями стояла задача организовать работу этих объединений депутатов, чтобы содействовать налаживанию нормальной жизни в областном центре. Решение данной проблемы оказалось не простым делом.

На сессии городского совета Калининграда 25 августа 1949 г. председатель облисполкома А. А. Егоров отмечал, что из 11 постоянных комиссий больше половины не действовали или собирались от случая к случаю. Через несколько месяцев в постановлении горсовета был повторен этот вывод [2, оп. 1, д. 35, л. 299, д. 54, л. 35]. Облисполком констатировал, что многие комиссии горсовета ни разу не подготовили содоклады при обсуждении тем, входивших в сферу деятельности депутатских объединений [3, оп. 7, д. 138, л. 106].

Конечно, ситуация в комиссиях была разной. Так, работа коммунальной комиссии первого созыва отличалась неравномерностью. Сначала она развила бурную деятельность, депутаты на заседания созывались 12 раз. Если учесть, что все трудились на производстве или в учреждениях, то совещались они часто. Впрочем, усилия этой, да и других комиссий были сведены к предоставлению горисполкому «дополнительных ценных материалов», поэтому активность членов комиссии скоро снизилась. Положение попытались исправить, поручив депутатскому объединению участие в разрешении животрепещущей и острой проблемы — очистке города от завалов. Однако и во втором созыве положение мало изменилось. На сессии 29 ноября 1951 г. зафиксировано, что комиссия по поручению горисполкома только готовила материалы для сессий, сама же не выдвигала вопросов перед исполнительным органом, не проверяла решения горсовета, выполнение наказов избирателей [2, оп. 1, д. 54, л. 12; д. 75, л. 144].

Вряд ли только горисполком и его подразделения повинны в неудовлетворительной работе постоянных комиссий. Много зависело от позиции депутатов, их политических возможностей, решимости отстаивать интересы других людей и всего города. При этом материалы, собранные депутатами, порой не использовались исполкомом, складывалось впечатление о ненужности и формальности справок и принятых комиссиями решений. Депутаты первого созыва говорили об этом на сессиях. Ю. К. Зайонц рассуждала о жилищ-

но-строительной комиссии: «В чем ее работа выражается? Собираемся, проверяем, даем материал, а дальше ничего не двигается, что дальше неизвестно. В результате дела остаются в папках, а лопнувшие трубы, замерзшие канализации, неподготовленные к зиме дома — на деле» [2, оп. 1, д. 54, л. 22]. На несоответствие между государственными обязанностями депутатов и их реальной ролью в управлении городом обратил внимание депутат А. С. Жуков из комиссии по образованию: «Действительно, когда мы готовим материал, то он не вносится в проект решения, остается неиспользованным, поэтому он остается в папке, теряет свою ценность, а наш труд просто пропадает, и теряется заинтересованность в работе» [2, оп. 1, д. 54 л. 2].

Результативность многих комиссий не была высокой. Депутат С. А. Макушина, проанализировав работу культурно-просветительной комиссии, убедилась, что, несмотря на проверки кинотеатров, клуба целлюлозно-бумажного комбината и зоопарка, все предложения комиссии остались только на бумаге, их выполнение комиссия не проверяла [2, оп. 1, д. 54, л. 8].

В ряде комиссий организационные трудности были преодолены, и можно говорить о некоторых достижениях. Депутат А. С. Жуков, входивший в комиссию по образованию, доложил сессии: «В 1948 г. наших депутатов встречали не раз с пренебрежением, широко открыв глаза: “Откуда вы взялись?”... Нами были приняты меры. Теперь, когда наши депутаты приходят для проверки детских садов или детских домов, их встречают почтительно, считаются с ними» [2, оп. 1, д. 54, л. 2]. И все же проблемы в общении депутатов с должностными лицами остались. На сессии 30 июля 1953 г. депутат Г. Е. Татарина рассказала коллегам, что продавец одной из палаток не пустил ее для проведения проверки, заявив, что депутатов «по городу шляется очень много... Пусть приедет комиссия из Москвы, тогда пушу» [2, оп. 1, д. 129, л. 309].

На сессиях первого созыва особо подчеркивалась активная деятельность комиссий по торговле, здравоохранению, бюджетно-финансовой [2, оп. 1, д. 35, л. 329—330; д. 54, л. 51]. В 1951 г., с одной стороны, отмечались положительные моменты в работе комиссии транспорта и связи. Депутаты провели восемь заседаний, обследовали все отделения связи, центральный телеграф, автотранспортную контору, железнодорожный вокзал. Реализации решений комиссия добивалась через горисполком, иногда в министерствах связи и автомобильного транспорта, в управлении Литовской железной дороги. Благодаря усилиям депутатов были увеличены ассигнования на капитальный ремонт отделений связи. По инициативе комиссии в Калининграде телеграф перешел на двухсменную работу, открылись два новых городских отделения связи, автотранспортная контора получила 17 автобусов и 8 таксомоторов. С другой стороны, с этой комиссией связана редко случавшаяся конфликтная ситуация, зафиксированная в протоколе одной из сессий горсовета. Разногласия с горисполкомом в данном случае имели политический характер. Секретарь исполкома В. П. Басенко, отстаивая властные права исполнительного комитета, резко критиковал комиссию за присвоение административных функций и дублирование деятельности горисполкома. Комиссия проявила неслыханную инициативу и пыталась реально управлять некоторыми организациями. Она в обход горисполкома установила задания по восстановительным работам начальнику 6-го отделения железной дороги, директору ресторана при железнодорожном вокзале, начальнику

участка № 23 строительно-восстановительных работ и, более того, требовала выполнения своих решений. Горисполком недвусмысленно пресек эти поползновения на властные полномочия. В ответ депутат А. Н. Черкасов обвинил Басенко в напрасных нападках на комиссию, призвал горисполком поддержать депутатские усилия, направленные на устранение выявленных недостатков: «По-моему, не зазорно, если те вопросы, которые не охватил горисполком, комиссия транспорта и связи решила» [2, оп. 1, д. 75, л. 100, 103, 106, 144]. Разногласия разрешились в пользу исполнительного органа власти, не поощрялись даже ростки политических амбиций депутатов.

На последующих сессиях преобладала негативная оценка комиссий, большинство из них в полной мере работу так и не наладили. Депутат В. П. Шевченко, основываясь на опыте комиссии по народному образованию, пришла к выводу, что этим депутатским объединениям присущ кампанейский характер деятельности, зависевший от вопросов, которые горисполком выносил на обсуждение в горсовете [2, оп. 1, д. 103, л. 145, 148, 174, 175].

Постепенно в практику работы городского совета вошли периодические отчеты постоянных комиссий; содокладчиками при рассмотрении важнейших вопросов повестки дня обязательно становились председатели или члены соответствующих постоянных комиссий.

Для укрепления связей горсовета с избирателями с 1966 г. организовывались депутатские группы, объединявшие депутатов, избранных в одном микрорайоне. В одной из справок горисполкома рассказывается о работе таких групп. В документе с явным преувеличением утверждается, что «отдельные депутатские группы стали подлинными хозяевами своего микрорайона». Так, в поселках Суворовский и Шоссейный Балтийского района «группа взяла под контроль одну из важнейших форм работы депутатов — прием избирателей. Члены группы были обеспокоены тем, что на прием шло мало избирателей. А живое непосредственное общение было необходимо. И члены группы начали со знакомства с своими избирателями. Они заходили в каждый дом, говорили о разном. Одни благодарили за внимание, обменивались с ними о последних событиях. Другие высказывали просьбы» [2, оп. 1, д. 544, л. 71; д. 849, л. 1; оп. 2, д. 540, л. 89]. В принципе, этим очерчивался круг деятельности городского совета, который рассматривал наказания избирателей и все вопросы жизни областного центра.

Таким образом, стенограммы и протоколы сессий Калининградского городского совета свидетельствуют об отсутствии у данного выборного органа реальной политической власти в советское время. Несмотря на то что данная проблема депутатами никогда специально не рассматривалась, такой вывод можно сделать на основе ряда принципиальных высказываний калининградских депутатов и руководителей горисполкома на сессиях первого и второго созывов. Вместе с тем с трибуны сессий депутаты имели возможность обратить внимание властей на важнейшие проблемы городской жизни, требовавшие оперативного решения. Горисполком и горком компартии во многом учитывали депутатские выступления. В силу этого городской совет являлся одним из механизмов передачи информации от избирателей управленческим структурам об актуальных потребностях калининградцев в бытовой, хозяйственной и социально-культурной сферах.

Список источников и литературы

1. *Автобиография* первого председателя Калининградского горисполкома П. Х. Мурашко / публ. Ю. В. Костяшова // Калининградские архивы. Калининград, 2007. Вып. 7. С. 32—36.
2. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-216 (Калининградский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет).
3. ГАКО. Ф. Р-297 (Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет).
4. Иванов Ю. Н. Депутатский запрос // Калининградская правда. 1986. 4 апр.
5. Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903—1991)).

Об авторе

Виталий Николаевич Маслов — канд. ист. наук, доц. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), VMaslov@kantiana.ru

Г. В. Кретинин

Домнау / Домново как «место памяти»¹

На примере поселка Домново в Калининградской области исследованы вопросы формирования региональной политики памяти. Охарактеризованы географические особенности территории Восточной Пруссии, в 1807 г. повлиявшие на развитие военных действий в ходе франко-русско-прусской войны 1806—1807 гг. Военно-географические аспекты, в свою очередь, в более позднее время сыграли особую роль при изменении «мест памяти» в немецком и российском исторических ландшафтах.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Восточная Пруссия, «места памяти», памятники истории, региональная политика, сохранение памятников.

Наполеоновская кампания 1806—1807 гг. имеет самое непосредственное отношение к Восточной Пруссии. На территории сегодняшней Калининградской области произошли наиболее известные события франко-русско-прусской войны: Прейсиш-Эйлауское сражение 7—8 февраля 1807 г. (здесь и далее даты приведены по новому стилю), Фридрихсбургское сражение 14 июня 1807 г. и подписание Тильзитского мира (7 июля 1807 г. — между Россией

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

и Францией, 9 июля — между Пруссией и Францией). Эти события нашли отражение в скульптуре, архитектуре, топонимике. Им посвящены научные исследования, многочисленные художественные произведения, картины, на которых изображены батальные сцены и дипломатические переговоры.

Как правило, в стороне — в буквальном и переносном смысле — остается главный город провинции Кёнигсберг. Между тем он был одной из целей кампании Наполеона: и как база снабжения русских войск, и как город, выполнявший после взятия французами Берлина столичные функции.

Главкомандующий русскими войсками генерал Л. Беннигсен, отступая с армией долиной реки Алле (сегодня Лына — в Польше, Лава — в Калининградской области РФ) в глубь провинции, пытался сдерживать превосходящие силы французов. Однако решить две задачи — защитить Кёнигсберг и соединиться с подкреплениями, двигавшимися из России в Восточную Пруссию, к Тильзиту (Советск) и к Гумбинену (Гусев), — он не мог. Сосредоточив основные силы к Кёнигсбергу, Беннигсен рисковал попасть в окружение, и Наполеон записал бы в свой актив еще одну победную кампанию.

Десятого июня, после сражения при Гейльсберге (Лидзбарк-Варминский, Польша), Беннигсен принимает решение двигаться в северную часть провинции через Бартенштейн (Бартошице, Польша), Фридланд (Правдинск), Велау (Знаменск Гвардейского района) на соединение со свежими дивизиями, а частью сил, совместно с корпусом прусского генерала Лестока, прикрыть Кёнигсберг. На соединение с войсками генерала Лестока сразу после сражения при Гейльсберге был направлен отряд генерала Н. Каменского ([7, с. 269, 271—272]; см. также: [8, с. 319]). Как указывает немецкий исследователь О. Леттов-Форбек, Беннигсен определил направление движения отряда Каменского на Мюльхаузен (Гвардейское Багратионовского района) и далее к Кёнигсбергу: «Заслуживает также внимания усиленный марш, исполненный войсками Каменского 30 и 31 мая (по старому стилю. — Г. К.). В течение 24 часов эти войска прошли из Гейльсберга через Бартенштейн, Лампаш (Надеждино Багратионовского района) и Удерванген (Чехово Багратионовского района) по распутившимся дорогам более 45 верст» [7, с. 372].

Однако маршрут движения отряда Каменского, который указал Леттов-Форбек, неточен. Дело в том, что Наполеон также предпринял усилия по выдвиганию своих войск к Кёнигсбергу. Он поставил эту задачу коннице Мюрата и корпусам Сульта, а затем и Даву, а сам начал движение от Прейсиш-Эйлау к Фридланду. Каменский, видимо, уже во время марша понял, что кратчайший путь из Бартенштейна к Кёнигсбергу через Лампаш уязвим со стороны французов и принял решение уклониться вправо (по карте), к Домнау (Домново Правдинского района) [8, Карта военных действий от Гейльсберга до Фридланда, № 20]. Так в историографии войны появился населенный пункт Домнау, название которого вынесено в заголовок настоящей статьи.

Началась «гонка» к Кёнигсбергу. Через некоторое время после отряда Каменского через Домнау прошли войска Наполеона, выдвигавшиеся к Фридланду. Каменский и Наполеон разминувшись, естественно, никаких масштабных боевых действий в этом населенном пункте между французскими и русскими войсками не произошло. Оба полководца достигли цели своих маршей, Каменский — Кёнигсберга, Наполеон — Фридланда, оба добились успеха. Но о победе Наполеона известно, а вот об успехе Каменского в историографии почти не упоминается.

В 2009 г. в Калининграде вышла в свет научно-популярная книга черняховского историка В. Н. Хабибуллина «Генерал Николай Михайлович Каменский» [22]. В ней представлен возможный вариант той роли, несомненно значимой, которую сыграл Н. М. Каменский в обороне Кёнигсберга. Но в книге не оценивается значение обороны Кёнигсберга, бои за который начались 14 июня, в один день с Фридландским сражением. Бои были не активные, Султ побаивался штурмовать устаревшие укрепления города, прикрытые русско-прускими войсками. Он ограничился его незначительной бомбардировкой, а русско-прусская войска по приказу Беннигсена к исходу 15 июня оставили Кёнигсберг и двинулись к Тильзиту на соединение с основными силами русской армии. Только 16 июня французские войска смогли занять город, потеряв под его стенами двое суток (см. об этом: [6, с. 277]).

Сегодня можно только рассуждать, что могло произойти, если бы Султ занял Кёнигсберг 14 июня и со свежими силами, например, через Лабиау (Полесск), Гросс-Скайстирен (Большаково Славского района) вышел на расстроенные боевые порядки русской армии, отступавшей от Фридланда к Тильзиту. Тильзитского мира могло ведь и не быть.

Простое изменение маршрута движения русских войск с Мюльхаузена — Кёнигсберг на Домнау — Кёнигсберг 11 июня 1807 г. сыграло важную роль в защите Кёнигсберга и в завершении всей военной кампании 1806—1807 гг.

* * *

Война с разрушениями и потерями пришла в Домнау в 1914 г., когда в ходе боевых действий населенный пункт был занят русскими войсками. После окончания этой войны жители Домнау в память о своих земляках установили в центре города небольшую колонну с навершием в виде креста. Через 30 с небольшим лет населенный пункт вновь пострадал от развернувшихся здесь боев.

Изменение регионального ландшафта памяти началось в первые послевоенные годы. Памятник Первой мировой войне сохранялся некоторое время после окончания боевых действий в 1945 г., но затем был утилизирован. Уцелела только полукруглая стенка из бутового камня и небольшой постамент, который существовал до второй половины 1950-х гг.

Сразу после боев в Домнау на братской могиле советских воинов соорудили временный памятник. Учитывая масштабность задач по восстановлению и благоустройству населенных пунктов страны, советское правительство в феврале 1946 г. издало специальное постановление, которым регламентировало порядок благоустройства братских могил и кладбищ воинов Советской армии, павших в годы войны. Эта деятельность в Правдинском районе развернулась в 1947 г., но только в 1952 г. был установлен монумент, сохранившийся до наших дней. Ремонтно-реставрационные работы на нем проводились в 1975-м, 2003-м и 2014 г. [4, с. 233].

Дальнейшее развитие региональной политики памяти следует связывать с реакцией областных партийных и государственных областей на постановление Совета Министров СССР 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [9].

Реализуя положения этого постановления в Калининградской области, в 1950 г. местные власти провели первую ревизию и составили первый «Список памятников культуры». В приложении 2 к решению облисполкома указано, что в области имеются два памятника (Барклаю де Толли под Черняховском и надгробие на могиле Канта в Калининграде), «установленные немцами» [19, л. 162].

Ситуация складывалась противоречивая. С одной стороны, руководство области имело на руках конкретный документ (постановление правительства), которым регламентировалась деятельность по охране памятников истории и культуры. С другой — «собственных» советских памятников еще не появилось. Между тем в Калининграде и области были здания, сооружения, памятники, которые могли быть «взяты под охрану».

Естественно, облисполком не мог самостоятельно принять решение об охране немецких памятников культуры и истории. Еще в декабре 1949 г. заместитель председателя облисполкома В. Кролевский, обратившись с письмом к секретарю областного комитета ВКП(б) В. Щербакову, особо выделил в проекте решения фразу «об учете и охране *исторических памятников* (курсив мой. — Г.К.) в Калининградской области» и попросил дать на этот счет «указание Облисполкому». Проект решения рассматривался в обкоме партии около трех месяцев. Согласие В.В. Щербакова с лаконичной визой «За» было получено только 23 февраля 1950 г. [14, л. 163].

Следует заметить, что реализация правительственного Постановления о сохранении памятников в Калининградской области затруднялась отсутствием системной информации, специалистов, соответствующих структур, которые могли бы аккумулировать сведения историко-культурного значения, вести исследовательскую и просветительную работу не только в целях идеологического противостояния, но и для изучения края, в котором волею судьбы оказались его новые жители. Значительно затруднялась и деятельность самих административных органов, на которые возлагалась эта работа. Достаточно сказать, что выявлением, учетом и контролем за сохранностью памятников в 1950-х гг. на областном уровне занимался всего один сотрудник — Франц Логвинович Лавренков, предпринявший попытку составить более полный перечень памятников истории и культуры Калининградской области [10, с. 106]. В городах и районах для реализации этой цели привлекались сотрудники отделов культурно-просветительской работы, стажировались студенты Калининградского педагогического института. В частности, паспорт памятника на могиле советских воинов в Парке Победы на улице Горной (на холме) впервые был составлен студенткой Р.И. Усачёвой 27 декабря 1952 г. [13, л. 5—10].

Работы по учету памятников, особенно в 1950-е, да и в 1960-е гг. и позже, велись преимущественно в одном направлении. Внимание обращалось прежде всего на памятники, имевшие отношение к российской истории.

Калининградцам пришлось как сохранять памятники и сооружения довоенной постройки, так и возводить свои, российские. И не только на братских могилах. Так, в 1953 г. в Калининграде был установлен памятник М.И. Кутузову, перенесенный впоследствии в Правдинск. В 1956 г. в том же Калининграде возведен памятник полководцу А.В. Суворову, посетившему в свое время здесь отца — Василия Ивановича, занимавшего в провинции Пруссия в период Семилетней войны (1756 — 1763) должность губернатора [1, с. 16, 17]. Автором бюстов российских полководцев считается скульптор Я. Лукашевич. Примечательно, что бюст

Суворова по проекту архитектора Е.П. Тронина до 1984 г. размещался на постаменте кёнигсбергского памятника Бисмарку (скульптор Ф. Ройш). Затем бюст Суворова установили на современный постамент [12]. В 1954 г. в Багратионовске открывается памятник П.И. Багратиону (автор — скульптор О.Н. Аврамченко). Наконец, в 1957 г. в Междуречье (бывший Норкиттен) под Черняховском (Ин-стербург) в честь 200-летия победы русской армии над прусскими войсками при Гросс-Егерсдорфе был установлен памятный монумент (скульптор неизвестен).

Наиболее активно региональная политика исторической памяти в это время реализуется в местах, связанных именно с наполеоновской кампанией 1806—1807 гг. В очерке о памятниках славы русского оружия В.Н. Балязина этому периоду уделена отдельная глава [1, с. 20—29].

Незадолго до появления брошюры калининградского историка произошло еще одно событие, менее известное и до настоящего времени не оцененное должным образом в региональной историографии.

Двенадцатого октября 1955 г. в газете «Колхозная правда» Правдинского райкома КПСС и районного совета депутатов трудящихся опубликовали фотографию памятника генералу Н.Н. Маковскому, командиру Санкт-Петербургского гренадерского полка, погибшему 14 июля 1807 г. в ходе Фридландского сражения ([5]; см. также: [3, с. 106]). Памятник, сохранившийся до наших дней, был установлен во Фридланде в 1867 г., на месте захоронения генерала. В действительности же под Фридландом погиб генерал Н.Н. Мазовский, командир Павловского гренадерского полка. Много лет спустя ошибки были выявлены, в современных публикациях об этом памятнике упоминается фамилия Мазовский, хотя на памятнике сохранился изначальный текст [10, с. 599—600].

Сопроводительная заметка к фотографии в «Колхозной правде» была краткой. Более подробной информации и не могло быть. Сведения о том, что памятник установлен немцами русскому генералу, воспринимались бы как нелепость. В других районных изданиях того времени фотографий на тему довоенной истории вообще не публиковалось. Населению Правдинского района впервые сообщалось, что в отношениях русских и немцев не всегда существовала непримиримая вражда. Однако эта фотография одновременно требовала расширенных комментариев историков, идеологических работников: в честь какого события установлен памятник?

Понятно, что с учетом состояния библиотек жителям Правдинского района, впрочем, как и области, получить такую информацию было весьма затруднительно. Тем более необычным стало появление в той же газете Правдинского района от 14 июня 1957 г. статьи Г. Богданова «От Вислы до Немана (К 150-летию сражений при Пр. Эйлау и Фридланде)», которая излагала в конспективной форме основные события той войны. Скорее всего, именно в ней впервые в областной периодической печати, уже после кампании послевоенных переименований, прозвучал топоним Домнау. В статье сообщалось, что «Наполеон... форсированным маршем двигается через Домнау к Фридланду, не приостанавливая движение корпусов ... Сульта и Мюрата к Кёнигсбергу» [5].

В настоящее время практически невозможно установить, по чьей инициативе партийно-советские власти региона решили отметить факт кратковременного пребывания в Домнау в июне 1807 г. отряда генерала Н.М. Каменского, в последующем сыгравшего значительную роль в нейтрализации послефридландской инициативы Наполеона. Естественно, о марше отряда Каменского

на Кёнигсберг через Домнау в регионе мало кто знал. Но Домново находилось на территории активных боевых действий наполеоновского периода. Это обстоятельство и сыграло свою роль в формировании «места памяти».

Можно предположить, что по инициативе местных властей в середине 1950-х гг. было решено использовать пустовавший фундамент немецкого памятника Первой мировой войне в центре Домново. Памятник советским воинам, павшим при взятии Домнау в 1945 г., уже существовал. Можно было просто снести довоенный фундамент. Однако власти пошли другим путем. Документы сообщают, что первоначально на фундаменте немецкого памятника был установлен «монументальный памятник русским воинам, погибшим в Отечественной войне 1812 г.» [20, л. 176, 185]. Затем история получила продолжение.

В 1959 г. мемориал в Домново стал именоваться «Памятник-обелиск русским воинам, погибшим в 1813 г.» [10, с. 106]. Впрочем, это название просуществовало недолго. В плане мероприятий по благоустройству воинских кладбищ и памятников культуры по Правдинскому району на 1961 г. отмечается, что на «памятнике русским воинам» необходимо обновить надпись и «сделать оградку» [17, л. 150, 168]. Временная обезличенность памятника просуществовала несколько лет. «Забеспокоились» областные власти. В конце декабря 1967 г. появляется новое название: «Могила русских солдат 1807 г.» [15, л. 280—282]. Однако и оно оказалось неудачным. О боях в районе Домнау с французами в июне 1807 г., тем более о потерях здесь русских войск в историографии не сообщалось. Попытка найти истину путем обращения областного управления культуры в недавно образованное Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) оказалась безуспешной. Калининградское областное отделение ВООПИК, со своей стороны, в 1968 г. рекомендовало облисполкому обратиться за соответствующей консультацией в Министерство культуры РСФСР. Министерство же согласилось с названием, предложенным ранее областным органом власти [21, л. 29].

В областном отделении ВООПИК на рубеже 1960—1970-х гг. наконец созрело понимание недостоверности факта (боев в Домнау в 1807 г.), в подтверждение которого якобы был сооружен памятник. В учетных документах управления культуры 1971 г. появляется изменение: «Памятник на братской могиле русским воинам, погибшим в боях под Фридландом в 1807 г.» [11, л. 10]. По данным Багратионовского музея истории края, на стеле памятника надпись была несколько иной: «Вечная слава русским воинам, погибшим под Фридландом в 1807 году».

Но и это название вызывало вопросы: причем здесь Фридланд? В Домнау везли воинов, погибших под Фридландом? Но их обычно хоронили на поле сражения или поблизости. Такие захоронения сохранились в нынешнем Правдинске до сего времени.

Через пять лет наименование снова откорректировали. В очередном решении Калининградского облисполкома 1976 г. указывается, что среди памятников истории и культуры на территории области, подлежащих охране как памятники местного значения, имеется «Братская могила русских солдат, погибших в сражении в 1807 г.» [16, л. 9—10, 15, 18].

Такое название оказалось более устойчивым, чем предыдущие, хотя вопросов не убавилось. Что это за безымянное сражение? Где и когда оно произошло? Какие солдаты и сколько их погибло? А облисполком настаивал на своем: в решениях 1980-го, 1981-го и 1988 г. предложенная формулировка сохранялась.

И всё же правдинские районные власти в 1980 г. предприняли попытку упорядочить наименование. Рассматривая вопрос о закреплении «шефов над памятниками истории и культуры», исполком предложил свое название «Памятник воинам, погибшим в войне 1805—1807 гг.» [18, л. 173, 175]. Оно тоже оказалось небезупречным: сражение под Аустерлицем к Восточной Пруссии имело косвенное отношение. Но предлагалось хотя бы уйти от термина «братская могила». Впрочем, попытка переименования была явно неудачной.

В настоящее время памятник ухожен, содержится в удовлетворительном состоянии. Он был реконструирован в первой половине 1990-х гг. На лицевой стороне монумента имеется надпись «Русским воинам. 1807». Затем по инициативе Фридландского землячества (ФРГ) на торце стены из бутового камня — оригинального элемента довоенного памятника — была установлена памятная доска с надписью на русском и немецком языках: «Мы помним наших умерших. 1995. Wir gedenken unserer Toten». Впрочем, в официальных документах в его названии по-прежнему присутствует словосочетание «Братская могила» (см., напр.: [10, с. 109]).

Таким образом, сформировавшееся в Домново «место памяти» получило неожиданное смысловое оформление. Несмотря на все перипетии с его названиями и переоборудованиями, оно способствует сохранению исторической памяти и россиян и немцев на весьма значительном временном отрезке — с начала XIX в. и до сегодняшних дней.

Список источников и литературы

1. *Балязин В.Н.* Памятники славы : очерки о памятниках славы русского оружия на территории Калининградской области. Калининград, 1959.
2. *Богданов Г.* От Вислы до Немана (К 150-летию сражений при Пр. Эйлау и Фридланде) // Колхозная правда. 1957. № 70. 14 июня.
3. *Записки А.П. Ермолова.* 1798—1826. М., 1991.
4. *История войн XX века в памятниках их участникам :* каталог. М., 2009.
5. *Колхозная правда.* 1955. № 122. 12 окт.
6. *Кретицин Г.В.* Наполеоновские войны в Восточной Пруссии // Очерки истории Восточной Пруссии / В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов [и др.]. Калининград, 2002.
7. *Леттов-Форбек О.* История войны 1806—1807 гг. Варшава, 1898. Т. 4.
8. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846.
9. *О мерах улучшения охраны памятников культуры:* постановление СМ СССР от 14 октября 1948 г. № 3898. URL: <http://art-con.ru/node/354> (дата обращения: 01.11.2015).
10. *Объекты культурного наследия Калининградской области :* ил. каталог. М., 2013.
11. *Откорректированный список памятников истории и культуры Калининградской области, подлежащих государственной охране* // Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 615. Оп. 1. Д. 43.
12. *Памятник А.В. Суворову.* URL: <http://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=682> (дата обращения: 02.11.2015).
13. *Паспорт исторического памятника* // ГАКО. Ф. 615. Оп. 2. Д. 6.
14. *Письмо заместителя председателя облисполкома В. Кролевского секретарю обкома ВКП (б) В.В. Щербакову от 18.12.1949 г.* // Там же. Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.
15. *Приложение № 2 к решению облисполкома : решение исполкома Калининградского областного совета депутатов трудящихся 21 декабря 1967 г. № 364 «Об охране памятников истории и культуры»* // Там же. Оп. 8. Д. 1969.

16. Приложение № 2 к решению облисполкома : решение исполкома Калининградского областного совета депутатов трудящихся 14 октября 1976 г. № 246 «Об охране памятников истории и культуры» // Там же. Оп. 9. Д. 889.

17. Решение исполкома Правдинского районного совета депутатов трудящихся от 19 июня 1961 г. // Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 74.

18. Решение исполкома Правдинского районного совета народных депутатов № 170 от 4.07.1980 г. // Там же. Д. 587.

19. Решение облисполкома от 24 февраля 1950 г. № 196 «Об учете, паспортизации и охране исторических и археологических памятников, памятников истории и архитектуры» // Там же. Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.

20. Решение облисполкома от 2 октября 1957 г. № 423 «Об организации дела охраны и реставрации памятников культуры в Калининградской области» // Там же. Оп. 8. Д. 782.

21. Списки памятников истории и культуры Калининградской области, подлежащих государственной охране, 1968 г. // Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 14.

22. Хабибуллин В.Н. Генерал Николай Михайлович Каменский. Калининград, 2009.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград); действительный член Академии военных наук РФ, gvkretinin@gmail.com

И. О. Дементьев

Исчезнувшая Альбертина? Судьба Кёнигсбергского университета в контексте коммеморативных практик второй половины XX — начала XXI века¹

Рассмотрены практики коммеморации Кёнигсбергского университета, закрытого де-юре в 1945 г., в Калининградской области (Россия) и Германии во второй половине XX — начале XXI в. Сделан вывод о том, что с учетом опыта коммемораций в других университетах Европы есть основания отсчитывать историю Балтийского федерального университета им. И. Канта с момента учреждения Альбертины (1544 г.).

Ключевые слова: Альбертина, Кёнигсбергский университет, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Tout comme l'avenir, ce n'est pas tout à la fois,
mais grain par grain qu'on goûte le passé.

Marcel Proust. *Albertine disparue*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

Как и будущее, мы глотаем прошлое не целиком, а по капельке.

Марсель Пруст. *Беглянка*

Два университета или один?

Изелин Гундерман начинает статью, посвященную сравнению процессов основания университетов в Бранденбург-Пруссии, с парадоксального на первый взгляд суждения: в 1994 г. отмечалось два юбилея — 450-летие основания высшей школы в Кёнигсберге прусским герцогом Альбрехтом и 300-летие университета в Галле. «Оба университета существуют еще сегодня, — размышляет автор, — и если бывшее герцогство, позднее провинция Пруссия, или Восточная Пруссия, больше не принадлежит немецкому государству, профессора и студенты Калининградского, некогда (einst) Кёнигсбергского, университета испытывают желание помнить о долгой истории своей Alma Mater...» [33, S. 105].

Статья опубликована в 2008 г. и, разумеется, содержит некоторое преувеличение в отношении единодушного понимания «профессорами и студентами» университета в Калининграде того факта, что Альбертина «существует еще сегодня». Годом ранее декан исторического факультета Российского государственного университета имени Иммануила Канта² В.И. Гальцов выразил альтернативный — и можно считать, официальный — взгляд на эту проблему:

В бывшем Кёнигсберге, современном Калининграде, в здании на бывшей Парадной площади разместился Российский государственный университет имени Иммануила Канта. В нем также сохраняют память о своем великом «предшественнике», изучают его историю, отмечают памятные даты, такие, как 450-летие Альбертины в 1994 г. Но при этом существует понимание того, что университет в Калининграде, в силу своего происхождения и принадлежности к иной национальной, культурной, научной и исторической традиции, не является прямым преемником Кёнигсбергского университета [2, с. 47—48].

Отсутствие «прямой преемственности» зафиксировано и в основном документе, регламентирующем деятельность Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Пунктом 1.3 устава (в редакции 2015 г.) определено, что университет «был создан как Калининградский педагогический институт Министерства просвещения РСФСР постановлением Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2601» [21]. Таким образом, правовых оснований для констатации преемственности двух университетов — российского и немецкого — действительно нет.

Однако является ли юридическое закрепление правопреемства условием *sine qua non* для того, чтобы признавать континуитет в истории университета, — не такой простой вопрос. В эпоху «мемориального бума» правовая аффилированность оказывается лишь одним из источников идентификации, с которыми конкурируют разнообразные коммеморативные практики. Их роль я хотел бы рассмотреть в более широком контексте.

² Калининградский государственный педагогический институт начал работу в 1948 г.; в 1967 г. он был преобразован в Калининградский государственный университет, в 2005 г. — в РГУ им. И. Канта, а в 2010 г. — в Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Калининградская область оказалась единственным регионом в пространстве бывшей Восточной Пруссии, где вопрос о дате основания университета вообще мог появиться в повестке дня. Клайпедский университет в Литве учрежден в 1991 г. на базе трех филиалов литовских вузов. Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша) официально открыт в 1999 г. и в самой оптимистичной версии возводит генеалогию к Высшей полеводческой школе, учрежденной в Ольштыне в 1950 г. В обоих случаях университеты возникли в контексте становления национальной государственности — без перемен государственной принадлежности и культурного контекста. У ближайших соседей — то же самое: Гданьский университет принял своих первых студентов в 1970 г.; Торуньский университет имени Николая Коперника — в 1945-м. Никакой возможности найти хоть какого-то предшественника в бывшем Торне нет: на веб-странице об истории университета авторы с некоторой грустью говорят о 550-летних усилиях по открытию высшей школы в поморских землях. Странно эти увенчались успехом только после Второй мировой войны [47].

Калининград в этом обширном пространстве представляет самый любопытный казус: созданный в 1544 г. университет Кёнигсберга просуществовал ровно четыреста лет, после чего прекратил свою работу во время подготовки штурма Кёнигсберга Красной армией, и 28 января 1945 г. история университета в городе на Прегеле завершилась [12, с. 20]. Свидетели этого финала чувствовали эпохальный характер происходивших событий. Гёц фон Зелле писал в новой юбилейной истории Альбертины, выпущенной в 1944 г.: «22 июня 1941 года — самый решающий день в новой истории Восточной Пруссии и ее Университета. Многие из его коллектива сейчас призваны на их защиту. Набат европейских событий донесся и до Альбертины, и она замерла в полной готовности...» [40, S. 338]. Мрачная страница 400-летней истории Кёнигсбергского университета, окрашенная в коричневые тона национал-социализма, была перевернута, не оставив сомнений в справедливости возмездия.

Разрешение на организацию в Калининграде пединститута было дано Совету Министров РСФСР и Калининградскому облисполкому постановлением Совета Министров СССР 21 июля 1947 г. [17, с. 12], тогда и началась история нынешнего БФУ имени Иммануила Канта. При этом Кёнигсбергский университет имеет легитимного преемника в Германии — это Гёттингенский университет (Нижняя Саксония), основанный в 1732 г. британским королем Георгом II. После войны остатки административного аппарата Альбертины перевели в Грайфсвальд, а затем в Гёттинген, где бывшим сотрудникам Кёнигсбергского университета (в том числе Г. фон Зелле) была предоставлена возможность трудоустройства.

Кай Арне Линнеман называет раздел своей монографии о роли Гёттингенского университета в развитии послевоенной исторической науки в Германии так: «Инкорпорация (т.е. включение в свой состав. — *И. Д.*) потерянного приграничного университета Кёнигсберга» [37, S. 78]. Связь с «погибшей сестрой с Востока» (слово «университет» в немецком, как и в латыни, — женского рода) ощущалась в Гёттингене долго: в 1994 г. ректор Ганс-Людвиг Шрайбер, открывая выставку «Университет Альбертина в Кёнигсберге, 1544—1994», говорил: «Мы все наследники Кёнигсбергского университета!» Линнеман пишет, что символическая связь двух университетов определялась не только переездом людей, но также перемещением «духа и истории Альбертины в Гёттинген» [37, S. 79].

Более того, многолетний куратор Кёнигсбергского университета Фридрих Гофман привез в Гёттинген университетскую печать. Вместе с Зелле он развернул бурную коммеморативную деятельность: учредил ряд обществ (в том числе Общество друзей Канта в 1947 г. [37, S. 80]) и начал с 1951 г. издавать «Ежегодники Альбертус-университета в Кёнигсберге, Пруссия», ставшие местом публикации работ прежде всего бывших кёнигсбергских остфоршеров. Ежегодник выходил до 1977 г. (том 25 за 1975 г.); после перерыва издание возобновилось в 1986 г. (т. 26/27), 28-й том вышел в 1994 г., а 29-й — в 1995 г. [30].

Пример Гёттингенского университета показывает, что преемственность не зависит от локализации институции, и это далеко не единственный пример в новейшей истории нашего континента. Далее я хотел бы кратко рассмотреть практики учреждения континуитета на примере ряда российских вузов, которые пробуют свои силы в «изобретении традиции».

Формальная преемственность vs. локализация

В большинстве случаев, разумеется, формальная преемственность обеспечивает идентификацию надежнее, чем локализация. Ярким примером может послужить Калининградский государственный технический университет. В исторической справке на его официальном сайте эволюция старейшего учебного заведения рыбной отрасли России описывается так:

13 июля 1913 года император Николай II подписал одобренный Государственным Советом и Государственной Думой “Закон об учреждении Отделения рыбоведения при Московском сельскохозяйственном институте”... В 1923 году отделение рыбоведения преобразовали в рыбохозяйственный факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева... В 1930 году... коллегия Наркомторга СССР приняла постановление о развертывании в Москве на базе рыбохозяйственного факультета сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева специального института рыбной промышленности и хозяйства... В 1958 г. правительство СССР приняло решение перебазировать технический институт рыбной промышленности из Москвы в Калининград... Институт получил новое название — Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства (КТИРПиХ). В 1994 году... был преобразован в Калининградский государственный технический университет [7].

Нарративная структура, обеспечивающая непрерывность цепи реорганизаций, призвана убедить читателя, что вуз основан чуть ли не лично императором Николаем II в канун Первой мировой войны. Очевидно, такое «удревнение» истории КГТУ пришлось уже на богатый коммеморативными экспериментами постперестроечный период — в советское время годом основания учебного заведения считался все же 1930-й, что получило, кстати, отражение и в новейшей редакции устава КГТУ (2012 г.). Пункт 1.2 устава гласит: «Университет как высшее учебное заведение берет свое начало с рыбохозяйственного факультета Московского сельскохозяйственного университета имени К. А. Тимирязева, на базе которого постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 23 июня 1930 г. № 237 создан Московский технический институт рыбной промышленности...» [22].

Наследование одного вуза другому в пределах национального пространства не вызывает удивления, даже в тех случаях, когда само это пространство

подвижно. Есть как минимум два российских вуза, которые прямо возводят свою генеалогию к университетам, некогда бывшим в составе Российской империи, но находящимся сегодня за рубежом. Таков случай Южного федерального университета в Ростове-на-Дону, который ведет отсчет своей истории от Варшавского университета. Нарратив на странице «История ЮФУ» на сайте вуза начинается так: «19 ноября 1816 г. Указом императора Александра I был основан Варшавский (Королевский) университет...». После изложения длинной истории закрытий и открытий авторы указывают, что «27 октября (по ст. стилю [sic!] 9 ноября) 1915 г. состоялось торжественное открытие Императорского Варшавского университета в Ростове-на-Дону» [6]. Тут цезура, которую мы наблюдаем в калининградском случае в 1945 г., обнаруживается в суровый год революционных испытаний: «5 мая 1917 г. Постановлением Временного правительства Варшавский университет в Ростове-на-Дону был упразднен, но на его интеллектуальной, материальной и учебно-методической основе был создан с 1 июля 1917 г. Донской университет». После долгой череды переименований в 2006 г. на базе Ростовского ГУ был создан Южный федеральный университет. Несмотря на то что историю вуза в ЮФУ начинают с 1816 г., официально юбилей университета был отпразднован в 2015 г. как столетие (считая с момента его открытия в Ростове). На сайте Варшавского университета в разделе «История» эвакуация в Ростов не представлена в перечне важнейших событий истории университета [48]; единственное упоминание об этом факте встречается в биографии ректора С. И. Вехова, переехавшего с частью своей библиотеки в Ростов-на-Дону.

Аналогично Воронежский государственный университет ведет свое происхождение от Тартуского университета. Эта история на сайте ВГУ начинается так: «В марте 1918 г., когда после оккупации Эстонии войсками кайзеровской Германии местные власти повели линию на превращение Юрьевского (Дерптского) университета в немецкое учебное заведение, университет оказался в критическом положении. Русские профессора и студенты были лишены всяких источников существования, и им было предписано покинуть территорию Эстонии. Закрытие университета вызвало тревогу за его судьбу, стремление к возвращению в Россию. Было принято решение о его перемещении в Центральную Россию, и в качестве желательного пункта, где могла бы возобновиться деятельность университета, назывался город Воронеж» [1]. Решение об учреждении было принято Большой государственной комиссией по просвещению 18 мая 1918 г. В июле — сентябре в Воронеж из Дерпта (Тарту) приехали 39 профессоров, 45 преподавателей и около 800 студентов; первым ректором ВГУ стал профессор Дерптского университета В. Э. Регель. Впрочем, эмблема ВГУ сегодня содержит дату 1918, что говорит все же о торжестве формально-юридического подхода к истории вуза.

Итак, для оформления идентичности университета организационно-правовые аспекты нередко играют явно более значимую роль, чем неизменность локализации, но даже на этих примерах видно, что коммеморативные практики могут расширять пространство возможных манипуляций с прошлым.

Во всех вышеприведенных примерах, впрочем, юридическое правопреемство подкреплялось частичной передачей материально-технической базы и персонала. В калининградском случае профессора и студенты Альбертины, разуме-

ется, не смогли продолжить работать и учиться в советском вузе. Но вот в вопросах инфраструктуры некоторые основания для констатации континуитета имеются. Материальный ущерб, нанесенный Восточной Пруссии в ходе боевых действий, был велик, и современный БФУ унаследовал не очень внушительную базу от предшественника. Тем не менее символично, что именно в год основания Калининградского государственного университета ему передали здание Нового университета на ул. Университетской — учебный корпус, в котором сегодня действует Химико-биологический институт [17, с. 60] и Ботанический сад, основанный профессором Кёнигсбергского университета Паулем Кебером в качестве городского садоводства (в том числе для практических занятий студентов). В 2012 г. новый федеральный университет получил здание (по ул. Ген.-лейт. Озерова, д. 57), построенное в 1930 г. для Высшей школы торговли — преемницы Высших курсов торговли, организованных в 1907 г. под руководством Кёнигсбергского университета [8, с. 96]. Есть также некоторая преемственность библиотечного фонда: в отделе редких книг библиотеки БФУ хранится часть книжного фонда Альбертины (при том, что большая часть книг была вывезена после Второй мировой войны и оказалась в фондах Государственной публичной исторической библиотеки в Москве, Санкт-Петербурге, Вильнюсе и др.). Часть Валленродского книжного собрания, переданного в 1909 г. в состав объединенной университетской и городской библиотеки в Кёнигсберге, была обнаружена в 1981 г. в хранилище трофейных книг в Подмоскowie — силами директора Музея Канта КГУ О. Ф. Крупиной книги были за четыре года перевезены в Калининград, где составили основу отдела редких книг библиотеки нынешнего БФУ (291 переплет из Валленродского собрания; см.: [3, с. 268; 11]).

В остальном, по всей видимости, материально-техническая база современного университета в Калининграде не имеет отношения к предшественнику (это, кстати, не означает, что положение не изменится в будущем: в городе, несмотря на последствия боевых действий, сохранилось несколько зданий бывшей Альбертины). Однако есть еще один ресурс и стимул для поддержания преемственности — это символический капитал.

Символический капитал

Альбертина в Кёнигсберге несла функцию центра образования и культуры в пограничном регионе, и претензия на аналогичную функцию отчетливо просматривается в стратегии развития современного БФУ. В этой стратегии использование символического капитала предшественника выглядит более чем естественным. Кроме того, как выясняется при внимательном изучении источников, пединститут самым преобразованием в университет отчасти был обязан символическому капиталу Альбертины. В одной из коллективных работ цитируется секретная записка Калининградского обкома партии, направленная 31 декабря 1965 г. в Президиум ЦК КПСС с просьбой разрешить открыть университет:

Реваншистские круги ФРГ утверждают, например, что территория бывшей Восточной Пруссии используется нами только для военной цели, что здесь не развивается экономика, наука и культура. Одним из поводов для подобного рода клеветнических измышлений служит отсутствие в нашем городе университета, который существовал в нашем городе с 1544 до 1945 г. Этот университет

был крупным и широко известным научным центром в Европе. В адрес университета и в настоящее время поступают письма и запросы от ученых различных стран (цит. по: [17, с. 45—46]).

Однако и открытие университета в 1967 г. не положило конец болезненным сравнениям со своим предшественником. Образ Альбертины никак не хотел исчезать из поля зрения руководителей нового советского вуза: в сентябре 1968 г. его Ученый совет собрался обсудить критическую статью в газете «Правда», в которой утверждалось, что в КГУ увлеклись подготовкой научных кадров в ущерб педагогической специализации. На заседании прозвучали такие слова: «Наряду с подготовкой кадров для школы мы должны готовить и научные кадры из наиболее талантливых студентов. Мы не можем забывать особенностей Калининградской области, не можем допустить, чтобы наш университет был хуже Кёнигсбергского 30—40-х годов» (цит. по: [17, с. 50]).

Альбертина не исчезла целиком с отъездом куратора Гофмана в Гёттинген — образ Кёнигсбергского университета, сохранявшийся в Калининграде, проникал на страницы художественной литературы: Юрий Иванов в киноповести «Сокровища замка Лохштедт», посвященной истории поисков рукописи поэмы «Времена года» К. Донелайтиса, описывал (в 1983 г.!) путешествие участников экспедиции по послевоенному Кёнигсбергу. Там уже выражался сочувственный взгляд на руины университета: «...из медальонов на фасаде печально глядят на пылающий, лежащий в развалинах город Кант, Якоби, Карл Бэр, Бессель — великие ученые, которые когда-то преподавали в этом университете» [4, с. 3].

В позднесоветский период начала проговариваться, пусть двусмысленно, идея преемственности университетов: например, в путеводителе для туристов по Прибалтике и Белоруссии, изданном в 1978 г., рекомендация посетить Калининград сопровождалась таким текстом:

С деятельностью учрежденного в XVI в. Кёнигсбергского университета связаны имена И. Канта, выдающегося естествоиспытателя и физиолога Г. Гельмгольца, физика, математика и минералога, члена-корреспондента Российской Академии наук Ф. Неймана, создателя местной обсерватории астронома Ф. Бесселя, математика Г. Якоби, натуралиста К. Бэра, классика литовской поэзии К. Донелайтиса. Сейчас в Калининградском государственном университете, созданном на базе педагогического института, обучается 4,5 тысячи студентов [9, с. 10].

Переход к характеристике современного университета выглядит неожиданным: слово «сейчас» можно было бы интерпретировать как признак противопоставления двух университетов, если бы выстраивалась оппозиция известных ученых Альбертины и ведущих преподавателей нового вуза. Однако вместо того автор говорит о количестве студентов, снабжая читателей сведениями, отсутствовавшими в отношении Альбертины. В силу этого слово «сейчас» риторически поддерживает преемственность между двумя университетами. Конечно, советский автор не мог подразумевать юридическую преемственность, но сама логика нарратива наводила на мысль о совпадении миссий двух университетов.

С началом Перестройки процесс коммеморации Кёнигсбергского университета пошел значительно активнее. Уже несколько лет работал Музей Канта, открытый в 1974 г. к 250-летию мыслителя, — пространство, в котором было легализовано обсуждение университетской и, шире, городской истории. Двадцатого мая 1991 г. на математическом факультете КГУ появилась «Математиче-

ская аудитория имени Давида Гильберта» [17, с. 102] — впервые была увековечена таким образом память профессора университета-предшественника. Примерно тогда же началась подготовка к празднованию предстоявшего в 1994 г. 450-летия Альбертины. В 1992 г. перед университетским корпусом был торжественно открыт восстановленный памятник Иммануилу Канту; в 1993 г. вышел русский перевод книги В. Хубача по истории университета [24], в 1994 г. организована юбилейная выставка в Калининградском областном историко-художественном музее.

Юбилей приобрел формат беспрецедентного по масштабу международного форума, немалого в закрытом еще четырьмя годами ранее для посещения иностранцами регионе. Конференция прошла в Калининградском государственном университете 26—29 сентября 1994 г., в ней приняло участие больше тысячи человек. Прозвучало более 200 докладов ученых из 13 стран. После пленарного заседания начали работу десять секций, в том числе «История Кёнигсбергского университета и его роль в развитии региона», «Биология, химия, медицина. Влияние выдающихся естествоиспытателей Альбертины на развитие биологии и медицины», «Право. Защита прав человека как основа европейского сотрудничества», «Экономика. Калининград в процессе экономического развития и перемен» и др. [25]. Названия секций должны были свидетельствовать об открытости Калининградской области к широкому научному и общественному сотрудничеству с другими странами Европы.

В современной историографии принято рассматривать университетские юбилеи «как средство идентификации и сплочения ученой корпорации, концентрируясь на главном свойстве любого праздника — его тесной связи с прошлым, посредством интерпретации которого складывается единое символическое пространство в любой профессиональной среде» [16, с. 45]. Исследователи полагают, что празднование юбилея используется университетами либо в целях поддержки действующей власти, либо, наоборот, для выражения недовольства. Все признаки первой альтернативы были и в случае юбилея Альбертины в 1994 г.: активное участие государства (выступление губернатора Калининградской области Ю. С. Маточкина на пленарном заседании), торжества, подготовка юбилейного нарратива (книга К. К. Лавриновича, вышедшая в 1995 г. [12]).

Символический смысл совместной юбилейной конференции не ускользнул от внимательных наблюдателей: в рецензии на сборник материалов по истории Альбертины 1995 г. подчеркивалось, что форум, организованный Гёттингенским университетом и Государственным комитетом РФ по высшей школе в Калининградском университете [31, S. 616], стал примером российско-германского сотрудничества. Идея *преемственности*, постоянно звучавшая в выступлениях на праздничных мероприятиях, как справедливо подчеркивала Ольга Сезнева, постепенно превратилась в лейтмотив для нового историописания и официальной интерпретации прошлого [41, p. 329]. Обе стороны сделали вклад в юбилейную конференцию³: немецкая сторона участвовала финансированием, архивными материалами и оборудованием для экспозиции, представляя ретроспективный взгляд на прошлое университета, а российская — презентовала послевоенное развитие университета, подчеркивая факт преемственности

³ О. Сезнева, правда, ошибочно пишет о 500-летию университета.

с Альбертиной. Таким образом, тщательно организованная коммеморация университетского юбилея сама по себе стала инструментом в изменении политики памяти в Калининградской области.

Некоторые немецкие участники конференции, похоже, воспринимали форум как прямой шаг к восстановлению континуитета. Профессор Г. Клумбис, защищавший диссертацию в Альбертине и выступавший на конференции с докладом об истории медицинского факультета, сказал без обиняков: «Преступная война Гитлера прервала развитие медицины в Кёнигсберге, но я надеюсь, что мы восстановим прерванную связь времен...» [13]. Среди преподавателей Калининградского университета также были те, кто выражал готовность продолжать традиции Альбертины [12; 32]. Университетские руководители высказывались осторожнее. Ректор КГУ Г.М. Фёдоров, подводя итоги международного форума, сказал: «Были в чем-то соблазнительные предложения подтвердить преемственность двух университетов. Но, не собираясь забывать наследие “Альбертины”, мы уже 28 лет развиваем свой, российский, Калининградский университет» [23]. Позиция самостоятельного развития с учетом миссии по сохранению памяти о традициях и наследии Альбертины приобрела в конечном счете характер официальной установки в Калининградском университете. В конце 1990-х — первой половине 2000-х гг. даже почтовые ящики сотрудников университета размещались на сервере с доменным именем *albertina.ru*. В зданиях КГУ стали появляться знаки обновленной памяти: в 1994 г. была открыта памятная доска И. Г. Гаману, выдающемуся немецкому философу [17, с. 131]; в 1996 г. — мемориальная доска Э.Т.А. Гофману и памятный знак астроному Ф.В. Бесселю [17, с. 133]. Но, конечно, важнейшим шагом в символическом присвоении постсоветским Калининградом кёнигсбергского наследия стало переименование в 2005 г. университета в Калининграде в честь Канта (см., напр., о символизме: [27, р. 22]).

С другой стороны, характерно, что в немецкой литературе тема континуитета Альбертины и университета в Калининграде, заявленная И. Гундерманом, появилась не сразу. В период Холодной войны, разумеется, невозможен был даже намек на продолжение традиций предшественника в калининградском вузе: в 1955 г. Вальтер Неегельн в статье «Кёнигсберг 1955», опубликованной в журнале «Мериан», живописал мрачные картины послевоенного города — сплошные руины, в том числе на месте бывших центров духовной жизни — университета и оперного театра [38, S. 210].

Западногерманские авторы могли допускать парадоксальные формулировки, как, например, составители сборника документов о рецепции Канта в Кёнигсберге / Калининграде (1983 г.), которые упомянули «первого ректора основанного в 1967 году советского Кёнигсбергского университета»⁴ Н.В. Прикладова

⁴ Неполиткорректное использование топонима «Кёнигсберг» вместо «Калининград» до сих пор остается обычной практикой в немецкоязычных публикациях, что неизбежно приводит к некоторой путанице в смыслах. Так, в недавней статье польского исследователя А. Саксона, опубликованной на немецком языке, упоминается опрос студентов «государственного университета Иммануила Канта / Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (последние шесть слов транслитерированы латиницей с русского. — И. Д.) в Кёнигсберге» [39, S. 254], а несколькими строчками ниже уже попросту назван современный Кёнигсбергский университет.

дова [35, S. 57]. По информации П. Вёрстера, в 1969 г. ректор Н.В. Прикладов в интервью немецкому журналисту Д. Штайнеру признавался, что горд работать в месте, где когда-то жил и преподавал Кант, хотя это признание не привело к каким-то систематическим усилиям по возрождению традиций Альбертины [35, S. 57].

По окончании Холодной войны идея преемственности могла бы завоевать многих сторонников, но нужно признать, что в объединенной Германии далеко не все разделяют мнение И. Гундермана. Не прослеживают прямой преемственности между двумя университетами авторы сборника докладов, посвященного 450-летию Альбертины (2001 г.) [52]. Манфред Коморовски, подводя итоги становлению Кёнигсбергского университета, сыгравшего важную роль во многих областях, констатирует его «страшный конец в 1945 году» [36, S. 318]. Штефан Бергер сочувственно характеризует университет в Калининграде как место, где «многие с гордостью вспоминают немецкие традиции старого германского университета Альбертины» и восстанавливают интеллектуальную среду, благоприятную для сохранения немецких традиций [28, р. 350]. Все же между воспоминанием о традиции и ощущением своей принадлежности к традиции — большая дистанция.

Факт тотальной смены государственности и национальной культуры трудно оспорить, поэтому для многих предел возможного сегодня видится в бережном сохранении традиций предшественника. Однако если мы обратимся к современным коммеморативным практикам в университетах других европейских стран, то увидим, что помимо ностальгии существуют и иные способы преодолеть своеобразное символическое раздвоение в судьбе университета.

Прага, Вильнюс, Вроцлав, Страсбург, Тарту...

Первый пример — это Карлов университет в Праге (лат. *Universitas Carolina*), который является старейшим университетом Центральной Европы⁵. Он был основан императором Карлом IV в 1348 г. первоначально как немецкий университет, в котором обучалось совсем немного чехов [34]. В 1409 г., правда, Кутнагорский декрет Вацлава IV отдавал приоритет чешской «нации» в составе университета, что привело к отъезду ряда немецких профессоров (они сформировали костяк будущего Лейпцигского университета). «Национализация», впрочем, не привела к исчезновению германского элемента: немецкий язык стал официальным языком обучения в университете с 1784 г. Так продолжалось вплоть до последней четверти XIX в., когда наконец вследствие подъема чешского национального движения в Австро-Венгрии он был в 1882 г. разделен на два — немецкий и чешский университеты имени Карла Фердинанда.

Чешская институция, естественно, повысила свое влияние после обретения независимости по итогам Первой мировой войны, но в 1939 г. была ликвидирована в контексте оккупации Чехии гитлеровской Германией [34]. Оставшийся немецкий университет был в свою очередь упразднен в 1945 г. с поражением нацистского рейха, новый университет появился еще до советизации Чехословакии и существует до сих пор. Сегодняшний Карлов университет в Праге

⁵ Благодаря профессора М. А. Бойцова за указание на этот казус.

возводит свою генеалогию к немецкому университету, основанному в позднем Средневековье, т.е., по сути, присваивает себе изначально чужую традицию. Это прямо зафиксировано в пункте 4 статьи 1 устава (в редакции 2013 г.): «Университет существует с момента основания 7 апреля 1348 г.» [29].

Второй характерный случай сохранения идентичности при смене государственной принадлежности — Вильнюсский университет. Основанный в 1579 г. королем Стефаном Баторием, он позднее был преобразован в Главную виленскую школу, которую император Александр I реорганизовал в 1803 г. в Императорский Виленский университет с обучением на польском и латинском языках. Его судьба оказалась незавидной — уже в 1832 г. Николай I упразднил его (в ходе репрессий в отношении участников восстания 1831 г.), а восстановлен он был лишь в 1919 г. Юзефом Пилсудским уже как польский университет имени Стефана Батория (с польским языком преподавания). Новое преобразование последовало в 1939 г. в связи с передачей Вильнюса к Литве. В университете преподавание велось на литовском языке; в 1940 г. он был советизирован, а к 1943 г. закрыт по причине оккупации Литвы немецкой армией, но уже осенью 1944 г. вновь начал работу как Вильнюсский государственный университет. В 1955—1989 гг. типичный советский вуз носил имя Винцаса Капсукаса, с 1990 г. он официально называется Вильнюсским университетом. Поменяв за четыре с лишним столетия четырежды государственную принадлежность, Вильнюсский университет сохраняет преемственность с университетом, учрежденным Стефаном Баторием, прежде всего за счет комплекса зданий, который по-прежнему занимают факультеты. В этом смысле калининградский случай отвечает вильнюсскому прецеденту в части легитимности пользования материальной базой.

В юридическом отношении фиксация преемственности в Вильнюсском университете выполнена безупречно. Преамбула устава (редакция 2014 г.) начинается с подробного перечисления вех истории: университет основан Стефаном Баторием 1 апреля 1579 г.; закрыт российским правительством в 1832 г.; заново открыт 5 декабря 1918 г.; «пережил оккупации» и был восстановлен в своей автономии 12 июня 1990 г. [51].

Следующей аналогией нас снабжает университет в Бреслау (Вроцлаве), учрежденный в 1702 г. императором Леопольдом I (*Leopoldina*). Через некоторое время после перехода Силезии к Пруссии университет, поглотив франкфуртскую Виадрину, в 1811 г. получил новое название — Силезский университет имени Фридриха Вильгельма. Типичный немецкий университет, он в третий раз поменял государственную принадлежность в 1946 г., когда был открыт уже как польский государственный вуз. Есть ли основания у современного Вроцлавского университета считать годом возникновения 1702-й?

Оснований едва ли больше, чем в случае Калининграда. Однако повествование об истории вуза на официальном сайте Вроцлавского университета начинается словами: «Вроцлавский университет — одно из старейших учебных заведений Центральной Европы. В 2002 году отпраздновал 300-летие, в 2011 году — 200-летие преобразования в государственный университет» [49]. Особый интерес, как и в других случаях, представляет вопрос о том, как во Вроцлаве решили юридически зафиксировать преемственность с университетом, основанным три столетия назад. В отличие от калининградских вузовских уставов, в которых зафиксирована конкретная дата учреждения организации, устав Вро-

цлавского университета содержит в § 5 весьма обтекаемую формулировку, которая дает основания для уверенной идентификации:

«Праздником Вроцлавского университета является 15 ноября, годовщина первой инаугурации в Академии Леопольдине в 1702 году, а также первых послевоенных занятий во Вроцлавских университете и политехнике в 1945 году» [50]. Таким изысканным способом составители устава (в редакции 2012 г.) обошли вопрос о формальностях в легитимации происхождения своей институции.

Четвертый казус можно обнаружить на западе Европы — в регионе, который в меньшей степени отличался частой переменой национальной принадлежности университетов. Но аналог восточноевропейским метаморфозам можно найти и там — это Страсбургский университет (см. о нем: [15]). Основанный в 1538 г. как протестантская гимназия Иоганном Штурмом, он получил от императора Максимилиана II статус академии, а в 1631 г. — королевского университета. Эти факты без упоминания немецкого происхождения изложены на официальной странице современного французского университета в Страсбурге [43]. Не очень осведомленный о деталях истории Эльзаса читатель и не поймет, что современный университет происходит от немецкой гимназии. Аннексия Страсбурга Людовиком XIV в 1681 г. не изменила принципиально положение дел: немецкий университет функционировал вплоть до Французской революции. Нарратив на сайте далее строится очень своеобразно: исчезнув в революционном лихолетье (централизованная структура распалась на школы и факультеты, в которых преподавание велось уже на французском), университет возродился в 1870 г., после чего начался полувековой период его процветания: диверсификации дисциплин, создания библиотек и т.п., а в 1918 г. он вновь становится французским [43]. Немецкое прошлое настолько радикально табуировано, что нарратив приобретает некоторую бессвязность. Читатель сайта не узнает, что в 1872 г. был заново основан как Университет кайзера Вильгельма (*Kaiser-Wilhelm-Universität*) немцами, аннексировавшими Эльзас и Лотарингию по итогам Франко-прусской войны. Он действительно процветал, но в качестве одного из университетов Германской империи.

В 1918 г. Страсбург вновь оказался во Франции вплоть до следующей рокировки в годы Второй мировой войны, когда персонал и оборудование были эвакуированы в Клермон-Ферран (1940), а на месте французского Страсбургского университета в 1941—1944 гг. функционировал немецкий Имперский университет Страсбурга (*Reichsuniversität Straßburg*), который, по традиции, не упомянут на современном французском сайте [43]. В конце Второй мировой немецкий университет, который, естественно, также считался преемником немецкой гимназии и кайзеровского университета, был переведен в Тюбинген, а в Страсбурге, подобно фениксу, возродился университет франкофонный.

Если французская версия официального университетского сайта тактично умалчивает о немецком прошлом университета, то на немецкой странице того же сайта замечено не без оттенка политкорректности: на протяжении столетий отношения между Францией и Германией привели к тому, что Страсбургский университет стал примером «бикультурного развития» [44].

Страсбургский казус показывает, что напряженность в отношениях между соседями, неоднократно менявшихся территориями, по-прежнему обуславливает характер нарратива об университетской истории. Однако, несмотря

на некоторую дискурсивную напряженность, французский университет без колебаний признает свое происхождение от немецкой протестантской гимназии (как и в случае Вроцлава, устав Страсбургского университета попросту обходит молчанием вопрос о дате основания).

Последний и самый интересный случай — это Тартуский университет. Текст на русскоязычной странице, посвященной истории вуза, красноречив:

Тартуский университет был создан в 1632, что делает его одним из старейших университетов Северной и Восточной Европы. Изначально университет назывался *Academia Gustaviana* — в честь его основателя, короля Швеции Карла Густава II Адольфа, и был организован по образу Упсальского университета в Швеции. В период Северной войны университет временно закрыли, и он был вновь открыт в 1802 году императором Российским Александром I как российский университет, обучение в котором осуществлялось на немецком языке. Именно поэтому Тарту, тогда называвшийся Дорпат, стал местом соприкосновения русской и немецкой культур [42] (см. также: [15; 20]).

Лаконичному изложению событий на русскоязычной странице сайта Тартуского университета противопоставлено подробное повествование в англоязычной версии: *Academia Gustaviana* функционировала в 1632—1665 гг., была закрыта в связи с русско-шведской войной; следующий этап истории Тартуского университета приходится на 1690—1710 гг., причем с 1699 г. он действовал в Пярну под названием *Academia Gustavo-Carolina* [20, с. 676]. В 1710 г. он был де-факто закрыт, несмотря на то что российские власти не возражали против его работы [46].

Императорский Дерптский университет, учрежденный Александром I, существовал чуть больше столетия (1802—1918) и прервал работу во время Первой мировой (31 мая 1918 г.) [20, с. 672]. Непродолжительное время (с 15 сентября по 18 ноября 1918 г.) в городе существовал Дерптский ландесуниверситет, открытый немецкими оккупационными властями [20, с. 671]. Тартуский университет возобновил работу 1 декабря 1919 г. как первый университет с обучением на эстонском языке [46]. В 1940—1941 гг. он действовал как типично советский вуз, а уже в 1942—1944 гг. — как Университет эстонского самоуправления с обучением на эстонском языке (несмотря на первоначальные планы немецкой оккупационной администрации перевести учебный процесс на немецкий в рамках Остланд-университета в Дерпте) [46]. Война нанесла, помимо потерь в преподавательском и административном составе, заметный материальный ущерб университету. Осенью 1944 г. Тартуский государственный университет возобновил свою работу в советской Эстонии. Советским властям шведское происхождение институции не пришлось по нраву: в 1950 г. памятник Густаву II Адольфу, установленный в 1928 г. (скульптор Отто Страндман), был снесен [46]. Впрочем, несмотря на все осложнения, сопровождавшие процесс советизации, Тартуский университет смог состояться как учебное заведение, в котором во второй половине XX в. работали ученые с мировым именем, в том числе один из основоположников семиотики Ю. М. Лотман.

Одним из признаков десоветизации на уровне коммеморативных практик стала установка статуи Густава II Адольфа (скульптор Элизабет Тибелиус-Майден) в 1992 г. на месте снесенного советскими властями памятни-

ка — в сквере рядом с бывшей университетской церковью⁶ — «для того чтобы защитить преемственность *alma mater Tartuensis*», как подчеркивается на официальном сайте [46].

Таким образом, Дерптский (Тартуский) университет принадлежал на протяжении без малого четырех столетий к разным государствам и культурным традициям. В 1632—1710 гг. он был шведским, с преподаванием на шведском языке; в российском университете 1802—1892 гг. рабочим языком был немецкий, а в 1893—1918 (с переименованием Дерпта в Юрьев, а университета в Юрьевский) — русский; с 1919 г. — эстонский (кстати, история с массовым выездом русских профессоров в 1918 г. на официальном сайте Тартуского университета не рассказывается ни на русско-, ни на англоязычной странице).

Несмотря на то что университет за период 1632—2016 гг. многократно поменял государственную принадлежность (Швеция, Российская империя, дважды независимая Эстония), современный официальный дискурс об истории университета определяет 1632 год как дату основания действующего университета⁷. Любопытно, что подобная коммеморация была характерна уже для позднесоветского периода, в Российской империи (как и в первые десятилетия советской Эстонии) шведское происхождение не засчитывалось. В словаре, изданном Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном, например, тактично сообщалось, что Юрьевский университет «учрежден в 1802 г., но первоначальное его возникновение относится к гораздо более отдаленным временам» Густава II Адольфа [26, с. 435]; при этом университет в 1902 г. все же отмечал всего лишь столетие [26, с. 437]. «Миф о якобы шведском происхождении Тартуского университета» отвергал в 1954 г. автор книги по истории основания вуза [14, с. 7], особо подчеркивая в отношении шведской институции, что «в Тарту не сохранилось никаких остатков здания этого университета и даже точного указания на место его нахождения» [14, с. 17].

Во втором издании «Большой советской энциклопедии» (1956 г.) категорично утверждалось, что он «основан в 1802 под названием Дерптский университет» [18, с. 632], но уже двумя десятилетиями позже тональность поменялась радикально — «один из старейших вузов СССР, ведет свою историю с 1632, когда в Тарту была основана *Academia Gustaviana*, действовавшая с перерывами до 1710; вновь открыт в 1802 под названием Дерптский» [10]. В 1982 г., за десять лет до восстановления государственной независимости Эстонии, в Таллине на русском и эстонском языках вышла коллективная работа «История Тартуского университета: 1632—1982» [5], а в Тарту прошла Всесоюзная (XIII Прибалтийская) конференции по истории науки, посвященная 350-летию Тартуского университета [19].

⁶ Аналогичное место — возле Кафедрального собора в Калининграде — было выбрано для восстановленного в 2005 г. памятника герцогу Альбрехту, основателю Альбертины.

⁷ Примечательна разница между взглядами «изнутри» и «извне» на «проблему 1632 года». В недавнем коллективном труде научный сотрудник Тартуского университета С. Тимул прямо утверждает, что университет в 1802 г. был «восстановлен» [20, с. 595], а профессор Гёттингенского университета Т. Маурер осторожно пишет то, что в 1802 г. Дерптский университет «был учрежден на новой основе» в городе, где «образовательные традиции высшей школы восходили к XVI — XVII векам» [15, с. 706—707].

Тартуский случай как нельзя лучше подходит для Калининграда: здесь идентична роль университета в сообществе и трижды менялась государственная принадлежность высшего учебного заведения. Между шведским Дерптским, российским Дерптским (Юрьевским) и эстонским Тартуским университетами нет юридической преемственности, однако на уровне коммеморации современные тартусцы интегрируют все традиции. В отличие от литовских и чешских коллег составители устава эстонского университета пошли по пути игнорирования даты основания своей институции. В новом уставе, вступившем в силу 1 января 2016 г., отсылка к шведскому или российскому университету нет. В то же время § 35 нового устава отменяет все предыдущие редакции уставов, принятые с 1999 г. [45]. Это косвенно указывает на то, что в правовом отношении Тартуский университет, строго говоря, — постсоветская институция.

Альбертина не исчезла

Вопрос о преемственности волновал уже первого калининградского историографа Альбертины К. К. Лавриновича. В своей книге, вышедшей два десятилетия назад, он начал с того, что в сознании многих людей «Калининградский университет нередко отождествляется с довоенным университетом»: об этом говорят письма, продолжающие поступать в адрес ректората, факультетов, библиотеки Альбертины [12, с. 375]. Но личная позиция исследователя такова: «Калининградский университет не стал и в принципе не мог в минувшие десятилетия стать преемником Кёнигсбергского университета» по трем причинам [12, с. 375]. Во-первых, это концептуальная несовместимость двух университетов — королевского немецкого и советского, созданного в специфических политических условиях с конкретными идеологическими задачами. Во-вторых, исторические коллизии, изменившие судьбу Восточной Пруссии: «Мы не унаследовали ни кадров, ни научных традиций Кёнигсбергского университета, ни его материальной оболочки» [12, с. 379]. В-третьих, характерный для еще недавнего прошлого недостаток доброй воли со стороны хранителей традиций Альбертины в Германии и учредителей университета в России. Примечательно, кстати, что К. К. Лавринович вовсе не считал существенной правовую сторону дела.

В конечном счете, рассуждал он, «университет, мыслимый как средоточие интеллектуальных и духовных сил данного народа, всегда был и есть явлением национальной культуры», поэтому с уходом в прошлое Восточной Пруссии исчезла и Альбертина: «Российскому отечеству служит новый университет, имеющий свой собственный путь и свое лицо» [12, с. 380]. Однако связь все же есть:

Для нас духовное и интеллектуальное наследие Альбертины — нечто большее, чем просто часть общего мирового культурного наследия. И мы стремимся воспринять и осмыслить это наследие с позиций российской национальной культуры, дать ему продолжение в нашем собственном научном творчестве. Это наш долг перед памятью Кёнигсбергского университета, перед отечественной и европейской культурой. В этом — особая миссия Российского университета на земле старой Альбертины [12, с. 385].

Для середины 1990-х гг. это была в высшей степени достойная позиция профессионала и гражданина, который, трезво оценивая трудности для восстановления континуитета, сформулировал созидательную миссию для носителей рос-

сийской национальной культуры, получивших под свою ответственность часть мирового культурного наследия.

Однако даже поверхностный обзор практик коммеморации университетского прошлого в разных регионах нашего континента показывает, что многие высказанные за эти годы аргументы против континуитета утратили свою релевантность. Идентичность университета, проявляющаяся помимо прочего в конструировании своей воображаемой генеалогии, не зависит непосредственно ни от правовой строгости процедур учреждений и реорганизаций университетов на протяжении столетий, ни от особенностей национальной культуры, включая концептуальные модели национальной высшей школы. Тартуский университет фиксирует происхождение от шведской академии, которая с ним не связана ни юридически, ни концептуально, ни в части кадров и материальной базы. Единственное основание, которое в данном случае оказалось решающим, — коммеморативная практика, выступающая результатом некоторого консенсуса между теми, кто ощущает себя причастными к одной корпорации. Это чисто конвенциональное решение, отражающее, надо признать, и особенности более общего политического контекста, в котором Тартуский университет становится частью общеевропейского культурного пространства, а не провинцией Российской (советской) империи. Однако российский и советский опыт Тартуского университета также не представляет собой цезуру, это органичная часть университетской истории. Интегративная конвенция такого рода оказалась реализована и в Вильнюсе, и во Вроцлаве, и в Страсбурге, хотя во всех этих случаях можно констатировать актуальность противоречий — литовско-польских, польско-немецких, немецко-французских... Эти противоречия тем не менее преодолимы, и, насколько можно судить, поиск истоков истории университета в чужой культурной традиции не наносит никакого ущерба национальному достоинству.

Опыт коммемораций в разных регионах Европы убеждает в том, что для реконструкции воображаемой генеалогии современного университета не нужно никаких иных оснований, кроме того, о котором сказал в конце своего рассуждения К. К. Лавринович: *добрая воля всех сторон*. Сегодня нарратив об истории Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта представляет собой пример *мемориального компромисса*: утверждение своего суверенитета, сопровождаемое признанием миссии по сохранению наследия Альбертины. Политика памяти в самой западной российской области носит противоречивый характер, поэтому и такой компромисс — это уже колоссальное достижение по сравнению с послевоенными десятилетиями. Реализация перспективы «присвоения» 1544 года в качестве года основания ныне существующего университета в Калининграде зависит и от дальнейших поворотов в политике памяти, и от корпоративной культуры тех, кто в нем работает и учится.

Однако до тех пор, пока Кёнигсбергский университет, как это было и в далеком 1967-м, будет задавать высокую планку для российского университета в Калининграде, пока он будет служить мерилем значимости научных результатов, пока будет вдохновлять нас яркими примерами жизни и творчества своих преподавателей и выпускников, можно быть уверенными: Альбертина не исчезла.

Список источников и литературы

1. *Воронежский* государственный университет: история. URL: <http://www.vsu.ru/russian/university/history.html> (здесь и далее везде дата обращения: 05.02.2016).
2. *Гальцов В.И.* Университет в Кёнигсберге. Хроника событий и люди. Калининград, 2007.
3. *Гальцова С.П.* Судьба Валленродтской библиотеки в послевоенный период // *Antrojo pasaulino karo pabaiga rytu Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos* (Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 18). Klaipėda, 2009. S. 267—274.
4. *Иванов Ю.* Сокровища замка Лохштедт // Калининградский комсомолец. 1983. 19 янв.
5. *История* Тартуского университета: 1632—1982 / под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982.
6. *История* ЮФУ. URL: http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=HIS/main/M
7. *Калининградский* государственный технический университет. Историческая справка. URL: <http://www.klgtu.ru/about/history/>
8. *Кёстер Б.* Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени / пер. А. Шабунина. Калининград, 2014.
9. *Кириллова Ю.М.* Прибалтика и Белоруссия. М., 1978.
10. *Кооп А.В.* Тартуский университет // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 25. С. 282.
11. *Курпаков В.Ю.* Судьба кёнигсбергских библиотек после Второй мировой войны // Кёнигсберг — Калининград: город, история. Калининград, 2005. С. 96—107.
12. *Лавринович К.К.* Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.
13. *Лескова Н.* Город врачей // Калининградская правда. 1994. 4 окт. С. 7.
14. *Мартинсон Э.Э.* История основания тартуского (б. Дерптского-Юрьевского) университета. Л., 1954.
15. *Маурер Т.* Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты // Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 703—760.
16. *Морозов О.В.* Ученая корпорация и политическая власть: подготовка и празднование юбилея Тюбингенского университета в 1877 году // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, №3. С. 45—50.
17. *Российский* государственный университет имени Иммануила Канта. История и современность. Калининград, 2008.
18. *Тартуский* государственный университет // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1956. Т. 41. С. 632—633.
19. *Тартуский* государственный университет: история развития, подготовка кадров, научные исследования : тез. докл. Всесоюзной (XIII Прибалтийской) конференции по истории науки, посвященной 350-летию Тартуского государственного университета. Тарту, 1982. Т. 1.
20. *Тимул С.* Тарту и его университеты (1905—1918) // Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 584—702.
21. *Устав* ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта». URL: https://www.kantiana.ru/about/docs/ustav_bfu1.pdf
22. *Устав* ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет». URL: <http://www.klgtu.ru/about/charter/charter.pdf>
23. *Фёдоров Г.* Что нам показал юбилей «Альбертины»? // Калининградская правда. 1994. 3 нояб. С. 2.
24. *Хубатиш В., Гундерманн И.* Альбертовский университет в Кёнигсберге / Пруссия в иллюстрациях. Дудерштадт, 1993.
25. *Юбилейная* международная научная конференция, посвященная 450-летию основания Кёнигсбергского университета Альбертина: Калининград, 26—29 сент. 1994 г. : тез. докл. Калининград, 1994.
26. *Юрьевский* университет // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1904. Т. XLI. С. 435—437.
27. *Berger S., Holtom P.* Locating Kaliningrad and Königsberg in Russian and German collective identity discourses and political symbolism in the 750th anniversary celebrations in 2005 // *Journal of Baltic Studies*. 2008. Vol. 39, No. 1. P. 15—37.
28. *Berger S.* How to be Russian with a Difference? Kaliningrad and its German Past // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15. P. 345—366.
29. *Consolidated* Constitution of Charles University in Prague. URL: http://www.cuni.cz/UKEN-121-version1-cu_constitution_9thcode.pdf
30. *Die Albertus-Universität zu Königsberg und ihre Professoren.* Aus Anlaß der Gründung der Albertus-Universität vor 450 Jahren. Berlin, 1995. (Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. Bd. 29).
31. *Dumschat S.* [Review:] Die Albertus-Universität zu Königsberg und ihre Professoren. Aus Anlaß der Gründung der Albertus-Universität vor 450 Jahren. Hrsg. von Dietrich Rauschnig und Donata von Nerée. Duncker & Humblot Berlin 1995. 860 S. = Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. Band 29 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. Bd. 46, H. 4. S. 616—617.
32. *Gil'manov V.* Das Fortwirken der Albertina in der Universität Königsberg / Kaliningrad heute: im 450. Jahr der Albertina // *Nordost-Archiv. Lüneburg*, 1994. Bd. 3, H. 7. S. 518—527.
33. *Gundermann I.* Brandenburg-preussische Universitätsgründungen // *Universitäten in östlichen Mitteleuropa*. München, 2008. S. 105—126.
34. *History of Charles University.* URL: <http://www.cuni.cz/UKEN-106.html>
35. *Kant in Königsberg seit 1945.* Eine Dokumentation / bearb. von R. Malter und E. Staffa. Wiesbaden, 1983.
36. *Komorowski M.* Das Promotionswesen an den Universitäten Königsberg und Duisburg. Ein Vergleich // *Bilder — Daten — Promotionen. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit*. Stuttgart, 2007. S. 303—318.
37. *Linnemann K.A.* Das Erbe der Ostforschung. Zur Rolle Göttingens in der Geschichtswissenschaft der Nachkriegszeit. Marburg, 2002.
38. *Neegeln W.* Königsberg 1955 // *Königsberg in alten und neuen Reisebeschreibungen*. Düsseldorf, 1989. S. 205—211.
39. *Sakson A.* Ostpreußen — eine geteilte Region im Bewußtsein der heutigen Litauer, Russen und Polen // *Geteilte Regionen — geteilte Geschichtskulturen? Muster der Identitätsbildung im Europäischen Vergleich*. München, 2013. S. 253—270.
40. *Selle G.* Geschichte der Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen. Königsberg, 1944.
41. *Sezneva O.* Historical Representation and the Politics of Memory in Kaliningrad, Former Königsberg // *Polish Sociological Review*. 2000. No. 131. S. 323—338.
42. *Universitetas Tartuensis.* О нас. URL: <http://www.ut.ee/ru/924131>
43. *Université de Strasbourg.* Près de cinq siècles d'histoire. URL: <https://www.unistra.fr/index.php?id=18597>
44. *Université de Strasbourg.* Vorstellung der Universität. URL: <http://de.unistra.fr/index.php?id=6612>
45. *University of Tartu.* Statutes of the University of Tartu. URL: http://www.ut.ee/sites/default/files/www_ut/ulikoolist/statutes_of_the_university_of_tartu_010116.pdf
46. *University of Tartu.* Facts about the History of the University of Tartu. URL: <http://www.ut.ee/en/university/general/history>
47. *Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu.* Powstanie Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. URL: <http://www.umk.pl/uczelnia/historia/>

48. *Uniwersytet Warszawski. Historia*. URL: <http://www.uw.edu.pl/universytet/historia/>
49. *Uniwersytet Wrocławski. Od jezuickiej Leopoldiny do polskiego Uniwersytetu Wrocławskiego*. URL: <http://uni.wroc.pl/o-nas/historia-i-misja-uczelni>
50. *Uniwersytet Wrocławski. Ważne dokumenty*. URL: <http://uni.wroc.pl/o-nas/wa%C5%BCne-dokumenty>
51. *Vilnius University. The Statute of Vilnius University*. URL: http://www.vu.lt/site_files/Adm/statutas/VU_Statute.pdf
52. *450 Jahre Universität Königsberg. Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Preussenlandes / Hrsg. von B. Jähnig*. Marburg, 2001.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), IDementev@kantiana.ru

Раздел V ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Кризисный тип историзма: генезис исторической дисциплины

Показано, что в эпоху раннего Нового времени история определяет себя как дисциплина, причем данный процесс носит крайне противоречивый характер. Формирование представлений о предмете истории происходило исключительно в рамках уже существовавших в то время познавательных практик. История осознанно противопоставлялась этим практикам, излишне преувеличивались ее специфичность и самостоятельность как специальной отрасли знания. В разработке методов познания прошлого для мыслителей раннего Нового времени особенно важным было установление причинно-следственных связей и строгих закономерностей, теоретически обоснованное возможностью отождествления природы исторического и естественно-научного знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, метод, предмет истории, раннее Новое время, кризисный тип историзма.

История — базисный элемент культурной и мировоззренческой среды общества. Именно под ее воздействием, посредством индивидуально- и коллективного исторического опыта и его актуализации формируются национальное самосознание, культурные парадигмы, экономические теории и стратегии, идеологические модели социума. Поэтому изучение истории исторического знания — важнейшая сфера современной социальной истории. Отношение людей к своему прошлому трансформируется под влиянием идеологических, религиозных, национальных и других особенностей социальных групп и общностей. В то же время история — это область профессионального знания, претендующего на относительно адекватное реальности (относительно объективное) воспроизведение прошлого. С этой точки зрения история как гуманитарная наука должна определяться конкретным предметом исследований, методологией и методами.

Внося свой вклад в рассмотрение данного вопроса, мы обращаемся к периоду Нового времени — эпохе становления современного гуманитарного знания, в том числе исторического. На наш взгляд, полидисциплинарность в определении предмета, сопровождаемая междисциплинарностью в методологии и методах исследования, является своеобразным «родимым пятном» исторической дисциплины.

Мы отдаем себе отчет в том, что разговор о междисциплинарности имеет смысл лишь в том случае, если наука уже стала мощным социальным фактором, который объясняет многообразные причинно-следственные связи человека, общества и мира природы. Поскольку исследуемая нами эпоха — это время генезиса современного научного знания, в том числе и социогуманитарного, наделять историческое знание XVI—XVIII вв. чертами междисциплинарности в ее нынешнем понимании было бы неправильно. Следует также учитывать, что в этот период история только определяла себя как дисциплина, причем данный процесс носил крайне противоречивый характер [5; 14].

Во-первых, формирование представлений о предмете истории происходило исключительно в рамках уже существовавших в то время познавательных практик [8]¹. Во-вторых, в сочинениях XVI в. история осознанно противопоставлялась этим практикам, излишне преувеличивались ее специфичность и состоятельность как специальной отрасли знаний [4, с. 14—20]. В-третьих, начиная с середины XVII в. скептицизм, картезианство и неопирронизм подвергли историю всесторонней критике. Эти критические нападки, с одной стороны, буквально лишали историю права на существование в рамках познавательной системы общества, а с другой — реально конституировали, формировали научные основы осмысления прошлого, которые были развиты и трансформированы в рамках культурных и мировоззренческих моделей XIX в. [18].

Определение предмета истории в XVI—XVIII вв., его сущностное наполнение было очень динамичным и в значительной мере задавалось кризисным типом историзма той эпохи. При этом на одном хронологическом отрезке (в нашем случае — в рамках раннего Нового времени) в различных микро- и макрогруппах, на уровне массового сознания или научного осмысления прошлого были сформированы, бытовали и актуализировались не просто различные, но и взаимоисключающие представления о предмете истории [12, vol. 1, p. 54].

В рамках рассматриваемой нами эпохи можно условно выделить два этапа становления кризисного типа историзма. Первый этап — научная революция XVI—XVII вв., для него характерен прагматичный тип историографии; второй — историографическая революция XVII—XVIII вв., происходившая под влиянием философской историографии. Условной границей между этими этапами можно считать уровни познания окружающего мира — естественно-научный и социальный, и хотя, строго говоря, они неразделимы, все же возможно обратить внимание на превосходство одного над другим с точки зрения темпоральной характеристики (раньше / позже).

Мыслители Возрождения, собственно, не ставили прямого вопроса о предмете истории, потому что она воспринималась как искусство, призванное на службу риторике, филологии или дидактике. Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини, воспринимая историю прежде всего как сокровищницу опыта, прагматизировали ее в рамках политики и права [11, p. 31—50].

В XVI в. подчеркивалось исключительно самостоятельное место «новорожденной науки» истории среди других отраслей знания. Ей «соподчиняли» географию, астрономию, математику, правоведение и другие научные дисциплины, оговаривая их вспомогательный характер при изучении опыта прошлых веков.

В XVI в. осмысление истории, на наш взгляд, определялось тремя генерирующими и очень мощными интеллектуальными потоками — христианской парадигмой мировидения, гуманистической культурой (прежде всего, философской, филологической и правовой ее составляющими) и открытиями в области

¹ Сборник из 18 сочинений исторического жанра таких авторов, как Боден, Патрици, Понтано, Бодуэн, Випераний, Робортелло, Цвингер, Риккбоний Пецель и др., а также сочинения Дионисия Галикарнасского и Лукиана.

естественно-научного знания. Причем первый из этих потоков сыграл ведущую роль в формировании предмета истории, а остальные два оказали огромное влияние на выработку методов, способов и путей познания прошлого.

Социальные предпосылки развития западноевропейского общества обусловили неизбежность появления исторической науки и, бесспорно, предопределили осознание ее предмета и методов его изучения. Под воздействием социальных и политических факторов, коренным образом повлиявших на самосознание европейского общества, бесповоротно изменилось отношение человека и общества к своему прошлому [10, глава 1]. Произошло смещение акцентов с хронологического фиксирования событий, с познавательной значимости исторических сочинений на исследование причинно-следственных связей, детерминант, механизмов исторического движения. К прошлому стали обращаться в поиске ответов на универсальные вопросы об установлении первооснов и первопричин всего сущего в целом и социального в частности, которые вставали и в натурфилософии, и в «новой философии», и в теологии, — это вопросы, связанные с установлением первооснов и первопричин всего сущего в целом и социального в частности [2, с. 291—296].

Кроме того, пожиная плоды гуманистической культуры, мыслители XV—XVIII вв. уже не стремились извлечь из прошлого политические или морально-нравственные уроки (хотя дань традиции все-таки отдавалась). Исходя из представлений о спиралеобразном типе исторического движения, они обращались к прошлому ради выявления закономерностей социального развития и поиска возможностей управлять этим развитием. Здесь налицо видимое противоречие с хрестоматийным высказыванием Аристотеля: «Историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой... — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном» [1, 1451в: 1—5].

Попробуем взглянуть на этот сюжет с конкретно-исторических позиций и ответить на вопрос: какую роль в становлении истории как дисциплины в XVI в. сыграли теология, филология, юриспруденция, математические науки, т. е., согласно античной традиции, науки о числовых соотношениях и гармонии.

Каким образом формировалось представление о предмете истории? На наш взгляд, в хронологических рамках XV—XVI вв. на этот вопрос можно ответить только с позиций теологического и философского осмысления гносеологических функций понятий «Бог» и «Творение». Именно в них фактически резюмировалась проблема непознаваемости / познаваемости мира, общества и человека.

Интеллектуализирующая функция понятия Бога в средневековой теологии часто рассматривалась в связи с попытками доказательства существования его объекта. В стремлении ренессансных философов сделать Бога в определенной мере познаваемым подчеркивалась и познаваемость сотворенного им и зависящего от него природного и человеческого мира. В теологии творящая деятельность связывалась прежде всего со всемогуществом Бога, выраженным его волевыми качествами, и лишь во вторую очередь —

его интеллектуальными, разумными свойствами (например, у Августина Блаженного). Ренессансная философия неоплатонизма, напротив, подчеркивала интеллектуализирующие функции понятия «Бог» (например, Николай Кузанский). Это, в частности, нашло свое выражение в неоднократном цитировании тех слов Ветхого Завета, согласно которым Бог при сотворении мира «все расположил мерою, числом и весом» (Премудрость Соломона. 11, 21). Тем самым творчество сверхприродного Бога «из ничего» превращалось в результат абсолютизации творческих способностей человека. Созданное божественным словом приравнялось к сделанному умом и руками человека. Таким образом, основанием для определения предмета истории служило сверхъестественное творческое начало, реализованное в человеческой (в истории мысли, слова, действий), природной (естественной) и божественной (священной) истории. Предмет человеческой истории — деятельность. Природная и священная истории, их законы и смысл существуют, воплощаются и постигаются только в рамках истории человеческой постольку, поскольку познание осуществляется исключительно при условии наличия субъекта и объекта. Люди, наделенные душой и разумом, изучая естественную и человеческую истории, могут лишь приблизиться к пониманию божественного замысла и преклониться перед его величием. В этом усматривалась основная цель истории (15; 16; 19).

Человек должен стремиться к познанию существующих в мире возможного основных этапов священной истории: 1) грехопадение; 2) страдание; 3) жертва; 4) искупление; 5) спасение. Именно они выступают структурообразующими элементами как сюжета мировой истории в целом, так и целостного сюжета всякой эпохи, всякого периода, а также каждого по-настоящему исторического события. Далее следовал вполне традиционный для средневекового типа историзма вывод: лишь то, что имеет такую структуру, является историческим.

В разработке методов познания прошлого для мыслителей XVI в. (Фр. Бодуэн, Г. Бюде, Ф. Патрици, Л. Леруа, Ж. Боден, Нострадамус и др.) особенно важным было установление причинно-следственных связей и строгих закономерностей (цель историка — предвосхищать будущее), теоретически обоснованное возможностью отождествления природы исторического и естественно-научного знания. Факт истории и факт природы рассматривались как однородные и характеризовались равной степенью объективности и достоверности. Предупреждая механистические основания историографической революции XVII—XVIII вв., Ж. Боден называл четвертым видом истории математику. Тем самым он словно опережал мысль И. Гёте о том, что числа не управляют миром, но показывают, как управляется мир.

Ориентация на математику как на «образцовую науку» или на науки, в которых результаты исследований могли быть выражены и обоснованы математическими методами, воплощала меру научного оптимизма XVIII в., когда универсальная рационализация мира представлялась в идеале как его универсальная математизация [10, с. 15—23]. Но если историографии приходилось отталкиваться от миропонимания преимущественно механистического естествознания, то легко себе представить, сколь застывшими и надвременными должны были быть ее категории, посредством которых ей предстояло раци-

онализировать мир столь подвижной и изменчивой истории. Очевидно, что механистический детерминизм, основанный на законах математики, еще был способен отразить сопряжение элементов и самые простые «линейные» формы движения. Однако он абсолютно не годился для анализа общественных изменений — процесса, именуемого органическим развитием, т.е. развитием, внутренне обусловленным. Одним словом, ни источник движения, ни характер самодвижения исследовать на почве механистического мировидения не представлялось возможным, так как в этом случае все другие области познания рассматривались только как частные случаи применения отправной теории механики [9].

Уже в XVI в. основой методологического подхода в познании прошлого становится новое осмысление пифагорейства, подчеркивавшего наличие в мире соотношений меры, числа и веса, ибо божественное искусство при сотворении мира состояло главным образом в геометрии, арифметике и музыке. «Первый образ вещей в уме Творца есть число», без которого ничего невозможно ни понять, ни создать. Мир сотворен на основе гармонической пропорции, средние члены которой равны, а последний представляет собой разность между первым и последним: $A : B = B : (A - B)$. Гармония есть мера, симметрия и пропорция [4, с. 256—257]. Как видим, познание истории базировалось на математических законах.

Второй сферой выявления механизмов, определяющих историческое развитие, является сотворенная Богом природа, законы которой неизменны, так же, как и ее влияние на человека. В XVI—XVII вв. эти механизмы изучались географией, хорографией и комплексом медицинских наук. Так в арсенале исторических методов появился географический детерминизм и актуализировалась гуморальная теория.

Кроме того, методы исторического исследования были непосредственно заимствованы из правоведения и филологии. Иначе и быть не могло, так как, во-первых, изначальный прагматический интерес к истории в начале XVI в. был обусловлен идеей создания универсального права, во-вторых, авторами трактатов, содержащих теоретическое осмысление истории, были выпускники факультетов права ведущих европейских университетов, имевшие ученую степень доктора права. Юриспруденция в тот период уже накопила значительный арсенал методов работы с юридическими документами, начиная с понятия источника права и заканчивая многоуровневым анализом текстов. Само понятие источника в истории непосредственно происходило от трактовки источника права. Принцип объективности и субъективности в изложении материала изначально также утвердился в области правоведения, в ходе работы с правовыми источниками [15].

Теоретические подходы к организации материала были заимствованы из выведенных П. Рамусом законов формальной логики. Согласно этим законам, при изложении какого-либо сюжета следовало в первую очередь дать общую формулировку проблемы. Затем выводились определения основных понятий. Проблема расчленялась на составные части, каждая из которых получала свое определение. Далее шли разъяснения на наглядных примерах. В изучении формальной логики Рамус, используя дедуктивный метод, двигался от общего к частному. Аналогичная схема применялась в исторических трактатах

XVI—XVII вв.: от изучения общей картины мира к изучению истории отдельных народов в соответствии с хронологией и далее — через историю государств к частной (персональной) истории («Scholae dialecticae» в сочинении «Scholae in liberales artes» [20, col. 153]).

Еще один аргумент, подтверждающий полидисциплинарность истории, может быть получен в результате анализа принципов организации периодизаций прошлого, применявшихся в трактатах по истории XV—XVI вв. (гуманистическая периодизация, по шести дням творения, по четырем мировым империям, на основе климатического фактора и др.).

Таким образом, даже краткое рассмотрение интеллектуальных условий зарождения и становления истории как самостоятельной области научного знания в начале «эпохи катастроф» дает нам возможность оценивать ее как комплексную и синтезирующую дисциплину.

Мыслители этого периода обращались к теории истории, поскольку решали вопрос о природе предмета ее занятий — источника и основы индивидуальных и коллективных представлений о мире. К середине XVI в. «практическая история», имевшая дело с конкретными событиями и судьбами, накопила солидный опыт в описании прошлого. Теперь его нужно было осмыслить и систематизировать. Поэтому вполне понятно обращение Леруа, Бодена, Патрици, Бэкона к внутренней критике процесса получения исторического знания. Более того, нам представляется, что это свидетельствует также и о том, что историописание того периода приблизилось к границам рефлексии, формирующей науку и дающей ей возможность самообоснования, возможность «посмотреть на себя со стороны».

Яркие примеры таких рассуждений содержат, например, сочинения Жана Бодена и Френсиса Бэкона — эти два крупнейших мыслителя XVI и первой половины XVII в. и, заметим, активные политики, как бы «наследуя» один от другого, без сомнения, сформировали основу современного исторического знания [22]. Предмет исторической дисциплины и его причинные основания, сформулированные в «Метод легкого познания истории» Жана Бодена, можно представить таким образом: деятельность — свободная воля — жизненные потребности — естественная природа человека. Последнее звено этой схемы не является завершающим, так как встает вопрос о следующей детерминанте: чем определяется естественная природа человека?

Боден считал первоосновой своей системы природную среду обитания как отдельного индивида, так и народа в целом. Влияние природных факторов на развитие народов устойчиво, следовательно, можно определить его закономерности и проявления, зафиксированные в историческом материале [4, с. 79—123].

Боденовская история, имеющая первостепенное значение в системе знаний, — это наука всех гуманитарных наук. Все знания, которые добываются, к примеру, правоведами или философами, находят основание именно в истории, и в копилку истории они «относят» свои открытия.

В системе философии науки Ф. Бэкона история — не только и даже не столько конкретная дисциплина, сколько метод, фундамент научного основания мира — природы и общества (об историзме Бэкона см. исчерпывающую статью М. А. Барга: [3]). Правомерно заключить, что Бэкон по-своему «историзировал»

научное познание в целом, поскольку проецировал на исследование природы процедуру, которая, по его мнению, была характерна для историописания. Так, в заключении первой книги «Нового Органона» говорится: «Если люди будут располагать надлежащей естественной и экспериментальной историей и проявят к ней прилежание, и при этом окажутся способными к двум вещам — оставить общепринятые мнения и понятия и удерживать ум от самого общего, то они смогут прийти к нашему истолкованию» [6, с. 47].

Предложенная Бэконом оценка истории как систематизированного опыта — это фундаментальная предпосылка научной революции. Сам его призыв приступить к документированию всех небесных и земных явлений, как наблюдаемых в данное время, так и сохранившихся в памятниках письменности, являлась формой осуждения традиции умозрительной науки, которая рассматривала углубление в детали действительности как занятие, недостойное философского ума [3, с. 236—240].

Помимо создания с помощью идеи истории «новой науки о природе», Бэкон работал над воссозданием натуралистической науки гражданской истории. В рассуждениях гуманистов XVI в. о методе применительно к истории последняя выступала, главным образом, как специфический жанр литературы. Даже Боден, уже утвердивший идею истории, остался чужд мысли об универсализме логических проблем научного познания как такового [3, с. 246]. Возведение же Бэконом гражданской истории в ранг науки означало распространение на нее тех же логических процедур, которые предусматривались «новой индукцией» при составлении естественной и экспериментальной истории. Отныне не существовало принципиальной разницы между исследованием «событий» и «деяний» людей. Исходный принцип становился общим: сначала наблюдения, затем рассуждения. Новая логика мыслилась как универсальный инструмент науки «истории» в широком смысле этого слова, независимо от того, шла речь об истории естественной или гражданской.

В результате гражданская история превращалась из «свободного» искусства в научную дисциплину, основанную на новой логике, методе индукции, и при этом не только в составную часть «научной революции», но и в ее гносеологическую предпосылку, в частности, в обширной области наук о человеке, именовавшихся Бэконом «гражданскими». Тем самым пересматривалось и неизменно углублялось унаследованное от историзма эпохи Возрождения решение вопроса о «пользе гражданской истории». Распространив на гражданскую историю требование служения «общему благу», которое предъявлялось им к науке в целом, Бэкон провел разграничительную линию между своим и традиционно гуманистическим ответом на вопрос «о пользе истории». Из средства индивидуального воспитания и обучения людей на примерах и уроках прошлого история становилась *основанием* моральной философии и в конечном счете одной из предпосылок установления на земле «братства людей» [7, с. 54].

Вместе с тем очевидно, что гражданская история в оценке Бэкона еще была лишена самостоятельных научных задач, отношения к прошлому как к предмету, подлежащему познанию. И если бы за обрисовкой «служебного» характера исторического материала не скрывалась идея, пусть опосредованного, участия гражданской истории в приумножении общественного блага, то в этом

отношении мало что нового можно было бы почерпнуть у Бэкона по сравнению с суждениями, например, Бодена, изначальный интерес которого к истории вырос из правовых штудий. Пользу гражданской истории Бэкон видел в том, что ей доверены «слава и доброе имя предков», что историческое повествование «может с большим успехом служить в качестве примера и образца для читателя», увеличивая «славу и достоинство» королевств, оказывая «большую помощь в формировании гражданской мудрости» [6, с. 103].

С синтезом оригинальных и унаследованных суждений Бэкона мы сталкиваемся в определении им того места, которое занимает «историческая» способность в процессе научного основания окружающего мира. В своей концепции наук ученый писал о господствовавшем в то время традиционном учении — психологии рациональных способностей человека, которая метафизически расчленила процесс познания на обособленные, замкнутые в себе функции — «акты». По этому учению, определенный род умственной («душевной») деятельности связан с определенным родом способностей разумной души. При этом каждая из способностей локализуется в особой ее «части».

В исследованиях, посвященных данному вопросу, уже обращалось внимание на то, что по логике этих «оснований» историческое познание как бы останавливается на подготовительной, дорассудочной фазе освоения материала. Функция истории исчерпывается сбором и закреплением материала в памяти, тогда как процедура его собственно рассудочного освоения представляет уже «сферу деятельности» философии и науки. Однако к моменту создания латинской версии трактата «О значении и успехе знания божественного и человеческого» Бэкон значительно приблизился к доктрине Бернардо Телезио (1509—1588) и его последователей. Согласно этой доктрине, три «способности разумной души» не отделены одна от другой, а объединены в единое целое, олицетворяющее мыслительную способность как таковую [21].

Теория Телезио, с которой Бэкон был хорошо знаком, вскрывала всю меру непригодности традиционной концепции, оставившей вне поля зрения первую и наиболее фундаментальную способность «разумной души» — мыслить. Мышление — это универсальный способ духовной деятельности, и человек прибегает к нему в равной степени и тогда, когда «запоминает», и тогда, когда рассуждает, и тогда, когда «воображает». Более того, «память», отождествляемая с занятиями историей, оказывается не только «подготовительным», но и завершающим этапом рассудочной деятельности. Речь идет о фиксации в первом случае образов, поставляемых органами чувств, во втором — результатов мыслительного процесса [5, с. 121].

Но самое важное, возможно, заключается в том, что память участвует на всем протяжении этого процесса не только как «хранилище» первичных образов и конечных абстракций, но и как «носитель» самих мыслительных процедур. Поскольку Бэкон отождествляет с «памятью» историю, постольку получается, что на разных этапах мыслительной деятельности функции «памяти» различны: в начальной фазе — это создание «первичной истории», затем можно уже говорить о причастности к науке в собственном смысле — к логике и философии. Пусть никто не ждет большого прогресса в науках, если отдельные науки не будут возвышены до философии — таково в высшей степени дальновидное заключение Бэкона.

Из этого утверждения следует, что история — это субстанция каждой подлинной науки, а поскольку ее метод обуславливается предметом, то во всех остальных науках «историческим» является и метод восхождения от частного к общему. В противном случае его результаты не могли бы служить инструментом познания действительности, «ибо знания, которые буквально на наших глазах были извлечены из частных фактов, лучше других знают обратный путь к этим фактам» [22, р. 743]. Таким образом, в познании прошлого Бэкон использовал модель «новой индукции», кардинально отличавшуюся от дедуктивного подхода к истории Бодена.

Бэкон на два столетия предвосхитил необходимость преодоления противостояния естественных наук и наук о человеке путем перевода первых на почву опыта и нацеливания последних на познание «естественных» закономерностей истории. В прозрении логического универсализма всей совокупности опытного знания и состояло, в частности, то подлинно новое, что внес Бэкон в теорию и историю науки.

Разумеется, «моделируя» логическое тождество истории обществ и «истории» естественной, он в действительности утверждал лишь натуралистический историзм, в котором общество выступает в конечном счете как лишенное внутренней динамики. Тем не менее в начале XVII в. именно в этом шаге заключался совершенный Бэконом прорыв из заколдованного круга, каким была гуманистическая концепция истории как рода искусств — спекулятивного, риторического, а по отношению к классическому наследию — эпигонского.

Точно так же, продолжая многовековую традицию, Бэкон неоднократно повторял требование «соблюдения первого закона истории»: стремиться к исторической истине, не вносить в исторический труд симпатии и антипатии, унаследованные легенды и собственные вымыслы [7]. Всемирные же истории из-за скудости сведений по отдельным периодам чаще всего заполняют лакуны легендами и малодостоверными сведениями. Но подобно тому, как Бэкон периодически сводил причины событий к «мотивам», а то и попросту подменял их описанием различных обстоятельств, он своими требованиями к историку вскрывать «тайные замыслы», «скрытый смысл» поступков, опираясь на доступные ему обрывки психологических характеристик, открывал широкие возможности для привнесения в историю произвольных домыслов. Такова была цена переориентации истории на почву опытного естествознания и превращения «человеческой природы» или психологии личности в основной аналитический инструмент историка [3].

Наконец, рассмотрение Бэконом истории с позиций «природы» и интерпретации последней в терминах психологии превращали историческую личность и ее деяния, по сути, в единственное основание как для внутреннего разделения обширных исторических эпох, так и для определения специфики каждого данного отрезка исторического времени. Отсюда — первостепенная важность политической истории с точки зрения «общественной пользы». Бэкон считал, что не следует допускать смешения политики с менее значительными вещами, к которым он относил описания не только всякого рода процессий, празднеств, но и военных походов, сражений и т.п. Единственной темой, достойной «серьезной истории», в представлениях Бэкона, являлась политика, а политические уроки истории рассматривались им как главная форма общественного служения историописания.

В заключение кратко акцентируем наиболее важные, на наш взгляд, моменты бытования истории и ее соотношения с другими формами знания. Прежде всего отметим, что формально картина мира в XVI—XVIII вв. сохранила трехчленную структуру — Бог, природа и человек, но фактически она радикально изменилась. Социальные феномены (в первую очередь социальные институты, нормы и подсистемы социального взаимодействия — политическая, экономическая и т.п.) перемещаются из раздела «природа» в раздел «человек» и начинают осмысливаться как продукт человеческих действий. Такой подход встречается уже в XVI в. у Бодена, а в начале XVII в. это видение мира закрепляется в работах Бэкона. Сохранявшаяся приверженность «природе» наглядно проявляется в различных «физических» концепциях социальных феноменов.

Список источников и литературы

1. *Аристотель*. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 645—680.
2. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. М., 1987.
3. *Барг М.А.* Историзм Фрэнсиса Бэкона // Фрэнсис Бэкон. История правления короля Генриха VII. М., 1990. С. 200—250.
4. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000.
5. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая деятельность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115—142.
6. *Бэкон Ф.* О мудрости древних // Соч. : в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 223—297.
7. *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. М., 1990.
8. *Artis Historicae Penus Octodecim scriptorum tam veterum quam recentiorum monumentis & inter eos Io. praepicue Bodini Methodi historicae sex instructa.* Basel, 1579. Vol. 1—2.
9. *Ashley M.* The Golden Century: Europe, 1598—1715. N. Y., 1968.
10. *Chastel A.* The Crisis of the Renaissance, 1520—1600. Geneva, 1968.
11. *Crisis in Europe, 1560—1660* / ed. by T. Aston. N. Y., 1965.
12. *Dictionnaire historique et critique* / de P. Bayle. P., 1820—1824. 16 vol.
13. *English Historical Writing and Thought, 1580—1640.* L., 1962.
14. *Ferguson W. K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948.
15. *Gilbert N. W.* Renaissance Concepts of Method. N. Y., 1960.
16. *Leroy L.* De la vicissitude ou variété des choses en l'univers, et concurrence des armes et des lettres par les premières et les plus illustres nations du monde. P., 1988.
17. *Leroy L.* Consideration sur l'histoire française et universelle de ce temps, dont les merveilles sont succinctement récitées. Lyon, 1567.
18. *Mackenzie R.* The Nineteenth Century. A History. L., 1891.
19. *Patrizi F.* Della historia diece dialoghi. Venetia, MDLX [1560].
20. *Ramus P.* Aristotelicae Animadversiones — Dialecticae institutiones. P., 1543.
21. *Telesius Bernardinus.* De rerum natura juxta propria principia. Testo, traduzione e note a cura di L. De Franco. Cosenza ; Firenze, 1965—1976. 3 vol.
22. *The Works of Lord Bacon* / ed. J. Spedding. L., 1879. Vol. 7.
23. *White M.* Foundations of Historical Knowledge. N. Y., 1965.

Об авторе

Марина Станиславовна Бобкова — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., руководитель Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН (Москва), bobkova_marina@list.ru

Городское прошлое в практиках публичной истории¹

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum.
Johann Wolfgang von Goethe

Представлен опыт работы американских публичных историков в пространстве города. Показано, что этот опыт интересен не только сам по себе: эмпирический материал, демонстрирующий работу историка по созданию образов города и «городского прошлого», позволяет выйти на тему взаимосвязи современной исторической науки и исторической практики, способов их воздействия на представления о прошлом.

Ключевые слова: публичная история, городское прошлое, пространство города, Готэм-центр, музей истории города.

Уже почти полвека развивается публичная история (*public history, people's history, histoire publique, policy-relevant history, history for the laity, weekend history, angewandte Geschichte*, etc.) [10; 12; 15; 17; 18]. Публичная история возникает на волне левого движения и ранее всего в США. В 1979 г. создается Национальный совет публичных историков (The National Council on Public History), задача которого «сделать прошлое полезным для настоящего и способствовать сотрудничеству между историками и их публикой», и журнал *The Public Historian* [33].

Позднее публичная история утверждается в Германии [18], англоязычных странах (Австралии, Канаде, Англии), Китае, Индии. Профессия имеет страновую специфику, а объединяет публичных историков, прежде всего, сознательный курс на взаимодействие с общественностью и содержание практик, связанных с репрезентацией прошлого. Профессиональное образование в области публичной истории инкорпорировано в программы сотен институтов высшего образования по всему миру (США, Канада, Австралия, Китай, Англия, Германия, Индия, Ирландия, Новая Зеландия и др.) [24].

«Публичные историки, в противоположность академическим историкам, действуют вместе с общественностью и для общественности. Они работают в архивах, музеях, общественно-политических организациях, исторических обществах и медиа — словом, посвящают себя занятиям историей за пределами классной комнаты (аудитории). Историки работают для групп местного, штатского и национального уровня, включая корпорации и правительственные институты. Задача публичного историка — сбор, сохранение и распространение информации о прошлом с использованием фотографий, свидетельств устной истории, музейных экспозиций и мультимедийных средств. В конечном счете

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

он обращается к широкому кругу исторических проблем и представляет их не-академической аудитории» [4].

В данном описании наряду с ключевым словом «для» мы видим и другое, еще более важное слово — «вместе», во взаимодействии. Здесь четко обозначена установка практикующих историков, согласно которой они осуществляют интерактивное взаимодействие между историком, публикой и историческим знанием / объектом. Публичная история, бесспорно, демонстрирует черты движения «снизу» не только потому, что объединяет усилия тысяч энтузиастов и волонтеров, но и потому, что ее представители последовательно привержены идеалам социальной справедливости, политического активизма и вовлеченности сообщества.

Действительно, к познанию «истории за стенами “традиционного класса”» часто стремятся «те, кто с неприязнью вспоминает о преподавании истории в школе и колледже». Они «с увлечением проводят праздники, каникулы и свободное время, изучая историю: совершая паломничества к полям сражений и мемориалам, посещая музеи, увлекаясь историческими телепрограммами, работая в исторических обществах, участвуя в коммунальных исторических проектах или создавая семейные анналы» [21].

Хотя для публичных историков приверженность научно-историческому знанию — *sine qua non*, здесь, как и в любой практико-ориентированной профессии (юристы, врачи и пр.), первичны отношения не с научной корпорацией, а с клиентом и заказчиком. Люди и власти — главные адресаты. Публичные историки нередко называют себя «продавцами» истории [3], и фраза «history sells» не раз использовалась даже в названиях книг и статей. Существует множество хорошо известных способов продажи истории широкой публике [11]. В то же время публичные историки видят свою миссию в распространении исторических знаний и решении практических задач. Это может быть, например, участие в планах реновации исторических дистриктов, обсуждение соотношения целей развития туризма и сохранения аутентичности городских исторических районов или организация городских праздников.

В данном тексте мы сосредоточимся на анализе опыта работы американских публичных историков в пространстве города. Однако этот опыт интересен не сам по себе. Эмпирический материал, демонстрирующий работу историка по созданию образов города и «городского прошлого», позволяет выйти на тему взаимосвязи современной исторической науки и исторической практики, способов их воздействия на представления о прошлом.

Сегодня деятельность публичных историков на поприще городской истории очевидно влияет на развитие городской среды, складывание памяти о прошлом и ее диверсификацию, формирование идентичности разных городских сообществ, словом, на все, что связано с идеей «воображаемого города». «Идентичность места определяется тем, какие истории о нем рассказывают, как их рассказывают и какая история станет господствующей» [13].

На этапе становления публичной истории в США тема истории в городе почти не просматривается. По первым номерам *The Public Historian* видно, что историков интересует публичная политика, история бизнеса и конкретных фирм, семейная история, устная история. Однако надо принять во внимание, что в 1970—1980-е гг. только разворачивались идеи исторической памяти, роли

места в формировании идентичности, неразделенности социального пространства со временем, а, тем самым, истории с географией. Впоследствии специализация истории и пространственный поворот в гуманитаристике в целом способствовали росту внимания к городу как к объекту целенаправленной деятельности.

Просматривая анналы Национального совета публичных историков, мы буквально видим, как по мере академической разработки идей о роли пространства в формировании идентичности и закреплении метафоры исторической памяти происходит «внедрение» указанных конструктов в сознание и практикующих историков, и «простых горожан». Пользуясь марксистским словарем, можно сказать, что идеи становятся «материальной силой». Этому способствует и изменившийся подход к пониманию публичной истории, который обращает меньше внимания на различия между «историком» и «публикой», а больше на процесс превращения прошлого в историю [20, р. x]. В конечном итоге для горожанина почувствовать город как место — значит ощутить вполне определенное прошлое и в итоге приобрести новый социальный опыт. Не случайно с городской проблематикой в куррикулах магистерских программ по истории связаны такие курсы, как «Seeing history», «Placing history» и др.

К тематике города в деятельности публичной истории относятся очень разные сюжеты: отношения с городскими властями, локальная история, маркирование городского пространства, политика городской памяти, сохранение исторического наследия, городские архивы, музеи, праздники, организация самых разных исторических обществ, ориентированных на тематику городской истории [2; 9; 19]. Проекты могут преследовать разные цели и даже, если эксплицирована определенная задача, на самом деле неизбежно имеют мультипликативный эффект. Это стало понятно не сразу. Но сегодня работа, связанная с определением исторических зон и даже ценностью отдельного архитектурного памятника, преследует цель не только сохранения исторического наследия, но и повышения качества жизни в районе, сглаживания социальных конфликтов, привлечения туристов и развития экономики города [21].

Создание городских образов требует ответа на ряд вопросов. Как определить горожан? Что рассказать им об их истории? Какие события и каких людей включить в рассказ? О ком и о чем умолчать и на каких основаниях? Как экспертное знание может сочетаться с популярным нарративом?

В работе на поприще городской истории велика роль устных свидетельств, визуальных источников, артефактов. Но и сбор документов тоже важен, причем документов, которые вряд ли подлежали бы ведомственному хранению (личная и повседневная история горожан или культурная история отдельных институтов города). Хотя с развитием социальной, а затем и культурной истории значение материальных источников существенно расширилось, создание архивов и работа с ними идут невиданными темпами и на самых разных уровнях, а вначале это было едва ли не главной формой занятости публичных историков [31; 32].

Далее остановимся на двух кейсах, представляющих важные практики публичной истории в городе: организация городских сообществ (по районам или темам) и создание городских музеев самого разного масштаба и толка.

Практика организации городских сообществ. Готэм-центр истории Нью-Йорка

Основанный в 2000 г. историком Майком Уоллесом, Готэм-центр истории Нью-Йорка (Gotham Center for New York City History) является частью городского университета Нью-Йорка [29]. Готэм — одно из прозвищ Нью-Йорка, но в то же время и название вымышленного города в известном сериале [23]. Стимулом к созданию Готэм-центра стал успех книги Уоллеса (в соавторстве с Эдвином Берроузом) «Готэм: История города Нью Йорк до 1898 г.» [5]. Книга получила Пулитцеровскую премию, признание вдохновило Уоллеса на создание центра, посвященного истории города. В формулировке задачи центра мы видим не только цели (развлекательные и образовательные), но и четко проговоренный темпоральный режим городской публичной истории — проекцию прошлого в будущее: «Мы хотим одновременно и развлекать, открывая один из самых увлекательнейших городов мира, и освещать настоящее, критически размышляя о прошлом. Нью-Йорк находится в постоянном движении; понимание того, как он развивался, — непереносимая предпосылка для формирования его будущего» [29]. На примере Готэм-центра можно составить представление почти обо всех аспектах деятельности городских исторических сообществ: от целей и состава участников до видов активности, конкретных мероприятий и палитры ресурсов. Цель центра, как она сформулирована в программном заявлении, — «изучать и исследовать богатейшую историю города, делать ее более доступной для горожан и ученых, учителей и учеников, местных и приезжих. Мы достигаем результата, объединяя вместе множество талантливых ученых и любителей, кураторов и архивистов, библиотекарей и учителей, кинематографистов и защитников городской среды. Все они изучают, сохраняют и представляют богатое и увлекательнейшее прошлое» [29].

Виды деятельности центра создают очень разнородную картину, отражающую пестроту тематических интересов участников: архивы (18), исторические здания / места (59), библиотеки (27), ньюйоркцы в прошлом (2), музейные коллекции (33), университетские исторические факультеты (13), вебсайты (160), активное знакомство с историей города и образование, прогулочные туры (42), учебные курсы (3), исторические продукты (*historical commodities*) (7), исторические услуги (2), ученые / эксперты (88), исторические группы по темам и интересам (27), блоги (86). Мы видим, что в эпоху Интернета по популярности с огромным опережением лидируют блоги и вебсайты, тем не менее востребованы и очень многие традиционные виды исторической активности.

Если посмотреть, чем конкретно занимаются публичные историки в центре, например исторические группы (*Historical Societies & Preservation Groups*), которых в нем насчитывается 27 [26], то мы убедимся, что они различны по тематике и представляют интересы локальных и этнических групп, защитников исторического наследия и реконструкторов. Одни озабочены воссозданием событий и людей прошлого (*Day Break B'hoys*), другие культивируют «чувство места». Так *The Greenwich Village Society for Historic Preservation* «работает ради сохранения архитектурного наследия и культурной истории Гринвич Виллидж. Созданное в 1980 г. общество играет главную роль в деле сохранения «чувства места» и характера личности, определяющих уникальное сообщество Гринвич Вил-

лидж» [25]. *Broad Channel Historical Society* «сохраняет историю общины района на Broad Channel». *Greater Astoria Historical Society* основанное в 1985 г., озабочено не только сохранением прошлого старого района Лонг Айленд (*The Village of Astoria, Ravenswood, Steinway, Hunters Point, Sunnyside, Dutch Kills*), но и определением его будущего. Члены общества организуют экскурсии, прогулочные туры, презентации, лекции для школьников и публики. *Douglaston / Little Neck Historical Society* заботится о шести исторических районах Верхнего Ист Сайда и 125 отдельных памятниках. *Bronx African-American History Project* создает «историю места» для «более чем полумиллиона афроамериканцев, населяющих Бронкс» (что более трети всего населения района). «Черные были интегральной частью истории Бронкса с колониальных времен, внесли большой вклад в его культурную историю, а в последнее время и в новую жизнь своего района, но об этой многочисленной и разнообразной группе населения почти ничего не было написано, кроме отдельных пассажей в нескольких книгах» [22].

В целом примеры деятельности отдельных обществ Готэм-центра — маркирование объектов культурного наследия, сохранение «чувства места», создание альтернативных локальных историй, вовлечение горожан в историко-культурные мероприятия в качестве не только пассивных, но и активных участников — позволяют говорить о современном (с точки зрения актуальной исторической науки) статусе публичной истории. Следует подчеркнуть ключевую роль коммуникабельности в переживании опыта места, что позволяет совместно создавать собственную историю и ощущать историю по следам прошлого, проходя по старым улицам, разглядывая здания, памятники, знаки и даже пустыри и руины.

Освоение городского пространства и выработка «чувства места» не является простым приобщением к истории. Каждая такая группа де-факто формирует для себя понимание того, что значит быть чернокожим обитателем Бронкса или богемным жителем Гринвич Виллидж, как приватная локальная история соотносится с историей жителя Нью-Йорка или с принадлежностью ко всему американскому народу.

Музеи истории города. The Museum on Main Street

Растущее за последние несколько лет число книг и статей показывает изменившуюся роль музеев в городе: от проблем формирования идентичности и национального строительства в условиях признания принципов мультикультурности до развития исторического образования и работы с опытом посетителя, учета его субъектности и пр. С обновленческим вызовом сталкиваются все музеи — как крупные, так и периферийные, как новые, которые в больших количествах возникали в последние десятилетия, так и старые, многие из которых пережили процесс радикальной инновации. Понятно, что цель открытия и презентации исторического наследия, которая предполагает демонстрацию достижений культурно разнообразного общества, означает, что музеи не могут больше представлять «единую историю», экспозиции должны быть о прошлом разных групп сообщества, их обычной жизни, ценностях и достижениях.

В духе времени городские музеи стремятся к синтезу разных форм знания и его репрезентации, соединяя на своих площадках науку и технику,

произведения искусства, предметы быта и документальные материалы. Сегодня музеи энергично осваивают и современные технологии экспозиции исторического материала, связанные с формированием активного посетителя: интерактивный формат, перформативные практики, площадки для общения. «Большинство людей готовы подвергнуть сомнению устоявшиеся клише, у них есть способность к воображению, которая помогает им понимать разные точки зрения. Музейщики заметили происшедшие перемены и назвали новую стратегию обучением на достопримечательностях (*landmark learning*)» [8, p. 4]. Музей и его экспозиции больше, чем прежде, осознаются как место, где сообщества и группы можно собрать вместе, «чтобы разбираться в существующих проблемах и искать ответы. Музеи могут породить гордость и находить свое место в мозаике культурных идентичностей и тем самым создавать убедительную и великую антологию, составленную из разных частей и пестрых историй» [14, p. 138].

Одной из успешных программ, охватившей самые маленькие городки Америки (до 8 тыс. жителей) и привлекавшей публичных историков по всей стране, стала программа «Музей на главной улице» (*The Museum on Main Street — MoMS*) [28]. «Музей на главной улице» — одна из самых интересных, с точки зрения историка-урбаниста, инициатив Службы передвижных выставок Смитсоновского института. MoMS непосредственно вовлекает в «историю» и ее создание жителей маленьких городков и мобилизует усилия снизу (местные исторические общества и другие культурные ресурсы) на репрезентацию прошлого в сообществах, у которых не было возможностей для серьезной музейной работы. Выставки MoMS становятся настоящим катализатором интереса к прошлому, открывают горожанам панораму собственной истории, культуры, быта и создают совершенно новые основания для местного патриотизма. Для вовлечения широких слоев населения MoMS работает в сотрудничестве с гуманитарными советами штатов (*state humanities councils*) и более чем с 900 институциями в маленьких городках по всей стране. Благодаря хорошо таргетированным коммунальным программам и акциям, выставки MoMS, удивительные по изобретательности тематики и по методам организации экспозиции, стали центром городского исторического повествования и формирования новой локальной гордости. Жители с энтузиазмом участвуют и в создании собственных выставок, которые становятся площадками дискуссий и местами открытия «своей» истории [27]. Тем самым образ маленького сонного поселения заменяется портретом динамичного и полнокровного городка, ценного своим разнообразием и уникальностью. У этой программы есть и цели, выходящие за пределы репрезентации локального прошлого. Через MoMS американцы знакомятся с важными темами национальной истории, небольшие организации используют местные коллекции, специализированные выставки, локальные интерпретации и живые дебаты для лучшего понимания связи прошлого любой местной общины с «большой» американской историей [7].

Одним из интересных и в то же время типичных примеров музея на главной улице является *The Main Street Museum*, созданный в 1992 г. Дэвидом Фербенксом Фордом в районе *White River Junction*, известном как *Old South End* [30]. Музей представляет собой эклектичное сочетание привычной экспозиции материальной культуры и смелый эксперимент в области современной систематики, так как его коллекции намеренно расфокусированы. Разряды экспозиции

включают как знакомые, так и совершенно неожиданные рубрики: флора; фауна; важные предметы со всего мира; свидетельства о босяках и бродягах; круглые предметы; закрученные предметы; журналы; чуждые местной истории фрагменты; ноты; коллекции открыток; городские подражатели Элвису Пресли; чучела и биологические аномалии (вроде дегидрированных кошек). Музей одновременно возвращает к кабинету курьезов XVIII в. (*Wunderkammern*) и ведет к самым передовым технологиям нашего столетия. Курьезная сторона музея имеет не только развлекательный характер, она одновременно вводит в мир музеологии, реконструируя историю музея как института современной культуры. А технологическая составляющая уводит за пределы музейных залов в мир без границ. Этот «музей на главной улице» позиционирует себя как первый музей в мире с функционирующим блогом, открытым в 2005 г. Вокруг музея консолидируется и весьма пестрое сообщество активистов, описанных газетой «Вашингтон пост» как «чудаки и авангардисты». «Музей на главной улице заставляет иначе определить природу музеев и кураторства. Почему мы сохраняем то, что мы сохраняем? Как мы решаем, что мы не удаляем вниманием, что мы экспонируем, что убираем, а что уничтожаем?» [6]. Вопросы старые, но реновации в музейном деле заставляют публичных историков искать новые ответы.

В заключение хотелось бы предложить некоторые рассуждения о взаимовлиянии городских практик публичной истории и современной исторической науки.

Импульс, приданный усилиям публичных историков в их совместной работе с жителями над созданием образов городского прошлого, обусловлен изменениями, происходившими в самой исторической дисциплине, и, прежде всего, новыми представлениями о характере исторического знания. Эти новации, в соответствии с которыми прошлое полагается социальным конструктом, опирались на достижения социологии знания. Поскольку прошлое наделяется важной консолидирующей ролью, публичный историк, работающий с городской общественностью, вполне осознанно участвует в принятии решений о том, каким должны быть «образы прошлого», как они могут соотноситься друг с другом, но это всегда «согласованные решения». Публичный историк в этом процессе лишь один из равноправных участников, обладающий экспертным знанием.

Такая роль носителя экспертного знания обусловлена тем, что процесс демократизации доступа к формированию исторического знания затронул представления о правах самих людей участвовать в создании истории. В своей книге «Театры памяти» известный историк и один из основоположников публичной истории Рафаэль Сэмюэль писал, что история является не прерогативой историков, а «социальной формой знания, работой, которую повсюду выполняют тысячи разных рук» [16, p. 8]. Происходящие в обществе дискуссии по проблемам нации, расы, гендера, культуры, идентичности вызывали бесконечные вопросы о репрезентации разного прошлого, его многообразия. И всевозможные проекты городской истории реагировали на эти дебаты и конфликты, не только инкорпорируя сведения об истории различных маргинальных групп (групповом прошлом), но и заботясь о нивелировании иерархий разных прошлых. Побочным результатом политики памяти стало то, что история, представленная сегодня во многих городах, оказалась в чем-то имплементацией направления *entangled history* на практике, причем речь идет о самых разных переплетениях:

социальных, бытовых, эстетических, темпоральных. Увидеть их намного проще, чем постичь, читая исторические труды.

Трудно представить себе, что такой масштаб публичной практической деятельности в городской среде был бы возможен, не развиваясь в это время экономическая история, социальная история, культурная история, история повседневности. Происходившие в сфере академической истории процессы диверсификации дисциплины и фрагментации предметного поля сами по себе необычайно способствовали усилению интереса к прошлому. В поле зрения историков оказались новые объекты (детство и брак, ментальность и образцы культуры, карнавалы и праздники, еда и запахи, чтение и образование, сплетни и быт), а также новые источники (фотографии, предметы повседневного обихода, артефакты народной культуры, карты, планы поселений и театральные программы, кулинарные рецепты и отрывные календари), столь интересные, что они породили у обычных людей желание самим заниматься такой историей. Во внутридисциплинарном контексте публичная история в городе — это перекресток истории пространства, устной истории, социальной истории, культурной истории, истории повседневности, урбанистики, истории искусства и многих куда более частных направлений исторической науки.

В современной городской среде обнаруживается и другой крайне интересный феномен — это наглядность темпоральных режимов прошлого и их синхронное присутствие. Понятно, что категория времени лежит в основе исторических интерпретаций. Историк работает с двумя временами: временем наблюдателя (статическим, дискретным, гомогенным, каузально-нейтральным) и временем действующего (психологическим, динамическим, континуальным, гетерогенным и каузально-эффективным). То, что большинство исторических нарративов построено по хронологическому принципу, вовсе не означает, что в них отсутствует динамичное, дискретное время. Однако неспециалисту, а часто и специалисту, следующему за логикой нарратива, непросто увидеть это «другое» время или разобраться в абстрактных рассуждениях о темпоральности. Иное дело увидеть «смещение времен» в городе, где практика «создания мест прошлого» разрушает хронологическую рамку, причудливо сплетая пространство и время и представляя разные прошлые, одновременно существующие в настоящем (точно так же, как они предстают перед мысленным взором любого историка). Сложность темпоральных режимов прошлого особенно доступна восприятию при активном знакомстве с историей. В турах, экскурсиях, движении по трекам современных музеев мы постоянно встречаемся и с деструкцией хронологии, и с разными временными модальностями. Именно так прошлое представлено в городском настоящем, задавая модель восприятия прошлого, которая помогает буквально «увидеть» режимы темпоральности. Эта пространственная модель времени, с реализацией которой непрерывно сталкиваются все заинтересованные в сохранении городской истории, много может дать и для самой исторической науки, и для исторического образования — школьного и профессионального.

То же самое можно сказать и о модели исторического пространства, представленного в городах. Историческое время всегда предполагает историческое пространство, и публичные историки, работающие «на земле» в прямом смысле (в здании, на улице, в парке), постоянно осмысливают и репрезентиру-

ют именно этот критический узел времени и пространства. Работы с образами прошлого в городской среде можно интерпретировать в контексте пространственных практик, репрезентации пространства и пространства репрезентаций (*spatial practice, representations of space, and representational space* — знаменитая триада Лефевра). Нельзя сказать, что работа Анри Лефевра «Производство пространства» [1] историкам хорошо знакома, и они руководствуются его теорией. Но идеи о том, что пространство не является одномерным или пустым, что это не контейнер, заполненный историей, что оно само творится людьми, что пространственные отношения изменяются во времени, и уже поэтому пространство исторично, в исторических исследованиях развиваются. Это касается и пространственных практик (инфраструктура пространства, сегрегация определенных пространств), и репрезентаций пространства (стремление придать форму тому, что осязается как живое прошлое), и пространства репрезентаций (создать пространство, ощущаемое и переживаемое через совокупность символических ассоциаций), которое не совпадает с границами физического пространства.

В целом обзор разных видов деятельности публичных историков в городе, с одной стороны, позволяет выйти на тему роли новаций в исторической науке в практической работе историков, работающих в городской среде в сфере репрезентации, презервации, просветительства. А с другой — практика публичной истории показывает удивительные по наглядности возможности репрезентации в городской среде достаточно сложных и абстрактных научных конструктов, связанных с символическими представлениями прошлого. «Сера теория, мой друг...»

Список источников и литературы

1. *Лефевр А.* Производство пространства [1974]. М., 2015.
2. *Archibald R.* A Place to Remember: Using History to Build Community. N. Y., 1999.
3. *Berkowitz E. D.* Public History, Academic History, and Policy Analysis: A Case Study with Commentary // *The Public Historian*. 1988. Vol. 10, №4. P. 43—63.
4. *Buffington C.P.* Public History — What Is It? URL: https://web.archive.org/web/20120226092453/http://archive.suite101.com/article.cfm/careers_in_history/19900 (здесь и далее дата обращения: 19.12.2015).
5. *Burrows E., Wallace M.* Gotham: A History of New York City to 1898. Oxford, 1998.
6. *Citro J.* Weird New England. N. Y., 2006.
7. *Davis R.* Public History in Small-Town America: Twenty Years of Museum on Main Street // *The Public Historian*. 2014. Vol. 36, №4. P. 51—70.
8. *Developing Museum Exhibitions for Lifelong Learning* / ed. G. Durbin. L., 1996.
9. *Glassberg D.* Sense of History: The Place of the Past in American Life. Amherst, 2001.
10. *History Goes Pop.* Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres / Hg. B. Korte, S. Paletchek. Bielefeld, 2009.
11. *History Sells.* Angewandte Geschichte als Wissenschaft und Markt / ed. W. Hardtwig, A. Schug. Stuttgart, 2009.
12. *Jordanova L.* History in Practice. L., 2006.
13. *Massey D.* Places and Their Pasts // *History Workshop Journal*. 1995. № 39. P. 182—192.
14. *McIntyre D.* Creating New Pasts in Museums: Planning the Museum of London's Modern London Galleries // *Public history and heritage today: people and their pasts*. Basingstoke, 2012. P. 131—145.

15. *Packaging the Past? Public Histories* / ed. J. Rickard, P. Spearritt. Melbourne, 1991.
16. *Samuel R. Theatres of Memory*. L., 1994.
17. *Samuel R. Theatres of Memory*. L., 1996. Vol. 1 : Past and Present in Contemporary Culture.
18. *Tomann J., Nießer J., Littke A., Ackermann J., Ackermann F. Diskussion Angewandte Geschichte: Ein neuer Ansatz?* Version: 1.0. URL: http://docupedia.de/zg/Diskussion_Angewandte_Geschichte?oldid=106405
19. *Tosh J. Why History Matters*. Basingstoke, 2008.
20. *Wright P. On Living in an Old Country*. Oxford, 2009.
21. *About the Field* | National Council on Public History. URL: <http://ncph.org/what-is-public-history/about-the-field/>
22. *BCHS. The Bronx County Historical Society*. URL: <http://bronxhistoricalsociety.org/>
23. *Gotham*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Gotham>
24. *Guide to Public History Programs*. URL: <http://ncph.org/program-guide/>
25. *GVSHHP | Home. The Greenwich Village Society for Historic Preservation*. URL: http://www.gvshp.org/_gvshp/index.htm
26. *Historical Societies and Preservation Groups — The Gotham Center For New York City History*. URL: <http://www.gothamcenter.org/historical-societies-and-preservation-groups.html>
27. *Main street museum* — Поиск в Google. URL: http://www.google.ru/webhp?nord=1&gws_rd=cr&ei=9vkEVoTELeXEygPNtILoAQ#newwindow=1&nord=1&q=main+street+museum
28. *Museum on Main Street, Smithsonian Institution*. URL: <http://www.museumonmainstreet.org/>
29. *The Gotham Center For New York City History — Home*. URL: <http://www.gothamcenter.org/>
30. *The Main Street Museum*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Main_Street_Museum
31. *The Public Historian*. 1989. Vol. 11, №4.
32. *The Public Historian*. 1989. Vol. 11, №2.
33. *Who We Are* | National Council on Public History. URL: <http://ncph.org/about/who-we-are/>

Об авторе

Ирина Максимовна Савельева — д-р ист. наук, директор ИГИТИ им. А. В. Полетаева, ординарный проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Ю. Е. Ивонин

Современная германская историография о концепции конфессионализации.

Возможно ли применить эту концепцию к характеристике религиозно-политической жизни России XVI—XVIII веков?

Охарактеризована современная германская историография концепции конфессионализации, получившей широкое распространение в Германии и ряде стран Центральной Европы в последние десятилетия. Особое внимание уделено работам Х. Шиллинга

как ведущего специалиста в этой области. Применительно к истории России сделан вывод о возможном частичном использовании этой концепции к характеристике религиозно-политической жизни России XVI—XVIII вв.

Ключевые слова: Реформация, Контрреформация, конфессионализация, Германия, Россия, Х. Шиллинг.

Для изучения проблем социально-политической и религиозной истории Европы раннего Нового времени существенное значение имеет концепция конфессионализации, которая начала создаваться в 1960—1970-х гг., а окончательно была сформулирована в начале XXI в. Концепция конфессионализации приобрела современное звучание в свете непрекращающихся религиозно-политических и этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Ирландии, национальных движений на севере Испании (область басков) и Корсике, в значительной степени военно-политических столкновений на национальной и религиозной почве в связи с распадом СССР и «бархатными революциями» в странах Центральной Восточной и Восточной Европы. Здесь особенно уместно напомнить о событиях 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а также о действиях Аль Каиды и «Исламском государстве». Само по себе их возникновение говорит о кризисных политических и экономических ситуациях, но их религиозная окраска имеет глубокие исторические корни. Особенно ярко конфессионализация политической, социальной и духовной жизни проявилась во второй половине XVI — первой половине XVII в., когда конфессионализм стал ведущей парадигмой жизни европейского общества. Принуждение к религиозному единообразию или религиозный фундаментализм, если выразиться в современных терминах, приобрело в то время категориальное звучание, а в случае войны между восставшими Нидерландами и Испанией в 1566—1648 гг. произошло сочетание религиозного конфликта с войной за независимость.

В отечественной литературе концепция конфессионализации не приобрела еще большого влияния, мало того, в силу разных причин у различных авторов не совпадают хронологические рамки эпохи конфессионализации (например, у А. И. Патрушева конфессиональная эпоха охватывает 1500—1648 гг., для 1560—1648 гг. он применяет старый и привычный термин «Контрреформация»), а история формирования самой концепции выглядит далеко не одинаково, хотя ее следует излагать по схеме самого авторитетного ее создателя Х. Шиллинга [25, S. 125; 4, с. 7—21; 5, с. 20—43; 7; 8, с. 79—121]. Государственное строительство на национальной и религиозной основе привело к использованию религии как мотивировки политической и религиозной экспансии, результатами чего были тотальные войны XX в. и конфессиональный фундаментализм наших дней. Английский историк Х. Кёнигсбергер даже отметил, насколько в этом смысле большую роль играла поставленная с ног на голову вигская, т.е. английская либеральная концепция исторического процесса, построенная на основе примата «нации-государства» [18, S. 55]. Американский историк Ч. Инграо очень серьезен: центральноевропейские монархи и политики раннего Нового времени несут свою долю ответственности за подталкивание их части континента к будущим катастрофам XX в., так как безоговорочное отрицание ими роли противников заставляло их пренебрегать идеями,

необходимыми для активного участия в процессе модернизации европейского общества [17, р. 2—3]. Становится понятным, что конфессия и политика, как и развитие государственности и процесс индивидуализации личности, — ведущая тема истории раннего Нового времени [15, S. 30].

Понятие «конфессионализация» впервые появилось в середине 1950-х гг. в работах Э. В. Цеедена, ученика известного германского историка достаточно консервативных взглядов Г. Риттера, под названием «Konfessionsbildung», что означает конфессиональное строительство. Под ним имелось в виду «духовное и организационное укрепление начавшегося с религиозного раскола движения христианских течений к относительно стабильному церковному строительству согласно догме, конституции и формам религиозной жизни» [36, S. 9]. Церковное строительство такого рода началось со времени Реформации с 20-х гг. XVI в. на большей части Германии и Швейцарии. Но в наивысшей степени эта тенденция проявилась в создании Кальвином теократического божьего государства и в политической практике курфюрста Фридриха III Пфальцского. Подобные намерения других западных христианских течений, как лютеранских, так и католических, также стали развиваться в этом направлении и осуществляться методами политики и дипломатии, с опорой на силу государственной власти. Такая тенденция вела к усилению религиозной идентификации и нетерпимости, фактически к религиозным войнам, хотя вместе с тем появлялись и формы взаимного сосуществования сторонников различных конфессий уже в XVI в., начиная с Швейцарии, затем в Империи и в некоторых немецких городах, на рубеже XVI—XVII вв. во Франции, а позднее, через рационализм и пиегизм, в XVII и XVIII вв. [37, S. 67—69, 282—284; 9, с. 15—23]. В работах Цеедена на основе компаративистского исследования было показано также значение католического обновления, т.е. католической Реформации, что способствовало интенсификации интереса к изучению истории Реформации второй половины XVI и начала XVII в.

Естественно, что понятие «конфессионализация» стало широко использоваться в исторической науке. Впрочем, американский историк Т. Бреди отсылает к Эрнсту Трельчу, настаивавшему на более прогрессивной роли кальвинизма, чем лютеранства, в общественном развитии, даже в большей степени, чем это делал Макс Вебер. На социологов указывают и критики концепции конфессионализации. Кроме того, они упрекают сторонников этой концепции в излишнем этатизме [26, S. 447—451; 12, р. 1—20; 35, S. 1—2, 86, 91—92, 94—106].

Наиболее обоснованной концепция конфессионализации предстает в работах Х. Шиллинга, изложившего ее в большом числе статей, обзорных книгах по истории Германии, главах учебных пособий, а также в объемистой книге «Конфессионализация и государственные интересы. Международные отношения 1559—1660». Все эти работы выходили в свет на разных языках с 1981 г. и по сей день. Бреди и ряд других историков отмечают, что конфессионализация потеснила Реформацию не только в исследованиях по истории Германии раннего Нового времени, но и в историческом сознании, заменив идею знаменитого немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте о Реформации как о наиболее значительном вкладе германского народа в мировую историю [31, S. 1—45; 27, р. 641—681; 28; 13, S. 33—56].

Эта новая историческая парадигма нашла отражение также в изданных в конце 1990-х гг. в сборниках избранных статей крупных немецких историков

Ф. Пресса и В. Рейнхарда. Последнего называют наравне с Шиллингом создателем концепции конфессионализации, так как он первым отметил тенденцию к конфессионализации во всех трех основных конфессиях одновременно [21—23]. Наконец, сам Шиллинг в объемистых книгах в сериях «Германская история» и «История Европы» придает большое значение религиозно-социологическому профилю Западной Европы конца Средневековья и начала раннего Нового времени [29; 30].

Итак, что такое конфессионализация? Отвечая на этот вопрос, Шиллинг подчеркивает, что между 1560 и 1650 г. европейская история была отмечена тем, что мы называем «конфессией», т.е. современным вариантом христианства, именно изложением доктрины для лютеранства в «Аугсбургском исповедании» 1530 г. и «Книге Согласия» 1580 г., для кальвинизма Гельветическим исповеданием 1536 и 1566 гг., Цюрихским согласием 1549 г. и Дордрехтскими канонами 1619 г., для англиканства молитвенниками 1536 и 1549 гг. и 39 Статьями 1563 г., а для католицизма решениями Тридентского собора, особенно «Professio fidei tridentina» 1564 г. и папскими буллами. Эти церкви вступали в союзы с государствами раннего Нового времени, сила которых давала им возможность управлять религиозными делами, хотя результаты часто расходились с целями. Конфессии также сформировали «соотношение конфессий», связанное с возникшим в Европе «балансом сил». Немецкий историк сразу же подчеркивает, что термин «конфессиональная Европа» в применении к эпохе, последовавшей за Реформацией, не является идеалистической диффамацией демографических, экономических, политических и социальных факторов в пользу теологических и религиозных. По его мнению, концепция конфессионализации позволяет преодолевать как одностороннее марксистское понимание религии как маски, скрывающей истинные движущие силы истории, так и идеалистический подход, долгое время преобладавший в гуманитарных и теологических исследованиях в Западной Европе, США и Канаде.

Религиозные перемены были, продолжает Шиллинг, также переменами социальными, т.е., говоря языком немецких юристов XVII в., религия выступала связующим звеном общества (*religio vinculum societatis*). Доминирующая черта контрреформационной эпохи — не столько различие между конфессиями, сколько их структурное и функциональное сходство в том, что касается функций религии и церкви. Доктринальное и организационное укрепление церковью становилось сильной преградой на пути политической и социальной реорганизации европейского общества последующей эпохи и было ключевой приметой ранней модернизации, поскольку имели прямое отношение к государственному строительству, тем более что Европа переходила от «традиционалистской», или феодальной, социальной системы к обществу Нового времени, основанному на гражданстве и рыночной экспансии. Необходимым элементом этого перехода являлось унитарное общество, основанное на дисциплине в абсолютистском или сословном понимании, в чем основную роль играла конфессия, делавшая государство более сакральным перед тем, как стать более светским [27, р. 641—644; 31, р. 6—8].

Таким образом, разрушение церковного единства, равно как и рожденная из конфессиональной борьбы идея государства Нового времени, в основе которой лежало разделение государства и церкви, имело существенные отдаленные

последствия для общественной системы старого режима, т.е. абсолютизма. Хотя даже в рамках Империи слияние государственного строительства и церковной реформы различалось на многих территориях и необязательно было связано с Реформацией, как утверждалось в старой историографии. Такое явление могло привести к «прорыву» государственности раннего Нового времени. Церковь играла роль объединителя территории или территориального государства. Вопрос о конфессии играл, следовательно, роль катализатора общественно-политических процессов при формировании государства раннего Нового времени. Вследствие этого дискуссии и конфликты между властителями и подданными могли решаться только на юридическом уровне. Конфессионально окрашенные социальные конфликты существенно отличались от конфликтов в плюралистических обществах, где существовала возможность компромисса, что указывало на дальнейшую перспективу перехода от конфессионализации к гражданскому обществу в результате опыта Тридцатилетней войны: великая религиозная война XVII в. открыла новый уровень соотношения религии и государства, церкви и общества.

Конфессионализация во многом связана с укреплением государства раннего Нового времени, которое устанавливало монополию на военную силу, финансы, а также на церковь. Тенденция к установлению территориальной или национальной церкви просматривалась уже в конце Средневековья в католических странах, так что Реформация и конфессионализация только углубили этот процесс [25, S. 128—129; 21, S. 36—37].

Самый серьезный толчок к развитию конфессионализации дал кальвинизм. По сравнению с лютеровской Реформацией кальвиновская реформа церкви, или, как ее часто называют, Вторая Реформация, была сильнее выдержана в политико-прагматическом плане и в догматическом образе христианской жизни. Вторая Реформация отличалась в Германии от Реформации первой половины XVI в. тем, что она не имела столь глубокие социальные корни в бюргерстве и городах и могла быть только «княжеской Реформацией», т.е. зависела только от личных религиозных вкусов и склонностей князей. Она не произошла в результате широкого коммунального движения в городах или деревнях, за исключением ряда городов на западе Империи (Эмден, Везель, Дуйсбург). В этом заключалось отличие кальвинизма в Германии, скажем, от пуританства в Англии. В Германии утвердился княжеский или дворцовый кальвинизм. Однако тенденция к укреплению власти государства над церковью была общей для всех трех типов конфессионализации — лютеранской, кальвинистской и католической. Вторая Реформация способствовала углублению государственной и внутренней интеграции территориальных обществ, консистории использовались как инструмент территориальной власти, с их относительной независимостью было покончено. Если лютеровская Реформация развивалась как движение в первую очередь за религиозное обновление, Вторая Реформация стала интеграционным движением не только религиозного, но и политического характера. Наконец, сторонники Второй Реформации рассматривали себя как движение демократическое в отличие от лютеран. Пример этого — города Нидерландов и Северо-Западной Германии (например, Эмден), где наблюдался, по определению Шиллинга, «гражданский кальвинизм», который отличался от более авторитарного «дворцового кальвинизма», господствовавшего в кальвинистских

княжествах Германии. Под «гражданским кальвинизмом» подразумевается явление, связанное с местными свободами, гражданскими и коммунальными идеями, противостоявшими абсолютистским тенденциям [30].

В Германии в интернациональном кальвинизме могли увидеть средство привлечения союзников из других стран, а в кальвинистской церковной дисциплине средство усиления контроля над подданными в большей степени, чем это могли обеспечить лютеранство и католицизм. Такой вариант интернационального кальвинизма был введен в курфюршестве Пфальцском с резиденцией в Гейдельберге при курфюрсте Фридрихе III. Наконец, согласие Фридриха V стать чешским королем сыграло провоцирующую роль в развязывании Тридцатилетней войны.

Как видно, концепция конфессионализации становится для современных немецких историков ключевой в изучении этого исторического периода, и не только в смысле сравнения исторических процессов в Германии с Англией и Францией, но и в смысле рассмотрения в тесной связи трех конфессионализаций, т.е. лютеранской, кальвинистской и католической [32, S. 1—8]. Этот период стал временем глубоких внутренних преобразований в обществе, знаменовавших укрепление территориальных протестантских и католических церквей, а также формирование новых политических элит в территориальных княжествах и городах. Конфессионализация становилась в данном историческом контексте катализатором общественных изменений, характеризующихся монополизацией власти над церковью и религиозной жизни со стороны государства в ходе государственного строительства раннего Нового времени [32, S. 11—28]. В Германии факторы и движущие силы конфессионализации в дисциплинарном, политическом и социальном плане оказались сильнее, чем в большинстве тогдашних стран Европы, что во многом было связано с территориальной структурой Империи, сделавшей возможной, так сказать, тройственную конфессионализацию. В этом и заключается специфическая германская комбинация конфессионализма и государственного строительства раннего Нового времени, предпосылки которой возникли еще до Реформации в виде конституированных территориальных княжеств в рамках Империи. Поэтому различия между католической, лютеранской и кальвинистской конфессионализациями были не по существу, а по форме, ибо все три соответствовали раннеабсолютистскому территориальному княжескому государству. Этот процесс приводил к слиянию государства, церкви и общества. Религиозные конфликты вследствие этого становились конфликтами между идеей единого княжеского государства и сословными представлениями о государственности, которые еще были средневековыми, т.е. в них преобладали представления о децентрализованности и иерархизированных свободах и привилегиях. Именно этот конфликт делал разницу между тремя конфессиями непринципиальной [32, S. 38—39, 41].

Необходимо еще раз отметить, что если Возрождение и Реформация происходили в условиях демографического и хозяйственного подъема, то в конфессиональной Европе доминировали противоположные тенденции: замедление, застой и свертывание хозяйственной активности и роста населения. Вопрос заключается в том, что социально-экономические проблемы совпадали по времени с апогеем конфессионализации и совместившимся с ней государственно-политическим строительством и переходом от позднего Возрождения к культуре

барокко. Ухудшение экономического положения и увеличение конфликтных ситуаций приводило к усилению эсхатологических и хилиастических настроений, еврейским погромам, охоте за ведьмами, бесчинствам солдатни и т.д., наконец, к социально-политическим движениям протеста, прежде всего в городах, но также и в деревне. Эти настроения особенно были сильными в Центральной Европе, где они часто завершались судебными и политическими разбирательствами. Обострявшаяся обстановка так или иначе приводила к политическому кризису, и в этом смысле, по мнению Шиллинга, конфессионализация оказала на историю Германии Нового времени более сильное влияние, нежели Реформация. В разрешении конфессиональных проблем ведущую роль сыграло государство, осознавшее необходимость разъединения конфессии и политики [32, S. 42—45].

Конфессионализация так или иначе приводила к усилению религиозных, культурных и социальных границ и барьеров между конфессионализированными церквями. Если в средневековой Европе не существовало фундаменталистской идентификации политики и религии, но имела место независимость церкви и государства в отличие от исламского мира и в определенной степени Византии, то конфессионализация стала следствием подъема конфессиональных церквей и развития конфессий как религиозных и культурных систем, отличавшихся в смысле доктрин, обрядов и повседневной жизненной практики. Конфессионализация охватила все сферы общественной и частной жизни, произведя сильное влияние на формирование Европы Нового времени в плане культурных различий. Вследствие этого конфессиональная идентичность играла значительную роль как в качестве основы становления национальных государств, так и в качестве знамени оппозиции. Таковы были, например, протестантская оппозиция Империи в ряде габсбургских владений или католическая оппозиция в Нидерландах и Англии XVII в. В противоположность этим странам и государствам в Швейцарии и Германии конфессиональная идентичность строилась на территориальном или даже локальном уровне с соответствующими политическими границами, которые были схожими с государственными границами. Конечно, это не исключало существования поликонфессиональных государств вроде Бранденбурга-Пруссии XVII в., где в разных частях преобладала какая-либо одна конфессия, что приводило, кстати, к необходимости проведения во имя спокойствия государства политики веротерпимости ранее, нежели в моноконфессиональных государствах. Следует обратить внимание также на то, что конфессионализация и конфессиональные границы существовали не только на региональном уровне, но и во временном пространстве. На них, безусловно, влияли многочисленные социальные, демографические, экономические, политические, культурные и религиозные факторы (например, миграции).

Самым важным моментом в конфессионализации, вне всякого сомнения, является ее тесная связь с государственным строительством. Конституция и институты конфессиональных церквей в Германии, как правило, формировались параллельно с раннеабсолютистскими тенденциями в развитии территориальных княжеств. В концепции конфессионализации важное место занимает также положение о социальном дисциплинировании. Само это выражение появилось в работах Г. Эстрайха, а затем у В. Рейнхарда. Суть социального дисциплинирования заключалась в формировании «государственного поддан-

ного» с помощью подчинения конфессии, избранной государем. Вместе с тем Эстрайх делал вывод, который может показаться парадоксальным, что благодаря развитию бюрократии, милитаризма и меркантилизма в социальную жизнь вовлекается больше людей и она все больше демократизируется [20; 24, S. 275—277; 11, S. 214—218]. Целью же социального дисциплинирования было создание относительно унифицированного общества подданных с внушаемыми формами поведения, мышления и менталитета. Безусловно, конфессионализация содействовала подобной унификации. В конечном счете государство пришло к неограниченной власти над церковью, что получило название «конфессиональный абсолютизм» (например, во Франции при Людовике XIV или позднее в Австрии), а в Пруссии подчинение духовенства, напротив, произошло под знаменем антиконфессионализма и официально провозглашенной государством веротерпимости. Проводя политику социального дисциплинирования, государство делало церковь орудием, навязывавшим индивидам и социальным группам новые системы моральных, политических и юридических норм [27, p. 652—653, 661—663].

Другой стороной конфессионализации, как отмечает Шиллинг, был серьезный поворот в правовом и идеологическом качестве повиновения власти от средневековых личностных форм к государственно-сакрализованым, поскольку государство и государь выступали в качестве защитников церкви. В результате этих процессов возникала специфическая набожность государей и правителей на государственном уровне. Конфессиональное единообразие приводило к общественному единообразию, одинаковости образа мышления, этики, морали, правовых и политических норм и представлений. Церковное воспитание в любом случае сильно повлияло на социальную историю Европы в смысле формирования рациональных и дисциплинированных отношений между людьми, что было важным предварительным условием трансформации старого европейского сословного общества в буржуазное общество промышленной эпохи. Таким образом, вполне в духе концепции М. Вебера, связь между конфессионализацией и капиталистическим духом раннего Нового времени была достаточно ощутимой, прежде всего в городе [27, p. 644, 653—659].

Еще одним и, безусловно, чрезвычайно важным аспектом конфессионализации была ее связь с процессом формирования наций. Конфессионализация повлияла на формирование современных европейских наций, ибо религия и политика были тесно связаны между собой и сохраняли эту связь до XIX и даже XX в. в Испании, Италии, Ирландии, Англии и Скандинавских странах. В то же время поликонфессиональные общества и идеи веротерпимости возникали в Нидерландах, Германии и Швейцарии, где формирование наций сдерживалось Империей и территориальной государственностью. В результате германская нация стала «запоздалой» нацией. При этом политические и религиозные тенденции тесно переплетались между собой. Конфессионализация, государственное строительство и формирование наций шли рука об руку. Конфессиональная принадлежность отграничивала государства и верующих от всеобщей идеи христианства, способствуя росту политической и культурной идентичности другого уровня. Однако интересы конфессий как совпадали, так и расходились со светскими интересами государств и народов. Рассмотрев эту проблему на примерах различных стран от Испании до Польши, Англии и Скандинавских

стран, Шиллинг подчеркивает, что в Германии не существовало связи конфессионализации со строительством национального государства, но была связь с построением территориального государства. Однако не в этом, по его мнению, заключается «особый путь» Германии, который обсуждался историками XIX — XX вв. В Германии формировалось не национальное общество, а территориальные обществa. Мало того, в рамках территориальных обществ существовали различные конфессиональные идентичности, что давало территориальным государям возможность усилить свою власть над территориями в целях достижения политической стабильности. Так что конфессиональная и территориальная идентификации отождествлялись друг с другом.

Конечно, как в век Реформации и в начале Тридцатилетней войны, так и во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. надтерриториальные, протонациональные силы католической конфессиональной идентификации достигли своего апогея, что было связано также с блеском императорского двора, политической и культурной привлекательностью католицизма, способствовавшими обращению ряда протестантских князей в католическую веру, а также с подъемом имперского патриотизма, ставшего результатом удачной дипломатии Вены в связи со снятием ее осады турками в 1683 г. Во всяком случае, начиная с Реформации, а точнее со второй половины XVI в., в Германии «национальная» культурная и конфессиональная идентификация происходила под знаком католицизма или протестантизма. С середины XIX в. она была поделена на альтернативу протестантско-прусской национальной идентификации в малогерманском духе и католической национальной идентификации в Австрии. Конфессионализация внутри Империи способствовала развитию расколотого политического и конституционного порядка, Германия имела особенный конфессиональный профиль с тенденцией поликультурного существования, которое нельзя было устранить. Поликонфессионализм и политерриториализм в Германии вели к острым религиозным конфликтам и войнам. Но они вместе учили тому, что ослаблению идеологических противоречий и мирному сосуществованию различных культур нет действенной альтернативы, а этот опыт важен для европейской интеграции [27, p. 659—660].

Конфессиональное государство, стремившееся к победе истинного вероучения спасению душ своих подданных, уступило место светскому, веротерпимому административному государству, конфессиональный абсолютизм — административному, преследовавшему цель осуществления «государственного интереса» в международных делах и «общего блага» для подданных внутри государства. Именно реальный исторический опыт, повлиявший на творчество деятелей раннего Просвещения, а не их умозаключения на основе чтения философских трактатов, способствовал возникновению веротерпимости и окончанию века конфессионализма [27, p. 667—670].

Как уже говорилось, конфессионализация имела место и в международных отношениях. Конфессиональные антагонизмы играли существенную роль в европейской политике XVI—XVII и даже XVIII в. Систематическое исследование проблемы связей между конфессионализацией и возникновением европейской системы государств Шиллинг осуществил в монографии 2007 г. Формирование европейской системы государств он рассматривает как результат процесса монополизации государством публичной власти, что привело к укре-

плению ее сакральных оснований в результате Реформации и конфессионализации. Характеризуя переход от средневекового образца международных отношений, покоившегося на представлениях о духовно-религиозном единстве, к системе суверенных государств Нового времени, Шиллинг подчеркивает огромную роль, которую сыграли в этом переходе Реформация и конфессионализация. Эгоизм участников формировавшейся системы государств и преследование ими сугубо собственных интересов выступали основой того типа международных отношений, который становился их системой в Новое время. Движущими силами, или парадигмами, последовательно сменявшими друг друга в международных отношениях раннего Нового времени, были династия, конфессия, государственный интерес и традиция. Конфессия стала ведущей категорией, или парадигмой, с середины XVI в. до середины XVII в. Но именно тогда, полагает Шиллинг, «государственный интерес» приобрел роль ведущей парадигмы в международных отношениях [33, S. 21—33].

Конфессионализм в международных отношениях был первой фазой истории европейской системы государств Нового времени. В это время усиливается давнее стремление государей к монополизации власти, что выражалось в укреплении их суверенитета во внутренней и внешней политике, частью чего, разумеется, было утверждение власти над церковью и стремление с помощью конфессии создать «государственных подданных». Конфессионализированные церкви стали игроками на международной арене. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. усиление государственной власти и конфессионализация достигли высшей точки и совпали друг с другом. Эта фаза характеризуется противоречиями между формированием мультигосударственной европейской системы и универсальной европейской идеи, которую пытался осуществить Карл V Габсбург. Это противоречие было, безусловно, результатом переплетения династических комбинаций и государственных суверенитетов. Но пока еще идея светского государственного интереса развивалась на заднем плане, прежде чем стать определяющей во второй трети XVII в., в международных отношениях Западной и Центральной Европы господствовала конфессия.

Конфессия была ведущей категорией в сочетании с династией и государственным интересом. В ходе конфессионализации испанский король Филипп II и его наследники решительно проводили курс Контрреформации, что выразилось в создании оси Мадрид — Вена — Варшава, в притязаниях польского короля Сигизмунда III на шведский престол и в существовании так называемой «испанской дороги» через Альпы, Эльзас и Люксембург в Нидерланды, что должно было не только загнать Францию в угол, но и покончить с Реформацией в Европе. Ответом на этот «католический интернационализм» был «кальвинистский интернационализм». Вестфальский мир как раз означал прекращение религиозного дуализма, а ведущей категорией становился светский государственный интерес, отвергавший опору на идеалистические ценности и основывавшийся на коллективной безопасности и на принципе равновесия сил [27, p. 660; 33; 10, с. 22—23].

Дальнейшее развитие и уточнение концепции конфессионализации пошло и идет дальше по двум направлениям, причем при деятельном участии Х. Шиллинга. Можно выделить большое число работ, изданных в связи с 450-летним юбилеем Аугсбургского религиозного мира: монография А. Готхарда, ряд сборников (один из них с весьма характерным названием «Как мир был возможен»),

большинство под редакцией самого Шиллинга, а также несколько его программных статей, прежде всего в сборнике, посвященном 200-летию конца Священной Римской империи. В одной из них Шиллинг особо подчеркивает, что мир 1555 г. отнюдь не привел к веротерпимости, а опыт конфессионализации после 1648 г. способствовал рационализации политики и ее последовательному освобождению от конфессиональной мотивации. Но модель Аугсбургского религиозного мира все же стала основой государственно-политического профиля Германии на будущие времена [16; 28, S. 33—35].

К этой же группе работ принадлежат книги и статьи, написанные под влиянием концепции Шиллинга и затрагивающие проблемы постконфессионализма. Если суммировать их результаты, можно сделать вывод, что конфессиональные конфликты сами по себе в Священной Римской империи не исчезли, мало того, религиозные лозунги сохранялись, но они не приводили к войнам, спорные вопросы решались на рейхстагах, а епископат стремился к приобретению статуса светских князей.

Наконец, несколько слов о проблеме конфессионального фундаментализма, поднятой на ряде международных конференций. Главная идея, высказанная Шиллингом, заключается в том, что политика на рубеже XVI—XVII вв., несмотря на влияние конфессионализации, сохраняла свою самостоятельность, конфессиональный монизм не приобрел господствующего положения, вследствие чего происходили «автономизация» и секуляризация политического в европейской истории, что сделало возможным движение к миру, тогда как фундаменталистская политика в духе конфессионализма его исключала [19; 34, S. 69—93].

Проблема применения концепции конфессионализации за пределами Старой империи была поставлена уже в 1990-х гг. не только Шиллингом и его учениками, но и рядом ученых из Западной и Центральной Восточной Европы. Показательными примерами этого являются конференции и издания, принятые немецкими, американскими и венгерскими историками. В сборнике «Конфессионализация в Европе 1550—1700» (2004) под редакцией Д. Хедли, Г. Хиллербранда и Э. Папаласа отмечаются большие возможности применения концепции конфессионализации для исследования истории европейских стран, т.е. не только Германии, но даже позднетюдоровской Англии. Примечательна шуточная фраза Т. Брэди «Мы потеряли Реформацию» в статье в юбилейном сборнике к 65-летию Шиллинга с намеком на распространение концепции конфессионализации [12; 13].

Теперь несколько слов относительно применения концепции конфессионализации к истории России. Это возможно, но частично, по разным причинам. Уже сам подход А. И. Клибанова и М. В. Дмитриева к возможности рассмотрения еретических движений в Московском царстве как в определенной степени реформационных имеет перспективу. Мне представляется также убедительной точка зрения П. Бушковича, что вестернизация началась в среде русского духовенства уже в XVI в. и развивалась в XVII в., что сделало возможными реформы Петра Первого, в том числе в области отношений церкви и государства [6; 2; 3; 14]. Но следовать германским образцам в России было сложно, а то и просто невозможно. Реформация и конфессионализация стали возможны в Священной Римской империи благодаря ее государственно-территориальной структуре, в которой имперские чины были территориальными государствами со зна-

чительной долей суверенитета, чего не было в России. Россия начиная с войн Ивана Грозного — поликонфессиональная страна, в ней огромная масса мусульманских анклавов, а с XIX в. добавились две христианские церкви — грузинская и армянская; со времен разделов Польши — большие анклавы католиков и иудаистов. При Петре I появился значительный круг немцев-лютеран на русской службе, что требовало определенной терпимости и лояльности в первую очередь по отношению к монархии и государству. В Прибалтике — анклавы католиков и лютеран, последних много в Финляндии. Но, с другой стороны, русских царевен не выдавали замуж за иностранцев до времен Петра, так как это требовало отказа их от православия. Российские монархи, их жены и мужья должны были обязательно перейти в православие.

Иудаисты могли попасть на государственную службу, только перейдя в православие; в меньшей степени это касалось католиков. От занимавших государственные и военные посты остзейских баронов требовалась в первую очередь лояльность по отношению к государству. Правда, при Елизавете Петровне благодаря ее духовнику Федору Дубянскому и ряду крупных сановников немцам-лютеранам был затруднен доступ к крупным государственным постам [1, с. 198]. Можно ли это назвать православной конфессионализацией, трудно сказать. К тому же социальное дисциплинирование, т.е. воспитание государственного подданного через государственную церковь, в России проводилось по указанным выше причинам непоследовательно. С одной стороны, в стране отсутствовал широкий слой бюргерства, стремящийся через установление контроля над церковью укрепить позиции самоуправления, с другой — не было подобных германским крупным территориальным князьям, намеревавшихся с помощью неправославных конфессий укрепить территориальную государственность. Но все же тенденция к слиянию общества, государства и конфессии в известной мере прослеживалась на протяжении всего времени, хотя и не в классических формах, и позднее. Конкретные детальные исследования помогут уточнить, насколько применима концепция конфессионализации в отношении России.

Выражаю глубочайшую благодарность профессору Хайнцу Шиллингу за присланные и подаренные при личных встречах многочисленные отписки и копии его статей, что позволило подробно изложить его подходы к концепции конфессионализации.

Список литературы

1. Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 2005.
2. Дмитриев М.В. Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.
3. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. М., 2003.
4. Ивонин Ю.Е. Религиозно-политические аспекты отношений между Священной Римской империей и территориальными государствами Германии в XVI—XVIII вв. // Религия и политика в Европе в XVI—XX вв. / отв. ред. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. Смоленск, 1998. С. 7—21.
5. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время 1495—1806. М., 2004. Т. 1.

6. Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XV — первой половине XVI в. М., 1960.
7. Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время / под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб., 2004.
8. Патрушев А.И. Германская история: сквозь тернии тысячелетий. М., 2007.
9. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555—1648. СПб., 2002.
10. Шиллинг Х. Становление европейских государств раннего нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI—XX вв. / отв. ред. Б.В. Носов, Ю.Е. Ивонин. М., 2002. С. 19—38.
11. Blickle P. Das Alte Europa. Von der Mittelalter bis zur Moderne. München, 2008.
12. Brady Th. "Confessionalization — The Career of a Concept" // Confessionalization in Europe 1500—1700 / ed. by J. Headley, H. Hillerbrand and A. Papalas. Aldershot, 2004.
13. Brady Th. "We Have Lost the Reformation" — Heinz Schilling and the Rise of the Confessionalization Thesis // Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Ehrenpreis u.a. Berlin, 2007. S. 33—56.
14. Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N. Y. ; Oxford, 1992.
15. Duchhardt H. Westfälische Friede und konfessionellen Erinnerungskultur // Das Friedenfest. Augsburg und die Entwicklung einer neuzeitlichen Toleranz-, Friedens- und Festkultur / Hrsg. von J. Bukhardt und S. Haberer. Berlin, 1999. S. 11—19.
16. Gotthard A. Der Augsburger Religionsfrieden. Münster, 2004.
17. Ingraio Ch. War and Legitimation in Germany in the revolutionary Age // Reich oder Nation? Mitteleuropa 1780—1815 / Hrsg. von H. Duchhardt und A. Kuntz. Mainz, 1998. S. 1—30.
18. Koenigsberger H. Mars und Venus. Internationale Beziehungen und Kriegsführungen der Habsburger in der frühen Neuzeit // Recht und Reich im Zeitalter der Reformation / Hrsg. von Chr. Roll. Frankfurt a/M, 1997. S. 31—45.
19. Konfessioneller Fundamentalismus. Religion als politischer Faktor in europäischen Mächtesystem um 1600 / Hrsg. von H. Schilling. München, 2007.
20. Österreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin, 1969.
21. Press V. Reformatorische Bewegung und Reichsverfassung. Zum Durchbruch der Reformation — soziale, politische und religiöse Faktoren // Martin Luther. Probleme seiner Zeit / Hrsg. von V. Press und D. Stievermann. Stuttgart, 1988. S. 11—42.
22. Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Abhandlungen. Berlin, 1997.
23. Reinhard W. Ausgewählte Abhandlungen. Berlin, 1997.
24. Reinhard W. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Zeitschrift für historische Forschung. 1983. Bd. 10. S. 257—277.
25. Schilling H. Die konfessionellen Glaubenskriege und die Formierung des frühmodernen Europa // Die Glaubenskriege in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von P.Herrmann. Göttingen, 1996. S. 125—155.
26. Schilling H. "Konfessionsbildung" und "Konfessionalisierung" // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1991. H. 7/8. S. 447—451.
27. Schilling H. Confessional Europe // Handbook of European History 1400—1600. Vol. 2 / ed. by Th. Brady, H. Oberman, J. Tracy. Leiden ; N.Y. ; Köln, 1995. P. 641—681.
28. Schilling H. Ausgewählte Abhandlungen zur europäischen Reformation und Konfessionsgeschichte / Hrsg. von L. Schorn-Schütte und O. Mörke. Berlin, 2002.
29. Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland. 1517—1648. Berlin, 1988.
30. Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland. 1648—1763. Berlin, 1989.
31. Schilling H. Civic Calvinism in Northwestern Germany and the Netherlands. Sixteenth to Seventeenth Centuries. Kirksville, 1991.

32. Schilling H. Die Konfessionalisierung in Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // Historische Zeitschrift. 1988. H. 246. S. 1—45.
33. Schilling H. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559—1660. Paderborn, 2007.
34. Schilling H. Gab es um 1600 in Europäischen Konfessionalismus? Die Geburt des internationalen Systems in der Krise des konfessionellen Zeitalters // Jahrbuch des historischen Kollegs. 2005. München, 2005. S. 69—93.
35. Schmidt H. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München, 1992.
36. Zeeden E. Die Entstehung des konfessionellen Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München ; Wien, 1965.
37. Zeeden E. Konfessionsbildung. Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholischen Reform. Stuttgart, 1985.

Об авторе

Юрий Евгеньевич Ивонин — д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории, Смоленский государственный университет; заслуженный деятель науки Российской Федерации.

А. А. Солдатов

Англия и объединение Германии в оценках польских историков

Рассмотрены взгляды польских историков XX — начала XXI в. на политику Великобритании в вопросе объединения Германии в 1871 г. Определены типичные и особенные для польской историографии оценки. Проведен сравнительный анализ польской и российской историографий.

Ключевые слова: Великобритания, объединение Германии, польская, советская и российская историография, В.В. Сергеев.

Объединение Германии в 1871 г. стало одним из исторических событий, оказавших влияние не только на европейскую, но и мировую историю. Процесс создания единого немецкого государства был долгим и зависел как от внутренних процессов, так и взаимоотношений с другими странами. Внешняя политика Британии, одной из ведущих держав, непосредственно влияла на объединение разрозненных немецких государств. Широко этот вопрос изучался в англо-американской, немецкой и скандинавской историографии [1, с. 10]. Русскоязычный читатель может подробно узнать об этой проблематике из монографии Виктора Владимировича Сергеева «Англия и объединение Германии в 1848—1871 гг.» (1986) [1]. В настоящей статье я хотел бы обратиться к работам польских историков и рассмотреть их оценки англо-германских отношений в середине и второй половине XIX в.

Сразу следует обратить внимание на несколько особенностей. В Польше до сих пор нет отдельного исследования политики Великобритании в отношении германских земель, несмотря на то что ученые обращаются к этому сюжету

уже более ста лет. Большинство работ, в которых рассматривается этот вопрос, посвящены непосредственно истории Германии [3; 6; 14; 20—22]; этот сюжет обсуждается, хотя и слабо, в контексте истории Великобритании [12], истории Дании [2], биографий Бисмарка [5] и королевы Виктории [17], истории дипломатии [13; 16] и военной истории [8].

Другой особенностью является то, что тема начала регулярно затрагиваться только после Второй мировой войны. Ранее лишь в двух работах было уделено внимание роли Великобритании в прусско-датском конфликте: «Два канцлера: князь Горчаков и князь Бисмарк» (1905) Юлиана Клячко¹ [11] и «Новейшая история. Века XIX и XX» (1933) под редакцией Генриха Мосьцицкого и Яна Цынарского² [10]. Нужно отметить, что книга Клячко выделяется на фоне остальных исследований тем, что автор был современником описываемых событий и на закате жизни проанализировал международные отношения (в том числе используя источники, на которые, к сожалению, он не давал ссылок) сквозь призму биографий двух крупных политических деятелей³. Источники, опубликованные Клячко, легли в основу более поздних работ [5; 20], появившихся только после Второй мировой войны.

В-третьих, следует констатировать слабую источниковую базу исследований польских авторов (тексты мирных договоров и перемирий, мемуары политических деятелей [4; 19], часто без ссылок на использованные материалы) и обращение в освещении британской внешней политики в основном к немецкой (напр., [7]) и польской историографией (более поздние авторы часто ссылались на работы предшественников без проведения историографического анализа). Такая практика привела к тому, что исследователи долгое время оперировали в своих работах одними и теми же данными, не вводя в оборот новые источники. Практически вне поля внимания польских ученых осталась советская и российская историография английской политики в деле объединения Германии.

¹ Юлиан Клячко (1825—1906) — политик, публицист и историк. Родился в Вильнюсе в еврейской семье. В Кёнигсбергском университете получил степень доктора философии. Сделал политическую карьеру в Австрийской империи (депутат Государственного совета, советник Министерства иностранных дел). Активно освещал международные отношения во французском журнале «Обозрение двух миров» (*Revue des Deux Mondes*). Сотрудничал с Отелем Ламбер — центром польской эмиграции в Париже. Корреспондент Французской академии (1886), член Польской академии знаний (1872), доктор *honoris causa* Ягеллонского университета.

² Генрих Мосьцицкий (1881—1952) — историк, лектор Свободного польского университета (1916), профессор Варшавского (1936) и Ягеллонского университетов (1945), член Польской академии знаний (1945). Исследователь истории Польши и Литвы конца XVIII — XIX в. Ян Цынарский (1882—1943) — польский историк, активист Польской социалистической партии. С 1919 г. работал в Министерстве иностранных дел II Польской республики. Занимался историей польского революционного движения и борьбы за независимость.

³ Несмотря на то что впервые книга была издана в Париже на французском языке в 1873 г. (причиной этого, скорее, была распространенность этого языка и его международная коммуникативная функция), происхождение автора (Вильнюс был частью Польши, вошедшей в состав Российской империи после разделов), его тесные политические и научные контакты с поляками позволяют отнести работу к польской историографии.

В 1973 г. была переведена коллективная работа советских ученых «История дипломатии» [9], однако, например, монография В. В. Сергеева 1986 г. не учитывалась польскими учеными, ссылок на нее в их работах не обнаружено.

Затрагивая тему отношений Великобритании и германских земель, польские исследователи чаще всего сосредоточивались на одних и тех же темах, связанных с усилением Пруссии: прусско-датский конфликт (наиболее популярный сюжет), прусско-австрийские противоречия и Франко-прусская война.

Основной причиной двух датских войн (1848—1852 и 1864 гг.) стал вопрос о принадлежности Шлезвига и Гольштейна. Большая часть населения земель была немецкоязычной и, соответственно, тяготела к Германскому союзу. Однако земли были связаны личной унией со стремившейся инкорпорировать их Данией. В 1848 г. новый датский король Фредерик VII начал проводить политику ассимиляции населения, что привело к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне, после чего временное правительство обратилось за военной помощью к Пруссии. Британская империя приняла активное участие в разрешении конфликта. Вопрос стоял не столько о сохранении баланса сил в Европе, сколько о влиянии на Северном и Балтийском морях. При изучении данного сюжета польские историки в оценках политики Великобритании расходятся.

Впервые в польской историографии эту тему затронул Ю. Клячко, который достаточно подробно описал, как Бисмарку, стремившемуся к «увеличению Прусского государства» [11, s. 85], удалось присоединить новые земли [11, s. 85—93]. Макиавелли, писал автор, мог бы гордиться канцлером, который «смог в течение нескольких недель подчинить бедного лорда Рассела, провести Наполеона III, втянуть Австрию в далекий поход, одинаково несправедливый и бессмысленный, вознести <Германский> союз и одновременно вытеснить его, терроризировать второстепенные государства и взять в свои руки святой вопрос немецкого отечества, и, используя апостольские слова, „стать всем для всех!“» [11, s. 90]. Более того, по мнению Клячко, европейские державы сами были виноваты в успешной экспансионистской политике Пруссии, но больше всего вина за поражение Дании лежала на Великобритании, которая «торжественно клялась, что в момент опасности [Скандинавия] не останется одна в борьбе» [11, s. 91].

В «Новейшей истории...» 1933 г. была сформулирована другая точка зрения: авторы однозначно определили позицию Туманного Альбиона как защитника Датского королевства от прусской агрессии. Повествуя о первой войне, они заметили, что «Англия стремилась к сохранению для Дании обоих княжеств» и благодаря ее посредничеству был заключен Лондонский протокол, с которым не согласился Бисмарк [10, s. 363]. Такая точка зрения звучала и в более поздних работах ученых, в частности, ее придерживались историки Мариан Кукель⁴

⁴ Мариан Кукель (1885—1973) — генерал дивизии Войска Польского, министр Народной обороны польского правительства в изгнании (1942—1949), военный историк, хабилированный доктор (1927). Проводил исследования в Ягеллонском университете, член Польской академии знаний. По окончании Второй мировой войны остался в эмиграции в Великобритании. Соучредитель Исторического института им. Генерала Сикорского. Работа Кукеля «Политическая история Европы начиная с Французской революции» была опубликована только в 1992 г., спустя почти 30 лет после смерти автора. В предисловии говорится, что причины, по которым автор не хотел ее издавать, не известны [16, s. X].

и, относительно первой войны, Мария Ваврыкова⁵. Характерно, что военный историк Кукель превозносил роль Великобритании в данном вопросе, отмечая, что только она протестовала против введения прусских войск в Данию [16, s. 326], а Ваврыкова, наоборот, отмечала общеевропейское недовольство началом войны [20, s. 348]. Другой военный историк Ян Гоздава-Голенбёвский⁶ в работе «От Крымской войны до Балканской (деятельность военного флота в морях и океанах в 1853—1914 гг.)» также обратил внимание на то, что Лондон явно симпатизировал Дании, оказывая ей помощь на море в войне 1864 г. [8, s. 206]. Однако Ваврыкова считала, что во второй прусско-датской войне британцы хотя и выступили посредниками, инициировав Лондонскую конференцию [20, s. 457], но в большей степени были заинтересованы в достижении собственных целей: в проведении внутренних реформ и переустройстве Британской империи [20, s. 459].

По мнению ряда историков, для британской политики была характерна, скорее, позиция нейтралитета. Например, авторы «Истории Германии»⁷ (1981) и Томаш Палюшиньский⁸ в очерке «История Германии и немецких государств» (2006) характеризовали Великобританию и Россию как посредников между Данией и Пруссией в подписании договора в Мальмё (1848 г.) [3, s. 526; 18, s. 213]. Посредническую роль британского правительства в урегулировании прусско-датского конфликта отмечали также Владислав Чаплиньский в «Истории Дании» (оговариваясь при этом, что Альбион обещал более весомую помощь [2, s. 172]), Болеслав Красевич и Михал Пирко [13, s. 107]. По мнению Ежи Кендзерского⁹, Бисмарк, стремясь присоединить к Пруссии Шлезвиг и Гольштейн, четко понимал, что Британская империя объявит о нейтралитете с учетом сохранения независимости Дании [12, s. 60]. В итоге последняя, обратившись за помощью к Лондону в 1864 г., получила вежли-

⁵ Мариана Ваврыкова (1905—2006) — историк-германист, хабилитированный доктор (1960), профессор Варшавского университета. Член Центрального комитета Демократической партии (1945—1948).

⁶ Ян Гоздава-Голенбёвский (1925—2013) — майор армии, военный историк, доктор гуманитарных наук. Соучредитель Всемирного союза солдат Армии Крайовой.

⁷ Адам Галос (1924—2013) — историк, хабилитированный доктор, профессор Вроцлавского университета. Директор Института истории Вроцлавского университета (1981—1994). Член «Солидарности» (1980). Сфера научных интересов: история Германии, история Польши XIX в. Вацлав Корта (1919—1999) — историк, хабилитированный доктор, профессор Вроцлавского университета. Сфера научных интересов: история Средневековья, Силезии. Владислав Чаплиньский (1905—1981) — историк, доктор, профессор Вроцлавского университета, член Польской академии знаний (1950). Исследователь истории Польши XVII в. и Скандинавских стран Нового времени.

⁸ Томаш Палюшиньский (р. 1967) — историк, доктор, преподаватель Высшей школы иностранных языков в Познани. Сфера научных интересов: история Центральной и Восточной Европы, стран Балтии.

⁹ Ежи Здзислав Кендзерский (1920—1985) — прозаик, поэт, историк, деятель польской эмиграции в Великобритании, где проживал в 1948—1974 гг. Исследователь истории Англии.

вый отказ [12, s. 61]. Историк Зигмунд Зелиньский¹⁰ прямо не писал о политике Лондона в прусско-датском конфликте, но упомянул посредничество Великобритании (наряду с другими странами) в подписании договоров в Мальмё и Лондоне [22, s. 157]. Однако, затронув тему второй прусско-датской войны, ученый повторил вывод Ваврыковой о том, что у «Бисмарка были развязаны руки», поскольку европейские страны занимались решением своих проблем [22, s. 57].

Существование разных точек зрения на прусско-датский конфликт в польской историографии обусловлено, скорее, не сложностью темы, а ее слабой разработанностью и скудной источниковой базой (исследователи опирались преимущественно на работы британских и немецких историков), воспроизведением в основном общеизвестных фактов, связанных с подписанием мирных договоров. Однако выделяются две работы, авторы которых обратили внимание на то, как внутренняя политика Великобритании определяла ее позицию в прусско-датском конфликте: «Германский союз и Вторая германская империя. 1848—1914» Яна Вонсицкого¹¹ (1989) [21] и «Королева Виктория» Мариуша Миштала¹² (2010) [17].

В отличие от коллег оба историка указывали на существовавший между королевой Викторией и премьер-министром Пальмерстоном конфликт, влиявший на внешнюю политику государства: королева положительно относилась к объединению Германии и стремлению Шлезвига и Гольштейна выйти из унии с Данией, а Пальмерстон выступал против Пруссии [17, s. 523; 21, s. 122—123]. Вонсицкий отметил, что английский премьер-министр сформировал свою позицию, опираясь на мнение общественности, которая опасалась торгово-экономических последствий войны; к тому же «Англия чувствовала себя обязанной опекать небольшие морские государства против континентальных держав» [21, s. 129].

В итоге Великобритания не стала однозначно поддерживать какую-либо из сторон, а заняла позицию арбитра, организовав Лондонскую конференцию по решению конфликта. Однако предложения Лондона не устраивали Пруссию, а конфликт тем временем приобрел общеевропейское значение. По инициативе России в шведском городе Мальмё также прошла конференция по установлению мира. По мнению Вонсицкого, в данной ситуации речь шла уже об англо-русском противостоянии, поскольку Пруссия не хотела портить отношения с восточным соседом [21, s. 130]. Но Великобритания,

¹⁰ Зигмунд Зелиньский (р. 1931) — католический священник, историк, профессор Люблинского католического университета, публицист. Сфера научных интересов: история Германии и история церкви.

¹¹ Ян Вонсицкий (1921—1995) — юрист, хабилитированный доктор, профессор Университета им. Адама Мицкевича в Познани, ректор Высшей педагогической школы в Зелёной Гуре (1975—1981). Специалист в истории государства и права. Политик, член ПОРП, депутат Сейма ПНР IV и V созывов (1965—1972).

¹² Мариуш Мишталь (р. 1958) — антрополог, историк, лингвист. Хабилитированный доктор, профессор, Польской высшей профессиональной школы в Освенциме, Краковского педагогического университета. Сфера научных интересов: социальная антропология, история Британской империи.

надавив на Союзный сейм, добилась, чтобы договор в Мальмё не был ратифицирован [2, s. 131].

Мишталъ отметил, что прусско-датская война внесла раскол в британскую королевскую семью, ведь Виктория, дочь королевы, была замужем за прусским наследником престола, а Эдуард (наследник британского трона) женат на датской принцессе [17, s. 254]. Этим замечанием автор справедливо обратил внимание на роль династического фактора в европейской политике. В. В. Сергеев в своей монографии также указывал на это: «Королева Виктория и принц Альберт... приложили немало усилий с целью не допустить антигерманских действий со стороны своего правительств» [1, с. 29]. Однако, несмотря на влияние династических браков, последнее слово в определении британской политики оставалось за парламентом.

Таким образом, польская историческая наука в освещении прусско-датского конфликта больше внимания уделяла политическим событиям и боевым действиям, тогда как дипломатические аспекты до сих пор рассмотрены слабо.

Австро-прусский конфликт изучен польскими историками гораздо хуже. Авторы «Истории Германии» обратили внимание только на то, что Великобритания воспротивилась предложению России собрать европейский конгресс по разрешению конфликта [3, s. 561]. З. Зелинский, стремясь показать значимость Британской империи в европейской политике, отметил, что Пруссия, победив под Садовой, не стала «притеснять Австрию», опасаясь реакции Англии и Франции [22, s. 158—159]. Однако отрывочные упоминания о действиях Туманного Альбиона на европейской арене не позволяют сформировать достаточное представление о его политике.

Чуть больше внимания этой теме уделит М. Мишталъ, снова отметив конфликт между Викторией и Пальмерстоном, отражавшийся на германской политике Лондона: королева была в хороших отношениях с императором Австрии и, соответственно, не была согласна с политикой британского премьер-министра в поддержке объединения Италии, восстания Кошута в Венгрии и пр. [17, s. 170—171]. Более того, по мнению историка, королева активно вмешивалась в политику. Автор отметил, что в 1866 г., перед началом прусско-австрийской войны, Виктория предлагала Вильгельму I отстранить Бисмарка как «единственного ответственного за все трудности» [17, s. 254]. Но прусский король ответил отказом, а английский министр иностранных дел лорд Стэнли обратил внимание королевы Виктории, что «конфликт никоим образом не связан с национальными интересами Великобритании» [17, s. 254].

Пожалуй, единственным историком, показавшим разные позиции в английском парламенте по германскому вопросу, остается Вонсицкий. Правительство Пальмерстона поддерживало итальянцев в их борьбе с Австрией. Однако 1858 г., с приходом к власти консерваторов во главе с графом Дерби, Британская империя стала выступать с позицией сохранения Венской системы и не приветствовала идею создания единой Италии [21, s. 351].

Еще один сюжет, получивший отражение в польской историографии, — позиция Лондона во Франко-прусской войне, которая завершилась созданием единого германского государства в 1871 г.

Ежи Кендзерский считал, что в связи с негативным отношением к Наполеону III Великобритания практически желала войны между Францией и Пруссией. Все больше нараставший конфликт между Францией и усиливавшейся Пруссией Лондон рассматривал с «нейтральным наслаждением» [12, s. 72]. Кендзерский даже пожалел Пальмерстона, который скончался в 1865 г. и «не дождался счастливого, несомненно, момента, которым для него было бы созерцание могучей Пруссии, выступающей против Франции» [12, s. 73]. Прежде чем перейти непосредственно к самой войне, автор остановился на некоторых предшествовавших эпизодах, в которых Великобритания если не поддерживала Пруссию напрямую, то по крайней мере не мешала развязывать войну и не поддерживала Францию (посредничество Британской империи в Люксембургском кризисе, в вопросе наследия испанского трона [12, s. 73—75]). Историк также обратил внимание, что Лондон мог бы выступить посредником в конфликте и решить его «в пользу мира», но кабинет министров проголосовал за развязывание войны (с перевесом в один голос) [12, s. 76].

Кендзерский заключил, что «господство Германии создавало в глазах британских... политиков идеальное равновесие сил, позволявшее укрепление изоляции и усиление Британской империи. Угроза возрождения бонапартизма и наполеонизма перестала угрожать британским островам» [12, s. 79]. По мнению Вонсицкого, для Лондона было очевидно, что «рано или поздно южногерманские государства присоединятся к Германскому союзу. Если бы даже император Наполеон хотел этому противостоять и начать войну против Германии, он не мог рассчитывать ни на симпатию Великобритании, ни на ее помощь» [21, s. 441].

Кукель показал, что Британская империя принимала активное участие в «поиске компромисса» между Пруссией и Францией, конфликтовавшими из-за испанского престола: прусский король Вильгельм I под влиянием Лондона посоветовал кузену Леопольду Гогенцоллерну-Зигмарингену отозвать свою кандидатуру на престол, что привело Бисмарка в бешенство [16, s. 335].

Из ряда польских исследователей, обращавшихся к одним и тем же темам, выбивается современный историк Гжегож Кухарчык¹³, который обратил внимание на немецких критиков политики Бисмарка, а именно на политического мыслителя Константина Франца, издавшего ряд статей в лондонском еженедельнике «Кроникл» (*The Chronicle*) [15, s. 427—439]. Эти статьи, отмечал историк, «важны не только потому, что оказались в важном и формирующем общественное мнение периодическом издании (одним из его учредителей и редакторов был известный лорд Актон). Их значимость состояла в том, что в них содержалась не только критика конкретного представителя прусской политики, но также начальные элементы общей критики прусского государства и так называемого прусского этоса» [15, s. 430]. Пожалуй, Кухарчык на настоящий момент — единственный польский историк, указавший на то, что несогласные с действиями Бисмарка прусские политические деятели находили поддержку среди британского правящего класса. Таким

¹³ Гжегож Кухарчык (р. 1969) — историк политической мысли XIX и XX вв., германист. Хабилитированный доктор, доцент Института истории ПАН.

образом, политика Великобритании была направлена не только на официальную власть, но и на поддержку оппозиции в Пруссии.

В целом в польской историографии политика Британской империи в германском вопросе разработана недостаточно глубоко. Выводы основаны преимущественно на исследованиях зарубежных историков и анализе мемуаров крупнейших политических деятелей. В поле внимания польских ученых находились прежде всего военные конфликты. Они, безусловно, были одним из важнейших условий объединения Германии, однако не менее значимыми являлись, например, реакция британской общественности на внешнюю политику Лондона в немецких землях, торгово-экономические отношения между ними и пр. Также историки не обращали внимания на то, что политика Великобритании на протяжении 1840—1860-х гг. менялась в зависимости от политической конъюнктуры, на что обратил внимание В. В. Сергеев. Изучив данный вопрос, историк отметил, что «в 1848—1850-х гг. Великобритания препятствовала национальному объединению Германии» [1, с. 55], однако позже «в немалой степени содействовала успеху бисмарковских планов подчинения Северной Германии. Политика пассивного осуждения либеральным кабинетом агрессивных намерений Пруссии... в конце 1865 — июне 1866 г. сменилась в июле политикой поощрения консерваторами монархии Гогенцоллернов. Утвердившись в убеждении, что рост прусского могущества и объединения вокруг Берлина северогерманских земель отвечает политическим и экономическим потребностям английского государства в Европе, правящие верхи отказались от прежней тактики поддержания равенства сил Австрии и Пруссии в германских делах. Своим невмешательством в войну они поощряли прусское руководство и выдавали ему своеобразный карт-бланш на установление господства в Германии» [1, с. 124].

Многие тезисы, оценки и выводы польских историков воспроизводятся на протяжении всего периода изучения политики Великобритании в германском вопросе, несмотря на изменения политической конъюнктуры¹⁴. Британская политика показана только с позиций поощрения объединения или относительного нейтралитета, который был пассивной, но все же поддержкой в создании Германской империи. Такое единство оценок кажется странным, особенно учитывая то, что часть польских ученых, находившихся в эмиграции [8; 12; 16], имели свободный доступ к работам своих англо-американских коллег. А в англоязычной историографии уже начиная с межвоенного периода XX в. историки развивали разные концепции от «противодействия властей Британии процессу образования единого немецкого государства» до активной поддержки Лондоном создания в центре Европы сильной Германии как противовеса России и Франции [1, с. 10—11]. Тем не менее вывод В. В. Сергеева о «прямолинейности оценок политики Англии в германском вопросе в 40—70-е годы XIX века», характерной для зарубежной историографии [1, с. 156], можно отнести и к поль-

¹⁴ На польскую историографию XX в. оказывали влияние политические события: для межвоенного периода было более характерно теоретико-методологическое многообразие (с преобладанием национально-патриотического направления); для исторической науки ПНР — доминирование марксистской методологии, которое в конце 1980-х гг. сменилось возвращением к плюрализму.

ской исторической науке. В большинстве польские историки не обращали внимания на то, как внутривластные процессы Великобритании обуславливали ее внешнюю политику, которая ими показана монолитной на протяжении двух десятилетий.

На наступающий момент внешняя политика Великобритании в немецком вопросе позапрошлого столетия остается за пределами внимания польских историков. Ученые не только не разрабатывают данную тему, но и мало обращаются к достижениям зарубежной историографии, хотя изучение темы объединения Германии продолжается. Остается надеяться, что в будущем польские историки отдадут должное роли Британской империи в этом вопросе, не забыв упомянуть роль В. В. Сергеева в его изучении.

Список литературы

1. Сергеев В.В. Англия и объединение Германии в 1848—1871 гг. Л., 1986.
2. Czaplinski W. Dzieje Danii. Warszawa, 1982.
3. Czaplinski W., Galos A., Korta W. Historia Niemiec. Wrocław, 1981.
4. Dziennik osobisty królowej Wiktorii. Warszawa, 1914. Cz. 1—3.
5. Feldman J. Bismarck a Polska. Kraków, 1947.
6. Fiedor K. Wprowadzenie do historii Niemiec. Wrocław, 1994.
7. Gillissen G. Lord Palmerston und die Einigung Deutschlands. Die englische Politik von Paulskirche bis zu Dresdener Konferenzen (1848—1851). Lübeck, 1961.
8. Gozdawa-Gołębiowski J. Od wojny krymskiej do bałkańskiej (działania flot wojennych na morzach i oceanach w latach 1853—1914). Gdańsk, 1985.
9. Historia dyplomacji do 1871 r. / pod. red. W.M. Chwosotowa. Warszawa, 1973. T. 1.
10. Historia najnowsza. Wiek XIX i XX / pod. red. H. Mościckiego i J. Cynarskiego. Warszawa, 1933. T. 2.
11. Klaczko J. Dwaj kanclerze: książę Górczakow, książę Bismarck. Kraków, 1905.
12. Kędziński J. Z. Dzieje Anglii 1485—1939. Wrocław, 1986. T. 2 : 1830—1939.
13. Krasiewicz B., Pirko M. Historia stosunków międzynarodowych. Warszawa, 1985. Cz. 1 : 1789—1918.
14. Krasuski J. Historia Niemiec. Wrocław, 1998.
15. Kucharczyk G. Pruski głos sprzeciwu wojny 1866 r. w prasie Angielskiej // Przegląd historyczny. 1997. Z. 3—4. S. 427—439.
16. Kukiel M. Dzieje polityczne Europy od rewolucji francuskiej. Londyn, 1992.
17. Misztal M. Królowa Wiktoria. Wrocław, 2010.
18. Paluszyński T. Historia Niemiec i państw niemieckich. Zarys dziejów politycznych. Poznań, 2005.
19. Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches. München, 1890. Bd. 1.
20. Wawrykowa M. Dzieje Niemiec 1789—1871. Warszawa, 1980.
21. Wąsicki J. Związek Niemiecki i Druga Rzesza Niemiecka 1848—1914. Poznań, 1989.
22. Zieliński Z. Niemcy: zarys dziejów. Katowice, 1998.

Об авторе

Антон Анатольевич Солдатов — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), anthon-soldatov@mail.ru

Новейшая историография крестьянских промыслов в пореформенной России

Рассмотрено содержание отдельных работ, опубликованных историками в последние годы и посвященных различным сторонам крестьянских промыслов в пореформенное время. Отмечен рост интереса исследователей к истории неземледельческих занятий крестьян. Выделены как достижения, так и пробелы современной историографии.

Ключевые слова: историография, аграрные отношения, крестьянские промыслы, отходничество.

Современный историографический этап, начавшийся с распада Советского Союза, характеризуется отказом от абсолютизации марксистско-ленинских теоретических положений по проблемам мелкотоварного производства, обращением к сюжетам, которые ранее либо совсем не рассматривались, либо рассматривались как сопутствующие основным проблемам. В работах последнего времени, в частности, затронута проблема воздействия крестьян на природу в процессе промысловой деятельности, а также гендерная составляющая практики крестьянских промыслов. Все более заметным и продуктивным становится интерес исследователей к истории участия земских органов в становлении и развитии крестьянских промыслов.

Следует заметить, что в советский период историки-аграрники достигли важных результатов в изучении проблем, многие из которых были поставлены их предшественниками еще в дореволюционный период. Несмотря на излишнее идеологическое обрамление научных работ, вклад советских исследователей в разработку проблемы крестьянских неземледельческих промыслов весьма значителен.

Очередной всплеск интереса к истории промыслов относится ко второй половине 1980-х гг., что было обусловлено началом пересмотра некоторых устаревших концепций. Предпринимались попытки непредвзятого изучения отдельных сторон крестьянской жизни, в том числе места и роли промыслов в хозяйственной жизни русской пореформенной деревни. В 1986 г. К. Н. Тарновский опубликовал статью, в которой выделил четыре основных типа центров кустарно-промысловых районов, соответствовавших стадиям в развитии кустарных промыслов в российской деревне к началу Первой мировой войны: 1) торговое село как место приема и сбыта готовой продукции кустарей; 2) кустарное село с основными скупщиками так называемыми «заведениями» — мелкими предприятиями мануфактурного типа, где изготавливались полуфабрикаты изделий для задачи сельским промышленникам, или, наоборот, осуществлялась окончательная обработка кустарной продукции; 3) кустарное село с заведениями, имевшими двигатели и необходимое оборудование; 4) кустарно-фабричное село с выросшими на базе этих заведений предприятиями фабричного типа [70, с. 34].

Отметив наличие кризисных явлений в кустарной промышленности, Тарновский пришел к выводу, что действия правительства, направленные на под-

держку и модернизацию крестьянских промыслов и тесно связанные с аграрной и промышленной политикой самодержавия, не привели к ожидаемым результатам. Выход из кризиса, полагал исследователь, был возможен только на пути перехода мелкотоварного производства из мануфактурной в индустриальную стадию [70, с. 45]. Выдвинутые в статье положения Тарновский позднее развил в своем монографическом исследовании, о котором речь пойдет ниже.

На рубеже XX—XXI вв. были опубликованы монографии и статьи, защищены диссертации, в которых исследователи рассмотрели различные аспекты истории крестьянских промыслов пореформенной России, используя в качестве источников материалы отдельных регионов и губерний страны [4; 6; 8; 10—14; 16; 19; 23—25; 33; 36—45; 47—56; 61; 66—67; 69; 74—75; 78]. Назрела необходимость исследования крестьянских промыслов второй половины XIX — начала XX в. по всем регионам Российской империи.

В 2006 г. неземледельческая деятельность крестьян России стала темой XXX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, проведенной в Туле [35]. Участники сессии рассмотрели широкий спектр вопросов, связанных с местными кустарными и отхожими неземледельческими занятиями крестьян, — от характеристики вариантов классификации и группировки промыслов в работах земских исследователей до воздействия промыслов на ментальность крестьянского социума [1; 15; 18; 20—22; 26—28; 34; 46; 57; 60; 62—63; 68; 72].

Существенный вклад в изучение темы внесен Л. М. Архиповой. Ею затронут вопрос о политике правительства в отношении мелкой промышленности на рубеже XIX—XX вв. Архипова пришла к выводу, что за короткое время эта политика претерпела кардинальные изменения. Если до 1902 г. внимание государственных органов было сфокусировано на поддержке среднего слоя кустарей, то в 1902—1906 гг. был взят курс на укрупнение кустарной промышленности путем кооперирования производителей. По мнению Архиповой, правительственные меры из-за слабой финансовой базы не дали необходимого эффекта, и к началу Первой мировой войны «подавляющая» масса кустарей осталась по-прежнему некооперированной, под властью скупщиков и ростовщиков [8, с. 16—17].

На материалах Центрально-Нечерноземного района, одного из крупнейших хозяйственных регионов России, Архипова нарисовала широкую панораму состояния крестьянских промыслов — от определения их места в промышленном секторе страны до характеристики социально-экономических последствий правительственной политики по реформированию кустарной промышленности [7]. Особое внимание автор уделила проблеме кооперирования кустарей. Она рассмотрела экономический строй мелкой крестьянской промышленности, проследила взаимодействие различных хозяйственных укладов в условиях капиталистического рынка; дала характеристику количественного и качественного уровня кооперативного движения в кустарно-промысловых районах [6, с. 109—113]. Архипова пришла к выводу, что центральное место в преобразовании кустарной промышленности занимали «кредитно-кооперативные мероприятия» правительства и что именно результаты их проведения позволяют судить об эффективности всей политики государства в сфере неземледельческих промыслов [6, с. 23].

Крупным вкладом в историографию темы стала монография К. Н. Тарновского по истории кустарной промышленности дореволюционной России [71]. Как определил сам историк, под мелкой кустарной промышленностью в его исследовании «понимается работа товаропроизводителя на рынок, непосредственно или через скупщика» [71, с. 9]. Автор установил пути эволюции мелкотоварного производства, показал зависимость положения кустарной промышленности от политики правительства. Несомненной заслугой историка стало выделение кустарно-промысловых районов общероссийского и местного значения, сложившихся в России к началу XX в. Так, к формирующимся районам местного (зонального) значения на Северо-Западе Тарновский отнес Боровичский трикотажный и Демянский экипажный районы. Уломский кузнечный район был квалифицирован им как район общероссийского значения [71, прил. 1]. Тарновский определил и рассматривал мелкую промышленность как органическую часть экономики страны. В поле зрения историка оказались вопросы, связанные с размещением крестьянских промыслов в губерниях европейской части России, с уровнем их развития и капиталистической эволюцией, с политикой правительства по отношению к этой форме производства.

Тарновский связал кризис мануфактурной стадии производства с общим глубоким кризисом аграрного строя России. Он отметил, что мероприятия правительства по преобразованию кустарного дела были нацелены «на превращение кустарно-мануфактурной формы мелкой промышленности в индустриальную за счет вытеснения из промыслов торгово-ростовщического капитала и связанных с ним методов эксплуатации кустарей» [71, с. 274]. Тарновский показал значительное влияние сырьевых ресурсов и удобных путей сообщения, уровня спроса на кустарные изделия, а также историко-культурных традиций, сложившихся в той или иной местности, как факторов, определявших размещение и развитие крестьянских промыслов.

В книге приведены сведения о времени возникновения либо затухания промыслов, о числе промышленников и объеме производимой ими продукции. Тарновский обстоятельно описал характер производственных отношений в кустарной промышленности, взаимоотношения крестьян-промышленников с представителями торгового и промышленного капитала, технологию производства различных изделий, осветил проблемы, связанные с сырьем и рынком сбыта готовой продукции. В книге Тарновского в целом рассмотрен процесс капитализации крестьянских промыслов во второй половине XIX — начале XX в.

Разные аспекты промыслов изучаются историками на материалах отдельных губерний и регионов. Так, Г. А. Буданов, проанализировав материал о неземледельческих промыслах крестьян Вологодской губернии в начале XX в., пришел к выводу, что «усиленное развитие кустарного производства» напрямую было связано с дефицитом готовых промышленных изделий в крае. Рост «занятости крестьян в кустарных промыслах и появление новых видов кустарных ремесел», считает автор, продолжался с 1900 г. до начала Первой мировой войны. В статье приведены общие цифры количества кустарей и подсчитана сумма их годового дохода [10, с. 143]. А. В. Ральников предпринял попытку обосновать необходимость использования при характеристике территориального распределения мелкой крестьянской промышленности таких категорий, как кустарно-промысловая полоса, район и центр. Опираясь на материалы Вятской губер-

нии, он заключил, что в начале XX в. крестьянская промышленность характеризовалась «сосуществованием всех стадий развития кустарно-промышленного района и кризисом, связанным с переходом мелкотоварного производства в мануфактурное и фабричное» [61, с. 73—75]. Обсуждая состояние местных промыслов тверских крестьян, Е. А. Вересова отметила, что, несмотря на сокращение и упадок отдельных промыслов, многие из них продолжали оставаться для большинства крестьян важным дополнением к земледельческим занятиям [14, с. 36—42].

Интересные наблюдения и выводы содержатся в работах Н. М. Александрова, активно разрабатывавшего тему крестьянских промыслов [2—5]. Он выделил причины широкого распространения неземледельческих промыслов среди крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Александров пришел к выводу, что 1/3 всего крестьянского населения региона занималась различными промыслами: «... занятие промыслами для крестьян Верхнего Поволжья было почти таким же естественным, как и земледелие» [5, с. 69]. Одновременно автором отмечено сокращение кустарного производства как результат конкуренции со стороны крупной фабрично-заводской промышленности. Оценивая социально-экономические последствия промыслов для жизни верхневолжской деревни, Александров заметил, что они «разрушительным образом влияли на крестьянское хозяйство» [5, с. 73].

В последнее время появились работы по истории крестьянских промыслов на Северо-Западе. Изменение форм организации железодельного промысла в Новгородской губернии — от самостоятельного производства крестьянами-кустарями гвоздей и прочих изделий из железа до Уломской кузнечной трудовой артели — было прослежено в статьях Т. А. Корешковой. Исследовательница пришла к выводу, что с переходом к кооперативным формам производства менялось не только положение крестьян, занимавшихся кузнечным промыслом и вовлеченных в артель, но и отношения между скупщиками и кузнецами. По мнению Корешковой, скупщики вынуждены были снабжать кузнецов лучшим по качеству сырьем, повысить расценки на изделия и чаще использовать денежную форму расчета [31; 32]. Проследив взаимоотношения между Новгородской губернской земской управой и казенным Никольским рыболовным заводом, Т. А. Корешкова пришла к заключению, что только совместные усилия завода и земства могли остановить негативные тенденции в состоянии ихтиофауны отдельных озер губернии и сохранить, таким образом, один из важнейших неземледельческих промыслов новгородских крестьян [30, с. 160—167]. Чуть позже этот вывод был закреплен материалом статьи, в которой Корешкова рассмотрела условия развития рыболовства в водоемах Новгородской губернии [29, с. 198—206].

В условиях пореформенной России, когда сельское хозяйство и местные промыслы не могли ликвидировать аграрное перенаселение, значительная часть крестьян в поисках приложения своей рабочей силы и заработков покидала на разные сроки деревню. «Летом города, — с иронией писал в связи с этим М. Е. Салтыков-Щедрин, — населяются дулебами, радимичами, вятичами и проч., в образе каменщиков, штукатуров, мостовщиков...» [65, с. 297].

Ряд исследователей считает, что заработанные отходниками деньги служили важным условием сохранения мелкого крестьянского хозяйства, экономически

привязывали сельских жителей к наделу, существенно улучшали материальные условия жизни. «Отхожие промыслы, — отметил М. Д. Карпачёв, — позволяли многим крестьянам эффективно компенсировать растущий дефицит земельных ресурсов» [26, с. 44]. Другие же ученые полагают, что развитие отхожих промыслов, вызванное разными причинами, оказывало разлагающее влияние на хозяйство отходников, вело к изменению демографической ситуации на селе и негативно сказывалось на сельском хозяйстве страны. Е. М. Петровичева в процессе анализа материала пришла к выводу, что «работники, уходившие на заработки, обычно продавали скотину, сдавали свои наделы в аренду или обрабатывали их с помощью наемных рабочих, нередко и вовсе забрасывали землю» [60, с. 62]. Представляется, что такое сложное и противоречивое явление российской деревни, как отходничество, вряд ли может быть оценено однозначно, поскольку в благоприятных условиях (удобное время отхода, выгодная конъюнктура спроса на рабочую силу, хороший заработок и пр.) отхожие промыслы содействовали укреплению крестьянского хозяйства. В иных условиях, когда происходило падение спроса на рабочие руки, уменьшалась заработная плата и пр., отходничество сопровождалось ослаблением и деградацией крестьянского хозяйства, нередко приводило к полному разрыву земледельцев с деревней и переселению в другие места.

В недавнем исследовании С. А. Фукленкова преимущественно рассмотрены меры, предпринимавшиеся земствами Новгородской губернии по сохранению и развитию крестьянских промыслов. По мнению автора, «деятельность земств по созданию благоприятных условий для кустарей в сфере производства и реализации товаров» была продиктована не только их намерением повысить и стабилизировать доходы крестьян, но и фискальными интересами — стремлением обеспечить устойчивые налоговые отчисления земледельцев в земскую казну [75, с. 17].

Важнейшие промыслы Череповецкого уезда — кузнечный, сапожный и судостроительный, а также гончарный и отдельные деревообрабатывающие — стали объектом изучения в статье С. Ю. Холенковой. Автор пришла к выводу, что по уровню развития кустарных промыслов из всех уездов Новгородской губернии первое место занимал Череповецкий, за которым следовали Кирилловский и Белозерский уезды [76]. Аналогичного характера статьи были опубликованы Л. Л. Петровой, описавшей ряд промыслов Белозерского и Череповецкого уездов Новгородской губернии [58; 59].

Широкое участие крестьян в отхожих промыслах, связанных с продажей труда и работой в промышленном фабрично-заводском секторе, свидетельствовало о вовлечении населения северо-западной деревни в процесс формирования капиталистических отношений в стране. Это был ответ крестьян на меняющиеся условия их жизни в пореформенные годы. Как справедливо отметил И. А. Христофоров, «рынок и рыночная мотивация не просто вторгались в жизнь деревни извне, как это представляется сторонникам “крестьянского мифа”, они являлись средой, в которой крестьяне чувствовали себя столь же естественно, как рыба в воде» [77, с. 37].

В литературе встречается значительное число определений крестьянских отхожих промыслов с различной аргументацией и критериями. Так, в «Большой советской энциклопедии» (3-е изд.) отходничество было охарактеризова-

но как временный уход крестьян в России с мест постоянного жительства в деревнях на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства [9, с. 21]. В одной из последних по времени выхода работ, посвященных сельским кустарным промыслам в России в конце XIX — начале XX в., Я. Е. Водарский и Э. Г. Истомина определили отходников как крестьян, работавших вне места своего постоянного проживания [17, с. 5]. В статье В. А. Фёдорова отходничество квалифицировано как «временный уход крестьян на заработки на фабрики и заводы, в сферу мелкой обрабатывающей промышленности, в строительство, торговлю и на транспорт; в услужение, на сельскохозяйственные работы и в добывающую промышленность» [73, с. 210].

Разнобой в дефинициях «отхожие» промыслы / «отходники» ставит вопрос о том, что же брать за критерий отходничества: выдачу паспортов крестьянам на отлучку; продолжительность отхода — на 3 месяца, на полгода, на год или уход крестьян за пределы административной единицы — волости, уезда, губернии. Несомненно, в любом случае отходничество предполагало более или менее продолжительный разрыв крестьянина-отходника со своим хозяйством.

Как известно, отмеченный современниками и исследователями прогрессивный рост отходничества крестьян из деревни на заработки был следствием ряда факторов. С одной стороны, на земледельцев влияла низкая урожайность сельскохозяйственных культур, обусловленная местными бедными почвами и примитивной агротехникой, и вследствие этого невысокая доходность крестьянского хозяйства. С другой — размеры сторонних заработков были существенно выше, чем доходы от земледелия. Важнейшим фактором, стимулировавшим отходничество, стал рост земельной необеспеченности крестьян из-за аграрного перенаселения. Расслоение пореформенной деревни, появление массы обедневших крестьян и необходимость уплаты податей вынуждали земледельцев обращаться к промысловой деятельности. Отхожие промыслы, помимо роста численности отходников, характеризовались процессом углубления специализации, увеличением продолжительности отхода и все более масштабным вовлечением в отход женщин и подростков. Уходя на сторонние заработки даже на длительный срок, превращаясь нередко в наемного рабочего, крестьянин продолжал оставаться частицей своего сословия: за ним сохранялся земельный надел и все вытекавшие из сословного положения повинности. По мнению П. Г. Рындзюнского, крестьянское хозяйство зачастую выступало в качестве страховки, облегчая крестьянину его возвращение в деревню в случае неудачи в отхожем промысле [64, с. 98].

Итак, на сегодняшний день учеными-аграрниками достигнуты серьезные успехи в изучении промысловых занятий крестьян пореформенной России. Тем не менее историкам предстоит еще глубокий и всесторонний анализ как тех проблем, что давно обсуждаются на страницах исторических трудов, так и тех, что до сих пор обойдены вниманием исследователей.

Список литературы

1. Александров Н. М. Влияние отхожих неземледельческих промыслов на социально-экономическую жизнь пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума.

- XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщений. Тула, 19—23 сентября 2006 г. М., 2006. С. 69—70.
2. *Александров Н.М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2007.
 3. *Александров Н.М.* Роль традиций в промысловой деятельности крестьян-отходников в пореформенной России (на материалах Верхнего Поволжья) // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2011. С. 39—43.
 4. *Александров Н.М.* Сельские кустарные промыслы в конце XIX — начале XX века и их влияние на крестьянское хозяйство (по материалам Верхнего Поволжья) // Там же. 2007. Ч. 1. С. 68—75.
 5. *Александров Н.М.* Сельские кустарные промыслы Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века и их влияние на крестьянское хозяйство // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тем. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2007. С. 128—144.
 6. *Архипова Л.М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-Нечерноземного района России в начале XX века. М., 1995.
 7. *Архипова Л.М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-Нечерноземного района России в начале XX века : автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1996.
 8. *Архипова Л.М.* Эволюция правительственной политики в отношении мелкой крестьянской промышленности (конец XIX — начало XX вв.) // Крестьянское хозяйство: история и современность : в 2 ч. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 16—18.
 9. *Большая советская энциклопедия.* Изд. 3-е. М., 1975. Т. 19.
 10. *Буданов Г.А.* Неземледельческие промыслы крестьян Вологодской губернии в начале XX века // Крестьянское хозяйство: история и современность : в 2 ч. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 142—144.
 11. *Бутылина С.И.* Из истории образования кустарного промысла (конец XIX — начало XX в.) // Новгородский край : матер. науч. конф. Л., 1984. С. 256—260.
 12. *Васильева С.Л.* О причинах неравномерного распространения крестьянских промыслов // Новгородский объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник : тез. докл. и сообщ. итоговой науч. конф. 16—17 декабря 1997 г. Новгород, 1997. С. 26—29.
 13. *Ватутина В.В.* Социально-экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX — начале XX столетий : автореф. дис... канд. ист. наук. Орёл, 2010.
 14. *Вересова Е.А.* Местные промыслы тверских крестьян в конце XIX — начале XX века: общие тенденции и специфика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 36—42.
 15. *Верняев И.И.* Молодые крестьяне-отходники в городе и деревне: изменения групповой идентичности (по материалам Северо-Запада России начала XX в.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 48—50.
 16. *Витухновская М.А.* Бондарный промысел в Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Европейского Севера: (социально-экономические проблемы). Петрозаводск, 1988. С. 79—88.
 17. *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX—XX столетий. М., 2004.
 18. *Галутво Л.М.* Крестьянские промыслы в земской статистике // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 76—77.
 19. *Долинин В.М.* Промыслы сельского и городского населения Вологодской губернии в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1985. № 2. С. 153—162.

20. *Звонцова А.В.* Земские начальники и регулирование крестьянских отхожих промыслов в Тульской губернии (80—90-е гг. XIX в.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 56—57.
21. *Земцов Л.И.* Мир и отход в 60—80-е гг. XIX в. (по материалам Рязанской губернии) // Там же. С. 62—63.
22. *Иванов А.А.* Земства и развитие кустарных промыслов в Центрально-Черноземном центре России на рубеже XIX—XX вв. // Там же. С. 65—66.
23. *Истомина Э.Г.* Мелкая промышленность Подмоскovie в второй половине XIX — начале XX в.: (историко-географический аспект) // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 178—203.
24. *Истомина Э.Г.* Традиционные сельские промыслы в России // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 225—238.
25. *Карпачёв М.Д.* Роль неземледельческих промыслов в жизни крестьянства Воронежской губернии в начале XX века // Вестник Воронежского ГУ. Сер. : Экономика и управление. 2012. № 2. С. 67—74.
26. *Карпачёв М.Д.* Роль неземледельческих промыслов в хозяйстве крестьян Воронежской губернии на рубеже XIX—XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 43—44.
27. *Ковалёв Д.В.* Столыпинская реформа и крестьянская промысловая миграция (по материалам столичных губерний) // Там же. С. 70—72.
28. *Кознова И.Е.* Неземледельческая деятельность как показатель взаимодействия традиции и новации в хозяйственном поведении крестьянства в начале XX в. // Там же. С. 41—43.
29. *Корешкова Т.А.* О некоторых условиях и проблемах развития рыболовства в Новгородской губернии на рубеже XIX—XX вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : матер. науч. конф. 15—17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 198—206.
30. *Корешкова Т.А.* О совместной деятельности Новгородского земства и Никольского рыболовного завода по изучению и пополнению рыбных богатств губернии с конца XIX века до 1905 года // Там же. В. Новгород, 2005. С. 160—167.
31. *Корешкова Т.А.* Организация и начало деятельности Уломской кузнечной трудовой артели в Череповецком уезде Новгородской губернии (1911—1913 гг.) // Там же. 18—20 ноября 2003 г. В. Новгород, 2003. С. 197—203.
32. *Корешкова Т.А.* Формы организации производства в железодельном промысле Новгородской губернии в середине 19 века (по книге Ф. Носырина) // Там же. 2001—2002 гг. В. Новгород, 2002. Ч. 2. С. 97—100.
33. *Курицев А.Н.* Отхожие крестьянские промыслы в Центральном Черноземье (1861—1917 гг.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее : докл. и сообщ. седьмой российской науч.-практ. конф. (Тула, ноябрь 1999). М., 1999. С. 87—90.
34. *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов о кустарных промыслах крестьян (по материалам губерний Черноземного центра на рубеже XIX—XX вв.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 66—67.
35. *Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума.* XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщений. Тула, 19—23 сентября 2006 г. М., 2006.
36. *Никулин В.Н.* «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тем. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2015. Вып. 21. С. 139—154.
37. *Никулин В.Н.* Гвоздарный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 11—16.

38. Никулин В.Н. Гончарный промысел крестьян северо-западных губерний России в конце XIX — начале XX века // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2011. С. 49—54.

39. Никулин В.Н. Деревня и город (из истории отхожих промыслов крестьян Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тем. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20. С. 144—154.

40. Никулин В.Н. Дореволюционная историография крестьянских промыслов в России во второй половине XIX — начале XX века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика Л.В. Милова : матер. к междунар. науч. конф. Москва, 17—19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 297—302.

41. Никулин В.Н. Земские материалы как источник по истории крестьянских промыслов в северо-западных губерниях России в конце XIX — начале XX века // Актуальные проблемы современной гуманитаристики : сб. науч. ст. Калининград, 2015. С. 62—73.

42. Никулин В.Н. Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX — начало XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тем. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19. С. 119—138.

43. Никулин В.Н. Из истории рыболовного промысла крестьян Санкт-Петербургской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 2 : История. Вып. 2. С. 41—51.

44. Никулин В.Н. Крестьянские промыслы в конце XIX века в «Материалах по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» (к вопросу об информационном потенциале массовых источников) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования : матер. XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Рязань, 2012. С. 198—205.

45. Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Призвание — история : труды ист. ф-та Санкт-Петербургского ГУ. СПб., 2010. Т. 2. С. 272—283.

46. Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 59—61.

47. Никулин В.Н. Неземледельческие промыслы крестьян Новгородской губернии в 1861—1904 гг. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 162—175.

48. Никулин В.Н. Отечественная историография крестьянских промыслов второй половины XIX — начала XX века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тем. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2011. Вып. 18. С. 66—95.

49. Никулин В.Н. Отхожие промыслы крестьян Новгородской губернии в пореформенные десятилетия // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Вторые чтения, посвященные 90-летию со дня рождения историка-аграрника, профессора Хамзы Фатыховича Усманова. Уфа, 2013. С. 173—180.

50. Никулин В.Н. Плитный промысел крестьян Северо-Запада России (вторая половина XIX — начало XX века) // Avoti un cilvēki: Humanitārās fakultātes XXIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVII. Daugavpils, 2014. L. 278—284.

51. Никулин В.Н. Промыслы крестьян Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века: источниковедческий аспект // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 252—269.

52. Никулин В.Н. Промыслы крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX столетия // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2013. С. 144—148.

53. Никулин В.Н. Рыболовство в Новгородской и Псковской губерниях и связанные с ним промыслы (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12. С. 36—44.

54. Никулин В.Н. Судовые промыслы крестьян северо-западных губерний России (конец XIX — начало XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV — конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014. С. 162—175.

55. Палеолог М.В. Модернизация кустарных промыслов Нечерноземья во второй половине XIX в. (На материалах Московской губернии) : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2011.

56. Перепелицын А.В. Сельские промыслы // Русская провинция. Воронеж, 1995. Вып. 2. С. 24—33.

57. Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянская промышленность Центрального Черноземья в пореформенный период // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 58—59.

58. Петрова Л.Л. Гончарное искусство Белозерья. URL: www.booksite.ru/fulltext/2ki/ril/lov/12.htm (дата обращения: 14.07.2014).

59. Петрова Л.Л. Ремесла и промыслы крестьян Кирилловского уезда // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 118—139.

60. Петровищева Е.М. Роль неземледельческих промыслов в крестьянском хозяйстве конца XIX — начала XX вв. (на материалах Владимирской губернии) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 61—62.

61. Ральников А.В. Стадии развития кустарно-промышленного района на примере отдельных промыслов Вятской губернии в начале XX века // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 73—76.

62. Рогалина Н.Л., Давыдов М.А. Крестьянская неземледельческая деятельность и столыпинское реформаторство // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 44—45.

63. Роднов М.И. Неземледельческие промыслы в судьбах российского общинного крестьянства начала XX в. // Там же. С. 74—75.

64. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

65. Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Собр. соч. : в 10 т. М., 1988. Т. 6. С. 297—453.

66. Серова Е.В. Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.). Ярославль, 1999.

67. Серова Е.В. Неземледельческие промыслы крестьян в губерниях Верхнего Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв. : автореф. дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1995.

68. Симонова Е.В. Неземледельческие промыслы крестьян Тульской губернии в XIX в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 53—54.

69. Степанова Е.С. Развитие капиталистических тенденций в местных крестьянских промыслах Рязанской губернии первых пореформенных десятилетий // Из прошлого и настоящего Рязанского края. Рязань, 1995. С. 33—44.

70. Тарновский К.Н. Кустарная промышленность и царизм (1907—1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. №7. С. 33—46.

71. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России : историко-географические очерки. М., 1995.

72. Токарев Н.В. Извоз как вид промыслов российского крестьянства во 2-й половине XIX — начале XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 64—65.

73. Федоров В.А. Отходничество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. М., 2009. Т. 2.

74. Фукленков С.А. Кустарные промыслы в хозяйстве крестьян Новгородской губернии в конце XIX — начале XX вв. // X Царскосельские чтения. Междунар. науч. конф. 25—26 апреля 2006 г. СПб., 2006. Т. 4. С. 275—277.

75. Фукленков С.А. Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2008.

76. Холенкова С.Ю. Крестьянские кустарные промыслы Череповецкого уезда в начале XX века. URL: admin.cherlib.ru/files/335816112011Holenkova.pdf (дата обращения: 24.07.2013).

77. Христофоров И.А. Российская деревня и аграрные реформы в зеркале микро- и макроистории // Российская история. 2013. № 1. С. 33—47.

78. Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале двадцатого века // Наследие и современность. Информационный сборник. М., 1997. Вып. 5. С. 80—91.

Об авторе

Валерий Николаевич Никулин — д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).

А. А. Ярцев

Российское земство в современной отечественной историографии

Оценены достижения и слабости земской историографии советского периода. Определена доминирующая тематика кандидатских диссертаций по земству 1960-х — начала 1990-х гг.: изучение земского самоуправления в рамках отдельной губернии в хозяйственно—экономическом ключе. Отмечена актуализация диссертационных исследований в новейшее время через переход к социально-политической проблематике и повышенный интерес к началу XX в. — времени расцвета земской деятельности.

Ключевые слова: самоуправление, земское самоуправление, историография земства.

Дореволюционная библиография земства оказалась поистине грандиозной — до 5 тысяч исследований, журнальных и газетных заметок публицистического и статистического характера, воспоминаний земских деятелей. Еще больший объем представляют собой опубликованные материалы земского делопроизводства, статистики и отчетности. Уже в советский период Российской государственной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (сегодня — Российская национальная библиотека) пришлось перевести все земские материалы в отдельное здание. Такой объем не удивителен, ведь земства несколько гипер-

трофированно понимали «гласность» своей работы — прежде всего, как популяризацию всякой своей деятельности если не через периодическую печать, то, по крайней мере, через печать многочисленных документов. В результате публиковалась масса нужных и ненужных документов вплоть до стенограмм заседаний ветеринарных врачей. Это ударило по земскому бюджету, но зато теперь радуется исследователей земства.

В советское время интерес к земскому самоуправлению, за редким исключением, почти не проявлялся. Историки вынуждены были руководствоваться известным критическим высказыванием В. И. Ленина о земстве: «Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации» [40, с. 35]. Истории земского самоуправления за весь советский период было посвящено только две монографии [16; 27]. В послесталинский период был защищен ряд кандидатских диссертаций, освещавших главным образом хозяйственную практику отдельных земств [7; 41; 50; 55; 58; 72; 79].

В 1990-е гг. интерес к опыту земского самоуправления резко возрос. Катализатором этого интереса стало знаменитое «послание» А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990). Писатель придал земской теме политическое звучание: «Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его советами, от самого начала подмятыми компартией. Всей историей с 1918 эти советы опорочены: они никогда не были реальным самоуправлением на каком-либо уровне. Вносимые сейчас робкие избирательные изменения тоже не могут эту форму спасти: она не обеспечивает местных интересов с их влиянием через всю структуру снизу наверх. Я полагаю, что “советы депутатов” надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой» [65].

В эти годы российские историки получили исследовательскую свободу, т.е. перестали сверять свои выводы с «политикой партии и правительства». Кризис и крах советской системы актуализировал интерес к земскому опыту самоуправления, что вызвало поток диссертаций, в большинстве из которых деятельность земств получила положительную оценку, подчеркивалась их финансовая и социальная эффективность. Сегодня при значительном количестве кандидатских диссертаций о земстве защищено мало докторских. Регионализация исследований в 1960—1980-х гг. сыграла определенную положительную роль. Как правило, провинциальный историк изучал хозяйственную деятельность земств в рамках одной губернии за период правления одного из трех последних русских царей. Собранного материала хватало для объемистой, хорошо фундированной кандидатской диссертации. Однако масштабные земские вопросы общероссийского сквозного характера, которые могли быть исследованы уже в рамках монографии или докторской диссертации, остались малоизученными. Поэтому провинциализация менталитета специалистов по земству сегодня должна быть преодолена.

Монография Г. А. Герасименко, несмотря на название, фактически посвящена узкому периоду в истории земских учреждений (1917—1918 гг.). Насильственный роспуск земств и замену их советами автор рассматривает как логичный крах не выполнившего своих исторических задач учреждения [17]. Напротив, в диссертации о Сибирском земстве в 1917—1920 гг. О. Ю. Сечейко показала, что даже в условиях военного времени местное население продемонстрировало высокую явку на земских выборах и с большим воодушевлением откликнулось на земские инициативы [61, с. 170—177]. Концепцию «пятого колеса в телеге российского самодержавия», т.е. принципиальной несовместимости земств с монархическим режимом и, таким образом, перманентного ущемления земств коронной бюрократией продолжили отстаивать в своих работах Л. А. Жукова и Н. Г. Королёва [26; 33].

В 1990—2000-х гг. появились отечественные исследования, более свободные от политических стереотипов прошлого. К их числу можно отнести монографические труды историков [3; 11; 46; 47; 77; 63; 78; 80; 82], правоведов [35; 36; 38; 39; 53], докторские [1; 20; 30; 44; 51; 60; 75] и кандидатские диссертации [4—7; 9; 10; 12—15; 18, 19; 21—25; 28; 29; 31; 32; 34; 42; 43; 45; 49; 52; 54; 56; 57; 59; 61; 62; 64; 66—71; 73; 75; 76; 81].

В. Ф. Абрамов рассмотрел механизмы земского налогообложения, оценил принципы финансовой политики земств, проследил динамику земских бюджетов в общероссийском масштабе [3]. А. Н. Верещагин проанализировал теоретические споры дореволюционных правоведов и историков вокруг сущности земского самоуправления [11]. Он опроверг стереотипное в историографии мнение, что «реакционер Безобразов» хотел превратить земства «в разновидность бюрократических учреждений» [11, с. 20, 68—91]. А. Ю. Шутов изучил земские избирательные системы образца 1864 и 1890 гг. на предмет заимствований из европейских аналогов [78]. Е. Н. Морозова основательно исследовала борьбу законодателей вокруг проектов земской реформы [46]. Она рассмотрела настроения и споры в российском обществе в отношении управления и местного управления в частности в середине 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Историк пришла к следующему выводу: «В этих спорах о централизации и децентрализации, захвативших широкий круг участников, в теоретическом плане вырабатывалось видение будущего государственного управления, построенного на принципах разделения властей, единства и административной децентрализации» [46, с. 206]. Оказалось, что в критике «бюрократического устройства власти на местах были едины все направления общественной мысли: западники и славянофилы, аристократическая фронда, “консервативное большинство” и “либеральное меньшинство” губернских комитетов» [46, с. 206]. А. А. Ярцев проанализировал характер взаимоотношений земских учреждений с различными этажами государственной власти [80; 82]. Он пришел к выводу, что государственная бюрократия не представляла собой единого лагеря реакции по отношению к земству, с ее стороны не наблюдалось перманентного административного произвола в отношении земских учреждений или земских деятелей, наоборот, именно земства в силу ряда объективных обстоятельств были более склонны к нарушениям действующего законодательства, чем, например, министр внутренних дел или губернаторы.

В. В. Куликов посчитал статистику земских постановлений и губернаторских протестов по ним в двух уездах (Орловский и Уржумский) Вятской губер-

нии за 1890—1915 гг. Оказалось, что из 7497 земских постановлений губернатор опротестовал только 35, т.е. 0,48 %. «Могут ли такие показатели подтверждать распространенное мнение о мелочной административной опеке и произволе губернатора по отношению к органам земского самоуправления?», — задается вопросом исследователь [36, с. 171—172].

Л. Е. Лаптева исследовала правовое положение земских органов самоуправления в системе государственной власти [38]. Е. А. Правилова обратила внимание на состояние административной юстиции в период от эпохи Великих реформ до 1917 г. и, в частности, ее роль в жизни органов самоуправления [53].

В ряде региональных исследований 1990-х гг. осуществлялись попытки уйти от заданных схем в изучении земства. В. Ф. Абрамов в рамках научной статьи раскрыл механизм функционирования земских учреждений на примере Казанского земства [2]. Н. А. Арнольдов одну из глав диссертации посвятил формам и методам земского самоуправления Самарской губернии [7], а Л. В. Женина — взаимодействию уральских земств с органами центральной власти и местной администрации [24]. М. С. Низамова попыталась выяснить социально-политическую направленность земской деятельности в Казанской губернии, «мотивы возникновения и сферы приложения земских либеральных идей» [48, с. 8].

О. Н. Богатырёва в диссертации, посвященной земству Вятской и Пермской губерний в пореформенный период, одну из задач научной работы определила как осмысление «соотношения правительственной власти и земского самоуправления, места земских учреждений в общей системе государственного управления» [8, с. 3]. Автор попыталась обозначить наиболее существенные черты земского законодательства и показать специфику их применения в Уральском регионе.

А. А. Ярцев проанализировал компетенцию и деятельность земств Северо-Запада (Новгородское, Петербургское и Псковское земства) через призму их взаимоотношений с различными этажами государственной власти и управления [81]. Полученные в результате исследования факты в целом опровергли общепринятую в советской историографии оценку места земских учреждений в российском государстве. На материалах отдельного региона показано, что земским учреждениям был предоставлен широкий простор для развития, несмотря на условия монархического режима, их компетенция постоянно расширялась, бюджеты неуклонно росли даже с учетом инфляционной составляющей. Это развитие осуществлялось не вопреки противодействию государственной машины, а в сотрудничестве с ней. Губернаторы, так же, как и земские деятели, проявляли заинтересованность в поднятии благосостояния вверенных им губерний.

Исследователи актуализировали политические аспекты взаимоотношения земств с государственными структурами [5; 6; 13; 14; 18; 24; 64; 69; 70; 73; 74]. И. Ю. Соловьев предпринял попытку сравнительного анализа системы земского самоуправления и современного самоуправления на материалах Нижегородской области [66].

В целом можно констатировать, что земская тема остается привлекательной для ученых, но осмысление земской проблематики сегодня происходит без какого-либо общего ясного плана и в условиях слабой координации историков между собой. Тем не менее в последние годы актуальность кандидатских

диссертаций и других научных работ по земству возрастает за счет того, что все большее число ученых обращаются к изучению эпохи расцвета земской деятельности (1890—1917 гг.) и проблемно-политический подход начинает преобладать над статистически-описательным.

Список литературы

1. *Абрамов В.Ф.* Земство в России, 1905 — февраль 1917: опыт организации и культурно-хозяйственной деятельности : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
2. *Абрамов В.Ф.* Организация земских учреждений и их органов (по материалам Среднего Поволжья) // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 134—141.
3. *Абрамов В.Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996.
4. *Адаменко О.В.* Организация системы земского самоуправления на юго-востоке России: Астраханская, Оренбургская и Ставропольские губернии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
5. *Акимова Т.М.* Земства Центральной России в период революционных потрясений: март 1917 — май 1918 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007.
6. *Алехина Е.В.* Тамбовское земство в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005.
7. *Арнольдов Н.А.* Самарское земство в конце XIX — начале XX века (80-е годы XIX века — 1904 год) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990.
8. *Богатырёва О.Н.* Земское движение в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60-е — 90-е гг. XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996.
9. *Боданов В.Г.* Земство на Европейском Севере России : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996.
10. *Вайровская С.В.* Земство Коми края (1869—1890) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
11. *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России. Политико-правовые отношения. М., 2002.
12. *Владимирова Н.В.* Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян-мусульман: 1865—1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
13. *Воронежцев А.В.* Саратовское земство накануне и в период первой российской революции (1900—1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993.
14. *Гаврилова О.А.* Петроградское земство в российской революции 1917 года : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
15. *Галкин П.В.* Московское земство (1905—1916 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
16. *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.
17. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.
18. *Глазунов С.Р.* Владимирское земство в 1866—1890 гг.: Земство и власть : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 1998.
19. *Горнов В.А.* История земства России второй половины XIX — начала XX вв. и ее отражение в отечественной исторической науке (1946—1995) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
20. *Горская Н.И.* Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX века: конец 50-х — конец 80-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
21. *Двухжилова И.В.* Земство Тамбовской губернии: социальный состав и практическая деятельность (1865—1890 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.
22. *Дитрих И.И.* Псковское губернское земство в 1905—1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

23. *Дмитриев И.А.* Земское самоуправление на территории Чувашии в 1890—1914 гг.: на материалах уездных земств : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
24. *Женина Л.В.* Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004.
25. *Живодрова С.А.* Пензенское земство в 1900—1914 гг. (социальный состав, бюджет и практическая деятельность) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
26. *Жукова Л.А.* Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864—1917 гг. М., 1998.
27. *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.
28. *Карманов Д.В.* Воронежское земство, 1914—1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.
29. *Карпова В.В.* Культурно-просветительная деятельность Псковского земства 1865—1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2005.
30. *Кирилюк А.А.* Земство и крестьянский вопрос в пореформенной России, вторая половина XIX века: на материалах губерний Поволжья : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2001.
31. *Кищенко О.С.* Социально-культурная деятельность земских учреждений Саратовской губернии: 1866—1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
32. *Корешкова Т.А.* Неземледельческие занятия крестьян и земство Новгородской губернии. 1865—1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
33. *Королёва Н.Г.* Земство на переломе (1905—1907 гг.). М., 1995.
34. *Кортаева Т.В.* Земства Среднего Поволжья в начале XX в. (1900 — февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994.
35. *Куликов В.В.* Деятельность губернской администрации и сенатская практика по земским делам. Историко-правовой очерк. Киров, 2001.
36. *Куликов В.В.* Земские учреждения и правительственный контроль (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2001.
37. *Кульгашина И.Н.* А.И. Солженицын о земстве в России // Земский вестник. 1996. № 3—4.
38. *Лаптева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1999.
39. *Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю.* Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999.
40. *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. М., 1958—1965. Т. 5. С. 14—73.
41. *Львова Т.Н.* Московское земство в 1865—1890 гг. (социальный состав и практическая деятельность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
42. *Мазилкина М.В.* Земство и кредитные кооперативы Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
43. *Мартынцева Н.В.* Уездные земства в конце XIX — начале XX вв.: по материалам западных уездов Орловской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2004.
44. *Масанова М.Д.* Роль земства в становлении всеобщего обучения в России в пореформенный период, 1864—1880 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
45. *Меркушев В.А.* Деятельность Вятского земства по развитию местного крестьянского хозяйства в 1890—1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2000.
46. *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000.
47. *Морозова Е.Н.* Саратовское земство, 1866—1890. Саратов, 1991.
48. *Низамова М.С.* Казанское земство в конце XIX — начале XX в.: местное самоуправление и земское общественное движение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995.
49. *Николаев Д.А.* Нижегородское земство в 1865—1918 гг.: Обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999.

50. Новикова Н.С. Тверское земство в 1865—1890 годах : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
51. Петровицкая Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906—1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
52. Питерова А.Ю. Пензенская губернская печать о деятельности земства в период с 1864 по 1917 гг.: на примере «Пензенских губернских ведомостей» и «Вестника Пензенского земства» : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.
53. Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.). СПб., 2000.
54. Приятелев В.В. Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии: 1870—1917 : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
55. Прокофьева Т.П. Московское земство на рубеже XIX—XX веков : дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
56. Роскошная О.В. Земские учреждения и решение социальных проблем во второй половине XIX — начале XX веков: по материалам Московской губернии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
57. Ростова Т.А. Земство Симбирской губернии в 1905 — начале 1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2005.
58. Свиридова Т.А. Калужское земство в 60-е — 90-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
59. Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии: 1874—1917 : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.
60. Семенченко И.В. Деятельность земств на Урале: 1900—1919 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2010.
61. Сечейко О.Ю. Земство в Восточной Сибири, 1917—1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001.
62. Сидоров Д.В. Становление и развитие системы взаимодействия государственной власти и земств в провинции во второй половине XIX — начале XX в.: на материалах Владимирской и Костромской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2009.
63. Смоленское земство: Очерки истории и практической деятельности / под ред. О.В. Молоткова и Д.И. Будаева. Смоленск, 1998.
64. Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
65. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Литературная газета. 1990. 18 сент.
66. Соловьев И.Ю. Земство Нижегородской губернии и местное самоуправление Нижегородской области на современном этапе: сравнительно-политологический анализ : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004.
67. Степанов К.А. Деятельность уездных земств Центральной России во второй половине XIX — начале XX вв.: на примере Ростовского земства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2007.
68. Субботина А.М. Земство в Удмуртии, 1867—1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.
69. Суханова О.Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.
70. Тихомирова Г.В. Земские реформы 1864—1917 гг. в России; опыт и уроки их организационно-правового поведения : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
71. Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность Самарского земства в 1865 — феврале 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

72. Хайкина Н.Л. Земские учреждения Самарской губернии в 1864—1881 годах : дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1961.
73. Черная Е.В. Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны (1917—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011.
74. Чирков М.С. Земство и власть в России, 1890 — февраль, 1917 гг.: по материалам Самарской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
75. Чернышова Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х — 1914 годы) в отечественной историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.
76. Чурин В.В. Земство и развитие среднего образования на Урале: 60-е годы XIX в. — 1917 год : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000.
77. Шутов А.Ю. Земские выборы в истории России (1864—1917): исследование избирательных систем. М., 1997.
78. Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. М., 2011.
79. Яковлева Н.А. Земство и Сибирь (1864—1917) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1984.
80. Ярцев А.А. Государственная власть и земские учреждения. 1864—1890. СПб., 2003.
81. Ярцев А.А. Земство северо-западных губерний России (1864—1904) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
82. Ярцев А.А. Сенат и земство: административная юстиция и местное самоуправление в дореволюционной России. 1853—1890. Калининград, 2008.

Об авторе

Андрей Анатольевич Ярцев — д-р ист. наук, проф., директор Калининградского филиала Международного университета в Москве, profundis.2000@mail.ru

А. В. Золов

Незабытая война:

К вопросу об освещении истории Первой мировой войны в СССР

Выяснена степень освещенности истории Первой мировой войны в советское время. Основной вывод состоит в том, что история Первой мировой войны была изучена в СССР, особенно в межвоенный период, достаточно серьезно, глубоко и всесторонне, так что говорить о ней, как о забытой, несправедливо.

Ключевые слова: Первая мировая война, история, советская историография.

Столетний юбилей начала Первой мировой войны привел к всплеску публикаций об ее истории. Вышел ряд книг и статей самого разного характера — зарубежных и отечественных, научных и публицистических, раскрывающих различные аспекты этого поистине переломного события в истории человечества. При этом активно внедрялся в сознание тезис о том, что в прежние времена в нашей стране Первая мировая война была лишена какого-либо внимания

со стороны исследователей и современные публикации прямо-таки открывают глаза читающей публике на незаслуженно забытое прошлое. Получил широкое хождение термин «Забытая война», который как бы отражал первопрородческую сущность нынешней исторической кампании.

Казалось бы, в значительной степени подобный подход имеет право на существование. Действительно, во времена СССР Первая мировая война была не самой популярной темой для исследователей. Получившая четкое идеологическое определение как империалистическая, она отошла на второй план по сравнению сначала с войной гражданской, а в дальнейшем и с Великой Отечественной. И все же считать эту войну забытой в советские времена серьезных оснований нет. Оставить без внимания эту общечеловеческую катастрофу, ставшую своеобразным финальным эпизодом в истории классического либерального капитализма и открывшую тем самым новую эпоху в развитии мира, было просто невозможно. Хотя, естественно, уровень интереса к Первой мировой войне был разным в разное время и определялся стоящими перед страной проблемами и задачами. Вполне возможно выделение нескольких этапов ознакомления советской читающей публики с данным вопросом.

Первый этап, занимавший период от прихода к власти большевиков до конца 1920-х гг., характеризуется активной публикацией в нашей стране литературы по истории мировой войны, чье значение и итоги требовали разъяснения и осмысления. Выходила масса работ самого разного характера, в том числе написанная непосредственными участниками войны. Активно издавалась мемуарная литература, включая западную, причем следует иметь в виду, что в то время в Советской России, кроме государственных, были и частные издательства, руководствовавшиеся целью получения прибыли, а поэтому они публиковали работы, представлявшие, на их взгляд, особый интерес для читающей публики. К тому же отсутствовали какие-либо соглашения, защищавшие авторские права, что давало возможность издавать всё, что хотели, и довольно быстро, хотя очень часто в сокращенном формате, да и качество перевода было зачастую далеко не идеальным.

Второй этап приходится на 1930-е гг., когда в СССР шла полным ходом модернизация страны, отрабатывалась советская военная доктрина и велась подготовка к будущей войне, поэтому в центре внимания находились вопросы, связанные с военными, дипломатическими и экономическими аспектами возможного военного конфликта. В этом отношении опыт мировой войны, крупнейшего на то время военно-политического противостояния, был поистине бесценен и тщательно анализировался советскими специалистами.

В годы Великой Отечественной войны военные аспекты истории Первой мировой войны стали отходить на второй план, хотя необходимость формирования патриотического настроения общества требовала освещения подвигов нашего народа в борьбе против Германии, традиционного и давнего врага. Кроме того, требовалось осмыслить опыт коалиционного взаимодействия, достижения и неудачи мировой дипломатии в послевоенном обустройстве мира, что и обусловило тематику издаваемой литературы.

Что касается первых послевоенных лет, то в это время интерес к Первой мировой войне явно угас. История этого события отошла на второй план на фоне закончившейся Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также наби-

равшей все большую силу Холодной войны. В первые послевоенные годы идеологические аспекты явно занимали доминирующее место в нашей исторической науке, что предопределяло острую публицистичность издаваемой литературы. В дальнейшем, по мере отступления мирового напряжения, открылся больший простор для действительно научного исследования вопросов мировой истории, включая историю Первой мировой войны, появились новые массивы источников, вновь предоставилась возможность работать с зарубежными партнерами, что привело к публикации ряда серьезных работ, освещавших как общие, так и частные вопросы того периода.

Предваряя дальнейшее обращение к теме, отметим, что история Первой мировой войны изучалась в самых разных аспектах, и в первую очередь в чисто военном. Генералы, как говорится, всегда готовятся к прошедшим войнам, крупнейшим же военным конфликтом начала XX в. была мировая война, а поэтому в межвоенные годы ее опыт изучался военными специалистами особенно тщательно. Поскольку исследования такого плана носят, как правило, сугубо специальный характер [65; 95; 179], можно сделать вывод, что для основной массы читателей эти работы были либо недоступны, публикуясь для служебного пользования, либо не представляли особого интереса в силу своей специфики. Поэтому останавливаться на такого рода произведениях в данной статье не представляется необходимым. Оставлены вне поля зрения статьи и книги общеполитического характера, которых было большое количество [73; 74; 77], поскольку обращаться к истории, к примеру, Февральской и Октябрьской революций, приходу к власти большевиков и первых шагов советской власти без освещения политической ситуации в стране просто невозможно. Но в работах такого плана Первая мировая война являлась скорее фоном для революционных событий, причем особенно сильно окрашенным политическими пристрастиями, что вряд ли могло стать основанием для серьезного исследования именно этой проблемы. То же самое в определенной степени можно сказать о большинстве работ, посвященных общей истории отдельных стран (Франции, Германии, Великобритании, США, России и т.д.) [42; 79; 80], естественно, включавшие и период Первой мировой войны, но только как один из этапов их развития. Достоинство их заключается в том, что их авторы не ограничивались чисто военными аспектами, но рассматривали и вопросы экономического, социального и политического развития соответствующих стран под воздействием войны. Как и в предыдущем случае, сама война предметом особого изучения в них не являлась, хотя общее представление о Первой мировой войне читатели этих книг, естественно, получали.

Стоит более подробно остановиться на каждом из указанных выше периодов. Вообще-то изучение истории Первой мировой войны началось уже в годы войны [72], но изданные тогда работы особой глубиной не отличались. Серьезно стали заниматься этими вопросами в первые послевоенные годы. Представление о том, что после революции в России не осталось никого из людей, способных к глубокому исследованию политических и военных вопросов, что все затмевал сугубо идеологический аспект, является неверным. Были и люди, был и интерес к закончившейся войне, оказавшей столь грандиозное воздействие на мировую цивилизацию, хотя политическая ситуация во многом определяла тематику исследований и публикаций. Так, весьма активно в первые годы

советской власти формировался корпус доступных будущим исследователям документов, раскрывающих подоплеку мировой войны и взаимоотношений между ее участниками в ходе конфликта. Один из лозунгов новой советской дипломатии — отказ от тайных переговоров и публикация дипломатических документов. В 1917—1918 гг. в Петрограде увидели свет семь выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел» [156]. В дальнейшем на протяжении 1920-х гг. были изданы и другие материалы МИД России, раскрывающие перипетии российской внешней политики кануна мировой войны [51; 86; 112; 122; 130; 142; 150]. Главное содержание этих публикаций — разоблачение империалистической, грабительской, несправедливой внешней политики великих европейских держав и старой императорской России, которая стала причиной Первой мировой войны. На основе этих документов определялись причины и характер войны. Так, академик М. Н. Покровский отстаивал точку зрения, что основными виновниками войны были страны Антанты, в том числе и Россия [135]. В другую крайность впал академик Е. В. Тарле, который в своей работе «Европа в эпоху империализма» [171] всю вину за войну возлагал на Германию. Тем не менее сам факт ведения дискуссии такого рода подтверждает тезис о сохранении в Советской России в то время определенной свободы мнения.

Активно в те годы издавалась мемуарная литература. В Москве и Петрограде (с 1924 г. Ленинграде) вышли воспоминания российских политиков и военных деятелей М. Лемке, А. П. Извольского, А. А. Поливанова, В. А. Сухомлинова, М. В. Родзянко; немцев П. фон Гинденбурга, Вильгельма II, кронпринца Вильгельма, Ф. Пурталеса, Ф. Шейдемана, Э. Фалькенгайна, Э. Людендорфа, К. Гельфериха, Т. Бетман-Гольвега; французов М. Палеолога, Ж. Жоффра, англичанина Ф. Берти [12; 14; 31; 40; 45; 56; 61; 98; 106; 128; 129; 136; 140; 146; 167; 178; 200]. Цель данных публикаций, в принципе, была та же: разоблачение империалистической сущности внешней и военной политики царской России, ее союзников и противников, бездарности царского руководства, эгоистичного характера действий стран Антанты, использовавших Россию в качестве тягловой скотины, обеспечивавшей своей жертвенностью их интересы. В совокупности эти издания стали существенным шагом по пути формирования источниковой базы для исследования проблем мирового конфликта.

Буквально с первых дней после окончания мировой войны началось в нашей стране изучение опыта ведения боевых действий. Был создан ряд комиссий по исследованию и использованию опыта войны, и первые сборники, содержавшие материалы работы комиссий, вышли уже в 1919—1922 гг. [34; 35]. К истории Первой мировой обращались такие советские военачальники, как М. В. Фрунзе, И. И. Вацетис, Б. М. Шапошников, М. Д. Бонч-Бруевич, военные теоретики А. Свечин, Г. Иссерсон [16; 24; 25; 71; 157; 186; 194; 198]. Исследовались ход подготовки к войне России (А. М. Зайончковский), развитие военных действий на Западном (А. Базаревский, В. Меликов) и Восточном (И. Вацетис, Г. Иссерсон, Г. Корольков, А. Косинский) фронтах [8; 57; 58; 88—91; 115]. В 1920—1923 гг. в Москве вышли семь выпусков материалов под общим названием «Стратегический опыт войны 1914—1918 гг.». Публикации по отдельным вопросам мировой войны появлялись в таких периодических изданиях, как «Технико-экономический вестник» и «Научно-технический вестник». Вышел

ряд очень серьезных работ, в которых анализировались экономическая ситуация в России и причины срыва в техническом обеспечении армии. Некоторые книги, например трехтомник А. А. Маниковского, генерала от артиллерии царской армии, начальника Главного артиллерийского управления «Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг.» [109] (первое издание вышло в 1922—1923 г., в дальнейшем было выпущено еще два), во многом содействовали формированию общей концепции мировой войны и причин неудачного ее исхода для России. Автор постарался оправдать действия центральных военных властей России и возложил вину за технико-экономический провал во время войны на российскую либеральную буржуазию и неблагодарных союзников. Примерно в этом же ключе была написана и книга Е. З. Барсукова «Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну» [9]. В эти годы увидели свет и первые серьезные работы, посвященные общей истории войны [59; 125], в том числе зарубежных исследователей [6; 87; 94; 119; 145; 152; 184; 185; 187].

В последнее предвоенное десятилетие изучение опыта мировой войны стало одной из главных задач историков и военных специалистов. Было продолжено издание документов предвоенного периода. В 1934 г. вышла книга «Заговор против мира. Как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы», журнал «Красный архив» опубликовал в том же году (в 3-м томе) подборку материалов из документов русской военно-политической разведки 1913—1914 гг. под общим названием «К вопросу о подготовке мировой войны». Большую ценность представляла публикация под общим названием «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917» [113; 114]. Все эти материалы использовались для разоблачения империалистического характера внешней политики ведущих стран Запада, которая, по мнению советских исследователей, осталась таковой же и в 1930-е гг. Расширилась источниковая база изучения истории боевых действий на Восточном фронте. Были изданы сборники документов, освещающих Варшавско-Ивангородскую (1938 г.), Восточно-Прусскую (1939 г.), Горлицкую (1941 г.) операции, ход боевых действий на Юго-Западном фронте (1940 г.) [22; 36; 46; 121]. Интересная информация содержалась в справочнике «Мировая война в цифрах» [117].

Продолжалась публикация воспоминаний [21; 101; 131; 139; 170; 183; 192; 199]. При этом в глаза бросается отсутствие мемуаров российских политиков и военачальников. Впрочем, для этого были веские основания. Во-первых, как правило, к мемуарам обращаются люди, по сути, уже отошедшие от активной деятельности и имеющие возможность вернуться к своему прошлому. В СССР непосредственные участники описываемых событий в большой степени оставались в строю и воспоминаниями делиться не спешили. Сыграли свою роль и репрессии 1930-х гг., серьезно проредившие ряды потенциальных мемуаристов. Лишь много позже появились воспоминания советских полководцев времен Великой Отечественной войны, которые в большинстве своем прошли и фронты Первой мировой (Г. К. Жуков, А. В. Василевский, С. М. Буденный и др.), но в них, как правило, участие в мировой войне трактовалось как своеобразный пролог к основному делу их жизни. Мемуары же российских эмигрантов, довольно активно публикуемые за рубежом, до советского читателя в то время уже не доходили.

Что касается исследований зарубежных авторов, то советские издатели продолжали публикацию серьезных работ на эту тему. В 1935 г. в Москве вышла одна из лучших работ того времени по истории Первой мировой войны, написанная видным британским военным историком Б. Х. Лиддел Гартом [100]: Издавались работы, посвященные разным аспектам мировой войны: операциям на суше [30; 84; 85; 97; 141] и на море [32; 39; 44; 48; 50; 92; 103; 118; 120; 148; 173; 181; 193]. Интересовали советских читателей вопросы использования танков [18; 49; 202], артиллерии [204], железнодорожного транспорта [62; 132], тактики и стратегии [47; 69; 70; 104; 205].

Активно и плодотворно работали советские историки. Состояние дипломатической изоляции делало положение СССР весьма уязвимым, надо было создавать современные вооруженные силы, готовить армию и флот к грядущим испытаниям, что требовало тщательного изучения опыта последней на то время большой войны. Диапазон интересов отечественных исследователей впечатляет — от солидных работ общего характера [10; 60] до изучения отдельных операций на различных фронтах войны [11; 23; 26; 29; 52; 116; 137; 190; 195]. Вышла серия исследований Н. Г. Корсуна о боевых действиях в Закавказье [3; 154; 203], книги Н. Новикова о морских операциях на Черном море и А. В. Томашевича на Балтийском [124; 174]. Особенно активно изучались события начального, маневренного этапа войны (А. Коленковский) [83].

В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы Первая мировая война явно отошла на второй план, и книги, которые выходили, как правило, соответствовали пропагандистским целям, были призваны раскрыть, к примеру, бандитскую сущность германского империализма [64; 189], сложный характер межсоюзнических отношений [4; 110; 123; 126; 127; 160], напомнить читателю о героической борьбе России с общим врагом [93; 169]. Своеобразным итогом этого периода стало издание 2-го тома «Истории дипломатии», посвященного международным отношениям 1872—1919 гг. [75].

Со второй половины 1950-х гг. начинается новый этап развития советской историографии Первой мировой войны. К тому времени эта тема утратила свою особую злободневность, в результате чего ее изучение приобрело вполне академический характер. Продолжилась публикация документов времен войны, хотя большее внимание теперь уделялось вопросам развития революционного движения в стране и армии [143; 144]. Активно издавалась мемуарная литература, в первую очередь отечественная. Вышли воспоминания ряда генералов царской армии [17; 19; 28; 41; 66; 153; 180]. Большой интерес представляет книга маршала Р. Я. Малиновского «Солдаты России», посвященная малоизвестной проблеме действий российского экспедиционного корпуса во Франции [108]. Были переведены и изданы воспоминания адмирала А. фон Тирпица и Д. Ллойд Джорджа [102; 172].

Отечественные исследователи изучали историю мировой войны в самых разных аспектах. Очень глубоко анализировалась проблема причин и виновников развязывания этого конфликта. Был подтвержден империалистический характер войны. Но виновниками теперь признавались все его участники. Наиболее полно эта концепция получила отражение в новом издании «Истории дипломатии» [76], существенно расширенном по сравнению с изданием 1945 г. Следует отметить выход капитальных трудов А. Дж. П. Тэйлора и Г. Хальгартена [176; 188], дающих глубокое представление о характере довоенного импери-

ализма. Исследователи рассматривали вопросы международных отношений накануне и в период Первой мировой войны [1; 2; 15; 54; 55; 63; 67; 68; 111; 147], состояние русской армии перед войной [13; 196; 197]. В эти годы вышли книги, посвященные влиянию войны на экономику России, формирование государственно-монополистического капитализма в годы Первой мировой войны [82; 99; 107; 161; 162; 201]. Истории Первой мировой войны уделял особое внимание в самом начале своей профессиональной деятельности В. В. Сергеев, защитивший в 1973 г. по этой тематике кандидатскую диссертацию (см. список научных трудов юбиляра в конце настоящего издания).

Продолжалось изучение хода военных действий на суше и на море. Можно выделить такие фундаментальные работы, как книги А. А. Строкова и И. И. Ростунова [149; 165; 166], двухтомник «Флот в первой мировой войне» [182]. Своеобразным итогом этого периода стала публикация в 1975 г. двухтомной «Истории первой мировой войны 1914—1918 гг.», солидного академического издания, содержащего подробный анализ развития боевых действий на всех фронтах мировой войны, эволюции военного искусства в этот период [78]. Выходили работы и более частного характера. Увидели свет труды, освещающие ход событий на Русском фронте и развитие политической ситуации в странах — участниках войны [7; 20; 27; 37; 38; 53; 105; 134; 191] и др.

В эти годы в нашей стране получает признание и популярность жанр политической биографии — появились книги о У. Черчилле, Д. Ллойд Джордже, А. А. Брусилове, В. Вильсоне, Ж. Клемансо [33; 43; 138; 158; 175; 177]. Это во многом помогло существенно оживить историю, показать ее ход через призму деятельности ее ключевых участников.

В определенной степени усилил интерес к истории Первой мировой войны выход за рубежом в 1971 г. книги А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого», распространявшийся в СССР через самиздат. Своеобразным ответом на нее стала публикация в 1974 г. 100-тысячным тиражом небольшой, но получившей огромную популярность книги Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 г.» [206]. В ней впервые в советской историографии было открыто сказано о подрывной роли российского масонства, которое, как считает автор, искусственно создало оружейный и снарядный дефицит и тем самым спровоцировало политический кризис в России. В дальнейшем вышли еще два издания этой книги. Большую роль в привлечении внимания читающей публики к истории Первой мировой войны сыграла публикация в 1972 г. книги американского историка Барбары Такман «Августовские пушки» [168], посвященной боям русской армии в Восточной Пруссии в первые месяцы войны, которые спасли французскую армию от полного разгрома и во многом способствовали переходу войны в позиционную фазу, войну на истощение, что предопределило конечное поражение Центрального блока и победу Антанты.

В 80-е гг. XX в. в советской историографии история Первой мировой войны окончательно приняла академический характер. Новые вопросы вплоть до конца десятилетия не разрабатывались, скорее, уточнялись отдельные аспекты традиционной концепции. Тем не менее, если подводить итоги советского периода, можно считать, что были исследованы достаточно полно все основные вопросы истории Первой мировой: международные отношения накануне войны, создание двух противоборствующих военно-политических союзов (Тройственный союз и Антанта), причины конфликта, состояние экономики

России, ее армии и флота, готовность к войне, политика и отношение различных партий и социальных групп населения к войне, ход боевых действий и последствия войны.

Следует сказать несколько слов и о беллетристике. Если академические и специальные исследования зачастую были востребованы преимущественно специалистами, то интерес основной массы читающей публики во многом определялся все же произведениями художественной литературы. Сказать, что книг о Первой мировой войне не было, никак нельзя. Огромными тиражами многократно издавались книги «Огонь» А. Барбюса, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя. Авторы «потерянного поколения» были прекрасно известны и очень популярны в Советском Союзе. Эта война не была обойдена вниманием и отечественными писателями. Через ее муки прошли герои М. Шолохова («Тихий Дон»), А. Н. Толстого («Хождение по мукам»), К. Федина («Города и годы»), С. Сергеева-Ценского («Преображение России»), М. Слонимского, В. Саянова, Б. Лавренева, Е. Иванова, В. Ардаматского (см.: [5; 155; 159; 163]). Широкую известность получил роман В. Пикюля «Моонзунд» [133], посвященный морякам Балтийского флота, причем впервые в нем был показан с положительной стороны будущий верховный правитель России А. В. Колчак. Во второй половине 1980-х гг., когда идеологический контроль явно стал ослабевать, вышли такие интересные работы, как роман М. Соколова «Грозное лето» и книга С. Рыбаса «Жертва: роман о генерале Самсонове» [151; 164], посвященные боям русской армии в Восточной Пруссии в 1914 г.

Другими словами, Первая мировая война никогда не выпадала из поля зрения отечественных историков, публицистов и прозаиков, так что говорить о ней как о «забытой войне» не приходится. Конечно, многие произведения зарубежных и отечественных эмигрантских писателей были советскому читателю недоступны и попали на рынки книжных магазинов только после распада Советского Союза, когда в процессе преодоления советских идеологических штампов интерес ко многим проблемам отечественной истории, в том числе и к истории Первой мировой войны, резко возрос. В последние десятилетия отечественный читатель смог познакомиться с массой интереснейших произведений, включая ставшие классическими работы деятелей русской эмиграции. Все это, несомненно, существенно расширило представления об этом трагическом периоде российской истории, хотя и породило новые идеологемы и мифы, например, способствовало оживлению попыток глорификации дореволюционной России. И все же зачеркивать достижения советского периода в освещении истории Первой мировой неправильно и несправедливо. Нынешний далеко не первый всплеск интереса к ее истории в связи со 100-летним юбилеем, думается, принесет достойные результаты и станет способствовать ее дальнейшему изучению, еще более полному раскрытию ее роли и места в мировой и отечественной истории.

Список литературы

1. Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем и Среднем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966.

2. Адамович А. А. Обострение русско-германских противоречий накануне первой мировой войны и позиция Франции // Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Пермь, 1966. №149. С. 185—191.

3. Алашкертская операция и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. / подготов. Н. Г. Корсун. М., 1940.

4. Альдрованди Марескотти. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919 гг.). М., 1944.

5. Ардаматский В. Последний год. М., 1977.

6. Арндт Г. Воздушная война. М., 1925.

7. Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван, 1971.

8. Базаревский А. Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии : в 2 т. М. ; Л., 1927.

9. Барсуков Е. З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928.

10. Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну 1914—1918 гг. : в 2 т. М., 1938—1940.

11. Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса у Томашева в 1914 г. М., 1937.

12. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1916. М. ; Л., 1927.

13. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986.

14. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М. ; Л., 1926.

15. Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914 гг.). Очерки дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев, 1964.

16. Бонч-Бруевич М. Д. Потеря нами Галиции в 1915 г. М., 1929. Ч. 1, 2.

17. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964.

18. Борхерт М. Применение танков в сражении под Камбре. М., 1931.

19. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963.

20. Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

21. Бюлов Б. Воспоминания. М. ; Л., 1935.

22. Варшавско-Ивангородская операция : сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1938.

23. Васильев Н. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. М., 1939.

24. Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. : стратегический очерк. М., 1923.

25. Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. М. ; Л., 1929. Ч. 1 : Восточно-Прусская операция.

26. Вебер Ю. Брусиловский прорыв. М., 1941.

27. Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. : военно-исторический очерк. М., 1964.

28. Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959.

29. Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв : оперативно-стратегический очерк. М., 1940.

30. Виллари Л. Война на Итальянском фронте 1915—1918 гг. М., 1936.

31. Вильгельм II. Мемуары. События и люди 1878—1918. М. ; Пг., 1923.

32. Вильсон Х. Линейные корабли в бою 1914—1918 гг. Изд. 3-е. М., 1938.

33. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.

34. Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. М., 1919—1921. Вып. 1—3.

35. Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. на море. Пг., 1920—1922. Вып. 1, 2.

36. *Восточно-Прусская операция* : сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1939.

37. *Гаврилов Л.М.* Состояние резервов фронта накануне Октября // *История СССР*. 1967. № 4. С. 18—26.

38. *Гаврилов Л.М.* Численность русской действующей армии в период Февральской революции // Там же. 1972. № 3. С. 198—202.

39. *Гайер А.* Германские подводные лодки в войну 1914—1918 гг. Л., 1938.

40. *Гельферих К.* Накануне мировой войны. М., 1924.

41. *Герасимов М.В.* Пробуждение. М., 1965.

42. *Германская история в новое и новейшее время*. М., 1970. Т. 1.

43. *Гершов З.М.* Вудро Вильсон. М., 1983.

44. *Гибсон Р., Прендергаст М.* Германская подводная война 1914—1918 гг. М., 1938.

45. *Гинденбург П.* Воспоминания. Пг., 1922.

46. *Горлицкая операция* : сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1941.

47. *Гренер В.* Завещание Шлиффена. Оперативные исследования по истории мировой войны. М., 1937.

48. *Гроос О.* Учение о морской войне в свете опыта мировой войны. М., 1930.

49. *Гудериан Г.* Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск. М., 1940.

50. *Джеллико Д.Р.* Подводная опасность. М., 1937.

51. *Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны*. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1922.

52. *Евсеев Н.В.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936.

53. *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.

54. *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964.

55. *Ефремов П.Н.* Внешняя политика России (1907—1914 гг.). М., 1961.

56. *Жоффр Ж.* 1914—1915. Подготовка войны и ведение операций. М., 1923.

57. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне : очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926.

58. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне в международном отношении. М., 1926.

59. *Зайончковский А.М.* Мировая война. М., 1923.

60. *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914—1918 гг. : в 3 т. М., 1938—1939.

61. *Записки германского кронпринца*. М. ; Пг., 1923.

62. *Зартер А.* Германские железные дороги во время мировой войны. М., 1934.

63. *Звавич А.И.* Обострение противоречий между империалистическими державами накануне первой мировой войны. М., 1962.

64. *Зверства немцев в войну 1914—1918 г.* Л., 1943.

65. *Иванов Б.* Борьба с воздушным врагом. М., 1920.

66. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1957.

67. *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны 1906—1914. М., 1972.

68. *Иоффе А.Е.* Русско-французские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь). М., 1958.

69. *Иохим Т.* Подготовка германской армии к большому наступлению во Франции весной 1918 г. М., 1932. Вып. 1—5.

70. *Иохим Т.* Боевые операции и тыловые сообщения 1-й германской армии в сражении на Марне в 1914 г. М., 1935.

71. *Иссерсон Г.* Канны мировой войны (Гибель армии Самсонова). М., 1926.

72. *История великой войны* : в 3 т. М., 1915—1916.

73. *История Великой Октябрьской социалистической революции*. М., 1967.

74. *История гражданской войны в СССР*. М., 1939. Т. 1.

75. *История дипломатии*. М., 1945. Т. 2.

76. *История дипломатии*. М., 1963. Т. 2.

77. *История Коммунистической партии Советского Союза*. М., 1966. Т. 2.

78. *История первой мировой войны 1914—1918 гг.* : в 2 т. М., 1975.

79. *История СССР с древнейших времен до наших дней*. М., 1967—1968. Т. 6, 7.

80. *История Франции*. М., 1973. Т. 2.

81. *Кеппен П.* Надводные корабли и их техника в войну 1914—1918 гг. М., 1937.

82. *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914—1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969.

83. *Коленковский А.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.

84. *Колэн.* Высота 304 и Морт-Ом. Оперативно-тактический очерк и боевые воспоминания участников Верденского сражения. (1916—1917 гг.). М., 1936.

85. *Конкэ А.* Сражение под Капоретто (1917 г.). М., 1940.

86. *Константинополь и проливы*. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел : в 2 т. М., 1925—1926.

87. *Корбетт Ю., Ньюболт Г.* Операции английского флота в мировую войну : в 5 т. М., 1927—1941.

88. *Корольков Г.* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923.

89. *Корольков Г.* Несбывшиеся Канны. Неудавшийся разгром русских летом 1915 г. Стратегический этюд. М., 1926.

90. *Корольков Г.* Праснышское сражение. Июль 1915 г. Тактическое исследование. М. ; Л., 1928.

91. *Косинский А.М.* Моонзундская операция Балтийского флота 1917 г. Л., 1928.

92. *Кресуэлл Д.* Война на море. М. ; Л., 1941.

93. *Кузнецов Ф.Е.* Брусиловский прорыв. М., 1944.

94. *Кюльман Ф.* Общая тактика по опыту мировой войны. М. ; Л., 1928.

95. *Лапчинский А.* Воздушная разведка : сборник военно-исторических примеров. М., 1938.

96. *Лебедеко А.Г.* Тяжелый дивизион [1933]. М., 1960.

97. *Лебель Е.* Ближний бой. Примеры и выводы на основе опыта мировой войны. М. ; Л., 1930.

98. *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920.

99. *Лившин Я.И.* Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала). М., 1961.

100. *Лиддел Гарт Б.Х.* Правда о войне 1914—1918 гг. М., 1935.

101. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары : в 6 т. М., 1934—1936.

102. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах : в 2 т. М., 1957.

103. *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. М., 1935.

104. *Луазо Л.* Германская стратегия в 1918 г. М., 1936.

105. *Лудишувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. : военно-политический очерк. М., 1966.

106. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. : в 2 т. М., 1923—1924.

107. *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957.

108. *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М., 1969.

109. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. : в 3 т. М., 1922—1923.

110. *Манусевич А.* Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны 1914—1918 гг. // Исторический журнал. 1944. №7—8. С. 43—50.

111. *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914 гг.). М., 1974.

112. *Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.* : сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского Министерства иностранных дел. М., 1922.

113. *Международные отношения в эпоху империализма.* Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Сер. 2 : 1900—1913. М., 1938—1940. Т. 18—20.

114. *Международные отношения в эпоху империализма.* Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Сер. 3 : 1914—1917. М., 1931—1938. Т. 1—10.

115. *Меликов В.* Марна — 1914 г. Висла — 1920 г. Смирна — 1922 г. М. ; Л., 1928.

116. *Меньчуков Е.А.* Бои под Лочишиным в 1915 году. Наступательная операция 31-го армейского корпуса в лесах и болотах. М., 1937.

117. *Мировая война в цифрах.* М., 1934.

118. *Михельсен А.* Подводная война 1914—1918 гг. М. ; Л., 1940.

119. *Мозер О.* Краткий исторический обзор мировой войны 1914—1918 гг. М., 1923.

120. *Морская стратегия мировой войны* // Оперативно-тактические взгляды германского флота : сб. ст. из германской военно-морской литературы. М. ; Л., 1941.

121. *Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г.* : сборник документов империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1940.

122. *Начало войны 1914 г.* Поденная запись бывшего Министерства иностранных дел / подг. С.А. Пашуканис // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 5—62.

123. *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945.

124. *Новиков Н.* Операции флота против берега на Черном море в 1914—1917 гг. М., 1937.

125. *Новицкий В.Ф.* Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. М., 1928.

126. *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М. ; Л., 1947.

127. *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947.

128. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. Пг., 1923.

129. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1923.

130. *Переписка Вильгельма II с Николаем II.* 1894—1914 гг. М. ; Пг., 1923.

131. *Петэн А.* Оборона Вердена. М., 1937.

132. *Пешо М.* Германские железные дороги и война. М., 1931.

133. *Пикуль В.С.* Моонзунд. Л., 1975.

134. *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.

135. *Покровский М.Н.* Империалистская война. М., 1928.

136. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1918 гг. М., 1924.

137. *Попов В.Т.* Бои за Верден. М., 1939.

138. *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983.

139. *Пуанкаре Р.* На службе Франции : в 2 т. М., 1936.

140. *Пурталес Ф.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. Пг., 1923.

141. *Пюжан.* Германские кавалерийские корпуса в сражении на Марне (6—9 сентября 1914 г.). М., 1934.

142. *Раздел Азиатской Турции.* По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924.

143. *Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)* : сб. док. М., 1966.

144. *Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 г.)* : сб. док. М., 1968.

145. *Риттер Х.* Критика мировой войны. Наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне. Пг., 1923.

146. *Родзянко М.* Крушение империи. Л., 1927.

147. *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.

148. *Ролльман Г.* Война на Балтийском море. 1915. М., 1937.

149. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

150. *Русско-германские отношения.* Документы из секретного архива бывшего Министерства иностранных дел. М., 1922.

151. *Рыбас С.Н.* Жертва: роман о генерале Самсонове. М., 1990.

152. *Саджент Г.Х.* Стратегия на Западном фронте (1914—1918 гг.). М., 1923.

153. *Самойло А.* Две жизни. Л., 1963.

154. *Сарыкамьшская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 гг.* М., 1937.

155. *Саянов В.* Небо и земля. М., 1949.

156. *Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел.* Пг., 1917—1918. Вып. 1—7.

157. *Свечин А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914—1918 гг. М. ; Л., 1930. Т. 1.

158. *Семанов С.Н.* Брусиллов. М., 1980.

159. *Сергеев-Ценский С.Н.* Брусилловский прорыв. М., 1980.

160. *Сидоров А.Л.* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 128—179.

161. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1960.

162. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

163. *Слонимский М.* Рассказы и повести. М., 1980.

164. *Соколов М.Д.* Грозное лето. М., 1987.

165. *Строков А.А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма. М., 1967.

166. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.

167. *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М. ; Л., 1926.

168. *Такман Б.* Августовские пушки. М., 1972.

169. *Таленский Н.А.* Первая мировая война 1914—1918 гг. (Боевые действия на суше и на море.). М., 1944.

170. *Тардые А.* Мир. М., 1941.

171. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. М. ; Л., 1925.

172. *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957.

173. *Томази А.* Морская война на Адриатическом море. (1914—1918). М. ; Л., 1940.

174. *Томашевич А.В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 гг. М. ; Л., 1939.

175. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1968.
176. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848—1918. М., 1958.
177. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
178. Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923.
179. Фёдоров В. Современные проблемы ружейно-пулеметного дела. М., 1925.
180. Фёдоров В.Г. В поисках оружия. М., 1964.
181. Фирле Р. Война на Балтийском море. М., 1937. Т. 1 : От начала войны до марта 1915 г.
182. Флот в первой мировой войне : в 2 т. М., 1964.
183. Фош Ф. Воспоминания (война 1914 — 1918 гг.). М., 1939.
184. Фрайс А., Вест К. Химическая война. М., 1924.
185. Фрейтаг-Лорингофен Г. Выводы из мировой войны. М., 1923.
186. Фрунзе М.В. Мировая война в итогах и цифрах // Собр. соч. М., 1926. Т. 2. С. 73—78.
187. Фуллер Д.Ф. Танки в великой войне 1914—1918 гг. М., 1923.
188. Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961.
189. Хвостов В.М. Как развивался германский империализм. М., 1943.
190. Хмельков С.А. Борьба за Осовец. М., 1939.
191. Царёв Н.Т. От Шлиффена до Гинденбурга (О провале военной доктрины кайзеровской Германии в 1914—1918 гг.). М., 1956.
192. Черчилль У. Мировой кризис. М. ; Л., 1932.
193. Чишвиц Э. Захват балтийских островов Германией в 1917 г. М., 1937.
194. Шапошников Б.М. Мозг армии : в 3 т. М. ; Л., 1917—1929.
195. Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26—29 августа 1914 г. М., 1938.
196. Шаццлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968.
197. Шаццлло К.Ф. Россия перед первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг.). М., 1974.
198. Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914—1915 гг. М., 1922.
199. Шеер Р. Германский флот в мировую войну. Воспоминания. М. ; Л., 1940.
200. Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М. ; Пг., 1923.
201. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914—1918 гг.). М., 1956.
202. Эймансбергер Л.Р. Танковая война. М., 1937.
203. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг. М., 1938.
204. Эрр. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. М., 1936.
205. Эрфурт В. Победа с полным уничтожением противника. М., 1941.
206. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. М., 1974.

Об авторе

Александр Владимирович Золов — канд. ист. наук, проф. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).

О некоторых тенденциях в развитии

историко-демографических исследований «сталинской эпохи»

Охарактеризовано состояние историко-демографического направления в отечественной историографии, связанной с изучением «переломного» периода в истории населения России — 1930-х — начала 1950-х гг. Прослежен процесс эволюции предмета исследования, рассмотрены результаты изучения проблематики советскими и современными учеными. Дана оценка текущему состоянию демографической истории российского общества 1930—1950-х гг.

Ключевые слова: историко-демографические исследования, СССР, «сталинская эпоха».

На протяжении большей части советского периода развитие социальной истории, исторической социологии и демографии сдерживалось идеологическими и цензурными преградами, господством единой методологии и отсутствием систематических контактов с зарубежными научными школами. Степень самостоятельности авторов, как и доступность источников, во многом зависели от изучаемой эпохи: холопство XVII в., крепостное крестьянство или свободные сельские сообщества пореформенной поры изучались всесторонне с использованием обширного документального материала. Историки, избравшие сферой своего интереса общество эпохи социализма, находились в менее выгодных условиях — уровень идеологического контроля (как и самоцензуры) был значительно выше, а основной массив статистических данных — недоступен для использования.

Интенсивность историко-демографических исследований в СССР до конца 1950-х гг. была крайне низкой: видный советский историк В.К. Яцунский признавал, что «история населения является забытым участком в нашей исторической науке» [62, с. 192]. Явно недостаточное внимание уделялось проблемам развития народонаселения СССР и РСФСР после 1917 г. Даже в начале 1980-х гг. Д.К. Шелестов констатировал факт абсолютного преобладания научных работ по дореволюционной проблематике, почти полное отсутствие работ по истории народонаселения СССР в эпоху строительства социализма, редкие контакты между историками и демографами [60, с. 14—15]. Анализ зарубежного историко-демографического наследия в советской историографии связывался с критическим анализом «классовой направленности» западных теорий и опубликованных работ, с разоблачением «буржуазных теорий общественного развития» и в целом капитализма как системы, неспособной решить проблемы народонаселения [61, с. 62, 73].

Однако, несмотря на объективные трудности реализации своей миссии, историко-демографическое направление в рамках советской науки было представлено плеядой серьезных ученых, среди которых — Б.Ц. Урланис, А.Я. Кваша, В.И. Козлов, Н.И. Платунов, Д.К. Шелестов и другие. В центре внимания советских исследователей находились проблемы миграции населения в период

форсированной индустриализации и в послевоенные годы [3; 14; 26; 38; 40], переселенческая политика как инструмент стимулирования и контроля миграционных процессов [40; 51], динамика и факторы роста численности городского и сельского населения [12; 42; 43; 57; 58], воздействие экономической модернизации на колхозно-совхозную деревню [56].

Своеобразным рубежом в послевоенной истории изучения народонаселения в СССР стала Всесоюзная перепись 1959 г. Проведению переписи предшествовало широкое обсуждение методических вопросов, публиковались сборники статей зарубежных демографов. Подготовка переписи и обстоятельная публикация ее результатов способствовали активизации научного поиска в большинстве отраслей общественной науки. Советская историческая наука не стала исключением, однако подлинный «бум послесталинского оживления» [8, с. 44] произошел в демографии, которая фактически возродилась после тяжелейших испытаний 1930—1940-х гг. [59, с. 120—175].

В 1970-х гг. были опубликованы статьи и монография А. Г. Вишневого, в которых автор особое внимание уделил демографическому переходу (революции) как магистральной линии развития населения СССР (и человечества в целом) [17—19]. В 1977 г. под его редакцией издан сборник «Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР», авторский коллектив которого сформулировал ряд вопросов, сохраняющих актуальность и в современных условиях, обратился к сюжетам о влиянии войн XX в. на брачность и продолжительность жизни, о динамике численности населения и снижения смертности в СССР, а также о предпосылках «демографической революции» [9]. Особо стоит отметить опубликованные в сборнике статьи Б. Н. Миронова, М. С. Тольца и А. Г. Вишневого, посвященные анализу демографических процессов в пореформенной и предреволюционной России: исследователи отмечали, что демографическое поведение крестьянского населения и городских низов оставалось глубоко традиционным, признаки перехода к современной модели воспроизводства лишь зарождались (в репродуктивной сфере), начало интенсивной фазы демографического перехода приходилось, таким образом, на годы социалистической реконструкции российского общества.

К сожалению, внимание ученых советского периода было сосредоточено преимущественно на первом послереволюционном десятилетии и проблемах развития советского общества в 1960—1980-х гг., тогда как демографические процессы 1930-х гг., военного времени и второй половины 1940-х — 1950-х гг. находились на периферии научного интереса.

В середине — второй половине 1980-х гг. наблюдалось расширение проблематики исследований за счет таких новых или малоизученных ранее тем, как голод 1946—1947 гг., достоверность и репрезентативность данных всесоюзных переписей населения, демографические последствия Великой Отечественной войны и политических репрессий [21; 26; 29; 41; 50]. Важным событием стало издание 4-го тома «Истории крестьянства СССР», где впервые в обобщенном виде был представлен обширный фактический материал, характеризовавший численность, половозрастной состав и социальный облик сельского населения РСФСР второй половины 1940-х — 1950-х гг. [38]. В том же 1988 г. коллективом авторов Института социологии АН СССР была подготовлена и опубликована другая комплексная работа — «Население СССР за 70 лет», обобщившая

наработки советских исследователей [49]. При всех несомненных достоинствах обобщающих трудов они имели один существенный недостаток: достаточно бедную источниковую базу, что прекрасно осознавали члены авторских коллективов, отмечавшие фрагментарность статистических данных. В заключении к монографии «Население СССР за 70 лет» академик Л. Л. Рыбаковский подчеркивал, что издание «готовилось в период ограниченного доступа к статистическим данным о населении», и выражал надежду на то, что «те, кому доведется писать книгу о населении СССР через 5—10 лет, будут располагать принципиально иными информационными возможностями и станут очевидцами результатов начавшегося улучшения демографического развития СССР» [49, с. 120, 214]. Тем не менее, опираясь на опубликованные (официальные) статистические данные, исследователи сумели определить основные тенденции развития народонаселения СССР в предвоенные десятилетия и послевоенные годы: значительное увеличение смертности в первой половине — середине 1930-х гг., интенсивное снижение рождаемости в 1930—1950-е гг. и младенческой смертности в военный и особенно в послевоенный период, эволюцию брачно-семейных структур и отношений.

Бурные социально-политические процессы первой половины 1990-х гг., демократизация общественной жизни и государственного управления, массовое рассекречивание архивных фондов (ЦСУ и Госплана СССР, НКВД и МВД, СНК и Совмина), расширение контактов с зарубежными учеными способствовали превращению демографического прошлого России в один из приоритетных объектов научного поиска.

Знаковым явлением в развитии научных представлений о народонаселении СССР и России стала публикация ряда обобщающих работ, основанных на солидной источниковой базе. В 1990-е гг. вышли в свет две монографии, подготовленные авторским коллективом в составе Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской. На страницах этих книг были представлены не только извлеченные из засекреченных ранее фондов статистические показатели, рассчитанные на их основе демографические коэффициенты (рождаемости, смертности и т.д.), но и критический анализ официальной демографической статистики 1930—1970-х гг., опубликованных результатов всесоюзных переписей населения [1; 2].

Обстоятельный анализ демографической составляющей российской модернизации Новейшего времени дан коллективом сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством А. Г. Вишневого в монографии «Демографическая модернизация России. 1900—2000» [23]. Монография подводит итог многолетних исследований, содержит массу фактического материала, в том числе и статистических данных, архивные источники которых оказались, по различным причинам, для нас недоступны. Важными достоинствами работы являются ее аналитический характер, информационная насыщенность, компаративистский подход к рассматриваемым сюжетам, целостный взгляд на противоречивый путь, освоенный населением России в истекшем столетии.

Итогом активной научной деятельности другого авторского коллектива — сотрудников Института российской истории РАН (Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, В. М. Кабузан, Н. А. Араловец, В. Н. Земсков и др.) — стали исторические

очерки «Население России в XX веке». Первый том посвящен социальной и демографической истории 1900—1930-х гг., второй — 1940—1950-х гг. [47; 48].

В процессе подготовки обобщающих коллективных трудов, изданных в 1990—2000-х гг. [1; 2; 23; 45—48], был введен в научный оборот колоссальный объем статистической информации, в самих трудах представлена общенациональная динамика основных демографических процессов, численности населения, определены факторы и направления эволюции советского (российского) социума, дана характеристика демографической политики советского руководства, выявлена специфика трансформации половозрастной, брачной, семейной структур, взаимосвязь «демографической модернизации» и конкретно-исторических явлений.

В постсоветский период предпринимались небезуспешные попытки рассмотрения историко-демографических сюжетов в рамках комплексного анализа советского периода отечественной истории. Впервые опубликованное в 1998 г. и переизданное в 2010 г. исследование А. Г. Вишневого «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР» стало важной вехой на пути к тесному междисциплинарному диалогу в изучении советского «демографического опыта» [20]. Автор попытался проанализировать важнейшие направления эволюции российского социума, присущих ему социальных и демографических структур, матримониального и репродуктивного поведения населения. Вывод А. Г. Вишневого в целом оптимистичен: несмотря на «консервативный» (и как следствие — ограниченный) сценарий модернизации, реализованный в советское время, разрыв с ведущими странами Запада был заметно сокращен, что сформировало предпосылки для успешной конкуренции с ними в будущем. Демографическая модернизация «по-советски», в значительной степени ограничивавшая свободный индивидуальный выбор человека, вместе с тем изменила условия воспроизводства населения, частной жизни людей, способствовала «заполнению социальной «середины», создала условия для формирования полноценного «среднего класса».

За два с половиной десятилетия постсоветских десятилетия изданы многочисленные статьи и монографии, затрагивающие отдельные аспекты истории населения СССР, такие, в частности, как: взаимовлияние социальных миров города и деревни, демографические последствия Великой Отечественной войны, ускоренной модернизации и массовых репрессий периода сталинской диктатуры [5; 6; 10; 11; 55], социально-правовое положение колхозного крестьянства и аграрная политика советского руководства [7; 15; 32; 33; 52; 53], эволюция сельской и городской семьи [4; 5; 39], организованная и стихийная миграция сельского населения в первые послевоенные годы [16; 22], сложные взаимоотношения индивида, коллектива и государственной власти в рамках советской социально-правовой системы [24; 44; 34; 37; 54]. Объектом серьезного научного изучения стали массовые общественные настроения, ментальность советского человека [28; 33; 35; 36], которые рассматриваются как один из определяющих факторов его демографического поведения, голод 1946—1947 гг. и его влияние на смертность, рождаемость и миграционную активность советского крестьянства [53]. Комплексную характеристику социально-демографического развития сельского населения РСФСР и отдельных регионов республики содержат монография и докторская диссертация О. М. Вербицкой [13; 16]. Не теряют популярности и традиционные историко-демографические темы: численность населения, ди-

намика рождаемости и смертности, в том числе младенческой, трансформация половозрастной структуры и проблема старения населения [4; 6; 25; 27; 30; 31].

В отечественной историографии постсоветского периода заметен некоторый «терминологический дрейф». В 1934 г. для объяснения наметившихся в системе воспроизводства населения перемен А. Ландри был предложен термин «демографическая революция», в 1945 г. американский демограф Ф. Ноутстейн ввел в научную лексику понятие — «демографический переход». Эти термины обозначали одно и то же явление — смену типов воспроизводства населения, переход к новому равновесию рождаемости и смертности: от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. В СССР теория демографического перехода впервые была использована в работах А. Я. Кваши, в дальнейшем широко была представлена в исследованиях А. Г. Вишневого, который и предложил новое понятие, отражающее сущность трансформации российского социума в XX в., — «демографическая модернизация». Содержание демографической модернизации России составляет совокупность изменений ключевых демографических процессов и явлений — рождаемости, смертности, брачности, заболеваемости, разводимости и сопутствующих им прокреативного (репродуктивного), матримониального, семейного поведения людей. Таким образом, понятие «демографическая модернизация» несколько шире содержания понятия «демографический переход» и помимо сугубо демографических включает и ряд социокультурных, экономических, идеологических элементов. На этом пути Россия следовала в том же направлении, что и западный мир, однако интенсивность и конкретная траектория движения определялись социально-культурной спецификой и конкретно-историческими условиями, в том числе сильнейшими социальными катаклизмами XX в., демографическими катастрофами. Трансформация демографических структур, процессов, социальных институтов, как и модернизация в целом, являясь важным содержательным элементом исторического развития, порождает немало противоречий в обществе, затронутом ею, зачастую вызывает непонимание, отторжение, агрессию, служит фактором экономических и политических перемен, ее последствия и издержки нередко используются в политических целях. По мнению А. Г. Вишневого, в активную стадию демографической модернизации Россия вступила еще в начале XX в., однако наиболее важный (и болезненный) ее этап пришелся на 1930—1950-е гг.

Таким образом, в современной российской историографии и демографии проблематика численного и структурного развития российского общества в 1930—1950-х гг. представлена значительным количеством исследований, в которых на основе междисциплинарного подхода в целом реализована задача создания достоверной научной картины эволюции населения РСФСР в послевоенный период. Наиболее активно в современной российской науке разрабатываются проблемы, связанные с воздействием войны и голода 1946—1947 гг. на естественный ход трансформации воспроизводства населения, миграционными перемещениями различного характера, трансформацией брака и семьи. Ряд проблем и сюжетов требует дальнейшей конкретизации, абсолютные и относительные показатели — уточнения, однако на сегодняшний день сформирована внушительная фактическая и методическая база, позволяющая вести дальнейший научный поиск, в том числе на уровне отдельных регионов.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927—1959. М., 1998.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993.
3. Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950—1956 гг. // Вопросы истории. 1981. №12. С. 56—65.
4. Араловец Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 55—62.
5. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927—1959 гг. Тула, 2009.
6. Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. №1. С. 135—146.
7. Безнин М.А., Демони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Там же. 1999. № 3. С. 81—99.
8. Борисов В.А. Демография : учебник для вузов. М., 1999.
9. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
10. Бугай Н.Ф. 20—50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175—185.
11. Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с территории Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 141—148.
12. Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946—1950) // История СССР. 1980. № 5. С. 115—130.
13. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939—1959 гг. М., 2002.
14. Вербицкая О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 13—26.
15. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992.
16. Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939—1959 гг. (демографические процессы и семья) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
17. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.
18. Вишневский А.Г. Демографические процессы в СССР // Вопросы философии. 1973. № 2. С. 115—127.
19. Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 105—135.
20. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
21. Волков И.М. Засуха, голод 1946—1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3—19.
22. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138—147.
23. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.
24. Жидкова Е.М. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950—60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985. М., 2008. С. 266—289.
25. Жиромская В.Б. Война и старение российского населения // Российская история. 2010. № 4. С. 46—55.
26. Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. №3. С. 84—104.
27. Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений // Адаптация народов и культур

- к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 350—357.
28. Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 2. С. 121—135.
29. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД / МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—27.
30. Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 303—318.
31. Земсков В.Н. Остается ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941—1945 гг.? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. С. 115—127.
32. Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.
33. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
34. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45—59.
35. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945—1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Там же. 1998. № 4. С. 99—108.
36. Зубкова Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Там же. 1995. № 3. С. 90—100.
37. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999.
38. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х годов.
39. Казьмина О.Е., Пушкарева Н.Л. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки : сб. ст. М., 2004. С. 185—218.
40. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981.
41. Кваша А.Я. О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 60—66.
42. Кожурин В.С., Погодин С.А. Изменение численности городского населения СССР в 1939—1979 гг. // История СССР. 1980. № 6. С. 133—137.
43. Козлов В.И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) // Там же. 1991. №5. С. 3—17.
44. Лебина Н.Б. Антимир: принципы конструирования аномалий, 1950—1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985. М., 2008. С. 255—265.
45. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.
46. Население России в 1920-е — 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
47. Население России в XX в.: Исторические очерки : в 3 т. М., 1999. Т. 1 : 1920—1939.
48. Население России в XX в.: Исторические очерки : в 3 т. М., 2001. Т. 2 : 1940—1959.
49. Население СССР за 70 лет. М., 1988.
50. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? // История СССР. 1991. № 11. С. 21—25.
51. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
52. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
53. Попов В.П. Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 60—71.

54. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Там же. № 2. С. 20—31.

55. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76—94.

56. Симонович Ч.Э. Советская деревня в 50—80-е гг. (взаимосвязь экономического и политического развития) // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 42—60.

57. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

58. Урланис Б.Ц. Рост населения в СССР. М., 1966.

59. Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983.

60. Шелестов Д.К. История и демография // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 3—15.

61. Шелестов Д.К. О современной буржуазной исторической демографии // Там же. 1982. № 6. С. 61—73.

62. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 189—199.

Об авторах

Дмитрий Владимирович Манкевич — ст. преп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), hist-study@mail.ru

Мария Анатольевна Манкевич — педагог, МАОУ СОШ № 28 (Калининград), ourhistory@mail.ru

Список научных трудов профессора Виктора Владимировича Сергеева¹

1972

1. Пацифистские маневры американской дипломатии на рубеже 1916—1917 гг. // Исследования по Новой и Новейшей истории : сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В. Г. Ревуненкова / под ред. В. К. Фураева. Л. : Изд-во ЛГУ, 1972. С. 44—52.

1973

2. Вудро Вильсон и вступление США в Первую мировую войну : дис. ... канд. ист. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1973.

3. Вудро Вильсон и вступление США в Первую мировую войну : автореф. дис. ... канд. ист. наук. (07.00.03) / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1973. 23 с.

4. Англо-американские отношения периода Первой мировой войны в исторической литературе США // Проблемы отечественной и всеобщей истории : сб. ст. / под ред. В. А. Ежова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. Вып. 2. С. 164—169.

1975

5. Вудро Вильсон в дни войны и мира // Новая и Новейшая история. 1975. № 5. С. 122—134 ; № 6. С. 100—113 (в соавт. с К. Б. Виноградовым).

1976

6. Россия и Панамский канал // Исторические науки : тем. сб. науч. тр. проф.-преп. сост. и асп. выс. учеб. заведений Мин-ва просвещения Казахской ССР. Алма-Ата : Казахский пед. ин-т им. Абая, 1976. Вып. 3. С. 3—11 (в соавт. с В. И. Андреевым).

1980

7. Историография в высшей школе // Новая и Новейшая история. 1980. № 1. С. 217—219 (в соавт. с И. П. Диминным).

1981

8. Основные направления буржуазной историографии англо-американских отношений конца XIX — начала XX вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. Вып. 6 : Советская и зарубежная историография Новой и Новейшей истории. С. 81—89 (в соавт. с Ю. В. Аксеновой).

9. Европейская политика Англии 1848—1849 г. в оценке К. Маркса. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 8600 от 20.10.1981 г.

1983

10. Пальмерстон и революционная Европа в 1848—1849 гг. // Политические деятели Античности, Средних веков и Нового времени. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 96—102.

¹ Составлен И. О. Дементьевым. Составитель выражает благодарность за помощь в проверке сведений Г. С. Аракеляну, С. П. Артееву, Л. П. Веремчук, А. Н. Галямичеву, Ю. Е. Ивоину, Д. И. Коськову, А. С. Котову, А. А. Курганскому, В. Н. Маслову, Е. Н. Рукавишникову.

1984

11. Великобритания и германо-датский конфликт 1863—1864 гг. // Вопросы всеобщей истории и историографии / Томск. гос. ун-т ; под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 1984. С. 238—250 (в соавт. с Я. [Я.] Кюсисом).

1985

12. Англо-пруссские отношения в 50-х и начале 60-х годов XIX в. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 23480 от 25.12.1985 г.

1986

13. Англия и объединение Германии в 1848—1871 гг. / М-во высш. и сред. спец. обр. РСФСР. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 157 с. [1046 экз.]

14. Английская буржуазная историография политики Великобритании в деле объединения Германии в 1848—1871 гг. // Буржуазная историография Западной Европы и США проблем Новой и Новейшей истории (XIX—XX вв.) : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. К. Б. Виноградова ; Сыктывкар. гос. ун-т. Сыктывкар, 1986. С. 80—88.

1988

15. Англия и германский вопрос в 1848—1871 гг. (внешнеполитические аспекты объединения Германии) : дис. ... д-ра ист. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988.

16. Англия и германский вопрос в 1848—1871 гг. (внешнеполитические аспекты объединения Германии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : (07.00.03) / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988. 32 с.

17. Европейская политика Пальмерстона в 50—60-х годах XIX в. // XX науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1988.

1989

18. «Бунт» королевы Виктории // XXI науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1989. С. 47.

19. Германская политика Англии 40—60-х гг. в отечественной историографии // Проблемы историографии всеобщей истории / Калинингр. гос. ун-т, 1989. Деп. ИНИОН №40188 от 22.11.1989 г. С. 58—70.

1990

20. Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и Новейшая история. 1990. №3. С. 154—176 (в соавт. с К. Б. Виноградовым).

21. Английская дипломатия «равновесия сил» в 50—60-х гг. XIX в. // XXII науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1990. С. 59.

1991

22. Историографические аспекты в преподавании университетского курса Новой истории стран Европы и Америки // Изучение и преподавание историографии в высшей школе / Калинингр. ун-т. Калининград, 1991. С. 36—41.

23. Роль эволюции в британской социально-политической истории XIX века // Демократия и тоталитаризм в судьбах европейской цивилизации XIX—XX веков : тез. науч. конф. Уфа : БашГУ, 1991.

24. Кризис британской двухпартийной политической системы в середине XIX в. // Pax Britannica: Актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Великобритании в Новое и Новейшее время. Уфа : БашГУ, 1991. Ч. 2. С. 41—44.

25. Основные подходы в Англии к дипломатии «равновесия сил» в середине XIX в. // XXIII науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1991. С. 30—31.

1992

26. Англо-французские отношения в 50—60-е годы XIX в. // XXIV науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1992. С. 78—79.

27. Дипломатические аспекты образования государства Люксембург // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С. Д. Сказкина : тез. докл. Ростов-н/Д : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1992. С. 89—94.

28. [Рец.] К. Б. Виноградов. Мировая политика 60—80-х годов XIX века. События и люди // Вопросы истории. 1992. №10. С. 203—204.

1993

29. Россия и Восточная Пруссия в 1812—1813 гг. (русско-прусское сотрудничество в борьбе против наполеоновской Франции) // Проблемы истории Восточной Пруссии : матер. конф. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1993. С. 25—29.

1994

30. Эволюция британской двухпартийной системы // Проблемы всеобщей истории : сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1994. Деп. №48916 от 9.02.1994 г. С. 41—46.

1995

31. Позиция Пальмерстона в вопросе о реформе избирательного права // Викторианская Британия: события, люди, явления, процессы : тез. науч. конф. Уфа : БашГУ, 1995. С. 48—50.

32. Польский вопрос в английской дипломатии 30—60-х гг. XIX века // XXVI науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1995. Ч. 1. С. 72.

33. Принц-консорт Альберт и германский вопрос в 1848—1861 гг. // Проблемы всеобщей истории : сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1995. Деп. №50031 от 31.01.1995 г. С. 48—55.

1996

34. Восточная Пруссия: с древнейших времен до конца второй мировой войны : ист. очерки, документы, материалы / Ком. по делам архивов адм. Калинингр. обл. ; Обл. гос. арх. ; Калинингр. гос. ун-т. Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1996. 538 с. Гл. 8 : Восточный пост немецкой монархии XIX — начало XX в. С. 328—370 (в соавт. с К. К. Лавриновичем) ; гл. 9 : От Первой мировой войны до прихода к власти фашистов. С. 371—395 (в соавт. с Г. В. Кретиными).

35. «Странный либерализм» лорда Пальмерстона // Национализм, консерватизм и либерализм в Новой и Новейшей истории Запада : межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1996. С. 8—13.

36. Лорд Пальмерстон: на вершине политического Олимпа // Викторианцы: Столпы британской политики XIX века / под ред. И. М. Узародова ; Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д : Экспертное бюро, 1996. С. 41—59 (в соавт. с К. Б. Виноградовым).

37. «Предельная точка» лорда Рассела // Там же. С. 60—77 (в соавт. с А. Д. Кукатовым).

38. Лорд Джон Рассел — лидер британских вигов // Петербургские Кареевские чтения по новистике (17—21 апреля 1995 г.; Санкт-Петербург). Краткое содержание докладов / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 57—60.

39. Британская дипломатия в период польского восстания 1863—1864 гг. // XXVII науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1996. Ч. 5. С. 5—6.

1997

40. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII — начале XX в. : учеб. пособие. Калининград, 1997. 106 с. (в соавт. с Ю.В. Костяшовым, А.А. Кузнецовым, А.Д. Чумаковым).

41. Еще один взгляд на проблему периодизации Новой и Новейшей истории // Новая и Новейшая история. 1997. №2. С. 173—175 (в соавт. с А.Д. Чумаковым).

42. Обсуждение журнала «Новая и Новейшая история» в Калининградском университете: информация // Новая и Новейшая история. 1997. №5. С. 252—253 (в соавт. с М.В. Тихоновой).

1998

43. О некоторых аспектах русско-прусского сотрудничества в Восточной Пруссии во время борьбы против наполеоновской Франции // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Янтар. сказ, 1998. Вып. 1. С. 163—171 (в соавт. с В.Н. Масловым).

44. [Науч. инф.] О межвузовской научной конференции [Проблемы истории либерализма, консерватизма, национализма. Калининград, 20—21 ноября 1995 г.] // Там же. С. 193.

45. Идея европейского конгресса и позиция Англии в 1863 г. // XXIX науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1998. С. 15—16.

1999

46. Стратегические и тактические основы внешней политики Франции в 60-е гг. XIX в. // XXX науч. конф. проф.-преп. сост., науч. сотр., асп. и студ. : тез. докл. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. С. 16.

2000

47. Депутаты от Восточной Пруссии в общегерманском Национальном собрании 1848—1849 гг. // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Янтар. сказ, 2000. Вып. 2. С. 73—79.

2001

48. [Рец.] «Национальные отношения в Новое и Новейшее время: теория и практика» // Калининградские архивы : материалы и исследования. Вып. 3. Калининград : Изд-во КГУ, 2001. С. 350—352.

2002

49. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград: Янтар. сказ, 2002. 533 с. (Коллективная монография.) Гл. 10 : Из королевства — в империю. Разд.: После наполеоновских войн. С. 304—310 ; Народное образование и культура Восточной Пруссии. С. 323—327 ; Общественно-политическая жизнь и отношения с соседом. С. 327—338 (в соавт. с В.Н. Масловым) ; гл. 12 : Между мировыми войнами. Разд.: Восточная Пруссия в Веймарской республике. С. 369—375.

50. «Равновесие сил» и «концерт держав» в европейской международной жизни середины XIX в. // Проблемы истории международных отношений в Новое время. Смоленск : Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2002. С. 196—201.

51. Лорд Пальмерстон на вершине политического Олимпа // Монархи, министры дипломаты XIX — начала XX века. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 52—69 (в соавт. с К.Б. Виноградовым).

52. Вудро Вильсон в дни мира и войны // Там же. С. 292—333 (в соавт. с К.Б. Виноградовым).

2003

53. «Концерт» великих держав и равновесие сил в английской дипломатии 50—60-х годов XIX в. // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. 6—9 декабря 1999 г. Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV—XXI вв.) : краткое содержание докл. / под ред. Б.Н. Комиссарова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 568—571.

54. Мне вспомнилось это (субъективная хроника памяти о Г.П. Жидкове) // Печаль, как расстояние, растет... : матер. междунар. науч. чтений памяти проф. Г.П. Жидкова. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. С. 70—77.

55. [Рец.] «Россияне в Восточной Пруссии» // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. Вып. 4. С. 208—211.

56. Балтийский вопрос в европейских международных отношениях XVIII—XIX вв. // Балтийский регион в международных отношениях XVIII—XX вв. : тез. междунар. конф. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. С. 3—5.

2004

57. Регион Балтийского моря в международных отношениях XVIII — начала XX в.: регион конфронтации или сотрудничества? // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 10—11 октября 2003 г. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. С. 9—17.

58. Министерство иностранных дел Российской империи в XIX — начале XX в. // Проблемы государственно-политического развития в истории стран Европы : сб. науч. ст. Смоленск : Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2004. С. 100—107 (в соавт. с А.А. Кузнецовым).

59. [Науч. инф.] Балтийский регион в международных отношениях XVIII—XX веков // Новая и Новейшая история. 2004. № 2. С. 218—219 (в соавт. с Ю.В. Костяшовым).

60. [Науч. инф.] Балтийский регион в международных отношениях XVIII—XIX вв. // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. Вып. 6. С. 224—228.

2005

61. Британская дипломатия в период франко-германской войны 1870—1871 гг. // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология / отв. ред. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М. : РКонсульт, 2005. С. 110—121.

2006

62. Внешнеполитические взгляды Герберта Асквита // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология / отв. ред. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М. : РКонсульт, 2006. Вып. 2. С. 146—153.

63. Исследование истории Калининградской области в 90-е годы XX — начале XXI века // Калининградской области — 60: этапы истории, проблемы развития : сб. ст. Калининград : Янтарная летопись, 2006. С. 24—36.

64. Представления американцев о России и русских во второй трети XIX века // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре : матер. междунар. науч. конф. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 181—192.

2007

65. Внешнеполитическая история Запада от Тридцатилетней до Франко-прусской войны (1618—1871) : учеб. пособие / Рос. гос. ун-т им. И. Канта. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. 184 с.

66. Либеральный реформизм Г.Г. Асквита // Политическое лидерство в истории Нового и Новейшего времени. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 58—68.

67. «Ноябрьский скандал» 1908 г. в Германии // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология / отв. ред. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. Вып. 3. М. : РКонсульт, 2007. С. 125—130 (в соавт. с И.П. Максимовым).

68. [Рец.] Балтийский регион в истории России и Европы // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. Вып. 7. С. 261—265.

2008

69. Проблемы британской истории в трудах К.Б. Виноградова и его учеников // Историк и общество. Отечественное англоведение 1917—1991 гг. / отв. ред. М.П. Айзенштат. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2008. С. 81—93.

70. Кирилл Борисович Виноградов (1921—2003) // Новая и Новейшая история. 2008. №5. С. 182—190.

71. К вопросу о периодизации истории международных отношений в Новое время // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора) : матер. междунар. науч. конф. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 16—20.

72. Вице-адмирал В.М. Головин о проблемах российского военно-морского флота в годы царствования Александра I // Флагман : военно-науч. сб. Калининград : БВМИ им. Ф.Ф. Ушакова, 2008. Вып. 13. С. 35—39.

73. [Науч. инф.] Тридцать лет кафедре зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 12. С. 97—98.

2009

74. Проблема трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных публикациях и научных исследованиях // Antrojo pasaulinio karo pabaiga gyty Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos (= Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 18). Klaipėda : Klaipėdos universiteto, 2009. S. 71—86 (в соавт. с В.И. Гальцовым).

75. Калининградский эксклав в контексте немецко-русских связей в 1991—2006 гг. // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология : сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М. : РКонсульт, 2009. Вып. 4. С. 80—86.

76. Военно-морское присутствие России в Средиземном море во второй половине XIX — начале XX в. // Роль флота во внешней политике России в Средиземноморском регионе. История и современность : матер. регион. научно-ист. конф. 22 апреля 2009 г. Калининград : Изд-во БВМИ им. Ф.Ф. Ушакова, 2009. С. 34—37.

77. [Рец.] Encounters under the Southern cross: two centuries of Russian-Australian relations. 1807—2007 = Встречи под Южным крестом: два века русско-австралийских отношений. 1807—2007 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 169—172.

78. [Науч. инф.] «Между Вислой и Неманом»: российско-польский научный семинар в Калининграде // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 12. С. 107—108.

2010

79. Виноградов Кирилл Борисович (1921—2003) // Портреты историков. Время и судьбы / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М. : Наука, 2010. Т. 5 : Средние века. Новая и Новейшая история. С. 207—219.

2011

80. «Новая история в биографиях»: опыт преподавания спецкурса на историческом факультете РГУ им. И. Канта // Личность в истории Нового и Новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова) : матер. междунар. науч. конф. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. С. 401—405.

81. Международные отношения от франко-прусской до Первой мировой войны (1871—1914) : учеб. пособие. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. 115 с.

82. Тильзитский мир в восприятии современников и оценке российских историков // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 93—99.

83. Большой энциклопедический словарь Калининградской области / ред. В.Н. Маслов. Калининград : Аксиос, 2011 (в соавт.). 99 статей, в том числе осн.: Автомотоспорт. С. 6—7; Бокс. С. 45—46; Гандбол. С. 71—72; Гребля академическая. С. 86—87; Парусный спорт. С. 284—285; Регбол. С. 321—322 и др.

84. [Рец.] Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 372 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 6. С. 168—171.

2012

85. Роль торгово-экономических факторов в англо-русских отношениях второй половины XIX — начала XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 35—39.

86. Дипломатия Англии и России во время датско-прусской войны 1848—1850 гг. // Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени: сб. науч. ст. / отв. сост. Н. Катцер, Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М.: ТрансЛит, 2012. С. 111—119.

87. Калининградские историки о положении в Восточной Пруссии накануне и в ходе вторжения наполеоновской армии в Россию // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. тр. междунар. науч. конф. СПб.: Скифия-Принт, 2012. С. 97—100.

88. Проблемы историографии Новой истории в трудах профессора К.Б. Виноградова // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: матер. науч. конф. / отв. ред. Н.П. Евдокимова. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. С. 66—70.

2013

89. Невшательский дипломатический кризис 1856—1857 годов и позиция Англии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 119—124.

90. Дискуссионные проблемы Первой мировой войны: историографический аспект // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы : сб. ст. / Калинингр. обл. ист.-худ. музей ; БФУ им. И. Канта. Калининград : Живем, 2013. С. 200—207.

91. (Sergeev V.) Die Ostpreußenpolitik Friedrichs II in den Arbeiten Kaliningrader Historiker // Friedrich II und das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen / Hrsg. O. Kurilo. Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013. S. 227—236.

92. Роль Балтийского флота в Первой мировой войне: историографические аспекты // Флагман : военно-науч. сб. Калининград : Изд-во БВМИ, 2013. Вып. 21. С. 65—67.
93. Обращение первых редакторов сборника // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. Вып. 10. С. 3—4 (в соавт. с Г.В. Кретиным).
94. [Рец.] Границы и их преодоление в немецко-польско-российском пространстве; Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. Вып. 10. С. 306—313.

2014

95. История Калининградской области в современной российской региональной историографии // Rocznik Elbląski. Elbląg : РТН, 2014. Т. 25. S. 165—176.
96. Лондонские адреса С.М. Степняка-Кравчинского на «карте бедности» Чарльза Бута // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. Сер. : История. № 2 (14). С. 52—57 (в соавт. с И.А. Воробьевым).
97. [Рец.:] Мемориал Кристионаса Донелайтиса в пос. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Тольминкемес): история создания // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 11. С. 144—147.

2015

98. Калининградские историки о восточнопрусской политике Фридриха II // Актуальные проблемы современной гуманитаристики : сб. науч. ст. / под ред. М.Г. Шендерюк. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. С. 142—148.
99. Эволюция отношения британских властей и общества к русским эмигрантам в последней трети XIX века // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2(30). С. 258—265 (в соавт. с И.А. Воробьевым).
100. Современное состояние региональной историографии истории Восточной Пруссии // Калининградские архивы : материалы и исследования. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 49—56.
101. [Рец.:] Российская консульская служба в Австралии. 1857—1917 гг. : сб. документов / сост. и авт. вводных стат. и коммент. А.Я. Массов, М. Поллард. М. : Международные отношения, 2014. 352 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 6. С. 159—161.
102. Война монархов или война народов: современные дискуссии российских историков о причинах Первой мировой войны // Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 5—12.

Содержание

К юбилею Виктора Владимировича Сергеева.....3

Раздел I. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII — XXI ВЕКАХ

<i>Айзенштат М. П.</i> (Москва). Новации в парламентской практике Британии XVIII столетия.....	7
<i>Медведев И. Г.</i> (Калининград). Джон Картерет и внешняя политика Великобритании в 1742—1744 годах.....	14
<i>Хоукинс А.</i> (Оксфорд, Великобритания). Лорд Дерби (1799—1869): политический портрет.....	20
<i>Аракелян Г. С.</i> (Калининград). «Мастерское бездействие» Эдварда Дерби: фактор Генри Пальмерстона.....	32
<i>Давиденко А. А.</i> (Калининград). Образ джентльмена в английской художественной литературе XIX века: опыт исторической типологии.....	36
<i>Узнародов И. М.</i> (Ростов-на-Дону). Редьярд Киплинг: политические взгляды и ирландский вопрос.....	43
<i>Голубинов Я. А.</i> (Самара). Церковно-приходские информационные листки как важный источник по истории повседневной жизни Великобритании в 1914—1918 годах.....	53
<i>Громыко Ал. А.</i> (Москва). Великобритания: новая политическая ситуация.....	63
<i>Тишакова Е. Н.</i> (Калининград). Известная незнакомка: к 90-летию Елизаветы II.....	68

Раздел II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Гальцов В. И.</i> (Калининград). Документальная основа московских официальных церемониалов в XVII веке.....	75
<i>Массов А. Я.</i> (Санкт-Петербург). Документальные материалы по истории Австралии XIX — начала XX века в архивах и библиотеках Петербурга.....	82
<i>Максимов И. П.</i> (Калининград). Бернгард фон Бюлов и консервативный реформизм в Германии начала XX века.....	92
<i>Шустов К. Б.</i> (Калининград). Власти в борьбе с крестьянским движением в 1905 году.....	101
<i>Чене К.-К.</i> (Франкфурт-на-Одере, Германия). Визуально-образные ассоциации в пропаганде Третьего рейха.....	109
<i>Чалый В. А.</i> (Калининград). Коммунитаристская критика эгалитарного либерализма: анализ и перспективы.....	121
<i>Курбанов С. О.</i> (Санкт-Петербург). Категория почтительности к родителям хё как универсальный ключ к пониманию ряда проблем и особенностей современной Кореи (РК и КНДР) как восточного государства.....	130

Раздел III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Ласкова Н. В. (Ростов-на-Дону). Шотландские торговцы в Речи Посполитой раннего Нового времени.....	139
Ивонина Л. И. (Смоленск). Станислав Лещинский в борьбе за польский трон в 30-е годы XVIII века.....	145
Самсонова Е. Н. (Калининград). Алексей Фёдорович Орлов и русско-английские отношения в царствование Николая I.....	153
Воробьёв И. А. (Калининград). Жилищные и материальные условия лондонской жизни П. А. Кропоткина.....	161
Волкова А. Б. (Калининград). Оккупация Египта: за и против (по материалам дебатов в британском парламенте в 1882 году).....	168
Литвиненко И. В. (Калининград). Соглашения 1908 года по сохранению <i>status quo</i> в Балтийском и Северном морях и позиция Великобритании.....	172
Чумаков А. Д. (Калининград). Джавахарлал Неру о колониальной политике Англии в Индии.....	177
Рукавишников Е. Н. (Калининград). Внешнеполитическая и военно-морская деятельность Российской империи в Средиземноморском регионе с последней трети XVIII до начала XX века.....	181
Осинов Е. А. (Москва). Установление дипломатических отношений между Францией и Китайской Народной Республикой в 1964 году. По материалам архива МИД Франции.....	186

Раздел IV. ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Костяшов Ю. В. (Калининград). Первая мировая война в Восточной Пруссии на немецких почтовых открытках.....	195
Маслов В. Н. (Калининград). Политические и организационные основы деятельности представительного органа Калининграда в период от создания горсовета до первых лет Перестройки.....	206
Кретинин Г. В. (Калининград). Домнау / Домново как «место памяти».....	217
Дементьев И. О. (Калининград). Исчезнувшая Альбертина? Судьба Кёнигсбергского университета в контексте коммеморативных практик второй половины XX — начала XXI века.....	224

Раздел V. ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Бобкова М. С. (Москва) Кризисный тип историзма: генезис исторической дисциплины.....	245
Савельева И. М. (Москва). Городское прошлое в практиках публичной истории.....	255
Ивонин Ю. Е. (Смоленск). Современная германская историография о концепции конфессионализации. Возможно ли применить эту концепцию к характеристике религиозно-политической жизни России XVI — XVIII веков?.....	264

Солдатов А. А. (Калининград). Англия и объединение Германии в оценках польских историков.....	277
Никулин В. Н. (Калининград). Новейшая историография крестьянских промыслов в пореформенной России.....	286
Ярцев А. А. (Калининград). Российское земство в современной отечественной историографии.....	296
Золов А. В. (Калининград). Незабывтая война: к вопросу об освещении истории Первой мировой войны в СССР.....	303
Манкевич Д. В., Манкевич М. А. (Калининград). О некоторых тенденциях в развитии историко-демографических исследований «сталинской эпохи».....	317
Список научных трудов профессора В. В. Сергеева.....	325

Научное издание

HONORIS CAUSA

**Сборник научных статей, посвященный 70-летию
профессора Виктора Владимировича Сергеева**

Ответственный редактор *Илья Олегович Дементьев*

Редакторы *Е. Т. Иванова, Н. Н. Мартынюк*

Корректор *Н. Н. Генина*

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Дизайн обложки *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 20.03.2016. Формат 70 × 100^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 27,3

Тираж 200 экз. Заказ № 432

Издательство «Нестор-История»

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии

издательства «Нестор-История»

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Тел. (812)622-01-23